За комсомуеве

8 ин

Ч. Дарвинъ.

ИЗМѢНЕНІЕ ЖИВОТНЫХЪ
И
РАСТЕНІЙ
ВЪ ДОМАШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

Перев. **М. Филиппова** и **П. Ю. Шмидта**,

съ послѣдняго, исправленнаго англійскаго изданія.

Съ рисунками подлинника, гравированными на деревѣ А. Беме.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.
1896.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящій переводъ сдѣланъ мною совмѣстно съ П. Ю. Шмидтомъ. Въ этомъ изданіи опущены примѣчанія, представляющія интересъ только для спеціалистовъ; желая, однако, дать безусловно полные переводы сочиненій Дарвина, я издамъ всѣ опущенныя мѣста въ видѣ прибавленія, которое выйдетъ особою брошюрой.

Продолженіемъ настоящаго труда служитъ книга, которая появится на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Наслѣдственность, измѣнчивость и пангенезисъ". Замѣчу, что въ названной книгѣ, какъ и въ предлагаемой теперь вниманію читателей, многое добавлено и передѣлано Дарвиномъ по сравненію съ первымъ изданіемъ, появившимся много лѣтъ тому назадъ въ русскомъ переводѣ: *укажу въ настоящей книгѣ хотя бы на главу, касающуюся вопроса о телегоніи.* Замѣчу по этому поводу, что многіе изъ „дарвинистовъ" до сихъ поръ не читали этой главы, что они ясно обнаружили своимъ отношеніемъ къ спору между Вейсманномъ и Спенсеромъ. Странно, почему самъ Вейсманнъ также не обратилъ достаточнаго вниманія на факты, собранные Дарвиномъ (см. Гл. XI) частью изъ безусловно надежныхъ источниковъ.

ГЛАВА I.

Домашнія собаки и кошки.

Первый и наиболѣе интересный вопросъ этой главы состоитъ въ томъ, произошли-ли многочисленныя, ставшія домашними, разновидности собаки отъ одного единственнаго дикаго вида или отъ многихъ? Нѣкоторые авторы полагаютъ, что всѣ онѣ произошли отъ волка или отъ шакала, или же отъ нѣкотораго неизвѣстнаго вымершаго вида. Другіе, наоборотъ, утверждаютъ—и въ послѣднее время это стало любимымъ положеніемъ—что собаки произошли отъ разныхъ видовъ, вымершихъ и новѣйшихъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ между собою. Мы, вѣроятно, никогда не будемъ въ состояніи узнать это съ достовѣрностью. Палеонтологія проливаетъ не много свѣта на разсматриваемый вопросъ: съ одной стороны, потому, что между черепами вымершихъ и живущихъ волковъ и шакаловъ существуетъ тѣсное сходство; съ другой—потому, что черепа разныхъ породъ домашнихъ собакъ чрезвычайно несходны между собою. Кажется, однако, что въ позднѣйшихъ третичныхъ отложеніяхъ были найдены остатки, болѣе сходные съ остатками крупной собаки, нежели волка, а это благопріятствуетъ убѣжденію Де Блэнвиля, что наши собаки — потомки одного единственнаго вымершаго вида. Съ другой стороны, нѣкоторые авторы заходятъ такъ далеко, что приписываютъ каждой главной домашней породѣ свой особый дикій первичный типъ. Этотъ послѣдній взглядъ крайне неправдоподобенъ: онъ не предоставляетъ никакой роли для измѣнчивости онъ минуетъ почти уродливый характеръ нѣкоторыхъ породъ и почти необходимо допускаетъ, что значительное число видовъ вымерло, съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ приручилъ собаку, тогда какъ мы ясно видимъ, что дикіе представители собачьяго семейства безъ особаго труда истребляются дѣятельностью человѣка. Въ сравнительно недавнее время — въ 1710 году — волки существовали еще на такомъ небольшомъ островѣ, каковъ Ирландія.

Причины, побудившія различныхъ авторовъ заключить, что наши собаки произошли отъ болѣе чѣмъ одного дикаго вида, сво-

дятся къ слѣдующему. Во-первыхъ, между разными породами существуетъ большое различіе; но этотъ доводъ окажется имѣющимъ мало значенія, послѣ того какъ мы увидимъ, насколько велики различія между разными породами тѣхъ или иныхъ, ставшихъ домашними животныхъ, несомнѣнно происшедшихъ отъ одной единственной прародительской формы. Во-вторыхъ, указываютъ на болѣе важный фактъ, а именно, что въ древнѣйшія извѣстныя намъ историческія эпохи существовали разныя породы собакъ, чрезвычайно несходныя между собою и близко сходныя или тожественныя съ породами, все еще живущими.

Мы сдѣлаемъ краткій обзоръ историческихъ лѣтописей. Матеріалы замѣчательно скудны между XIV столѣтіемъ и римскимъ классическимъ періодомъ. Въ римскую эпоху существовали разныя породы, а именно: охотничьи, дворовыя, комнатныя собаки и т. д.; но, по замѣчанію д-ра Вальтера, большую часть породъ невозможно узнать съ какою-либо степенью достовѣрности. Юаттъ, однако, приводитъ рисунокъ превосходнаго скульптурнаго изображенія двухъ борзыхъ щенковъ изъ виллы Антонина. На одномъ ассирійскомъ памятникѣ, около 640 до Р. Х., изображена колоссальная собака изъ породы меделянокъ (классическое названіе ихъ молосскія собаки, по-англійски—mastiff, нѣм. Bullenbeisser; въ Россіи часто употребляютъ названіе — меделянка или меделянскій догъ). По Раулинсону, какъ мнѣ сообщили въ Британскомъ музеѣ, подобныя собаки и теперь еще ввозятся въ ту же страну. Я просмотрѣлъ великолѣпные труды Лепсіуса и Розеллини: на египетскихъ памятникахъ отъ IV до XII династій, т. е. съ 3400 до 2100 г. до Р. Х., изображены разныя породы собакъ; большею частью онѣ родственны борзымъ, а въ послѣдній изъ этихъ періодовъ изображена собака вродѣ гончей, съ висячими ушами, но съ болѣе длинной спиной и болѣе заостренной головой, чѣмъ у нашихъ гончихъ. Тутъ же есть также собака изъ породы вродѣ таксы, вертящей вертелы (по англійски—turnspit), съ короткими, искривленными ногами, близко похожая на существующую теперь породу: но это уродство такъ часто встрѣчается у разныхъ животныхъ, напр. у анконскихъ овецъ и, по Ренгеру, даже у ягуаровъ въ Парагваѣ, что было бы опрометчиво признать изображенное на памятникѣ животное родоначальникомъ всѣхъ нашихъ таксъ. Полковникъ Сайксъ также описалъ одну собаку индійскихъ паріевъ, представляющую тотъ же уродливый признакъ.

Древнѣйшая собака, изображенная на египетскихъ памятникахъ, одна изъ самыхъ своеобразныхъ: она похожа на борзую, но уши у нея длинныя, остроконечныя, а хвостъ короткій, закрученный; близко родственная разновидность все еще существуетъ въ Сѣверной Африкѣ, такъ какъ, по Вернонъ-Гаркорту, арабская кабанья собака представляетъ «странное іероглифическое животное, съ какимъ нѣкогда охотился Хеопсъ, нѣсколько похожее на грубую

шотландскую оленью собаку; хвостъ у нея закрученъ тѣсно надъ спиной, а уши торчатъ подъ прямыми углами». Одновременно съ этой древнейшей породой существовала также одна собака вродѣ собаки паріевъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ эпоху, отдаленную отъ насъ на 4—5000 лѣтъ, существовали разныя породы, а именно собаки паріевъ, борзыя, обыкновенныя гончія, крупные молосскіе доги (меделянки), дворовыя собаки, комнатныя собаки и собаки вродѣ таксъ; всѣ онѣ болѣе или менѣе близко походили на наши нынѣшнія породы. Однако, нѣтъ достаточныхъ доказательствъ, чтобы какія-либо изъ этихъ древнихъ собакъ принадлежали къ тожественно одинаковымъ подпородамъ съ нашими нынѣшними собаками. До тѣхъ поръ, пока вѣрили, что человѣкъ существуетъ на земномъ шарѣ всего какихъ-нибудь 6000 лѣтъ, этотъ фактъ значительнаго разнообразія породъ въ такую отдаленную эпоху былъ очень вѣскимъ доводомъ въ пользу происхожденія собакъ отъ разныхъ дикихъ формъ, такъ какъ не хватило бы достаточно времени для расхожденія признаковъ и для видоизмѣненія. Но теперь мы знаемъ объ открытіи глиняной утвари, вмѣстѣ съ остатками вымершихъ животныхъ, въ областяхъ, съ тѣхъ поръ подвергшихся большимъ географическимъ перемѣнамъ: отсюда вытекаетъ, что человѣкъ существовалъ въ теченіе несравненно болѣе продолжительнаго времени; и зная, что большая часть варварскихъ племенъ обладаютъ домашними собаками, мы видимъ, что доводъ, заимствованный отъ недостатка времени, въ значительной степени утрачиваетъ цѣну.

Задолго до какихъ-либо историческихъ записей, собака стала въ Европѣ домашнимъ животнымъ. Въ датскихъ кухонныхъ отбросахъ неолитическаго (новокаменнаго) періода включены кости собакоподобнаго животнаго, и Стеенструпъ остроумно доказываетъ, что онѣ принадлежатъ домашней собакѣ, такъ какъ очень большое количество птичьихъ костей, сохранившихся въ этомъ мусорѣ, состоятъ изъ длинныхъ костей, которыя, какъ показали повѣрочные опыты, не пожираются собаками. Эту древнюю собаку въ Даніи смѣнила во время бронзоваго періода болѣе крупная порода, представляющая извѣстныя отличія, а въ теченіе желѣзнаго періода эту послѣднюю смѣнила еще болѣе крупная порода. Въ Швейцаріи, по словамъ проф. Рютимейера, въ теченіе неолитическаго періода существовала одна домашняя собака средняго роста, съ черепомъ, почти одинаково удаленнымъ отъ черепа волка и шакала и представлявшимъ сходство съ нашими гончими, сеттерами и мелкими лягавыми. Рютимейеръ сильно настаиваетъ на постоянствѣ, въ теченіе очень долгаго періода времени, этой древнѣйшей изъ извѣстныхъ собакъ. Въ теченіе бронзоваго періода въ Швейцаріи явилась болѣе крупная собака, и ея челюсть близко сходна съ челюстью собаки изъ той же эпохи въ Даніи. Остатки двухъ значительно отличающихся породъ были найдены Шмерлингомъ

въ одной пещерѣ, но ихъ эпоху нельзя было положительно опредѣлить.

Существованіе одной единственной расы, замѣчательно постоянной по формѣ въ теченіе всего неолитическаго періода, интересно, какъ противоположность тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подверглись различныя расы въ періодъ, соотвѣтствующій послѣдовательнымъ египетскимъ памятникамъ, а также, какъ контрастъ съ нашими нынѣшними собаками. Формы этого животнаго въ теченіе неолитическаго періода, какъ онѣ описаны Рютимейеромъ, подкрѣпляютъ взглядъ Блэнвилляна наши разновидности, какъ потомство отъ нѣкоторой неизвѣстной вымершей формы. Но не слѣдовало бы забывать, что мы ничего не знаемъ относительно древности человѣка въ болѣе теплыхъ странахъ. Смѣна разныхъ породъ собакъ въ Швейцаріи и Даніи, какъ полагаютъ, зависитъ отъ поселенія завоевателей, приведшихъ съ собой своихъ собакъ; и этотъ взглядъ согласуется съ убѣжденіемъ, что разныя дикія животныя изъ числа собачьихъ были превращены въ домашнія породы въ разныхъ областяхъ. Независимо отъ поселенія новыхъ человѣческихъ расъ, мы знаемъ, по широко-распространеннымъ вещамъ изъ бронзы, составленной изъ сплава съ оловомъ, какъ значительны должны были быть торговыя сношенія въ Европѣ въ необычайно отдаленный періодъ, и тогда, вѣроятно, собаки были также предметомъ мѣнового торга. Въ настоящее время изъ числа дикарей внутренней Гвіаны, индійцы тарума разсматриваются какъ наилучшіе воспитатели собакъ и обладаютъ крупной породой, которую обмѣниваютъ, по высокой цѣнѣ, на другіе предметы у другихъ племенъ.

Главный доводъ въ пользу того, что разныя породы собакъ представляютъ потомковъ разныхъ дикихъ видовъ, состоитъ въ ихъ сходствѣ, въ разныхъ странахъ, съ различными видами, еще теперь живущими. Слѣдуетъ, однако, признать, что сравненіе между дикими и домашними животными лишь въ немногихъ случаяхъ было произведено съ достаточной точностью. Прежде чѣмъ приступить къ подробностямъ, будетъ умѣстно показать, что нѣтъ никакой апріорной трудности въ допущеніи, что разные виды собачьихъ животныхъ были дѣйствительно приручены. Члены собачяго семейства населяютъ почти весь земной шаръ, и разные виды чрезвычайно близко сходны по нравамъ и строенію съ нашими различными домашними собаками. Гальтонъ показалъ, какъ охотне дикари держатъ и приручаютъ животныхъ всякаго рода. Общественныя животныя всего легче покоряются человѣкомъ, а разныо виды собачьихъ охотятся стаями. Заслуживаетъ замѣчанія,—такъ какъ это относится и къ другимъ животнымъ точно такъ же, какъ и къ собакамъ,—что въ чрезвычайно древнюю эпоху, когда человѣкъ впервые вступалъ въ какую либо страну, животныя, ее населяющія, не чувствовали какого-либо инстинктивнаго или наслѣдственнаго страха къ нему и, поэтому, гораздо легче могли быть приручены,

чѣмъ теперь. Такъ, напр., когда Фалькландскіе острова впервые были посѣщены человѣкомъ, то крупное волкоподобное собачье животное (Canis antarcticus — южнополярный песецъ) безстрашно приближалось къ матросамъ экспедиціи Байрона, и эти послѣдніе, принявъ невѣдѣніе и любопытство за свирѣпость, бросились въ воду, съ цѣлью избѣжать ихъ. Даже недавно человѣкъ, держа кусокъ мяса въ одной рукѣ и ножъ въ другой, могъ порою зарѣзать ихъ ночью. На одномъ островѣ Аральскаго моря, когда этотъ островъ впервые былъ открытъ Бутаковымъ, антилопы-сайги, «вообще очень робкія и бдительныя (по словамъ Бутакова), не бѣжали отъ насъ, но, наоборотъ, смотрѣли на насъ съ родомъ любопытства». Точно также на берегахъ острова Маврикія ламантины сначала нисколько не боялись человѣка, и то же было въ разныхъ странахъ съ тюленями и моржами. Я въ другомъ мѣстѣ показалъ, какъ медленно туземныя птицы на разныхъ островахъ пріобрѣтали и наслѣдовали спасительный страхъ къ человѣку (см. «Путеш. на кор. Бигль»). На Галапагосскихъ островахъ я сбивалъ дуломъ ружья ястребовъ съ вѣтви и держалъ ковшъ съ водою для другихъ птицъ, которыя садились и пили. Четвероногія и птицы, которыхъ человѣкъ рѣдко тревожилъ, боятся его не болѣе, чѣмъ наши англійскія птицы — коровъ или лошадей, пасущихся на поляхъ.

Болѣе важно то соображеніе, что разные виды собачьихъ (какъ будетъ показано въ одной изъ слѣдующихъ главъ) не обнаруживаютъ никакого сильнаго отвращенія или неспособности размножаться въ неволѣ; а такая неспособность является одною изъ обыкновеннѣйшихъ преградъ къ прирученію. Наконецъ, дикари придаютъ величайшее значеніе собакамъ: въ этомъ мы убѣдимся при разсмотрѣніи явленій подбора. Даже полуручныя животныя чрезвычайно полезны имъ. Сѣверо американскіе индѣйцы скрещиваютъ своихъ полудикихъ собакъ съ волками, дѣлая ихъ такимъ образомъ еще болѣе дикими, но зато болѣе смѣлыми. Дикари Гвіаны ловятъ и частью приручаютъ для своихъ цѣлей щенковъ двухъ дикихъ видовъ *Canis*, и то же дѣлаютъ дикари Австраліи съ дикими динго. Филиппъ Кингъ сообщаетъ мнѣ, что онъ однажды воспиталъ щенка дикаго динго, пріучивъ его загонять скотъ; собака оказалась очень пригодной. Эти разныя соображенія позволяютъ видѣть, что нѣтъ трудности въ допущеніи, чтобы человѣкъ могъ приручить разные виды собачьихъ въ разныхъ странахъ. Было бы, наоборотъ, очень странно, если бы только одинъ видъ былъ прирученъ на всемъ земномъ шарѣ.

Теперь перейдемъ къ подробностямъ. Точный и проницательный Ричардсонъ говоритъ: «Сходство между сѣверо американскими волками (*Canis lupus*, var. *occidentalis*) и домашними собаками индѣйцевъ такъ велико, что ростъ и сила волка, кажется, составляютъ единственное различіе.

Болѣе одного раза я ошибся, принявъ стаю волковъ за собакъ,

принадлежащихъ партіи индѣйцевъ, и вой животныхъ обоихъ видовъ продолжается до такой степени въ одномъ тонѣ, что даже изощренный слухъ индѣйца порою неспособенъ различить ихъ». Онъ прибавляетъ, что болѣе сѣверныя эскимосскія собаки не только чрезвычайно похожи на сѣрыхъ волковъ сѣвернаго полярнаго пояса по формѣ и окраскѣ, но также почти одинаковаго съ ними роста. Д-ръ Кэнъ часто видѣлъ, среди запряженныхъ въ сани собакъ, экземпляры съ косыми глазами (признакъ, которому нѣкоторые натуралисты придаютъ большое значеніе) повисшимъ хвостомъ и испуганнымъ взглядомъ волка. По нраву, эскимосскія собаки мало отличаются отъ волковъ; по д-ру Гейсу, онѣ неспособны привязываться къ человѣку и до того злы, что голодныя могутъ напасть даже на своихъ хозяевъ. По Кэну онѣ легко дичаютъ. Родство ихъ съ волками такъ близко, что онѣ часто съ ними скрещиваются, а индѣйцы берутъ волчатъ, «чтобы улучшить породу своихъ собакъ». Полукровные волки порою (по Ламаръ-Пике) не могутъ быть приручены, «хотя это рѣдкій случай»; но они не становятся вполнѣ ручными до второго или третьяго поколѣнія. Эти факты показываютъ, что между эскимосской собакой и волкомъ можетъ быть лишь незначительная степень безплодія или ея вовсе нѣтъ; иначе волковъ не употребляли бы для улучшенія породы. Д-ръ Гейсъ говоритъ объ этихъ собакахъ: «это несомнѣнно исправившіеся волки».

Въ Сѣверной Америкѣ есть еще другая порода волковъ, а именно степной волкъ (*Canis latrans*), котораго теперь всѣ натуралисты считаютъ видомъ, отличающимся отъ обыкновеннаго волка; по Дж. Лорду, видъ этотъ, по его нравамъ, составляетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, форму, промежуточную между волкомъ и лисицей. Сэръ Дж. Ричардсонъ, описавъ собаку индѣйцевъ племени Зайца, во многихъ отношеніяхъ отличающуюся отъ эскимосской собаки, говоритъ: «Она относится къ степному волку точно такъ же, какъ эскимосская собака къ большому сѣрому волку». Онъ, дѣйствительно, не могъ найти между ними никакой замѣтной разницы, а Ноттъ и Гиддонъ приводятъ добавочныя свѣдѣнія, доказывающіи близкое сходство. Собаки, происшедшія изъ двухъ вышеуказанныхъ туземныхъ источниковъ, скрещиваются между собою и съ дикими волками, по крайней мѣрѣ съ *C. occidentalis* и съ европейскими собаками. Во Флоридѣ, по Бартраму, черная волкообразная собака мѣстныхъ индѣйцевъ отличается отъ волковъ этой мѣстности исключительно способностью лаять.

Обращаясь къ южнымъ частямъ Новаго Свѣта, мы увидимъ, что Колумбъ нашелъ двѣ породы собакъ въ В. Индіи, а Фернандецъ описываетъ три породы въ Мексикѣ: нѣкоторыя изъ этихъ туземныхъ собакъ были глухонѣмыя, т. е. не лаяли. Въ Гвіанѣ извѣстно со временъ Бюффона, что туземцы скрещиваютъ своихъ собакъ съ однимъ туземнымъ видомъ, повидимому съ *Canis cancrivorus*. Р. Шомбургкъ, тщательно изслѣдовавшій эти области,

пишетъ мнѣ: «Мнѣ много разъ говорили индѣйцы племени арауакъ, живущіе подлѣ берега, что они скрещиваютъ своихъ собакъ съ однимъ дикимъ видомъ, съ цѣлью улучшенія породы, и мнѣ показывали экземпляры собакъ, дѣйствительно, гораздо болѣе похожихъ на *C. cancrivorus*, чѣмъ обыкновенная порода. Очень рѣдко держатъ индѣйцы этихъ самыхъ *C. cancrivorus* для домашнихъ надобностей; также другой видъ дикой собаки, называющійся *ай* и, по моему, тожественный съ Dasicyon silvestris Г. Смита, теперь мало употребляется племенемъ арекука для охоты. Собаки индѣйцевъ племени тарума совсѣмъ отличаются и похожи на борзую собаку съ С. Доминго, описанную Бюффономъ». Оказывается, такимъ образомъ, что туземцы Гвіаны отчасти приручили два туземныхъ вида и все еще скрещиваютъ съ ними своихъ собакъ; эти два вида принадлежатъ къ типу, совсѣмъ отличному отъ с. американскихъ и европейскихъ волковъ. Ренгеръ—этотъ тщательный наблюдатель—приводитъ основанія въ пользу взгляда, что одна безволосая порода собакъ была приручена, когда Америку впервые посѣтили европейцы: нѣкоторые изъ этихъ собакъ въ Парагваѣ все еще нѣмы, и, по показанію Тчуди, онѣ страдаютъ отъ холодовъ въ Кордильерахъ. Эта голая собака, однако, совершенно отличается отъ той, которую нашли сохранившеюся въ древнихъ перуанскихъ кладбищахъ; эта порода, описанная Тчуди подъ именемъ собаки инковъ (Canis incae), хорошо выноситъ холодъ и лаетъ. Неизвѣстно, произошли-ли эти двѣ различныя породы собакъ отъ туземныхъ видовъ, и можно утверждать, что когда человѣкъ впервые поселился въ Америкѣ, онъ привезъ съ собою съ азіатскаго материка собакъ, не научившихся лаять; но этотъ взглядъ не представляется правдоподобнымъ, такъ какъ туземцы, по пути съ сѣвера, приручили, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ два сѣверо-американскихъ вида собачьихъ.

Обратимся къ Старому Свѣту. Нѣкоторыя европейскія собаки походятъ на волка; такъ, овчарка съ венгерскихъ равнинъ, бѣлая и рыжевато-бурая, имѣетъ острый носъ, короткія, прямостоячія уши, курчавую шерсть и косматый хвостъ и до того похожа на волка, что, по словамъ Пэджета, приводящаго это описаніе, онъ зналъ одного венгерца, принявшаго за волка одну изъ своихъ собакъ. Іейтелесъ также указываетъ на близкое сходство венгерской собаки съ волкомъ. Овчарки въ Италіи, въ древности, должно быть, очень походили на волковъ, потому что Колумелла даетъ совѣтъ держать бѣлыхъ собакъ, добавляя: «пастухъ любитъ бѣлое, чтобы не убить собаки вмѣсто волка». Въ древности много приводилось разсказовъ о естественномъ скрещиваніи собакъ съ волками, а Плиній увѣряетъ, что галлы привязывали своихъ собакъ (самокъ) въ лѣсахъ, чтобы онѣ могли скрещиваться съ волками. Европейскій волкъ слегка отличается отъ сѣверо-американскаго, и многіе натуралисты причисляли его къ особому виду. Обыкновенный индійскій волкъ также признается нѣкоторыми за

третій видъ и здѣсь снова мы встрѣчаемъ рѣзкое сходство между собаками паріевъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Индіи и индійскимъ волкомъ.

По отношенію къ шакаламъ, И. Ж. С. Илеръ утверждаетъ, что нельзя указать ни одного постояннаго признака, по которому можно было бы отличить ихъ отъ мелкихъ породъ собакъ. Они очень похожи на собакъ нравами. Прирученные шакалы на зовъ хозяина отвѣчаютъ виляньемъ хвоста, лижутъ ему руки, ползаютъ и опрокидываются на спину; они обнюхиваютъ собакъ по ихъ же способу и точно также мочатся въ сторону; катаются на падали или на трупахъ убитыхъ ими животныхъ и, наконецъ, когда они въ хорошемъ настроеніи духа, то бѣгаютъ кругами или описывая фигуру въ видѣ цифры 8, поджимая хвостъ между ногами. Множество превосходныхъ естествоиспытателей, со времени Гюльденштедта и до Эренберга, Гемприха и Кретцшмара, выражались сильнѣйшимъ образомъ относительно сходства полуприрученныхъ собакъ въ Азіи и въ Египтѣ съ шакалами. Нордманнъ, напр., пишетъ: «Собаки Абхазіи изумительно похожи на шакаловъ». Эренбергъ утверждаетъ, что домашнимъ собакамъ въ Нижнемъ Египтѣ и нѣкоторымъ муміямъ собакъ соотвѣтствуетъ мѣстный, дикій типъ, именно одинъ видъ волка (*C. lupaster*); тогда какъ домашнія собаки въ Нубіи и другія муміи чрезвычайно близки къ одному дикому виду той же страны, а именно къ *C. sabbar*,—животному, представляющему только одну изъ формъ обыкновеннаго шакала. Палласъ утверждаетъ, что шакалы и собаки порою естественно скрещиваются на Востокѣ, и одинъ случай приводятъ для Алжира. Большая часть натуралистовъ подраздѣляютъ шакаловъ Азіи и Африки на нѣсколько видовъ, но нѣкоторые, хотя и немногіе, считаютъ всѣхъ ихъ однимъ видомъ. Могу добавить, что домашнія собаки съ берега Гвинеи подобны лисицамъ и нѣмы. На восточномъ берегу Африки между 4 и 6° ю. широты и на десять сутокъ пути внутрь страны, какъ сообщаетъ мнѣ С. Эргардтъ, держатъ полудомашнюю собаку, которая, по увѣренію туземцевъ, произошла отъ подобнаго ей дикаго животнаго. Лихтенштейнъ утверждаетъ, что собаки бушменовъ представляютъ поразительное сходство, даже по окраскѣ (исключая черной полосы идущей, внизъ спины), съ *C. mesomelas* Ю. Африки. Лэярдъ сообщаетъ мнѣ, что видѣлъ каффрскую собаку, близко сходную съ эскимосской. Въ Австраліи динго водится какъ ручной, такъ и дикій. Хотя это животное первоначально могло быть ввезено человѣкомъ, однако, его слѣдуетъ признать почти туземной формой, такъ какъ остатки его были найдены въ почти сходномъ съ нынѣшнимъ видѣ, заодно съ вымершими млекопитающими, такъ что ввозъ его долженъ быть очень древнимъ.

Итакъ, мы видимъ слѣдующее: полу-прирученныя собаки въ разныхъ странахъ сходны съ дикими видами, все еще тамъ живущими; тѣ и другіе легко скрещиваются; даже полу-прирученныя животныя высоко цѣнятся дикарями. Эти и другіе факты, благо-

пріятствующіе приручeнію, дѣлаютъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что домашнія собаки на всемъ земномъ шарѣ произошли отъ двухъ весьма опредѣленныхъ видовъ волка (*C. lupus* и *C. latrans*) и отъ двухъ или трехъ другихъ сомнительныхъ видовъ (а именно европейскихъ, индійскихъ и с. американскихъ волковъ); далѣе, по крайней мѣрѣ отъ одного или двухъ ю. американскихъ собачьихъ видовъ; отъ разныхъ породъ или видовъ шакаловъ и, быть можетъ, отъ одного или болѣе вымершихъ видовъ. Хотя возможно или даже вѣроятно, что прирученныя собаки, ввезенныя въ любую страну и воспитанныя тамъ въ теченіе многихъ поколѣній, могли пріобрѣсть нѣкоторыя изъ особенностей, свойственныхъ туземнымъ собачьимъ видамъ,—однако, едва-ли этимъ можно объяснить, почему ввезенныя собаки дали начало двумъ породамъ въ одной и той же странѣ, и при томъ какъ разъ положимъ на два туземные вида—какъ въ указанныхъ примѣрахъ относительно Гвіаны и С. Америки.

Противъ взгляда, что разные виды собачьихъ были въ древности приручены, нельзя возражать, что эти животныя трудно приручимы. Были уже приведены факты, сюда относящіеся, но я могу прибавить, что въ Индіи Ходгсонъ приручилъ щенковъ Canis primaevus и они стали такъ же впечатлительными къ ласкамъ и обнаружили столько же ума, какъ и любая охотничья собака того же возраста. Небольшая разница, какъ мы уже показали, между нравами домашнихъ собакъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и волками той же страны, или между восточными собаками паріевъ и шакалами, или же между одичавшими собаками разныхъ странъ и различными дикими видами того же семейства. Привычка лаять, однако почти всеобщая у домашнихъ собакъ, составляетъ исключеніе, такъ какъ она несвойственна ни одному дикому виду семейства, хотя меня увѣряютъ, что Canis latrans въ С. Америкѣ издаетъ звукъ, близко сходный съ лаемъ. Но эта привычка вскорѣ утрачивается собаками, когда онѣ дичаютъ, и скоро пріобрѣтается вновь, когда онѣ опять приручаются. Часто приводили примѣръ дикихъ собакъ острова Хуанъ Фернандецъ, которыя стали нѣмыми; есть основаніе думать, что эта нѣмота пріобрѣлась въ теченіе 33 лѣтъ; съ другой стороны, собаки, которыхъ Уллоа взялъ съ этого острова, медленно пріобрѣли вновь привычку лаять. Собаки съ р. Мэккензи, типа Canis latrans, привезенныя въ Англію, никогда не научились лаять надлежащимъ образомъ; но одна, родившаяся въ Зоологическомъ Саду, «издавала звукъ такой громкій, какъ любая иная собака того же возраста и роста». По проф. Нильсону, волченокъ, вскормленный сукою, лаетъ. И. Ж. С. Илеръ показывалъ шакала, который лаялъ такимъ же тономъ, какъ любая обыкновенная собака.

Интересный разсказъ былъ сообщенъ Кларкомъ о нѣкоторыхъ собакахъ, одичавшихъ на островѣ Хуанъ-де-Нова въ Индійскомъ океанѣ. «Онѣ совершенно утратили способность лаять. У нихъ не

было наклонности находиться въ обществѣ другихъ собакъ и онѣ не пріобрѣли голоса» въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ неволѣ. На островѣ онѣ «собираются большими стаями и ловятъ морскихъ птицъ съ такою же ловкостью, какую могли бы обнаружить лисицы». Одичавшія собаки Ла-Платы не стали нѣмыми. Онѣ крупнаго роста, охотятся въ одиночку или стаями и роютъ норы для своихъ щенковъ. Этими нравами одичавшія собаки Ла-Платы похожи на волковъ и шакаловъ, такъ какъ и тѣ и другіе охотятся въ одиночку или стаями и роютъ ямы. Эти дикія собаки не пріобрѣли одинаковой окраски, какъ на островѣ Хуанъ Фернандецъ, Хуанъ де-Нова или въ Ла-Платѣ. На островѣ Кубѣ одичавшія собаки, по описанію Пеппига, почти всѣ мышастаго цвѣта, короткоухи и имѣютъ свѣтло-голубые глаза. На Санъ-Доминго, по словамъ полковника Смита, одичавшія собаки очень крупны, похожи на борзыхъ, имѣютъ однообразную блѣдно-голубоватую или скорѣе пепельную окраску, малыя уши и большіе свѣтло-каріе глаза. Даже у дикаго динго, хотя натурализовавшагося въ Австраліи въ такія отдаленныя времена, «окраска весьма измѣнчива», какъ мнѣ сообщаетъ мистеръ Кингъ. Полукровный динго, воспитанный въ Англіи, обнаруживалъ поползновенія рыть ямы.

Возражали, что наши домашнія собаки не могли произойти отъ волковъ и шакаловъ, такъ какъ ихъ періоды беременности не одинаковы. Предполагаемая разница выводится изъ показаній Бюффона, Жилибера, Бехштейна и др.; но теперь стало извѣстно, что эти свѣдѣнія ошибочны, и что періодъ ношенія плода согласуется у волка, шакала и собаки въ такой степени, какъ только можно было ожидать, потому что онъ часто измѣняется въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Тесье, тщательно изслѣдовавшій этотъ вопросъ, допускаетъ, что у собаки разность достигаетъ четырехъ дней. У. Фоксъ сообщилъ мнѣ три тщательно записанные случая относительно лягавыхъ водолазовъ (ретриверовъ), у которыхъ самка лишь одинъ разъ имѣла сношеніе съ самцомъ; не считая этого дня, но причисляя день родового акта, періодъ былъ у трехъ самокъ соотвѣтственно 59, 62 и 67 дней. Средній періодъ составляетъ 63 дня, но по показанію Беллинджери это справедливо лишь для крупныхъ собакъ: у малыхъ породъ онъ равенъ отъ 60 до 63 дней. Мистеръ Эйтонъ, опытный любитель, также сообщаетъ мнѣ, что срокъ обыкновенно длиннѣе у крупныхъ собакъ, по сравненію съ мелкими. Кювье возражалъ, что шакалъ не могъ бы быть прирученъ, по причинѣ издаваемаго имъ смрада. Но дикари не чувствительны въ этомъ отношеніи. Степень издаваемаго запаха также различна у разныхъ породъ шакала, а полковникъ Смитъ даже выдѣляетъ въ особую подгруппу шакаловъ, съ признакомъ, зависящимъ отъ менѣе значительнаго смрада. Съ другой стороны, собаки, какъ напр. курчавые и гладкіе терьеры, представляютъ значительное разли-

чіе въ этомъ отношеніи, а по Годрону, безволосая, такъ называемая турецкая собака болѣе смрадна, чѣмъ другія. И. Жоффруа утверждаетъ, что собака издаетъ тотъ же запахъ, какъ и шакалъ, если ее кормить сырымъ мясомъ.

Мнѣніе, что наши собаки произошли отъ волковъ, шакаловъ, южно американскихъ собачьихъ и другихъ видовъ, внушаетъ мысль о гораздо болѣе существенной трудности. Эти животныя, въ ихъ дикомъ состояніи, судя по весьма широкой аналогіи, при скрещиваньи были бы до нѣкоторой степени безплодными; и такое безплодіе будетъ признано за почти достовѣрный фактъ, всѣми тѣми, кто допускаетъ, что пониженная плодовитость, при скрещиваньяхъ, является безошибочнымъ мѣриломъ видового различія. Какъ бы то ни было, эти животныя держатся отдѣльно другъ отъ друга въ странахъ, гдѣ живутъ рядомъ. Съ другой стороны, всѣ домашнія собаки, по нашему предположенію, происшедшія отъ разныхъ отдѣльныхъ видовъ, насколько извѣстно, между собою плодовиты. Но, по удачному замѣчанію Брока, плодовитость послѣдовательныхъ поколѣній у собачьихъ помѣсей никогда еще не подвергалась тому тщательному изслѣдованію, которое признается необходимымъ, когда скрещиваются между собою виды. Немногіе факты, приводящіе къ выводу, что половыя чувства и воспроизводительныя способности различны у разныхъ собакъ, при скрещиваньи, это слѣдующіе (мы оставляемъ въ сторонѣ трудность размноженія при значительномъ различіи одного лишь роста). Мексиканская порода *алько* очевидно не любитъ собакъ другихъ породъ; но это быть можетъ не есть, въ строгомъ смыслѣ слова, половое чувство. Безволосая туземная парагвайская порода, по Ренгеру, рѣже смѣшивается съ европейскими породами, чѣмъ эти послѣднія между собою. Въ Германіи шпицъ, какъ говорятъ, охотнѣе вступаетъ въ связь съ лисицей, чѣмъ другія породы, а Ходчкинъ утверждаетъ, что самка динго, привезенная въ Англію, привлекала лисицъ самцовъ. Если на эти послѣднія показанія можно положиться, то они доказываютъ нѣкоторую степень половой разборчивости у собачьихъ породъ. Но фактъ остается фактомъ: наши домашнія собаки, настолько различныя по внѣшнему строенію, гораздо болѣе плодовиты между собою, чѣмъ можно предположить относительно ихъ дикихъ предковъ. Палласъ полагаетъ, что продолжительное домашнее состояніе исключаетъ то безплодіе, которое проявилось бы у родительскихъ видовъ, лишь недавно попавшихъ въ неволю. Въ пользу этой гипотезы не приведено никакихъ опредѣленныхъ фактовъ; но, мнѣ кажется, независимо отъ доказательствъ, представляемыхъ другими домашними животными, существуютъ такіе убѣдительные факты въ пользу происхожденія нашихъ домашнихъ собакъ отъ разныхъ дикихъ породъ, что я склоненъ допустить истинность этой гипотезы.

Если принять ученіе о происхожденіи нашихъ домашнихъ собакъ отъ разныхъ дикихъ видовъ, то является еще другая трудность,

находящаяся въ близкомъ отношеніи къ первой; дѣло въ томъ, что собаки, повидимому, не вполнѣ плодовиты съ предполагаемыми родительскими формами. Но опытъ этотъ не былъ произведенъ достаточно правильно. Такъ, напр. венгерская собака, которая по внѣшнему виду такъ близко похожа на европейскаго волка, должна была бы подвергнуться опыту скрещиванья съ этимъ волкомъ; собаки индійскихъ паріевъ должны были бы подвергнуться скрещиванью съ индійскими волками и шакалами и т. д. Весьма малая степень безплодія между извѣстными собаками съ волками и другими собачьими доказывается уже тѣмъ, что дикари берутъ на себя трудъ скрещиванья. Бюффонъ вывелъ четыре послѣдовательныхъ поколѣнія отъ собаки и волка, и помѣси были совершенно плодовиты между собою. Но въ болѣе недавнее время Флурансъ положительно утверждаетъ, что его многочисленные опыты надъ скрещиваньемъ гибридовъ отъ волка и собаки между собою, дали безплодіе въ третьемъ поколѣніи, а отъ шакала и собаки въ четвертомъ поколѣніи. Но эти животныя находились въ тѣсной неволѣ, а многія дикія животныя становятся отъ заключенія до нѣкоторой степени или даже вполнѣ безплодными. Динго, свободно плодящійся въ Австраліи съ нашими привозными собаками, не плодился ,не смотря на многократное скрещиванье, въ парижскомъ Ботаническомъ Саду. Нѣкоторыя охотничьи собаки изъ Центральной Африки, привезенныя къ намъ маіоромъ Денгэмомъ, никогда не плодились въ лондонскомъ Тауэрѣ; а подобная склонность къ безплодію могла бы передаться гибридному потомству дикаго животнаго. Сверхъ того, кажется, что въ опытахъ Флуранса, гибриды были скрещиваемы въ близкихъ степеняхъ родства въ теченіе трехъ или четырехъ поколѣній, а это обстоятельство, навѣрное, способно усилить склонность къ безплодію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ въ заключеніи въ Лондонскомъ Зоологическомъ Саду гибридную самку отъ англійской собаки и шакала. Даже въ этомъ первомъ поколѣніи она была до того безплодна, что, по увѣренію сторожа, не вполнѣ обнаруживала надлежащіе періоды течки; но этотъ случай навѣрное исключительнаго характера, такъ какъ извѣстны многочисленные примѣры плодовитости гибридовъ отъ этихъ двухъ животныхъ. Во всѣхъ почти опытахъ скрещиванья животныхъ является столько причинъ для сомнѣнія, что чрезвычайно трудно придти къ какому-либо положительному выводу. Кажется, однако, что лица, допускающія происхожденіе нашихъ собакъ отъ разныхъ видовъ, должны допустить, что потомство, послѣ продолжительнаго пребыванія въ домашнемъ состояніи, вообще утратило всякую склонность къ безплодію при скрещиваніи; но кромѣ того придется предположить, что между извѣстными породами собакъ и нѣкоторыми изъ предполагаемыхъ родительскихъ видовъ удержалась или даже, быть можетъ, была пріобрѣтена извѣстная степень безплодія.

Не смотря на указанныя трудности, относящіяся къ плодови-

тости, слѣдуетъ подумать о существенномъ неправдоподобіи предположенія, чтобы человѣкъ могъ на всемъ земномъ шарѣ приручить одинъ единственный видъ изъ такъ широко распространенной, такъ легко приручимой и такой полезной группы, какова группа собачьихъ. Вспомнимъ также о чрезвычайной древности различныхъ породъ; особенно же подумаемъ о близкомъ сходствѣ, какъ по внѣшнему строенію, такъ и по нравамъ, между домашними собаками разныхъ странъ и дикими видами, все еще населяющими тѣ же самыя страны. Всѣ эти соображенія, взятыя въ совокупности, даютъ сильный перевѣсъ въ пользу происхожденія нашихъ собакъ отъ многихъ видовъ.

Различія между разными породами собакъ.

Если разныя породы произошли отъ разныхъ дикихъ видовъ то ихъ различіе очевидно можетъ быть объяснено отчасти, несходствомъ между ихъ родительскими видами. Такъ напр., форма борзой собаки можетъ отчасти быть объяснена происхожденіемъ отъ нѣкотораго животнаго вродѣ стройнаго абиссинскаго собачьяго вида *Canis simensis*, обладающаго удлиненной мордой; болѣе крупныя собаки могли произойти отъ болѣе крупныхъ волковъ, а болѣе мелкія и тонкія—отъ шакаловъ, и такимъ образомъ, быть можетъ, объяснятся извѣстныя различія въ тѣлосложеніи, а также соотвѣтствующія климатическимъ областямъ. Было бы, однако, большимъ заблужденіемъ предположить, что сверхъ того не явилось еще многихъ измѣненій. Скрещиванье различныхъ туземныхъ дикихъ видовъ и появившихся затѣмъ породъ, быть можетъ, увеличило общее число этихъ послѣднихъ и, несомнѣнно, видоизмѣнило многія изъ нихъ. Но нѣтъ возможности объяснить скрещиваньемъ происхожденіе такихъ крайнихъ формъ, каковы чистокровныя борзыя, кровавыя ищейки (bloodhounds), бульдоги, бленгеймскія охотничьи собаки, терьеры, мопсы и т. д., если только мы не допустимъ, что нѣкогда существовали столько-же или еще болѣе рѣзко характеризованныя формы въ природѣ. Едва-ли, однако, кто-либо настолько смѣлъ, чтобы предположить, что такія неестественныя формы когда-либо существовали или могли существовать въ дикомъ состояніи. При сравненіи со всѣми извѣстными членами семейства собачьихъ, они обнаруживаютъ иное, не нормальное происхожденіе. Нѣтъ примѣра въ лѣтописяхъ науки, чтобы дикари держали собакъ вродѣ кровавыхъ ищеекъ, бленгеймскихъ охотничьихъ (Blenheim spaniel—малая охотничья порода), настоящихъ борзыхъ: онѣ составляютъ продуктъ продолжительной цивилизаціи.

Видя, какъ многочисленны признаки, которыми породы собакъ различаются между собою, и помня утвержденіе Кювье, что

ихъ черепа болѣе различны, чѣмъ у видовъ любого дикаго рода,— наконецъ, вспоминая, какъ значительно сходны между собою кости волковъ, шакаловъ, лисицъ и др. собачьихъ,—слѣдуетъ признать замѣчательнымъ, что мы встрѣчаемъ такъ часто повторяемое утвержденіе, будто породы собакъ не различаются между собою никакими важными признаками. Въ высшей степени компетентный авторъ, профессоръ Жервэ, утверждаетъ слѣдующее: «Если бы, безъ всякаго контроля, принять во вниманіе измѣненія, которымъ подверженъ каждый изъ этихъ органовъ, то можно было бы думать, что между домашними собаками различія болѣе значительны, чѣмъ тѣ, которыя въ другихъ случаяхъ существуютъ между видами, иногда даже между родами».

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше различій въ одномъ отношеніи представляютъ сравнительно малое значеніе, а именно, они не характеризуютъ отдѣльныхъ породъ. Никто не скажетъ, чтобы такое же малое значеніе имѣли прибавочные коренные зубы или же различіе въ числѣ сосцовъ. У такъ называемыхъ меделянокъ (правильнѣе—молосскихъ собакъ, mastiffs) обыкновенно существуетъ добавочный палецъ; нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ различій въ строеніи черепа и нижней челюсти болѣе или менѣе характеризуютъ разныя породы. Но не слѣдуетъ забывать, что ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ не была примѣнена преобладающая въ одномъ направленіи сила подбора. Мы видимъ здѣсь измѣнчивость важныхъ частей, но различія не были укрѣплены подборомъ. Человѣкъ заботится о формѣ тѣла и на счетъ рѣзвости (т. е. проворства) борзыхъ, крупнаго роста меделянокъ, а раньше заботился о развитіи силы челюстей у бульдоговъ и т. п.; но онъ ни мало не заботится о числѣ ихъ коренныхъ зубовъ, сосцовъ или же пальцевъ ногъ.

Неизвѣстно, есть ли какое-либо соотношеніе между различіями въ этихъ органахъ и несходствами, наблюдаемыми въ другихъ частяхъ тѣла, о которыхъ человѣкъ заботится. Лица, интересовавшіяся вопросомъ о подборѣ, согласятся съ тѣмъ, что при данной отъ природы измѣнчивости, человѣкъ, если бы того захотѣлъ, могъ бы упрочить у нѣкоторыхъ породъ собакъ признакъ вродѣ присутствія пяти пальцевъ на заднихъ лапахъ: этого можно было бы достичь съ такою же увѣренностью, какъ и для лапъ доркингскихъ куръ. По всей вѣроятности, человѣкъ могъ бы, хотя и съ гораздо большими затрудненіями, упрочить присутствіе добавочной пары коренныхъ въ каждой челюсти, такимъ же образомъ, какъ онъ придалъ добавочные рога извѣстнымъ породамъ овецъ. Если бы человѣкъ вздумалъ произвесть беззубую породу собакъ, то взявъ такъ называемую турецкую собаку съ ея несовершенными зубами, онъ, вѣроятно, могъ бы достичь такого результата, такъ какъ успѣлъ произвесть безрогія породы крупнаго рогатаго скота и овецъ.

Что касается точно установленныхъ причинъ и послѣдователь-

ныхъ ступеней, посредствомъ которыхъ разныя породы собакъ стали такъ значительно различаться между собою, то въ этомъ случаѣ мы, какъ и въ большинствѣ другихъ случаевъ, глубоко невѣжественны.

Мы можемъ приписать долю различія внѣшней формы и тѣлосложенія—наслѣдственности, исходящей отъ различныхъ дикихъ породъ, т. е. перемѣнамъ, происшедшимъ въ дикомъ состояніи до приручения. Кое-что слѣдуетъ приписать скрещиванью различныхъ домашнихъ и дикихъ породъ. Я, однако, вскорѣ обращусь къ вопросу о скрещиваньи между породами. Мы уже видѣли, какъ часто дикари скрещиваютъ своихъ собакъ съ дикими туземными видами, а Пеннантъ приводитъ любопытный разсказъ о томъ, какъ Фохэберсъ, мѣстность въ Шотландіи, наполнилась «множествомъ собакъ почти волчьяго вида» отъ единственнаго полукровнаго волка, попавшаго сюда.

Повидимому, климатъ до извѣстной степени прямо видоизмѣняетъ формы собакъ. Нѣкоторыя англійскія породы не могутъ жить въ Индіи, и утверждаютъ, что если плодить ихъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, онѣ вырождаются не только относительно душевныхъ способностей, но и по наружному виду. Капитанъ Уильямсонъ, тщательно изслѣдовавшій этотъ вопросъ, утверждаетъ, что «гончія собаки всего скорѣе вырождаются; борзыя и пойнтера также вырождаются быстро». Но бленгеймскія собаки, по истеченіи восьми или девяти поколѣній и безъ скрещиванья съ привезенными изъ Европы, остаются не хуже своихъ предковъ. Докторъ Фоконеръ сообщаетъ мнѣ, что бульдоги, впервые привезенные въ Индію, схватывались даже со слонами, поймавъ ихъ за хоботъ; однако черезъ два-три поколѣнія не только значительно утрачивали отвагу и свирѣпость, но и своеобразный характеръ какъ бы подвѣшенныхъ нижнихъ челюстей. Ихъ морды становились тоньше, а тѣло стройнѣе. Англійскія собаки, ввезенныя въ Индію, настолько цѣнны, что, быть можетъ, принимались надлежащія мѣры для предупрежденія ихъ скрещиванья съ туземными собаками; такъ что ухудшеніе породы не можетъ быть объяснено вліяніемъ помѣси. Р. Эверестъ сообщаетъ мнѣ, что добылъ пару сеттеровъ, родившихся въ Индіи, совершенно похожихъ на своихъ шотландскихъ родителей; онъ воспиталъ нѣсколько пометовъ щенковъ отъ этой пары въ Дели, принявъ самыя строгія предупредительныя мѣры во избѣжаніе скрещиванья; но ему ни разу не удалось, хотя это было лишь второе поколѣніе, рожденное въ Индіи, получить хотя одного щенка, способнаго сравниться съ родителями по росту или по формамъ. Ихъ ноздри были болѣе съужены, носы болѣе остроконечны, ростъ меньше и конечности тоньше. Точно также на Гвинейскомъ берегу собаки, по Босмэну, «страннымъ образомъ измѣняются; ихъ уши становятся болѣе длинными и тугими, вродѣ лисьихъ; онѣ и по окраскѣ начинаютъ приближаться къ лисицамъ, такъ что за три-четыре года онѣ вы-

рождаются въ очень уродливыя созданія; а черезъ три-четыре поколѣнія ихъ лай превращается въ вой». Это замѣчательное стремленіе къ быстрому ухудшенію у европейскихъ собакъ, подверженныхъ климату Индіи и Африки, въ значительной мѣрѣ можетъ быть объяснено возвратомъ къ первобытному состоянію,—явленіе, обнаруживаемое многими животными, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, въ томъ случаѣ, когда сложеніе ихъ организма испытало какое бы то ни было разстройство.

Нѣкоторыя изъ особенностей, характеризующихъ различныя породы собакъ, быть можетъ, возникли внезапно, и, хотя строго передавались по наслѣдству, могутъ быть названы уродливостями. Такъ напримѣръ, это относится къ ногамъ и тѣлу подпороды таксы (употребляемой для того, чтобы вращать вертелъ) въ Европѣ и въ Индіи, къ формѣ головы и подвѣшиванью челюсти у бульдога и мопса, породъ настолько сходныхъ въ одномъ этомъ отношеніи и настолько несходныхъ во всѣхъ другихъ. Внезапно возникшая особенность, въ извѣстномъ смыслѣ, поэтому, заслуживающая названія уродливости, однако, можетъ быть усилена и упрочена искусственнымъ подборомъ. Мы едва-ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что продолжительное пріученіе, какъ напримѣръ борзой къ погонѣ за зайцами, водолазовъ—къ плаванію, или же недостатокъ упражненія, какъ у комнатныхъ собачекъ, должны были оказать нѣкоторое прямое вліяніе на ихъ строеніе и инстинкты. Но мы тотчасъ увидимъ, что наиболѣе могущественной причиной измѣненія, вѣроятно, былъ подборъ, какъ методическій, такъ и безсознательный, относившійся къ мелкимъ индивидуальнымъ различіямъ. Этотъ послѣдній, т. е. безсознательный подборъ вытекалъ изъ того, что порою, въ ряду сотенъ поколѣній, сохранялись тѣ индивидуальныя собаки, которыя были всего полезнѣе человѣку для нѣкоторыхъ цѣлей и при извѣстныхъ жизненныхъ условіяхъ. Даже варвары внимательно присматриваются къ качествамъ своихъ собакъ. Этотъ безсознательный подборъ, произведенный дѣятельностью человѣка, встрѣчаетъ содѣйствіе въ нѣкотораго рода естественномъ подборѣ, потому что собаки у дикарей должны отчасти сами себѣ добывать пропитаніе. Такъ напримѣръ въ Австраліи, какъ сообщаетъ мистеръ Найндъ, собаки порою вынуждаются голодомъ оставить своихъ хозяевъ и заботиться о самихъ себѣ; но черезъ нѣсколько дней онѣ обыкновенно возвращаются. Можно вывесть отсюда, что собаки разной формы, роста и съ разными привычками, должны были пріобрѣсть наилучшіе шансы переживанія при различныхъ обстоятельствахъ, — однѣ на открытыхъ безплодныхъ равнинахъ, гдѣ имъ приходилось настигать свою собственную добычу, другія на скалистыхъ морскихъ берегахъ, гдѣ имъ приходится питаться крабами и рыбами, оставшимися въ приливныхъ прудкахъ, какъ напримѣръ на Новой Гвинеѣ и Огненной Землѣ. Въ этой послѣдней странѣ, какъ мнѣ сообщаетъ мистеръ Бриджсъ, катехизаторъ миссіи,—собаки прыгаютъ по камнямъ на

берегу, ловя лежащихъ внизу ракообразныхъ, и онѣ настолько ловки, что «однимъ ударомъ сшибаютъ моллюсковъ»; если этого не сдѣлать, то раковины моллюсковъ, какъ извѣстно, пристаютъ такъ, что ихъ почти нельзя оторвать.

Собаки различаются по степени развитія перепонокъ между пальцами. У ньюфаундлэндскихъ собакъ (водолазовъ), отличающихся чрезвычайно водными привычками, кожа между пальцами, по И. Ж. Сантъ-Илеру, простирается до третьяго сустава, тогда какъ у обыкновенныхъ собакъ она доходитъ только до второго сустава. У двухъ ньюфаундлэндскихъ собакъ, мною изслѣдованныхъ, когда пальцы были растопырены и осматривались съ нижней стороны, кожа простиралась по почти прямой линіи, идущей между внѣшними краями мякоти пальцевъ, тогда какъ у двухъ терьеровъ двухъ разныхъ подпородъ, кожа при такомъ же осмотрѣ представляла глубокія вырѣзки. Въ Канадѣ есть одна порода собакъ, которая свойственна только этой странѣ и обыкновенна здѣсь; у нея «полуперепончатыя лапы и она любитъ воду». Англійскія выдродавы (оттеръ-хаундъ), говорятъ, имѣютъ перепончатыя лапы. Одинъ мой пріятель изслѣдовалъ для меня лапы двухъ изъ этихъ собакъ, сравнивъ съ лапами борзыхъ, употребляемыхъ для охоты за зайцами (херьеровъ) и кровавыхъ ищеекъ: оказалось, что кожа между пальцами у всѣхъ развита различно, но болѣе у выдродавовъ, чѣмъ у другихъ. Такъ какъ водяныя животныя, принадлежащія къ совершенно различнымъ отрядамъ, обладаютъ перепончатыми лапами, то безъ сомнѣнія это строеніе могло бы принести пользу собакамъ, часто лазящимъ въ воду. Можно съ увѣренностью сказать, что ни одинъ человѣкъ никогда не подбиралъ себѣ водолазовъ и т. п. собакъ по степени развитія кожи между пальцами; но дѣлалъ онъ вотъ что: сохранялъ родителей и потомство отъ родителей, всего лучше охотившихся въ водѣ или лучше всего вытаскивавшихъ раненую дичь; такимъ образомъ онъ безсознательно подбиралъ собакъ съ лапами, обладавшими нѣсколько лучшей перепонкой. Слѣдствія упражненія отъ частаго растопыриванія пальцевъ также должны были содѣйствовать этому результату. Человѣкъ, такимъ образомъ, близко подражаетъ естественному подбору. Прекрасный примѣръ этого самаго процесса мы видимъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ, по Ричардсону, всѣ волки, лисицы и туземныя домашнія собаки обладаютъ болѣе широкими, чѣмъ соотвѣтственные виды Стараго Свѣта, лапами, «хорошо разсчитанными на бѣгъ по снѣгу». Но въ этихъ арктическихъ областяхъ, жизнь или смерть каждаго животнаго часто будутъ зависѣть отъ его успѣха въ охотѣ по мягкому снѣгу; это отчасти будетъ зависѣть отъ ширины лапъ. Однако, лапы не должны быть настолько широки, чтобы мѣшать подвижности животнаго на вязкой почвѣ или его способности рыть норы или другимъ необходимымъ жизненнымъ привычкамъ.

Нѣкоторыя перемѣны такъ медленно наступаютъ у домашнихъ породъ, что не могутъ быть замѣчены въ какую бы то ни было эпоху, зависятъ ли онѣ отъ подбора индивидуальныхъ измѣненій или отъ различій, обусловленныхъ скрещиваніями; эти то перемѣны всего важнѣе для пониманія происхожденія нашихъ домашнихъ породъ. Онѣ также проливаютъ косвеннымъ образомъ свѣтъ на измѣненія, происходящія въ дикомъ состояніи; поэтому, я приведу подробно тѣ примѣры, какіе я былъ способенъ собрать. Лоуренсъ, обратившій особое вниманіе на исторію породы лисогоновъ (фоксъ-хаундъ), въ 1829 г. писалъ, что лѣтъ 80—90 тому назадъ «совершенно новые лисогоны были созданы искусствомъ любителей»; уши старинныхъ южныхъ собакъ уменьшились, кость и масса тѣла стала легче, талія удлинилась и ростъ нѣсколько повысился. Полагаютъ, что это было достигнуто посредствомъ скрещиванья съ борзою. По отношенію къ этой послѣдней собакѣ, Юаттъ, обыкновенно осторожный въ своихъ показаніяхъ, признаетъ, что борзая, «въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ», т. е. до начала нашего столѣтія, приняла характеръ, нѣсколько отличающійся отъ прежняго. Она теперь обладаетъ превосходною симметріею формъ, которою прежде не могла похвастать, и даже быстротою превосходитъ прежнюю борзую. Ее болѣе не употребляютъ для борьбы съ оленемъ; она соперничаетъ съ подругами относительно болѣе короткаго и быстро законченнаго пути. Одинъ свѣдущій писатель утверждаетъ, что наши англійскія борзыя представляютъ прогрессивно улучшенныхъ потомковъ большихъ грубыхъ борзыхъ, существовавшихъ въ Шотландіи даже въ III столѣтіи. Полагаютъ, что въ нѣкоторую прежнюю эпоху произошло скрещиванье съ итальянскою борзою; но это едва-ли вѣроятно, если принять во вниманіе слабость этой послѣдней породы. Лордъ Орфордъ, какъ общеизвѣстно, скрещивалъ своихъ знаменитыхъ борзыхъ, не отличавшихся храбростью, съ бульдогомъ—эта порода была избрана по той причинѣ, что ошибочно предполагали, будто у нея слабое чутье. «Въ шестомъ или седьмомъ поколѣніи, говоритъ Юаттъ, не осталось ни слѣда формы бульдога, но его мужество и неукротимое упорство остались».

Юаттъ выводитъ изъ сравненія одной старой картины, изображающей собачку изъ породы кингъ-чарльзъ съ нынѣшними экземплярами, что «порода эта теперь существенно измѣнилась къ худшему». Морда стала короче, лобъ болѣе выдающимся, глаза болѣе крупными; измѣненія этого рода, быть можетъ, зависѣли отъ простого подбора. По замѣчанію того же автора, сеттеръ очевидно представляетъ крупную «бленгеймскую (спаньелъ), достигшую нынѣшняго замѣчательнаго роста и красоты и выученную новымъ способомъ указывать добычу. Если бы объ этомъ не свидѣтельствовала въ достаточной мѣрѣ наружность собаки, мы могли бы обратиться къ историческимъ свидѣтельствамъ». Затѣмъ онъ ссылаетси на документъ, помѣченный 1685 годомъ и относящійся

къ этому вопросу, добавляя, что чистый ирландскій сеттеръ не выказываетъ никакихъ признаковъ скрещиванья съ пойнтеромъ, что подозрѣваютъ многіе авторы относительно англійскаго сеттера. Бульдогъ представляетъ англійскую породу, и какъ мнѣ сообщаетъ Джессъ, повидимому, произошелъ отъ меделянки во времена Шекспира; навѣрное онъ существовалъ въ 1631 г., какъ показываютъ письма Приствикъ Итона. Не можетъ быть сомнѣнія, что нынѣшніе любительскіе бульдоги, теперь, когда этихъ собакъ не употребляютъ для травли быковъ, стали значительно меньшаго роста, безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія со стороны любителя. Наши пойнтера навѣрное произошли отъ нѣкоторой испанской породы; это еще и теперь показываютъ придаваемыя имъ клички Донъ, Понто, Карлосъ и т. п. Говорятъ, что собаки эти были извѣстны въ Англіи до революціи 1688 года; но эта порода, со времени ея ввоза, значительно измѣнилась, такъ какъ Борроу, извѣстный спортсменъ и отличный знатокъ Испаніи, сообщаетъ мнѣ, что не видѣлъ въ этой странѣ ни одной породы «соотвѣтствующей по наружности англійскому пойнтеру; есть, однако, подлѣ Хереса настоящіе пойнтера, но ввезенные англійскимъ охотникомъ». Почти аналогичный примѣръ представляетъ ньюфаундлэндская собака, которая навѣрное была привезена въ Англію съ Ньюфаундлэнда, но съ тѣхъ поръ измѣнилась, по замѣчанію многихъ авторовъ, до того, что теперь не представляетъ близкаго сходства ни съ одной существующей еще туземной ньюфаундлэндской породой.

Эти различные примѣры медленныхъ и постепенныхъ перемѣнъ, наблюдаемыхъ у нашихъ англійскихъ собакъ, представляютъ нѣкоторый интересъ. Дѣйствительно, хотя перемѣны обыкновенно, но не неизмѣнно, причинялись однимъ или двумя скрещиваньями съ иной породой, однако мы съ увѣренностію можемъ сказать, основываясь на общеизвѣстной и чрезвычайной измѣнчивости породъ, что для улучшенія въ опредѣленномъ направленіи, необходимо строгое и продолжительное примѣненіе подбора. Какъ только любое племя слегка улучшилось или лучше приспособилось къ измѣнившимся условіямъ, оно будетъ стремиться вытѣснить болѣе старинныя и менѣе улучшенныя породы. Такъ напр., какъ только старая порода лисогоновъ была улучшена скрещиваньемъ съ борзою, или простымъ подборомъ, и приняла свой нынѣшній характеръ (а перемѣна вѣроятно потребовалась по причинѣ увеличенія проворства нашихъ охотниковъ) — порода эта быстро распространилась по всей странѣ и теперь она вездѣ приблизительно однообразна. Но процессъ улучшенія все еще продолжается, такъ какъ каждый старается улучшить свое племя, добывая порою собакъ изъ самыхъ лучшихъ псаренъ. Этотъ процессъ постепеннаго вытѣсненія привелъ къ исчезновенію старинной англійской гончей (хаундъ); то-же произошло съ ирландскимъ волкодавомъ, старинымъ англійскимъ бульдогомъ и нѣкоторыми другими породами.

вродѣ породы алантъ (alaunt), какъ сообщаетъ мнѣ Джессъ. По вымираніи прежнихъ породъ, видимо, встрѣчаетъ сочувствіе съ другой стороны. Дѣйствительно, какъ только какую-либо породу держатъ въ маломъ количествѣ, какъ напр. теперь кровавую ищейку, то ее нѣсколько трудно разводить,—должно быть, по причинѣ вреднаго вліянія продолжительнаго скрещиваья въ близкихъ степеняхъ родства. Нѣкоторыя породы собакъ мало, но все же до замѣтной степени, видоизмѣнились въ теченіе такого короткаго періода, какъ два послѣднихъ столѣтія; это произошло посредствомъ подбора наилучшихъ особей, видоизмѣненныхъ во многихъ случаяхъ скрещиваньемъ съ другими породами, и такъ какъ разведеніе собакъ обращало на себя вниманіе въ древнія времена, да и теперь этимъ занимаются дикари, то отсюда можно вывести, что подборъ, даже если онъ примѣняется лишь порою, представляетъ могущественное средство видоизмѣненія.

Домашнія кошки.

Кошки были приручены на Востокѣ съ древней эпохи. Блайтъ сообщаетъ мнѣ, что онѣ упоминаются въ одной санскритской рукописи, древность которой опредѣляютъ въ 2000 лѣтъ, а въ Египтѣ ихъ древность, какъ извѣстно, еще значительнѣе, что доказывается рисунками на монументахъ и муміями. Эти муміи, по Блэнвиллю, спеціально изучавшему этотъ вопросъ, принадлежатъ тремъ различнымъ видамъ, а именно *Felis caligulata, bubastes и chaus.* Два первыхъ вида, говорятъ, еще и теперь находятся въ дикомъ и въ домашнемъ состояніи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Египта. Felis caligulata представляетъ, по сравненію съ домашними европейскими кошками, различіе въ первыхъ нижнихъ молочныхъ коренныхъ зубахъ. Это заставляетъ Блэнвилля прійти къ выводу, что она не представляетъ первичной формы нашихъ кошекъ. Нѣкоторые натуралисты, какъ напр. Палласъ, Темминкъ, Блайтъ, полагаютъ, что домашнія кошки произошли отъ смѣшенія нѣсколькихъ видовъ. Несомнѣнно, что кошки легко скрещиваются съ разными дикими видами, и казалось бы, что типъ домашнихъ породъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такимъ образомъ могъ подвергнуться вліянію. Сэръ Джардайнъ не сомнѣвается въ томъ, что «на сѣверѣ Шотландіи, порою происходило скрещиванье съ нашимъ туземнымъ дикимъ видомъ (F. sylvestris) и что плодъ этихъ скрещиваній держали въ нашихъ домахъ. Я видѣлъ, добавляетъ онъ, многихъ кошекъ очень похожихъ на дикую кошку, а одну или двухъ, едва отличимыхъ отъ послѣдней». Блайтъ замѣчаетъ по этому поводу: «но такихъ кошекъ никогда не видѣли въ южной Англіи: однако, при сравненіи съ любою индійскою ручною кошкою, сродство обыкновенной британской кошки съ *F. syl-*

vestris очевидно; оно зависитъ, я полагаю, отъ частой помѣси въ эпоху, когда ручная кошка была впервые ввезена въ Британію и была еще рѣдка, тогда какъ дикій видъ былъ гораздо распространеннѣе, чѣмъ теперь». Въ Венгріи, Іейтэлесъ получилъ свѣдѣнія изъ авторитетнаго источника о скрещиваньи, происшедшемъ между дикимъ котомъ и домашней кошкой, при чемъ смѣшанное потомство долго жило въ домашнемъ состояніи. Въ Алжирѣ домашняя кошка скрещивалась съ дикимъ котомъ (F. lybica), свойственнымъ этой странѣ. Въ Южной Африкѣ, какъ мнѣ сообщаетъ Лэйярдъ, домашняя кошка свободно скрещивается съ дикой каффрской кошкой. Онъ видѣлъ пару гибридныхъ потомковъ, совершенно ручныхъ и особенно привязанныхъ къ воспитавшей ихъ дамѣ, а мистеръ Фрай нашелъ, что такіе гибриды плодовиты. Въ Индіи, домашняя кошка, по Блайту, скрещивалась съ четырьмя индійскими видами. Относительно одного изъ нихъ, хауса, сэръ Элліотъ, превосходный наблюдатель, сообщаетъ мнѣ, что онъ однажды убилъ, подлѣ Мадраса, дикое потомство, очевидно, представлявшее помѣсь отъ домашней кошки. У этихъ котятъ былъ толстый хвостъ, какъ у рыси, и широкая бурая полоса на внутренней сторонѣ предплечья,—признаки, характеризующіе хауса. Элліотъ прибавляетъ, что онъ часто наблюдалъ этотъ самый рисунокъ на предплечьяхъ домашнихъ кошекъ въ Индіи. Блайтъ утверждаетъ, что домашнія кошки окрашенныя вродѣ хауса, но не похожія на этотъ видъ по наружности, изобилуютъ въ Бенгалѣ; онъ прибавляетъ: «подобная окраска совершенно неизвѣстна у европейскихъ кошекъ, и своеобразныя крапчатыя пятна (блѣдныя полоски на черномъ фонѣ, своеобразно и симметрично расположенныя) такъ обыкновенная у англійскихъ кошекъ, никогда не видны у кошекъ Индіи». Докторъ Д. Шортъ увѣрялъ Блайта, что, въ Хань-Си, встрѣчаются ублюдки (гибриды) между обыкновенной кошкой и *F. ornata* (или *torquata*) и многія изъ домашнихъ кошекъ этой части Индіи не отличимы отъ дикой *F. ornata*». Азара утверждаетъ, но исключительно основываясь на словахъ жителей, что въ Парагваѣ, кошка скрещивалась съ двумя туземными видами. Эти различные примѣры показываютъ, что въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ, домашняя кошка, живущая болѣе свободно, чѣмъ большая часть другихъ прирученныхъ животныхъ, скрещивалась съ разными дикими видами; и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, скрещиванье происходило достаточно часто, чтобы повліять на характеръ породы.

Произошли ли домашнія кошки отъ различныхъ видовъ или же были только видоизмѣнены случайными скрещиваньями, ихъ плодовитость, насколько извѣстно, не убываетъ. Крупная ангорская или персидская кошка наиболѣе отличается по строенію и по нравамъ отъ всѣхъ домашнихъ породъ; по мнѣнію Палласа, хотя и не опирающемуся ни на какое опредѣленное свидѣтельство, она произошла отъ средне-азіатскаго манула (*F. manul*). Меня увѣрялъ

мистеръ Блайтъ, что ангорская кошка свободно плодится съ индійскими кошками, которыя, какъ мы уже видѣли, повидимому, часто скрещивались съ *F. chaus*. Въ Англіи полукровныя ангорскія кошки совершенно плодовиты другъ съ другомъ.

Въ одной и той же странѣ мы не встрѣчаемъ различныхъ породъ кошекъ, хотя видимъ разныя породы собакъ и большинства другихъ домашнихъ животныхъ; но все таки кошки данной страны представляютъ значительно колеблющуюся измѣнчивость. Очевидное объясненіе состоитъ въ томъ, что, по причинѣ ночныхъ ибродячихъ привычекъ, нельзя, безъ особыхъ хлопотъ, предупредить безпорядочное скрещиванье. Подборъ здѣсь не можетъ играть роли для производства различныхъ породъ или для сохраненія особенностей тѣхъ, которыя были привезены изъ чужихъ странъ. Съ другой стороны, на островахъ и въ странахъ, совершенно отдѣленныхъ другъ отъ друга, мы встрѣчаемъ породы, болѣе или менѣе несходныя между собою; объ этихъ случаяхъ стоитъ упомянуть они показываютъ, что бѣдность различными породами, когда рѣчь идетъ о данной странѣ, не причиняется недостаткомъ измѣнчивости у животнаго. Безхвостыя кошки на о-вѣ Мэнъ, говорятъ, отличаются отъ обыкновенныхъ кошекъ не только отсутствіемъ хвоста, но и болѣе значительною длиною заднихъ ногъ, размѣрами головы и нравами. Креольская кошка въ Антигвѣ, какъ мнѣ сообщилъ г. Никольсонъ, меньше ростомъ и имѣетъ болѣе удлиненную голову, чѣмъ британская. На Цейлонѣ, какъ мнѣ пишетъ Туэтсъ, почти каждый сразу замѣчаетъ различіе наружности туземной кошки отъ англійскаго животнаго; она малаго роста, съ тѣсно прилегающими волосами, малой головой, отступающимъ назадъ лбомъ; но уши велики и остры. Въ общемъ, у нея наружность, какъ выражаются мѣстные жители, «низшей касты». Ренгеръ говоритъ, что домашняя кошка, которую воспитывали въ Парагваѣ въ теченіе 300 лѣтъ, представляетъ поразительное несходство съ европейскою кошкой. Она на четверть меньше, обладаетъ болѣе сухощавымъ тѣломъ, шерсть у нея короче, блеститъ, рѣдка и плотно прилегаетъ, особенно на хвостѣ; онъ прибавляетъ, что меньшая перемѣна произошла въ Ассенсіонѣ, столицѣ Парагвая, благодаря непрерывному скрещиванью съ вновь ввезенными кошками; и этотъ фактъ отлично выясняетъ важное значеніе обособленія. Жизненныя условія въ Парагваѣ, повидимому, не очень благопріятны кошкѣ, потому что, хотя кошки здѣсь полуодичали, но не стали совсѣмъ дикими, вродѣ того, какъ многія другія европейскія животныя. Въ другой части Южной Америки, по Рулену, привозныя кошки утратили привычку испускать свое отвратительное ночное мяуканье. У. Фоксъ купилъ въ Портсмутѣ кошку, какъ ему сказали, привезенную съ Гвинейскаго берега. Кожа ея была черна и морщиниста, шерсть сизо-сѣрая и короткая, уши нѣсколько голыя, ноги длинныя и вся наружность своеобразна. Эта «негритянская» кошка давала потомство съ обыкновенными. На проти-

воположномъ берегу Африки, въ Момбасѣ, капитанъ корабля Оуэнъ видѣлъ, что всѣ кошки покрыты короткими жесткими волосами, вмѣсто мѣха. Онъ приводитъ любопытный разсказъ объ одной кошкѣ изъ бухты Альгоа. Кошку эту продержали нѣкоторое время на бортѣ корабля, и тожественность ея могла быть удостовѣрена. Животное было оставлено въ Момбасѣ лишь на восемь недѣль, но въ теченіе этого короткаго періода времени, оно «подверглось полному превращенію, разставшись со своей шерстью песочнаго цвѣта».

Одна порода съ мыса Доброй Надежды, по описанію Демареста, имѣетъ замѣчательную особенность—красную полосу вдоль всей длины спины. На огромной площади, а именно на пространствѣ Малайскаго архипелага, Сіама, Пегу и Бурмы, всѣ кошки обладаютъ хвостами, какъ бы усѣченными на половину надлежащей длины, часто съ родомъ пучка на концѣ. На Каролинскихъ островахъ у кошекъ очень длинныя ноги, и животныя эти тамъ красновато желтаго цвѣта. Въ Китаѣ одна порода обладаетъ повисшими ушами. Въ Тобольскѣ, по Гмелину, существуетъ одна порода съ красной шерстью. Въ Азіи также мы находимъ общеизвѣстныя породы—ангорскую и персидскую.

Домашняя кошка одичала въ разныхъ странахъ, и насколько можно судить по сохранившимся краткимъ описаніямъ, всюду она принимаетъ однообразный типъ. Подлѣ Мальдонадо, въ Ла-Платѣ, я застрѣлилъ кошку, повидимому, вполнѣ дикую; она была тщательно изслѣдована Уотерхаузомъ, который не нашелъ въ ней ничего особеннаго, исключая большого роста. На Новой Зеландіи, по Дифенбаху, одичавшія кошки пріобрѣтаютъ полосатую сѣрую окраску, вродѣ той, какая бываетъ у дикихъ кошекъ. То же относится къ полудикимъ кошкамъ Горной Шотландіи. Мы видѣли, что отдаленныя между собою страны обладаютъ разными домашними породами кошекъ. Различія могутъ обусловливаться частью происхожденіемъ отъ разныхъ туземныхъ видовъ, или по крайней мѣрѣ скрещиваніемъ съ ними. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Парагваѣ, въ Момбасѣ и въ Антигвѣ, различія, повидимому, зависятъ отъ прямого дѣйствія разныхъ жизненныхъ условій. Въ другихъ случаяхъ, нѣкоторое незначительное вліяніе, быть можетъ, слѣдуетъ приписать естественному подбору, такъ какъ кошки во многихъ случаяхъ въ значительной мѣрѣ должны сами поддерживать свое существованіе и избѣгать различныхъ опасностей. Но человѣкъ, по причинѣ трудности спариванья кошекъ, ничего здѣсь не сдѣлалъ при помощи методическаго подбора, и вѣроятно, сдѣлалъ очень немногое посредствомъ ненамѣреннаго подбора, хотя отъ каждаго помета онъ обыкновенно сохраняетъ самыхъ прекрасныхъ и всего болѣе цѣнитъ хорошее племя, ловящее мышей или крысъ. Тѣ кошки, которыя обладаютъ сильной склонностью ползать за добычей, обыкновенно погибаютъ въ капканахъ. Такъ какъ кошекъ очень балуютъ,

то если бы явилась порода, также относящаяся къ другимъ кошкамъ, какъ комнатныя собачки къ другимъ собакамъ, ее стали бы значительно цѣнить, и если бы можно было примѣнить подборъ, то навѣрное въ каждой давно цивилизовавшейся странѣ явились бы различныя породы, такъ какъ для дѣйствія подбора существуетъ вполнѣ достаточный запасъ измѣнчивости.

Мы видимъ въ нашей странѣ (т. е. въ Англіи) значительное различіе роста, нѣкоторую разницу въ пропорціяхъ туловища и чрезвычайную измѣнчивость окраски. Я лишь недавно занялся этимъ вопросомъ, но успѣлъ узнать о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ примѣрахъ измѣнчивости. Одинъ примѣръ представляетъ кошка, родившаяся въ Вестъ-Индіи безъ зубовъ и оставшаяся въ этомъ состояніи въ теченіе всей жизни. Тегетмейеръ показалъ мнѣ черепъ одной кошки; у этой самки клыки были такъ сильно развиты, что выдавались ниже губъ. Зубъ съ корнемъ имѣлъ въ длину 0,95 дюйма, а часть, выдающаяся изъ десны, 0,6 дюйма. Я слышалъ о нѣсколькихъ семействахъ шестипалыхъ кошекъ; въ одномъ семействѣ эта особенность передавалась, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ поколѣній. Хвостъ значительно измѣняется въ длину. Я видѣлъ одну кошку, всегда распластывавшую хвостъ на спинѣ, когда она была чѣмъ-либо довольна. Уши измѣняются по формѣ, а нѣкоторыя кошачьи семьи въ Англіи наслѣдуютъ кисть волосъ длиною около четверти дюйма, украшающую кончики ихъ ушей: и эта самая особенность, по Блайту, характеризуетъ нѣкоторыхъ кошекъ въ Индіи. Значительная измѣнчивость въ длинѣ хвоста и рысевидныхъ кистяхъ волосъ на ушахъ, повидимому, аналогична различіямъ у извѣстныхъ дикихъ видовъ даннаго рода. Гораздо болѣе существенное различіе, по Добантону, состоитъ въ томъ, что внутренности домашнихъ кошекъ шире и на треть длиннѣе, чѣмъ у дикихъ кошекъ того же роста, и это очевидно обусловлено ихъ менѣе строгимъ плотояднымъ образомъ жизни.

ГЛАВА II.

Лошади.

Исторія лошади теряется въ глубокой древности. Остатки этого животнаго, ставшаго уже домашнимъ, найдены въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ неолитическаго (новокаменнаго) періода. Въ настоящее время число породъ велико, въ чемъ можно убѣдиться, справившись съ любымъ трактатомъ о лошади. Если присмотримся только къ туземнымъ британскимъ пони, то увидимъ, что пони съ Шетландскихъ о-вовъ, изъ Уэльса, изъ Нью-Фореста и Девоншира различимы между собою. Это, между прочимъ, относится и къ лошадямъ каждаго отдѣльнаго о-ва великаго Малайскаго архипелага. Нѣкоторыя породы представляютъ значительныя различія въ ростѣ, формѣ ушей, длинѣ гривы, пропорціяхъ тѣла, формѣ загривка и заднихъ конечностей и особенно формѣ головы. Сравните скаковую лошадь, ломовую лошадь и шетландскаго пони по росту, фигурѣ и расположенію, и присмотритесь къ тому, насколько значительнѣе здѣсь различіе, чѣмъ между семью или восемью другими живущими видами рода Equus.

Если рѣчь идетъ объ индивидуальныхъ измѣненіяхъ, не характеризующихъ особыя породы и недостаточно значительныхъ или вредныхъ для того, чтобы считаться уродливостями, то мнѣ удалось собрать немного примѣровъ. Дж. Броунъ, изъ Сиренвитерской земледѣльческой коллегіи, особенно занимавшійся вопросомъ о прорѣзываніи зубовъ у нашихъ домашнихъ животныхъ, пишетъ мнѣ, что онъ „много разъ замѣчалъ восемь постоянныхъ рѣзцовъ, вмѣсто шести въ челюсти". Только жеребцы должны были бы имѣть клыки, но ихъ порою встрѣчаютъ у кобылы, хотя и меньшей вели-

чины. Число реберъ съ каждой стороны нормально равно 18, но Юаттъ утверждаетъ, что нерѣдко ихъ бываетъ 19, при чемъ добавочнымъ всегда является заднее ребро. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что по Ригъ Ведѣ, старинная индійская лошадь обладала 17 ребрами, и Піетреманъ (Piétrement), обратившій вниманіе на этотъ вопросъ, указываетъ различныя основанія, почему слѣдуетъ вполнѣ положиться на это утвержденіе, особенно по той причинѣ, что въ прежнія времена индусы тщательно считали кости животныхъ. Я читалъ много замѣчаній объ измѣненіяхъ, встрѣчаемыхъ въ костяхъ ноги; такъ, Прайсъ говоритъ о добавочной кости въ подколѣнкѣ и о нѣкоторыхъ ненормальныхъ образованіяхъ между *tibia* и *astragalus*, замѣчая, что эти особенности чрезвычайно обыкновенны у ирландскихъ лошадей и не зависятъ отъ болѣзни. По Годри, часто наблюдали лошадей, обладавшихъ трапеціевидной костью и рудиментомъ пятой пястной (метакарпальной) кости, такъ что „въ видѣ уродливости, въ ступнѣ лошади проявляются строенія, нормально существующія въ ступнѣ гиппаріона",—родственнаго лошади вымершаго животнаго. Въ разныхъ странахъ на лобныхъ костяхъ лошади наблюдали роговидные выступы. Въ одномъ случаѣ, описанномъ Персивалемъ, эти кости поднялись на два дюйма надъ надглазничными выступами и были очень похожи на такія же кости у 5—6 мѣсячнаго теленка, достигая отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ дюйма длины, Азара описалъ два случая въ Ю. Америкѣ, когда выступы были отъ 3 до 4 д. длины. Другіе примѣры встрѣчались въ Испаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у лошади должно быть много наслѣдственныхъ измѣненій; стоитъ подумать о числѣ породъ, существующихъ въ мірѣ, или даже въ какой-либо одной странѣ, и о томъ, что онѣ значительно увеличились въ числѣ съ древнѣйшихъ историческихъ временъ. Даже для такого непостояннаго признака, какова масть, Гофакеръ нашелъ, что изъ 216 случаевъ, когда случка произошла между лошадьми одинаковой масти, лишь 11 паръ произвели жеребятъ совсѣмъ иного цвѣта. По замѣчанію проф. Лоу, англійская скаковая лошадь представляетъ лучшій возможный примѣръ наслѣдственности. Родословная скаковой лошади имѣетъ болѣе значенія при оцѣнкѣ вѣроятнаго будущаго успѣха на скачкѣ, нежели наружность. „Царь Иродъ"

выигралъ призовъ на 201.505 ф. стерл. и произвелъ 497 побѣдителей; знаменитая лошадь Eclipse произвела 334 побѣдителей.

Сомнительно, возникло-ли все различіе между разными породами въ домашнемъ состояніи или частью раньше. Судя по плодовитости между различнѣйшими породами при скрещиваніи, натуралисты, вообще говоря, признавали, что всѣ породы произошли отъ одного вида. Немногіе согласятся съ полковникомъ Г. Смитомъ, полагающимъ, что лошадиныя породы произошли не менѣе, чѣмъ отъ 5 первобытныхъ, различно окрашенныхъ видовъ. Но такъ какъ разные виды и разновидности лошади существовали въ теченіе позднѣйшихъ третичныхъ періодовъ, а Рютимейеръ нашелъ различія въ ростѣ и въ формѣ черепа у древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ домашнихъ лошадей, то нельзя сказать съ увѣренностью, чтобы всѣ наши породы произошли отъ одного единственнаго вида. Дикари Сѣверной и Южной Америки легко укрощаютъ одичалыхъ лошадей, такъ что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что дикари въ разныхъ странахъ могли приручить болѣе одного туземнаго вида или дикой расы. Сансонъ полагаетъ, что онъ доказалъ приручение двухъ отдѣльныхъ видовъ, одного въ Восточной Африкѣ, другого въ Сѣверной. По его словамъ, они различались числомъ поясничныхъ позвонковъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; но Сансонъ, повидимому, полагаетъ, что остеологическіе признаки подвержены очень малой измѣнчивости, что навѣрное ошибочно. Въ настоящее время неизвѣстно положительно ни одной туземной или истинно дикой лошади; дѣйствительно, вообще говоря, полагаютъ, что дикія лошади Востока—это одичалыя домашнія животныя (хотя многіе, какъ, напр., Мартинъ, оспариваютъ это). Если, поэтому, наши домашнія породы произошли отъ разныхъ видовъ или отъ дикихъ породъ, то всѣ эти виды вымерли въ дикомъ состояніи.

Что касается причинъ видоизмѣненій, которымъ подверглись лошади, то жизненныя условія, повидимому, оказали значительное прямое дѣйствіе. М-ръ Форбсъ, имѣвшій превосходные случаи для сравненія лошадей Испаніи съ лошадьми Ю. Америки, сообщаетъ мнѣ, что лошади въ Чили, жившія почти при тѣхъ же условіяхъ, какъ ихъ предки въ

Андалузіи, остались неизмѣненными, тогда какъ лошади пампасовъ и пони въ Пуно значительно видоизмѣнены. Не можетъ быть сомнѣнія, что лошади значительно уменьшаются въ ростѣ и измѣняютъ наружность въ горныхъ странахъ и на о-вахъ; это, повидимому, зависитъ отъ отсутствія питательной или разнообразной пищи. Каждый знаетъ, какъ малы и грубо-косматы пони на сѣверныхъ о-вахъ и на европейскихъ горахъ. Корсика и Сардинія обладаютъ своими туземными пони, а на нѣкоторыхъ о-вахъ и на берегу Виргиніи были или еще есть пони вродѣ шетландскихъ, которыя, полагаютъ, произошли вслѣдствіе того, что подвергались неблагопріятнымъ условіямъ. Пунскія пони, живущія въ возвышенныхъ областяхъ Кордильеръ, по словамъ Форбса, странныя маленькія существа, очень непохожія на своихъ испанскихъ предковъ. Далѣе къ югу, на Фалькландскихъ о-вахъ, потомство лошадей, ввезенныхъ съ 1764 г., уже такъ значительно уменьшилось въ ростѣ и въ силѣ, что непригодно для поимки дикаго рогатаго скота помощью лассо (аркана), такъ что съ этой цѣлью приходится, съ большими издержками, привозить лошадей изъ Ла-Платы. Уменьшенный ростъ лошадей, воспитанныхъ какъ на южныхъ, такъ и на сѣверныхъ о-вахъ и на разныхъ горныхъ цѣпяхъ, едва-ли могъ быть причиненъ холодомъ, такъ какъ аналогичное уменьшеніе роста произошло на виргинскихъ и средиземныхъ о-вахъ. Лошадь способна противостоять жесточайшей стужѣ, такъ какъ дикіе табуны живутъ на равнинахъ Сибири подъ широтою 56^0, и первоначально лошади должны были населять страны, ежегодно покрываемыя снѣгомъ, потому что лошадь долго удерживаетъ инстинктъ разрывать снѣгъ, съ цѣлью достать изъ подъ него траву. Дикіе тарпаны Востока обладаютъ этимъ инстинктомъ; то же, какъ мнѣ сообщаетъ адмиралъ Сюливанъ, относится къ лошадямъ, недавно и раньше ввезеннымъ на Фалькландскіе о-ва изъ Ла-Платы, при чемъ нѣкоторыя одичали. Этотъ послѣдній фактъ замѣчателенъ, такъ какъ предки этихъ лошадей не могли слѣдовать такому инстинкту въ теченіе многихъ поколѣній въ Ла-Платѣ. Съ другой стороны, дикій рогатый скотъ на Фалькландскихъ о-вахъ никогда не разрываетъ снѣга и погибаетъ, когда почва долго покрыта. Въ сѣверныхъ частяхъ Америки лошади, происшедшія отъ тѣхъ, которыя

были ввезены испанскими завоевателями Мексики, обладаютъ тою же привычкою: она свойственна и туземнымъ бизонамъ, но не скоту, ввезенному изъ Европы.

Лошадь можетъ процвѣтать при сильнѣйшемъ зноѣ, какъ и при жесточайшемъ холодѣ: дѣйствительно, какъ извѣстно. она достигаетъ высочайшаго совершенства, хотя не самаго крупнаго роста, въ Аравіи и сѣв. Африкѣ. Значительная сырость, повидимому, гораздо вреднѣе для лошади, чѣмъ зной или холодъ. На Фалькландскихъ о-вахъ лошади сильно страдаютъ отъ сырости, и это обстоятельство, быть можетъ, отчасти служитъ объясненіемъ того страннаго факта, что къ востоку отъ Бенгальскаго залива, въ огромной влажной области, въ Авѣ, Пегу, Сіамѣ, на Малайскомъ архипелагѣ, на о-вахъ Лю-Чу и въ значительной части Китая, нельзя найти ни одной лошади хорошаго роста. По мѣрѣ передвиженія къ востоку, къ Японіи, лошадь достигаетъ своего полнаго роста. У большинства нашихъ домашнихъ животныхъ нѣкоторыя породы воспитываютъ лишь ради ихъ страннаго вида или же красоты; но лошадь цѣнятъ почти исключительно ради ея полезности: поэтому полууродливыя породы не сохраняются, и, быть можетъ, всѣ существующія породы образовались медленно, прямымъ дѣйствіемъ жизненныхъ условій или же подборомъ индивидуальныхъ различій. Безъ сомнѣнія, полууродливыя породы могли бы образоваться: такъ, Уотертонъ приводитъ случай кобылы, родившей послѣдовательно трехъ безхвостыхъ жеребятъ; такимъ образомъ можно было бы создать безхвостую породу, вродѣ безхвостыхъ породъ собакъ или кошекъ. У одной русской породы лошадей волосы, говорятъ, курчавы, а Азара разсказываетъ, что въ Парагваѣ порою родятся лошади (хотя ихъ обыкновенно убиваютъ) съ волосами въ такомъ родѣ, какъ у негра на головѣ; эта особенность передается даже полукровному потомству. Любопытенъ фактъ соотношенія, состоящій въ томъ, что такія лошади обладаютъ короткими гривами и хвостами, а ихъ копыта бываютъ своеобразной формы, вродѣ какъ у мула. Едва-ли возможно сомнѣваться, что продолжительный подборъ качествъ, полезныхъ для человѣка, былъ главнымъ дѣятелемъ при образованіи разныхъ лошадиныхъ породъ.

Посмотрите на ломовую лошадь: какъ хорошо она

приспособлена къ тому, чтобы тянуть большія тяжести, и до чего не похожа, по наружному виду, на любое родственное дикое животное. Англійская скаковая лошадь, какъ извѣстно, произошла отъ смѣшанной крови арабскихъ, турецкихъ и берберскихъ лошадей; но подборъ, производившійся съ очень древнихъ временъ въ Англіи, совмѣстно съ тренировкой, сдѣлалъ англійскую лошадь весьма несходною съ родительскими породами. Одинъ живущій въ Индіи писатель, несомнѣнно хорошо знакомый съ чистою арабскою породою, спрашиваетъ, кто теперь „присматриваясь къ нашей нынѣшней породѣ скаковыхъ лошадей, могъ бы представить себѣ, что онѣ являются плодомъ скрещиванья арабскаго коня съ африканской кобылой?". Улучшеніе настолько замѣтно, что при скачкахъ на Гудвудскій призъ „первое поколѣніе арабскихъ, турецкихъ и персидскихъ лошадей пользуется скидкою 18 ф. вѣса, если же обое родителей этихъ восточныхъ кровей, то допускается скидка въ 36 ф." Общеизвѣстно, что арабы въ теченіе долгаго времени такъ же заботились о родословной своихъ лошадей, какъ и мы сами, а это указываетъ на значительную и продолжительную практику въ коннозаводскомъ дѣлѣ. Видя, что было сдѣлано въ Англіи тщательнымъ коннозаводствомъ, можно-ли сомнѣваться въ томъ, что арабы также должны были, въ теченіе многихъ вѣковъ, достичь замѣтнаго результата относительно качествъ своихъ лошадей? Но можно указать на гораздо болѣе древнія времена, потому что въ Библіи мы читаемъ о тщательномъ устройствѣ заводскихъ конюшенъ и о ввозѣ лошадей изъ разныхъ странъ, при чемъ платили высокія цѣны. Можно, поэтому, прійти къ выводу, что, произошли-ли разныя существующія породы лошадей отъ одной или многихъ туземныхъ породъ, во всякомъ случаѣ, значительныя измѣненія были результатомъ прямого дѣйствія жизненныхъ условій, а можетъ быть, еще болѣе значительныя измѣненія были послѣдствіемъ продолжительнаго искусственнаго подбора мелкихъ индивидуальныхъ различій.

У разныхъ домашнихъ четвероногихъ и птицъ разныя цвѣтныя масти въ сильной степени наслѣдственны или же стремятся возобновиться послѣ утраты на долгое время. Такъ какъ этотъ вопросъ вообще важенъ, я приведу подробныя

свѣдѣнія о мастяхъ лошадей. Всѣ англійскія породы, каково бы ни было различіе ихъ роста и наружности, а также нѣкоторыя породы Индіи и Малайскаго архипелага, представляютъ сходные ряды разнообразныхъ мастей. Однако, англійская скаковая лошадь, говорятъ, никогда не бываетъ соловаго цвѣта; но такъ какъ арабы признаютъ соловыхъ и буланыхъ лошадей никуда негодными или „пригодными только для евреевъ", то возможно, что эти масти были исключены продолжительнымъ подборомъ. Лошади всякой масти и такихъ различныхъ породъ, какъ ломовыя, англійскіе рысаки и пони—всѣ порою бываютъ въ яблокахъ, съ такимъ самымъ рисункомъ, который такъ замѣтенъ у сѣрыхъ лошадей. Фактъ этотъ нисколько не выясняетъ, какова была окраска первобытной лошади, но представляетъ примѣръ аналогичной измѣнчивости, потому что даже ослы бываютъ иногда въ яблокахъ, и я видѣлъ, въ Британскомъ Музеѣ, ублюдка отъ осла и зебры въ яблокахъ на заднихъ конечностяхъ. Подъ выраженіемъ аналогичная измѣнчивость, часто мною употребляемымъ, я подразумѣваю появленіе измѣненій у вида или разновидности, съ характеромъ, нормально свойственнымъ иному виду или иной разновидности. Аналогичныя измѣненія могутъ возникнуть вслѣдствіе того, что двѣ или многія формы, сходныя по тѣлосложенію, подвергались сходнымъ условіямъ; или можетъ случиться, что одна или двѣ формы вновь пріобрѣли, путемъ возврата, признакъ, унаслѣдованный второю формою отъ ихъ общаго предка; или же обѣ формы могли возвратиться къ одному и тому же прародительскому типу. Лошади порою обнаруживаютъ нѣкоторое стремленіе пріобрѣсть полосы на большей части тѣла; но мы знаемъ, что у разновидностей домашней кошки и у разныхъ кошачьихъ видовъ полосы легко переходятъ въ пятна и въ дымчатые рисунки. Даже дѣтеныши однообразно окрашеннаго льва покрыты темными пятнами на болѣе свѣтломъ фонѣ. Отсюда можно вывести, что лошадь бываетъ, какъ говорятъ, въ яблокахъ (фактъ, удивлявшій нѣкоторыхъ авторовъ), въ силу склонности стать полосатою—лишь при нѣкоторомъ видоизмѣненіи этой склонности.

Полосы бываютъ разнаго цвѣта, но всегда онѣ темнѣе остального туловища. Ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать,

чтобы полосы всегда встрѣчались совмѣстно на разныхъ частяхъ тѣла. Можетъ случиться, что ноги въ полосахъ, а на плечахъ нѣтъ никакихъ полосъ, или обратно, что бываетъ рѣже. Я, однако, никогда не слышалъ, чтобы встрѣчались полосы на плечахъ или ногахъ, безъ всякихъ спинныхъ полосъ. Послѣднія наиболѣе обыкновенны изъ всѣхъ полосъ, какъ и слѣдовало ожидать, такъ какъ онѣ встрѣчаются у 7 или 8 другихъ видовъ того же рода. Замѣчательно, что такой мелочный признакъ, какъ удвоеніе или утроеніе плечевой полосы, встрѣчается у такихъ различныхъ породъ, какъ валлійскіе (уэльшскіе) и девонширскіе пони, затѣмъ шаньскіе пони, тяжелыя ломовыя лошади, легкія южно-американскія и сухощавая каттиварская порода. Полковникъ Гамильтонъ Смитъ полагаетъ, что одна изъ пяти допущенныхъ имъ первичныхъ расъ была соловаго цвѣта и полосатая, и что полосы у всѣхъ другихъ породъ происходятъ отъ древнихъ скрещиваній съ этою одною соловою породою. Но въ высшей степени неправдоподобно, чтобы различныя породы, живущія въ такихъ отдаленныхъ между собою странахъ, всѣ могли скрещиваться съ любою одною, первоначально особою породою. Нѣтъ у насъ также никакого основанія думать, чтобы результаты скрещиванья въ очень отдаленную эпоху могли уцѣлѣть на столько поколѣній, какъ подразумѣвается этою теоріею. Относительно того, что первоначальная масть лошади была соловая, полковникъ Гамильтонъ Смитъ собралъ множество фактовъ, показывающихъ, что эта масть была обыкновенною на Востокѣ еще во времена Александра Македонскаго и что дикія лошади З. Азіи и В. Европы теперь отличаются или недавно отличались мастью, представляющей разные оттѣнки соловой. Кажется, еще недавно одна дикая порода соловыхъ лошадей съ полосами на спинѣ сохранялась въ прусскихъ королевскихъ паркахъ. Изъ Венгріи мнѣ сообщаютъ, что мѣстные жители признаютъ соловыхъ, съ полосами на спинѣ, туземною породою; то же въ Норвегіи. Соловые пони (см. рис. 1) не рѣдки въ гористыхъ мѣстностяхъ Девоншира, Уэльса и Шотландіи, гдѣ туземная порода имѣла наилучшіе шансы сохраненія. Въ Ю. Америкѣ, во времена Азары, когда лошадь одичала уже въ теченіе около 250 лѣтъ, 90% лошадей были bai-châtains

(темно-гнѣдыми), а остальные 10% zains, т. е. гнѣдыми [1]); но не болѣе 1 изъ 2000 встрѣчалось вороныхъ. Въ С. Америкѣ одичавшія лошади обнаруживаютъ сильное стремленіе стать рыжевато-саврасыми разныхъ оттѣнковъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Кэнфильдъ, онѣ, большею частью, бываютъ соловыми и полосатыми.

Въ главахъ о голубѣ мы увидимъ, что сизая птица порою производится чистыми породами разныхъ мастей, и когда это случается, то неизмѣнно на крыльяхъ и хвостѣ являются извѣстныя черныя пятна. Точно также, при скрещиваньи различно окрашенныхъ породъ, часто производятся сизыя птицы съ такими же черными рисунками. Мы увидимъ, что эти факты объясняются предположеніемъ (въ свою очередь ими подтверждаемымъ), что всѣ голубиныя породы произошли отъ горнаго голубя (*Columba livia*), отличающагося такою окраскою и рисункомъ. Но появленіе полосъ у разныхъ породъ лошадей, именно у особей соловой масти, далеко не представляетъ такого же надежнаго доказательства въ пользу ихъ происхожденія отъ одной первобытной породы, какъ для голубя. Дѣйствительно, неизвѣстно ни одной, навѣрное дикой лошади, которая могла бы служить мѣриломъ для сравненія. Далѣе, полосы, когда онѣ появляются, бываютъ измѣнчиваго характера. Затѣмъ, далеко не достаточно доказано, чтобы скрещиваніе разныхъ породъ производило полосы; наконецъ, всѣ виды рода *Equus* обладаютъ полосами на спинѣ, а нѣкоторые также на плечахъ и ногахъ. Тѣмъ не менѣе, важнымъ свидѣтельствомъ является сходство между различнѣйшими породами по ихъ обычному ряду мастей, рисунку въ яблокахъ и появленію порою, особенно же у соловыхъ лошадей, полосъ на ногахъ и двойныхъ или тройныхъ плечевыхъ полосъ. Всѣ эти факты, взятые вмѣстѣ, указываютъ, съ извѣстной вѣроятностью, на происхожденіе всѣхъ существующихъ породъ отъ одной и той же соловой, болѣе или менѣе полосатой породы, при чемъ ея признаки порою появляются у нашихъ лошадей путемъ возврата.

---

[1]) Дарвинъ переводитъ это французское выраженіе словомъ brown (бурый, гнѣдой) но *zain* значитъ вообще лошадь одного цвѣта, безъ какихъ-либо пятенъ.
Изд.

Оселъ.

Четыре вида ословъ, помимо трехъ видовъ зебры, были описаны естествоиспытателями. Теперь почти не осталось сомнѣній, что наше прирученное животное произошло отъ абиссинскаго *Equus taeniopus*. На осла порою указываютъ, какъ на примѣръ животнаго, прирученнаго, какъ извѣстно изъ Ветхаго Завѣта, съ давняго времени, но измѣнявшагося лишь въ очень незначительной степени. Однако, это мнѣніе вовсе не строго точно; дѣйствительно, въ одной Сиріи есть четыре породы: первая, легкая и граціозная, съ пріятной походкой—на этихъ ослахъ ѣздятъ дамы; вторая, арабская, употребляемая искючительно подъ сѣдло; третья, болѣе дюжая, употребляемая для сохи и другихъ цѣлей; наконецъ, крупная дамасская порода съ своеобразно длиннымъ туловищемъ и ушами. На югѣ Франціи также есть нѣсколько породъ, въ томъ числѣ одна необыкновеннаго роста: попадаются экземпляры такіе крупные, какъ лошадь хорошаго роста. Хотя въ Англіи оселъ далеко не отличается однообразной наружностью, однако особыхъ породъ не образовалось. Это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что ословъ держатъ, большею частью, бѣдные люди, не воспитывающіе значительнаго количества животныхъ и не занимающіеся тщательнымъ спариваньемъ и подборомъ молодыхъ. Дѣйствительно, оселъ безъ труда можетъ значительно улучшить свой ростъ и силу путемъ тщательнаго подбора, безъ сомнѣнія, въ соединеніи съ хорошимъ кормомъ. Мы можемъ отсюда вывесть, что также другіе его признаки такимъ же образомъ могли бы быть исправлены подборомъ.

Малый ростъ осла въ Англіи и сѣв. Европѣ, повидимому, зависитъ гораздо болѣе отъ недостатка тщательнаго ухода, чѣмъ отъ холода; дѣйствительно, въ западной части Индіи, гдѣ нѣкоторыя низшія касты пользуются осломъ, какъ вьючнымъ животнымъ, онъ оказывается немногимъ болѣе ньюфаундлэндской собаки, достигая обыкновенно „не болѣе 20—30 дюймоваго роста“.

Масть осла крайне измѣнчива, а его ноги, особенно переднія, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, напр. въ Китаѣ, порою покрыты болѣе явственными полосами, чѣмъ

у соловыхъ лошадей. Насчитывали 13 или 14 поперечныхъ полосъ, какъ на переднихъ, такъ и на заднихъ ногахъ. У лошади, появляющіяся иногда на ногахъ полосы объясняли возвратомъ къ предполагаемой родительской формѣ; относительно осла мы съ увѣренностью можемъ положиться на это объясненіе, такъ какъ извѣстно, что *E. taeniopus* покрытъ полосами, хотя лишь въ малой степени и не вполнѣ неизмѣннымъ образомъ. Полагаютъ, что полосы встрѣчаются чаще и видны всего яснѣе на ногахъ домашняго осла въ ранней юности, что случается также съ лошадью. Плечевая полоса, въ высшей степени характеристичная для этого вида, тѣмъ не менѣе измѣнчива по ширинѣ, длинѣ и способу, какъ она заканчивается. По моимъ измѣреніямъ, одна оказалась вчетверо шире другой, а нѣкоторыя вдвое длиннѣе другихъ. У одного свѣтло-сѣраго осла плечевая полоса была лишь 6 дюймовъ въ длину и тонка, какъ веревка; у другого животнаго той же масти былъ только темноватый оттѣнокъ, изображавшій полосу. Я слышалъ о трехъ бѣлыхъ ослахъ, не альбиносахъ, не имѣвшихъ ни слѣда плечевыхъ или спинныхъ полосъ, и видѣлъ девять другихъ ословъ, безъ всякой плечевой полосы; у нѣкоторыхъ изъ нихъ вовсе не было спинной полосы. Трое изъ девяти были свѣтло-сѣрые, одинъ темно-сѣрый, еще одинъ сѣрый съ красновато-рыжимъ оттѣнкомъ, остальные—бурые, при чемъ у двоихъ части тѣла были окрашены въ красноватый или гнѣдой оттѣнокъ. Если бы поэтому стали постоянно подбирать сѣрыхъ или рыжевато-бурыхъ ословъ и плодить отъ нихъ потомство, то плечевая полоса, вѣроятно, была бы почти такъ же неизмѣнно и вполнѣ утрачена, какъ и въ случаѣ лошади.

Плечевая полоса у осла порою двойная, и Блайтъ видѣлъ даже три или четыре параллельныя полосы. Я наблюдалъ въ десяти случаяхъ плечевыя полосы, внезапно усѣченныя на нижнемъ концѣ, при чемъ передній уголъ вытянутъ въ остроконечіе, совсѣмъ какъ у соловаго девонширскаго пони.

Я видѣлъ въ трехъ случаяхъ, что оконечность внезапно сгибается, образуя уголъ, видѣлъ также и слышалъ о четырехъ случаяхъ, когда полоса явственно, хотя и слегка, раздваивалась вилообразно. Въ Сиріи д-ръ Гукеръ со своими спутниками наблюдалъ для меня не менѣе пяти подобныхъ

случаевъ, когда плечевая полоса ясно раздваивалась надъ переднею ногою. У обыкновеннаго мула она также порою раздваивается. Когда я въ первый разъ замѣтилъ развѣтвленіе и угловатый изгибъ плечевой полосы, то раньше видѣлъ уже у разныхъ лошадиныхъ видовъ достаточное количество полосъ для того, чтобы понять, что даже такой маловажный признакъ имѣетъ опредѣленное значеніе: это привело меня къ наблюденію. Оказывается, что у Борчелевой лошади (E. Burchellii) и у квагги, полоса, соотвѣтствующая плечевой полосѣ осла, а также нѣкоторыя изъ полосъ на шеѣ раздваиваются, а нѣкоторыя изъ полосъ подлѣ плеча имѣютъ оконечности, согнутыя подъ угломъ назадъ. Раздваиваніе и угловатый изгибъ плечевыхъ полосъ, очевидно, находятся въ связи съ тѣмъ, что почти прямостоячія полосы по бокамъ тѣла и на шеѣ измѣняютъ свое направленіе и на ногахъ становятся поперечными. Въ концѣ концовъ мы видимъ, что присутствіе полосъ на плечахъ, ногахъ и спинѣ, встрѣчающееся иногда отсутствіе ихъ у осла, присутствіе двойныхъ и тройныхъ плечевыхъ полосъ у обоихъ животныхъ и сходство способовъ, по которымъ они оканчиваются внизу,—все это примѣры аналогичной измѣнчивости у лошади и осла. Эти случаи, вѣроятно, зависятъ не отъ дѣйствія сходныхъ условій на сходныя организаціи, но отъ частнаго возврата въ окраскѣ къ общему предку цѣлаго рода.

ГЛАВА III.

Свиньи. Крупный рогатый скотъ. Овцы. Козы.

Породы свиней недавно подверглись болѣе внимательному изученію (хотя еще многое остается сдѣлать), нежели любого другого домашняго животнаго. Это было сдѣлано Германомъ ф. Натузіусомъ въ двухъ превосходныхъ сочиненіяхъ, особенно въ позднѣйшемъ—о черепахъ разныхъ породъ, и Рютимейеромъ въ его знаменитой „Фаунѣ древнихъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ". Натузіусъ показалъ, что почти всѣ извѣстныя породы могутъ быть подраздѣлены на двѣ большія группы. Одна походитъ во всѣхъ существенныхъ признакахъ на обыкновеннаго дикаго кабана и несомнѣнно происходитъ отъ него; эту группу можно назвать группою кабана (*Sus scrofa*). Другая группа отличается отъ первой различными важными и постоянными остеологическими признаками. Ея дикій предокъ неизвѣстенъ. Названіе, данное ей Натузіусомъ, на основаніи права первенства, это индійская свинья (Sus indicus Палласа). Это имя приходится сохранить, хотя оно неудачно, такъ какъ въ Индіи нѣтъ дикаго сходнаго вида, а всего лучше изученныя домашнія породы были ввезены изъ Сіама и Китая.

Начнемъ съ *кабаньихъ* породъ. Еще и теперь онѣ существуютъ, по Натузіусу (см. его Schweinesschädel, S. 75), въ разныхъ частяхъ средней и сѣверной Европы. Прежде въ каждомъ изъ королевствъ и почти въ каждой области Великобританіи была своя туземная порода, но теперь онѣ вездѣ быстро исчезаютъ, вытѣсняясь улучшенными породами, скрещенными съ индійской свиньей. Черепъ породъ кабаньяго типа похожъ, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на черепъ

европейскаго дикаго кабана. Но онъ сталъ выше и шире, по сравненію съ длиною, а задняя часть его болѣе прямостояча. Всѣ эти различія, однако, очень измѣнчивы по степени. Породы, походящія такимъ образомъ на *S. scrofa* въ существенныхъ особенностяхъ ихъ черепа, замѣтно отличаются другъ отъ друга въ другихъ отношеніяхъ, какъ, напр., по длинѣ ушей и ногъ, кривизнѣ реберъ, масти, волосатости, росту и пропорціямъ тѣла.

Дикій кабанъ (Sus scrofa) имѣетъ обширную область распространенія, а именно, живетъ въ Европѣ, С. Африкѣ (тожество удостовѣрено Рютимейеромъ по остеологическимъ признакамъ) и въ Индустанѣ. Но дикіе кабаны, населяющіе эти различныя страны на столько отличаются другъ отъ друга внѣшними признаками, что нѣкоторые естествоиспытатели причисляли ихъ къ особымъ видамъ. Даже въ Индустанѣ эти животныя, по Блайту, образуютъ весьма различныя породы въ разныхъ областяхъ. Въ сѣверно-западныхъ областяхъ, какъ мнѣ сообщаетъ Р. Эверестъ, кабанъ никогда не бываетъ выше 36 дюймовъ, тогда какъ въ Бенгалѣ одинъ оказался 44 д. Въ Европѣ, С. Африкѣ и Индустанѣ извѣстны случаи скрещиванья съ дикими туземными видами, и въ Индустанѣ одинъ точный наблюдатель, Вальтеръ Элліотъ, описавъ различія между дикимъ индійскимъ и дикимъ германскимъ кабаномъ, замѣчаетъ, что „тѣ же самыя различія наблюдаются между домашними свиньями обѣихъ странъ“. Отсюда можно вывесть, что породы изъ типа *Sus scrofa* произошли отъ такихъ формъ или были скрещиваемы съ такими формами, которыя могутъ считаться географическими расами, по мнѣнію же нѣкоторыхъ естествоиспытателей должны признаваться особыми видами.

Свиньи изъ типа *Sus indicus* лучше извѣстны англичанамъ въ видѣ китайской породы. Черепъ индійской свиньи, по описанію Натузіуса, отличается отъ черепа обыкновеннаго дикаго кабана *S. scrofa* разными мелкими особенностями, какъ, напр., большей шириной и нѣкоторыми особенностями въ строеніи зубовъ; главнымъ же образомъ—короткостью слезныхъ костей, болѣе значительною шириною передней части небныхъ костей и расхожденіемъ предкоренныхъ (ложнокоренныхъ) зубовъ. Заслуживаетъ особаго замѣчанія, что эти

послѣдніе признаки не пріобрѣтаются, даже въ малѣйшей степени, домашними породами обыкновенной свиньи (S. scrofa).

Послѣ чтенія замѣчаній и описаній, данныхъ Натузіусомъ, мнѣ кажется, что будетъ чистою игрою словъ выражать сомнѣніе, слѣдуетъ-ли признавать S. indicus особымъ видомъ. Дѣйствительно, вышеприведенныя различія болѣе рѣзки, чѣмъ тѣ, какія можно указать, напр., между лисицей и волкомъ, или же осломъ и лошадью. Какъ уже замѣчено, S. indicus—видъ неизвѣстный въ дикомъ состояніи, но его домашнія породы, по Натузіусу, близки къ явскому *S. vittatus* и нѣк. др. родственнымъ видамъ. Одинъ видъ свиньи, находимый въ дикомъ состояніи на о-вахъ Ару (Schweinesschädel, 169) очевидно тожественъ съ *S. indicus*, но сомнительно, настоящее-ли это туземное животное. Домашнія породы Китая, Кохинхины и Сіама принадлежатъ къ этому типу. Римская или неаполитанская порода, андалузская, венгерская и свиньи, которыхъ Натузіусъ называетъ krause (курчавыми), живущія въ ю. з. Европѣ и Турціи, отличающіяся курчавостью, наконецъ, мелкія швейцарскія свиньи (Bündtnerschwein, по Рютимейеру)—всѣ сходятся съ *S. indicus* въ важнѣйшихъ особенностяхъ черепа, и, какъ полагаютъ, всѣ въ значительной степени были скрещиваемы съ этою формою. Свиньи этого типа существовали въ теченіе продолжительнаго времени на берегахъ Средиземнаго моря, потому что одинъ рисунокъ (Schweinesschädel, 142) близко сходный съ живущей теперь неаполитанской свиньей, былъ найденъ въ погребенномъ городѣ Геркуланумѣ. Рютимейеръ сдѣлалъ замѣчательное открытіе, что въ Швейцаріи, въ теченіе новокаменнаго (неолитическаго) періода, жили одновременно двѣ домашнія породы, S. scrofa и S. scrofa palustris или болотная свинья. Рютимейеръ замѣтилъ, что эта послѣдняя приближалась въ восточнымъ породамъ, и, по Натазіусу, она навѣрное принадлежитъ къ группѣ S. *indicus*. Но Рютимейеръ затѣмъ показалъ, что она отличается отъ S. indicus нѣкоторыми рѣзкими признаками. Этотъ авторъ раньше былъ убѣжденъ въ томъ, что его болотная свинья существовала, какъ дикій видъ, въ теченіе первой части каменнаго вѣка и что она была приручена въ теченіе позднѣйшей части того же періода. Натузіусъ, допуская вполнѣ любо-

пытный фактъ, впервые замѣченный Рютимейеромъ, а именно, что кости домашнихъ и дикихъ животныхъ могутъ быть различены по внѣшнему виду, не убѣжденъ однако, судя по особымъ трудностямъ, представляемымъ костями свиньи (l. c. 147), въ правильности этого вывода, и самъ Рютимейеръ теперь, кажется, колеблется. Другіе естествоиспытатели также приводили сильные доводы, согласные съ мнѣніемъ Натузіуса.

Разныя породы, различающіяся пропорціями тѣла, длиною ушей, качествомъ волосъ, окраскою и т. п., подходятъ подъ общій типъ *Sus indicus*. Это и неудивительно, если принять во вниманіе, насколько древнимъ является прирученіе этой формы въ Европѣ и въ Китаѣ. Въ Китаѣ, по мнѣнію одного выдающагося синолога, прирученіе свиней произошло за 4900 лѣтъ до настоящаго времени. Тотъ же ученый (Стан. Жюльенъ) указываетъ на существованіе многихъ мѣстныхъ разновидностей китайской свиньи; въ настоящее время китайцы необычайно заботятся о своихъ свиньяхъ, кормя ихъ и ухаживая за ними до того, что не позволяютъ имъ даже прогуливаться съ мѣста на мѣсто. Поэтому эти свиньи, по замѣчанію Натузіуса, въ чрезвычайной степени обнаруживаютъ признаки высококультивированной породы, а отсюда, безъ сомнѣнія, зависитъ ихъ высокая цѣнность въ дѣлѣ улучшенія нашихъ европейскихъ породъ. Натузіусъ дѣлаетъ замѣчательное утвержденіе (Schweineschädel, 138), что присоединеніе $\frac{1}{32}$ или даже $\frac{1}{64}$ части крови (при скрещиваніи) S. indicus къ какой-либо породѣ S. scrofa достаточно для явнаго видоизмѣненія черепа у этого послѣдняго вида. Этотъ замѣчательный фактъ, быть можетъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые изъ отличительныхъ признаковъ S. indicus, вродѣ короткости слезныхъ костей и т. д., общи разнымъ видамъ этого рода; дѣйствительно, при скрещиваньи, признаки общіе многимъ видамъ явно стремятся одержать верхъ надъ тѣми, которые принадлежатъ лишь немногимъ видамъ.

Японская свинья (S. *pliciceps* Грея), которую прежде показывали въ Зоологическомъ Саду (въ Лондонѣ), отличается необыкновенною внѣшностью, имѣя короткую голову, широ-

кій лобъ и носъ, большія мясистыя уши и глубоко морщинистую кожу. Прилагаемый рисунокъ (см. таблицу въ концѣ книги) скопированъ съ рисунка Бартлетта (Proc. Zool. Soc. 1861, p. 263) (см. рис. 2),

Не только рыло покрыто морщинами, но толстыя складки кожи, болѣе твердыя, чѣмъ остальныя части, почти подобныя пластинкамъ индійскаго носорога, висятъ кругомъ плечъ и у задней части тѣла. Свинья эта черной масти, съ бѣлыми ногами и плодится, сохраняя чистоту породы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта порода давно была приручена. Это можно было бы вывести даже изъ того факта, что ея дѣтеныши не продольно полосаты, потому что таковъ признакъ всѣхъ видовъ рода *Sus* и близкихъ родовъ въ ихъ дикомъ состояніи. Д-ръ Грей описалъ черепъ этого животнаго, причисляемаго имъ не только къ особому виду, но даже особому подроду. Натузіусъ однако, послѣ тщательнаго изученія цѣлой группы, положительно утверждаетъ (Schweineschädel, 153—158), что черепъ, во всѣхъ существенныхъ признакахъ, близко сходенъ съ черепомъ короткоухой китайской породы типа *S. indicus*. Поэтому Натузіусъ разсматриваетъ японскую свинью, лишь какъ приручeнную разновидность *Sus indicus* если это, дѣйствительно, такъ, то здѣсь мы видимъ изумительный примѣръ значительнаго измѣненія, которое можетъ произойти въ домашнемъ состояніи.

Раньше на центральныхъ островахъ Тихаго океана существовала своеобразная порода свиней. По описанію Тайермэна и Беннетта, это были низкорослыя свиньи, съ горбатою спиною, непропорціально длинною головою, ушами повернутыми кзади, хвостомъ въ видѣ кисти и длиною не болѣе двухъ дюймовъ, поставленнымъ при томъ такъ, какъ будто онъ выросъ изъ спины. Въ теченіе полустолѣтія послѣ ввоза европейскихъ и китайскихъ свиней на эти острова, туземная порода, по словамъ названныхъ авторовъ, почти совершенно погибла, вслѣдствіе частыхъ скрещиваній съ привозными свиньями. Уединенные острова, какъ и слѣдовало ожидать, представляютъ благопріятныя условія для производства или сохраненія своеобразныхъ породъ. Такъ, на Оркнейскихъ островахъ описывали свиней, весьма малыхъ, съ

прямостоячими, острыми ушами и совсѣмъ не похожихъ на свиней, привезенныхъ съ юга".

Мы знаемъ, до чего китайскія свиньи, принадлежащія къ типу *Sus indicus*, отличаются по своимъ остеологическимъ признакамъ и наружности отъ свиней типа *Sus scrofa;* ихъ даже слѣдуетъ признать особымъ видомъ. Заслуживаетъ, поэтому, вниманія тотъ фактъ, что китайскія и обыкновенныя свиньи были часто скрещиваемы различнымъ способомъ, причемъ плодовитость не уменьшалась. Одинъ знаменитый свиноводъ, пользовавшійся чистокровными китайскими свиньями, увѣрялъ меня, что плодовитость полукровныхъ между собою, а также ихъ вновь скрещиваемаго потомства, въ дѣйствительности даже увеличилась, и таково общее мнѣніе сельскихъ хозяевъ. Далѣе, японская свинья (S. plicicepsГрея) до того отличается наружностью отъ всѣхъ обыкновенныхъ свиней, что лишь съ большой натяжкой ее можно счесть просто домашней разновидностью; однако, оказалось, что эта порода вполнѣ плодовита съ беркширской породой, а Эйтонъ сообщаетъ мнѣ, что онъ спаривалъ полукровныхъ брата и сестру и нашелъ, что они вполнѣ плодовиты между собою.

Видоизмѣненіе черепа у въ высшей степени культивированныхъ породъ изумительно. Чтобы оцѣнить величину этого измѣненія, необходимо изучить трудъ Натузіуса, снабженный превосходными рисунками. Вся внѣшность во всѣхъ ея частяхъ измѣнилась; задняя поверхность, вмѣсто того, чтобы склоняться кзади, направлена кпереди, что влечетъ за собою многія перемѣны въ другихъ частяхъ; передняя часть головы глубоко вогнута; орбиты имѣютъ иной видъ; слуховой проходъ иначе направленъ и другой формы; рѣзцы верхней и нижней челюсти не касаются другъ друга и стоятъ въ обѣихъ челюстяхъ внѣ плоскости коренныхъ; клыки верхней челюсти находятся впереди клыковъ нижней челюсти, и это замѣчательная аномалія.

Сочленовныя поверхности затылочныхъ мыщелковъ такъ значительно измѣнили свою форму, что, по замѣчанію Натузіуса (l. c. 133), ни одинъ естествоиспытатель, увидѣвъ одну только эту часть черепа, не предположилъ бы, что она принадлежитъ роду Sus. Эти и разныя другія видоизмѣненія, по словамъ Натузіуса, едва-ли могутъ быть разсматриваемы,

какъ уродливости, потому что онѣ не вредны и строго наслѣдственны. Цѣлая голова значительно укорачивается; такъ, въ то время какъ у обыкновенныхъ породъ ея длина относится къ длинѣ туловища, какъ 1:6, у „культурныхъ расъ" отношеніе равно 1:9 и даже недавно найдено 1:11. Прилагаемый рисунокъ (см. рис. 3), изображающій голову дикаго кабана и подъ нею голову свиньи, іоркширской крупной породы, показываетъ, въ какой сильной степени была видоизмѣнена и укорочена голова „сильно культивированной" породы.

Натузіусъ прекрасно обсудилъ причины замѣчательныхъ измѣненій черепа и формы тѣла, наблюдаемыхъ у высоко культивированныхъ породъ. Эти видоизмѣненія наблюдаются, главнымъ образомъ, у чистыхъ и скрещенныхъ породъ типа S. indicus, но начало ихъ можетъ быть явно прослѣжено у слегка улучшенныхъ породъ типа S. *scrofa*. Натузіусъ положительно приводитъ, какъ результатъ обыденнаго опыта и своихъ собственныхъ экспериментовъ, что питательный и обильный кормъ, даваемый въ юности, стремится нѣкоторымъ непосредственнымъ образомъ сдѣлать голову шире и короче; скудная пища достигаетъ обратнаго результата. Онъ придаетъ особое значеніе тому факту, что всѣ дикія и полудомашнія породы, взрывая землю рыломъ, въ молодости вынуждены упражнять мощные мускулы, прикрѣпленные къ задней части головы. У высоко культивированныхъ породъ эта привычка болѣе не примѣняется, вслѣдствіе чего задняя часть черепа измѣняетъ форму, а это влечетъ за собою другія измѣненія въ другихъ частяхъ. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что такое значительное измѣненіе привычекъ должно было повліять на черепъ; но кажется нѣсколько сомнительнымъ, насколько это можетъ объяснить значительно сокращенную длину черепа и его вогнутой передней части. Отлично извѣстно (самъ Натузіусъ приводитъ много примѣровъ, тамъ же, стр. 104), что у многихъ домашнихъ животныхъ, напр., у бульдоговъ и мопсовъ, у скота породы ньята, у овецъ, у польскихъ куръ, у коротколицыхъ турмановъ и у одной разновидности карповъ—обнаруживается сильное стремленіе къ значительному укорачиванію лицевыхъ костей. У собаки, какъ показалъ Герм. Мюллеръ, это, повидимому, причиняется

ненормальнымъ состояніемъ первичнаго хряща. Можно, однако, безъ труда допустить, что обильная и питательная пища, доставляемая въ теченіе многихъ поколѣній, способна придать наслѣдственное стремленіе къ увеличенію роста тѣла и что, вслѣдствіе неупотребленія, члены станутъ болѣе тонкими и болѣе короткими. Черепъ и конечности, очевидно, находятся въ нѣкоторомъ соотношеніи между собою, такъ что любое измѣненіе въ одномъ стремится повліять на другое. Натузіусъ замѣтилъ—и это наблюденіе интересно—что своеобразная форма черепа и туловища у въ высшей степени культивированныхъ расъ не характеризуетъ одну какую-либо расу, но обща всѣмъ, когда онѣ улучшены до одного и того же уровня. Такъ, длиннотѣлыя, длинноухія англійскія породы, съ выпуклой спиной и короткотѣлыя, короткоухія китайскія породы съ вогнутой спиной, если доведены до одинаковаго уровня превосходства, становятся почти сходными по формѣ головы и тѣла. Этотъ результатъ, кажется, отчасти зависитъ отъ того, что одинаковыя причины измѣненія дѣйствуютъ на различныя породы, частью же отъ того, что человѣкъ разводитъ свиней для одной единственной цѣли, а именно, чтобы добыть какъ можно большее количество мяса и сала; такимъ образомъ подборъ всегда стремится къ одной и той же цѣли. У большинства домашнихъ животныхъ результатомъ подбора было расхожденіе признаковъ; здѣсь явилось схожденіе.

Природа пищи, доставляемой въ теченіе многихъ поколѣній, повидимому, повліяла на длину внутренностей; дѣйствительно, по Кювье, длина ихъ относится къ длинѣ туловища у дикаго кабана какъ 9:1, у обыкновенной домашней свиньи, какъ 13,5:1, а у сіамской породы—какъ 16:1. У этой послѣдней породы болѣе значительная длина могла быть причинена или происхожденіемъ отъ другого вида или болѣе древнимъ прирученіемъ. Число сосцовъ измѣнчиво, какъ и продолжительность беременности. Новѣйшій авторитетъ, Сидней, утверждаетъ, что средняя продолжительность достигаетъ отъ 17 до 20 недѣль; думаю, однако, что въ этомъ показаніи есть какая-либо ошибка. По наблюденіямъ Тессье надъ 25 свиньями, продолжительность колеблется между 109 и 123 днями. У. Дарвинъ-Фоксъ сообщилъ мнѣ десять тща-

тельно записанныхъ случаевъ для свиней хорошихъ породъ, при чемъ періодъ оказался между 101 и 116 днями. По Натузіусу, періодъ этотъ всего короче у породъ, рано достигающихъ зрѣлости; но ходъ ихъ развитія, кажется, на самомъ дѣлѣ не сокращается, потому что молодое животное, судя по состоянію черепа, родится менѣе полно развитымъ, или въ болѣе эмбріональномъ состояніи), чѣмъ когда идетъ рѣчь объ обыкновенной свиньѣ. У высоко культивированныхъ и рано созрѣвающихъ расъ зубы также развиваются ранѣе.

Различіе въ числѣ позвонковъ и реберъ у разныхъ породъ свиней,—по наблюденіямъ м-ра Эйтона, и какъ показано въ приведенной табличкѣ, — представляетъ фактъ, о которомъ часто упоминали. Африканская свинья, вѣроятно, принадлежитъ къ типу S. *scrofa*, и м-ръ Эйтонъ сообщаетъ мнѣ, что, послѣ напечатанія его статьи, лордъ Гилль убѣдился въ полной плодовитости животныхъ, происшедшихъ отъ скрещиванья между африканскими и англійскими породами.

Позвонковъ:	Англійскій длинноногій самецъ.	Африканская самка.	Китайскій самецъ.	Дикій кабанъ по Кювье.	Французскій домашній самецъ по Кювье.
Спинныхъ	15	13	15	14	14
Поясничныхъ.	6	6	4	5	5
Крестцовыхъ	5	5	4	4	4
Итого	26	24	23	23	23

Заслуживаютъ замѣчанія нѣкоторыя полу-уродливыя породы. Со времени Аристотеля и до новѣйшихъ временъ порою наблюдали въ разныхъ странахъ цѣльно-копытныхъ (однокопытныхъ) свиней. Хотя эта особенность въ сильной степени наслѣдуется, однако, едва-ли вѣроятно, чтобы всѣ цѣльнокопытныя животныя произошли отъ однихъ и тѣхъ же родителей. Болѣе правдоподобно, что одна и та же особенность появлялась вновь въ разныя эпохи и въ разныхъ

мѣстахъ. Д-ръ Струтерсъ въ послѣднее время описалъ и изобразилъ строеніе ногъ; какъ въ переднихъ, такъ и въ заднихъ ногахъ конечные суставы двухъ наибольшихъ пальцевъ представлены однимъ большимъ, несущимъ копыто суставомъ а на переднихъ ногахъ средніе суставы представлены костью, единичной къ нижнему концу, но имѣющей два отдѣльныя сочлененія къ верхнему концу. Изъ другихъ сообщеній оказывается, что порою также добавляется промежуточный палецъ.

Другую любопытную аномалію представляютъ придатки, описанные Эдъ Делоншаномъ, какъ часто встрѣчающіеся у нормандскихъ свиней. Эти придатки всегда прикрѣплены къ одному и тому же мѣсту, а именно къ угламъ челюсти. Они цилиндрической формы, около трехъ дюймовъ длины, покрыты щетинами и снабжены кистью, изъ щетинъ, выходящихъ съ одной стороны изъ нѣкоторой пазухи. Центръ у нихъ хрящевый, съ двумя маленькими продольными мускулами; встрѣчаются они или симметрично по обѣимъ сторонамъ лица, или только на одной сторонѣ. Ричардсонъ изображаетъ ихъ (Рис. 4) у сухощавой старой ирландской такъ называемой борзой свиньи (грейхаундъ), а Натузіусъ утверждаетъ, что они порою оказываются у всѣхъ длинноухихъ расъ, но не строго наслѣдуются, такъ какъ встрѣчаются или отсутствуютъ у животныхъ одного и того же помета.

Такъ какъ неизвѣстно, чтобы какія-либо дикія свиньи обладали аналогичными придатками, то въ настоящее время у насъ нѣтъ никакого основанія предположить, чтобы ихъ появленіе зависѣло отъ возврата; а если это такъ, то мы вынуждены допустить, что довольно сложное, хотя видимо безполезное строеніе можетъ внезапно развиться безъ содѣйствія подбора. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что кабаны всѣхъ прирученныхъ породъ имѣютъ гораздо болѣе короткіе клыки, нежели дикіе кабаны. Многіе факты доказываютъ, что у различныхъ животныхъ состояніе волосъ въ значительной степени испытываетъ вліяніе отъ того, что подвергается дѣйствію непогоды, или, наоборотъ, предохраняется отъ этого; и такъ какъ мы знаемъ, что между состояніемъ волосъ и зубовъ существуетъ соотношеніе напр. у турецкихъ собакъ (есть и другіе аналогичные факты), то не рискнемъ-ли мы предположить слѣдующее: возможно, что клыки у домашняго кабана умень-

шились въ зависимости отъ того, что его щетинистый покровъ уменьшился по причинѣ жизни подъ кровомъ? Съ другой стороны, клыки и щетина вновь увеличиваются у одичавшихъ кабановъ, болѣе не находящихъ крова отъ непогоды. Нисколько не удивительно, что клыки болѣе подвергаются вліянію, чѣмъ другіе зубы, такъ какъ части, развитыя въ такой степени, что служатъ вторичными половыми признаками, всегда подвержены значительной измѣнчивости.

Общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что поросята дикихъ европейскихъ и индійскихъ свиней, въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ, покрыты свѣтло-окрашенными продольными полосами. Признакъ этотъ обыкновенно исчезаетъ въ прирученномъ состояніи. Однако, у турецкихъ домашнихъ свиней, какъ и у вестфальскихъ, поросята полосаты, „какова бы ни была ихъ масть"; не знаю, принадлежатъ-ли вестфальскія свиньи къ той же курчавоволосой расѣ, какъ и турецкія. Одичавшія свиньи Ямайки и полудикія въ Новой Гранадѣ, какъ чисто черныя, такъ и черныя съ бѣлой полосой поперекъ брюха, часто распространяющейся на спину, вновь усвоили этотъ древній признакъ и производятъ поперечно-полосатыхъ поросятъ. То же, по крайней мѣрѣ порою, наблюдается у остающихся безъ ухода свиней въ поселеніи Замбези, на берегу Африки.

Общее убѣжденіе, что всѣ прирученныя животныя, какъ только дичаютъ, вполнѣ возвращаются къ родительскому типу, насколько я успѣлъ узнать, главнымъ образомъ и основывается на одичалыхъ свиньяхъ. Но даже въ этомъ случаѣ такое убѣжденіе не подкрѣпляется достаточными фактами, потому что при этомъ не различались два главные типа, а именно S. *scrofa* и S. *indicus*. Поросята, какъ мы только что видѣли, вновь пріобрѣтаютъ свои продольныя полосы, а кабаны неизмѣнно получаютъ вновь свои клыки. Они возвращаются также къ дикому состоянію по общей формѣ тѣла и по длинѣ ногъ и рыла, чего и слѣдовало ожидать, судя по количеству упражненій, къ которымъ они вынуждены прибѣгать при поискахъ за пищею. На Ямайкѣ одичавшія свиньи не пріобрѣтаютъ вновь полнаго роста европейскаго дикаго кабана, „никогда не достигая у плеча роста выше 20 дюймовъ".

Въ разныхъ странахъ онѣ вновь принимаютъ свой пер-

воначальный щетинистый покровъ, но въ разной степени, въ зависимости отъ климата. Такъ, по Рулену, полу-одичавшія свиньи знойныхъ долинъ Новой Гранады очень скудно покрыты щетиной, тогда какъ на Парамосѣ, на высотѣ 7—8000 футовъ, онѣ пріобрѣтаютъ густой подшерстокъ подъ щетинами, подобно настоящимъ дикимъ кабанамъ, водящимся во Франціи. Эти свиньи на Парамосѣ малы ростомъ и хилы. Въ Индіи дикій кабанъ, говорятъ, имѣетъ на концѣ хвоста щетины, расположенныя, подобно перьямъ стрѣлы, тогда какъ у европейскаго кабана имѣется простая кисть; и любопытенъ тотъ фактъ, что многія, но не всѣ, одичалыя ямайскія свиньи, происшедшія отъ одной испанской породы, имѣютъ перистый хвостъ. Что касается окраски, одичавшія свиньи обыкновенно возвращаются къ масти дикаго кабана; но въ извѣстныхъ частяхъ Ю. Америки, какъ мы видѣли, нѣкоторыя изъ полуодичавшихъ свиней обладаютъ странной бѣлой полосой поперекъ брюха, а въ нѣкоторыхъ другихъ жаркихъ областяхъ свиньи бываютъ рыжеватаго цвѣта, и этотъ цвѣтъ порою наблюдался также у одичавшихъ ямайскихъ свиней. Эти различные факты показываютъ, что у одичавшихъ свиней существуетъ сильное стремленіе возвращаться къ дикому типу; но это стремленіе въ значительной степени подвержено контролю климата, количества упражненій и другихъ причинъ, обусловившихъ перемѣны, которымъ подвергались эти животныя.

Послѣдній, заслуживающій вниманія пунктъ состоитъ въ томъ, что мы обладаемъ необыкновенно хорошими доказательствами сохраненія въ настоящее время совершенно постоянныхъ породъ, образовавшихся путемъ скрещиванія различныхъ особыхъ породъ. Такъ, напр., „улучшенныя эссекскія свиньи“ плодятся, сохраняя весьма чистый типъ; однако, безъ сомнѣнія, онѣ въ значительной мѣрѣ обязаны своими нынѣшними превосходными качествами скрещиваньямъ, первоначально сдѣланнымъ лордомъ Уэстерномъ съ неаполитанской породой, и послѣдующимъ скрещиваньямъ съ беркширской породой (также улучшенной скрещиваньемъ съ неаполитанскою), а также, вѣроятно, съ сессекскою породою. Для породъ, образованныхъ такими сложными скрещиваньями, оказался необходимымъ самый тщательный и непрерывный подборъ въ теченіе многихъ поколѣній. Главнымъ образомъ по

причинѣ такихъ многочисленныхъ скрещиваній, нѣкоторыя хорошо извѣстныя породы подверглись быстрымъ измѣненіямъ. Такъ, по Натузіусу, беркширская порода 1780 года совершенно отличается отъ породы 1810 года, а съ этого послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ двѣ различныя формы носили одно и то же имя.

Рогатый скотъ.

Домашній крупный рогатый скотъ навѣрное произошелъ отъ болѣе чѣмъ одной дикой формы, такимъ же образомъ, какъ было показано для нашихъ собакъ и свиней. Естествоиспытатели, вообще говоря, признавали двѣ главныя группы скота: горбатыя породы тропическихъ странъ, называемыя въ Индіи *зебу*, которымъ придали видовое названіе *Bos indicus*, и обыкновенный не горбатый скотъ, вообще говоря включаемый подъ названіе *Bos taurus*. Горбатый скотъ, какъ видно по египетскимъ памятникамъ, былъ прирученъ по крайней мѣрѣ въ эпоху XII династіи, т. е. за 2100 до Р. Х. Онъ отличается отъ обыкновеннаго скота многочисленными остеологическими признаками,—по Рютимейеру, даже въ большей степени, нежели отличаются между собою ископаемые и доисторическіе европейскіе виды, а именно *Bos primigenius* и *longifrons*. По Блайту, спеціально интересовавшемуся этимъ вопросомъ, они различаются также по общей конфигураціи, по формѣ ушей, по мѣсту, гдѣ начинается подгрудокъ, по типическому искривленію роговъ, по манерѣ держать голову во время отдыха, по обычнымъ оттѣнкамъ окраски; особенно часто встрѣчаются у нихъ „пятна на ногахъ, какія бываютъ у нильгау“; и „одни рождаются съ зубами, прорѣзывающимися изъ челюсти, другіе безъ этого“. Нравы у нихъ различны, и голосъ совершенно отличается. Горбатый индійскій скотъ „рѣдко ищетъ тѣни и никогда не идетъ въ воду и не становится тамъ по колѣно, какъ дѣлаетъ европейскій скотъ“. Зебу одичали въ нѣкоторыхъ частяхъ Оуда и Рогилькунда и способны удерживаться въ мѣстности, гдѣ свирѣпствуютъ тигры. Они дали начало многимъ породамъ, значительно разнящимся по величинѣ, присутствію одного или двухъ копытъ, длинѣ роговъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Блайтъ сильно настаиваетъ на томъ, что горбатый и безгорбый скотъ составляютъ различные виды. Принимая во вниманіе, какъ многочисленны черты различія во внѣшнемъ строеніи и правахъ, независимо отъ важныхъ остеологическихъ признаковъ, неодинаковыхъ у обѣихъ формъ, и замѣчая, что многія изъ этихъ чертъ едва-ли могли быть измѣнены прирученіемъ, мы, почти безъ сомнѣнія, придемъ къ выводу, что горбатыя и безгорбыя породы должны быть признаны различныаи видами, хотя этому противорѣчитъ мнѣніе нѣкоторыхъ натуралистовъ. Европейскія породы безгорбаго скота многочисленны. Проф. Лоу перечисляетъ 19 британскихъ породъ, изъ которыхъ лишь немногія тожественны съ континентальными.

Даже малыя о-ва, находящіеся въ проливѣ, а именно: Гернсей, Джерсей и Ольдерней обладаютъ своими собственными подпородами; эти послѣднія, въ свою очередь, отличаются отъ скота другихъ Британскихъ о-вовъ, каковы Ингльси и западные о-ва Шотландіи. Демаре (Desmarest), изучившій этотъ вопросъ, описываетъ 15 французскихъ расъ, исключая подразновидности и породы, привезенныя изъ другихъ странъ. Въ другихъ частяхъ Европы существуютъ различныя особыя породы, какъ напр., блѣдно-окрашенный венгерскій скотъ, съ его легкимъ и свободнымъ шагомъ и чудовищными рогами, у которыхъ разстояніе между обѣими остроконечіями достигаетъ порою около 5 футовъ; подольскій (украинскій) скотъ также замѣчателенъ высотою передней части тѣла. Въ новѣйшемъ трудѣ Молля и Гайо о породахъ скота приведены рисунки, изображающіе 55 европейскихъ породъ; нѣкоторыя изъ нихъ, однако, по всей вѣроятности очень, мало различаются между собою или просто извѣстны подъ разными названіями. Не слѣдуетъ предполагать, что различныя породы скота существуютъ только въ давно цивилизованныхъ странахъ, потому что разныя породы находятся также у дикарей Ю. Африки.

Въ общемъ, особенно на основаніи изслѣдованій Бойда Даукинса, европейскій скотъ произошелъ отъ двухъ видовъ, и въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что родъ *Bos* вообще легко приручается. Кромѣ этихъ видовъ и зебу, яка, гаяла и арни (не говоря уже о буйволѣ или о

родѣ *Bubalus*) также были приручены; въ общемъ, приручено 6 видовъ Bos. Зебу и два европейскихъ вида въ дикомъ состояніи теперь вымерли. Хотя извѣстныя породы скота были приручены въ Европѣ въ очень древнюю эпоху, отсюда не слѣдуетъ, чтобы онѣ впервые были приручены именно здѣсь. Писатели, очень полагающіеся на филологію, утверждаютъ, что эти породы были привезены съ Востока. Возможно, что онѣ первоначально жили въ умѣренномъ или холодномъ климатѣ, но не въ странѣ, долго покрытой снѣгомъ, такъ какъ мы уже видѣли (см. главу о лошади), что нашъ скотъ не обладаетъ инстинктомъ соскребать снѣгъ, чтобы добраться до находящейся подъ нимъ травы. Кто только видѣлъ великолѣпныхъ дикихъ быковъ на холодныхъ Фалькландскихъ о-вахъ въ южномъ полушаріи, не усомнится въ томъ, что климатъ великолѣпно къ нимъ подходитъ. Азара замѣтилъ, что въ умѣренныхъ областяхъ Ла-Платы коровы становятся тельными въ двухлѣтнемъ возрастѣ, тогда какъ въ гораздо болѣе жаркомъ климатѣ Парагвая—не раньше трехлѣтняго возраста. „Изъ этого,—добавляетъ онъ,—можно заключить, что скотъ не такъ хорошо преуспѣваетъ въ теплыхъ странахъ".

Ископаемые *Bos primigenius* и *B. longifrons* причислялись почти всѣми палеонтологами къ особымъ видамъ. Было бы неосновательно поступить иначе просто потому, что ихъ прирученные потомки теперь скрещиваются между собою съ величайшей легкостью. Всѣ европейскія породы такъ часто были скрещиваемы, намѣренно и ненамѣренно, что если послѣдствіемъ такихъ скрещиваній явилось бы нѣкоторое безплодіе, этотъ фактъ навѣрное не могъ бы укрыться. Такъ какъ зебу живутъ въ отдаленной и гораздо болѣе жаркой странѣ, чѣмъ европейскій скотъ, отличаясь отъ него многочисленными признаками, то я взялъ на себя трудъ провѣрить, плодовиты-ли обѣ эти формы при скрещиваніи? Покойный лордъ Пауисъ ввезъ нѣсколькихъ зебу и скрещивалъ ихъ съ обыкновеннымъ шропширскимъ скотомъ; и его управляющій сообщилъ мнѣ, что потомство отъ скрещиванья было вполнѣ плодовито съ обѣими родительскими формами. Блайтъ сообщаетъ мнѣ, что въ Индіи гибриды, съ различной пропорціей той и другой крови, вполнѣ плодовиты между собою, и это едва-ли можетъ остаться неизвѣстнымъ, потому что въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обоимъ видамъ предоставляютъ свободно плодиться между собою. Большая часть скота, впервые ввезеннаго въ Тасманію, была горбата, такъ что одно время здѣсь существовали тысячи особей, происшедшихъ отъ скрещиванья, и О'Нейль Уильсонъ пишетъ мнѣ съ Тасманіи, что никогда не слышалъ, чтобы наблюдалось какое-либо безплодіе. Онъ самъ раньше обладалъ стадомъ такого смѣшаннаго скота, и всѣ особи были совершенно плодовиты, въ такой степени, что онъ не можетъ вспомнить случая, чтобы хотя одна единственная корова не отелилась. Эти различные факты доставляютъ важное подтвержденіе ученія Палласа, по которому потомки впервые прирученныхъ видовъ, при скрещиваньи, по всей вѣроятности, должны были быть до нѣкоторой степени безплодными, но послѣ продожительнаго пребыванія въ домашнемъ состояніи становились вполнѣ плодовитыми. Это ученіе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на трудный вопросъ о гибридизмѣ. Въ Чиллингэмскомъ Паркѣ существуетъ скотъ, по Рютимейеру, очень мало уклонившійся отъ ископаемаго типа *Bos primigenius*. Паркъ этотъ настолько древній, что упоминается въ одной лѣтописи подъ 1220 годомъ. По инстинктамъ и привычкамъ это настоящій дикій скотъ. Масть у него бѣлая, внутренность ушей красновато-бурая, глаза съ черной каймою, морда бурая, копыта черныя, рога бѣлые съ чернымъ кончикомъ. Въ теченіе 33 лѣтъ родилось около 12 телятъ съ „бурымъ и синеватымъ пятномъ подъ щеками или на шеѣ; но этихъ телятъ всегда убивали, заодно со всѣми негодными животными". По Бевику, около 1770 года появилось нѣсколько черноухихъ телятъ, но ихъ также убилъ сторожъ, и черныя уши болѣе вновь не появлялись. Дикій бѣлый скотъ въ паркѣ герцога Гамильтона, гдѣ мнѣ сообщили о рожденіи одного чернаго теленка, по словамъ лорда Тенкервилля, ниже по качествамъ, чѣмъ чиллингэмскій скотъ. У скота, разводившагося до 1780 г. герцогомъ Квинсберри, но теперь вымершаго, уши, морда и глазныя орбиты чернаго цвѣта. Скотъ, существовавшій съ незапамятныхъ временъ въ Чартли, близко сходенъ съ чиллингэмскимъ, но крупнѣе его и представляетъ „нѣкоторое малое отличіе въ окраскѣ ушей". „Часто этотъ скотъ стремится стать совсѣмъ чернымъ, и по сосѣдству распространено странное суе-

вѣріе, а именно, что когда родится черный теленокъ, то какое-либо несчастіе виситъ надъ благороднымъ домомъ Ферерсовъ. Всѣ черныя телята поэтому истребляются". Скотъ въ Бертонъ Констэбль въ Іоркширѣ, теперь вымершій, имѣлъ черныя уши, такую же морду и кончикъ хвоста. Гисбернскій скотъ, также въ Іоркширѣ, по словамъ Бевика, порою не имѣетъ темной морды, и только внутренняя сторона ушей у него бурая; въ другой мѣстности онъ, говорятъ, малаго роста и лишенъ роговъ.

Разныя вышеуказанныя различія у скота, водящагося въ паркахъ, какъ бы ни были они маловажны, заслуживаютъ упоминовенія, потому что показываютъ, что животныя, находящіяся почти въ дикомъ состояніи и подверженныя почти однообразнымъ условіямъ, если имъ не предоставляютъ свободно бродить и скрещиваться съ другими стадами, не остаются такими же однообразными, какъ дикія животныя. Для сохраненія однообразнаго типа, даже въ одномъ и томъ же паркѣ, видимо требуется извѣстнаго рода подборъ, а именно истребленіе темноокрашенныхъ телятъ.

Бойдъ Даукинсъ полагаетъ, что скотъ, разводимый въ паркахъ, произошелъ отъ давно прирученныхъ, а не настоящихъ дикихъ животныхъ; а судя по появленію, въ иныхъ случаяхъ, темно-окрашенныхъ телятъ, невѣроятно, чтобы первобытный быкъ *(Bos primigenius)* былъ бѣлаго цвѣта. Любопытно видѣть, какъ сильно, хотя не неизмѣнно стремленіе у дикаго или одичавшаго бѣглаго скота становиться бѣлымъ съ окрашенными ушами, при весьма различныхъ жизненныхъ условіяхъ. Если можно положиться на старинныхъ писателей, Боэція (род. въ 1470 г.) и Лесли, то дикій шотландскій скотъ былъ бѣлаго цвѣта и былъ снабженъ большою гривой; но о цвѣтѣ ушей не упоминается. Въ Уэльсѣ въ теченіе X столѣтія, судя по описаніямъ, нѣкоторыя породы скота были бѣлыя съ рыжими ушами, 400 головъ такого скота были посланы королю Джону (Іоанну), а въ одной старинной лѣтописи упомянуто о сотнѣ головъ скота съ розовыми ушами, потребованной въ видѣ вознагражденія за какую-то обиду, но съ условіемъ, если скотъ будетъ желтаго или чернаго цвѣта, представить 150 головъ. Черный скотъ сѣвернаго Уэльса очевидно принадлежитъ къ мелкому длиннолобому

типу (B. longifrons), и такъ какъ было предложено дать либо 150 штукъ темноцвѣтнаго скота, или же 100 штукъ бѣлаго съ розовыми ушами, то можно предположить, что послѣдній былъ крупнѣе и, вѣроятно, принадлежалъ къ типу *B. primigenius;* Юаттъ замѣтилъ, что въ настоящее время, какъ только у коротконогой породы (то - есть у англійскихъ шортхорновъ) попадаются экземпляры бѣлой масти, концы ихъ ушей бываютъ болѣе или менѣе красными. Одичавшій скотъ пампасовъ, Техаса и въ двухъ областяхъ Африки, сталъ почти однообразнаго, темнаго буровато-краснаго цвѣта. На Ладронскихъ островахъ, въ Тихомъ океанѣ, несмѣтныя стада скота, бывшія въ 1741 г. въ дикомъ состояніи, судя по описанію, „молочно-бѣлаго цвѣта, исключая ушей, обыкновенно черныхъ". Фалькландскіе острова, расположенные далеко къ югу, при условіяхъ жизни, настолько отличающихся отъ условій Ладронскихъ острововъ, сколько можно сообразить, представляютъ болѣе интересный примѣръ. Скотъ дичалъ такъ въ теченіе 80 — 90 лѣтъ; а въ южныхъ округахъ животныя большею частью бѣлаго цвѣта, съ ногами или цѣлой головой, или только ушами черной окраски. Но мой корреспондентъ, адмиралъ Сюливанъ, долго проживавшій на этихъ островахъ, не думаетъ, чтобы эти животныя были когда-либо чисто бѣлаго цвѣта. Такимъ образомъ, на этихъ двухъ архипелагахъ мы видимъ, что скотъ стремится стать бѣлымъ съ окрашенными ушами. Въ другихъ частяхъ Фалькландскихъ острововъ преобладаютъ другія масти; подлѣ Порта Пріятнаго (Портъ Плэзантъ) обыкновенная масть бурая; вокругъ горы Эсборнъ почти половина животныхъ въ нѣкоторыхъ стадахъ были свинцово-сѣраго или же мышастаго цвѣта, въ рѣдкаго другихъ мѣстахъ. Сѣрыя, хотя обыкновенно жили въ гористыхъ мѣстахъ, плодились мѣсяцемъ раньше, чѣмъ другой скотъ; и это обстоятельство должно было содѣйствовать тому, что обѣ группы не смѣшивались и передавали потомству свою масть. Стоитъ припомнить, что синеватыя или свинцово-сѣрыя отмѣтины порою появлялись у бѣлаго чиллингэмскаго скота. До того явственно было различіе окраски у дикихъ стадъ въ разныхъ частяхъ Фалькландскихъ острововъ, что на охотѣ, по словамъ адмирала Сюливана, въ одной мѣстности съ отдаленныхъ холмовъ всегда можно было замѣ-

тить бѣлыя пятна, а въ другой—темныя. Въ промежуточныхъ областяхъ преобладали промежуточныя масти. Какова бы ни была причина, это стремленіе на Фальклавдскихъ островахъ, у дикаго скота, цѣликомъ происшедшаго отъ немногихъ особей, ввезенныхъ изъ Ла-Платы, къ раздробленію на стада трехъ разныхъ мастей, представляетъ интересный фактъ.

Обратимся къ разнымъ британскимъ породамъ. Замѣтное различіе въ общемъ наружномъ видѣ между короткорогимъ англійскимъ скотомъ (шортхорны), длиннорогимъ (лонгхорны, теперь рѣдко встрѣчаются), герфордскимъ, хайлендскимъ, олдернейскимъ и т. д., общеизвѣстно. Отчасти это различіе можетъ быть приписано происхожденію отъ первично различныхъ видовъ; однако, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что не малую долю надо отнести на счетъ измѣнчивости. Даже въ теченіе новокаменнаго (неолитическаго) періода, домашній скотъ былъ, до извѣстной степени, измѣнчивъ. Въ недавнія времена, большая часть породъ видоизмѣнилась тщательнымъ и методическимъ подборомъ. Какъ сильно наслѣдуются пріобрѣтенные такимъ образомъ признаки, объ этомъ можно заключить на основаніи цѣнъ, реализованныхъ улучшенными породами. Даже при первой продажѣ Коллинговыхъ короткорогихъ, 11 быковъ достигли въ среднемъ цѣны 214 фунтовъ стерл., а недавно короткорогіе быки продавались по тысячѣ гиней и вывозились во всѣ концы свѣта. Слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя различія въ организаціи. Короткорогая порода (шортхорны) достигаетъ зрѣлости гораздо раньше, чѣмъ болѣе дикія породы, вродѣ уэльшскихъ (валлійскихъ) или же горныхъ (хайлендскихъ). Этотъ фактъ былъ любопытнымъ образомъ доказанъ Саймондсомъ, который составилъ таблицу средняго періода прорѣзыванія зубовъ, показывающую, что разница во времени появленія постоянныхъ рѣзцовъ достигаетъ не менѣе чѣмъ шести мѣсяцевъ. Періодъ беременности, по наблюденіямъ Тессье надъ 1,131 коровами, колеблется въ предѣлахъ 81 дня, и, что еще любопытнѣе, Лефуръ утверждаетъ, что „періодъ беременности продолжительнѣе у крупнаго и германскаго скота, чѣмъ у болѣе мелкихъ породъ“. Относительно періода зачатія, кажется, слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, что олдернейскія и зетландскія коровы часто становятся тельными раньше другихъ породъ. Наконецъ, такъ

какъ у всего рода *Bos* присутствіе четырехъ вполнѣ развитыхъ молочныхъ железъ составляетъ общій признакъ. то стоитъ замѣчанія, что у нашихъ домашнихъ коровъ двѣ рудиментарныя молочныя железы порою прекрасно развиваются и даютъ молоко.

Такъ какъ многочисленныя породы обыкновенно встрѣчаются лишь въ давно цивилизованныхъ странахъ, то слѣдуетъ показать, что въ нѣкоторыхъ странахъ, населенныхъ варварскими племенами, часто ведущими между собою войну и поэтому нерѣдко имѣющими свободныя сношенія,—теперь существуютъ и раньше существовали разныя особыя породы скота. На мысѣ Доброй Надежды, Лега наблюдалъ въ 1720 году три породы. Въ настоящее время различные путешественники указывали на различія между южно-африканскими породами. Сэръ Эндрью Смитъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сообщилъ мнѣ, что скотъ у разныхъ каффрскихъ племенъ, хотя живущихъ другъ подлѣ друга подъ одной широтой и въ одинаковыхъ мѣстныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе различенъ; онъ выразилъ сильное изумленіе по поводу этого факта. М-ръ Андерсонъ описалъ скотъ дамаровъ, бечуановъ и намаковъ и сообщаетъ мнѣ письмомъ, что скотъ къ сѣверу отъ озера Нгами также иного рода. Гальтонъ слышалъ то же о скотѣ Бэнгуэлы. Скотъ у племени намака по росту и виду близко похожъ на европейскій и обладаетъ короткими крѣпкими рогами и большими копытами. Скотъ дамара очень своеобразенъ, съ широкой костью, но тонконогій и съ маленькими твердыми ступнями; хвосты украшены кистью изъ длинныхъ косматыхъ волосъ, почти касающихся почвы, и ихъ рога необыкновенно велики. Бечуанскій скотъ обладаетъ даже болѣе крупными рогами, и теперь въ Лондонѣ существуетъ черепъ съ рогами, въ 8 ф. $8^1/_4$ д. по прямой линіи отъ одного острія до другого и не менѣе 13 ф. 5 д., если измѣрять вдоль кривизны! М-ръ Андерсонъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ говоритъ, что, хотя онъ не рѣшается описать различія между породами, принадлежащими къ разнымъ подгруппамъ, однако такія различія несомнѣнно существуютъ, что доказывается изумительной легкостью, съ которою ихъ различаютъ туземцы.

Что многія породы скота возникли путемъ измѣнчивости,

независимо отъ происхожденія отъ разныхъ видовъ, доказывается фактами, доставляемыми Ю. Америкой, въ которой родъ Bos не туземнаго происхожденія, и гдѣ скотъ водится теперь въ такихъ несмѣтныхъ количествахъ, происходя отъ немногихъ головъ, ввезенныхъ сюда изъ Испаніи и Португаліи. Въ Колумбіи Рулэно описываетъ двѣ своеобразныя породы, а именно *pelones* съ необычайно тонкимъ и нѣжнымъ волосомъ и *calongos*, абсолютно голыхъ. По Кастельно, въ Бразиліи существуютъ двѣ породы, одна вродѣ европейскаго скота, другая не такая, съ замѣчательными рогами. Въ Парагваѣ, по описанію Азары, есть одна порода, навѣрное возникшая въ Ю. Америкѣ, и называемая *chivos*, потому что „у нея рога прямые, вертикальные, коническіе и очень широкіе у основанія". Онъ описываетъ также одну карличную породу въ Корріэнтесъ, съ короткими ногами и туловищемъ шире обыкновеннаго. Безрогій скотъ и другой съ вывороченными (reversed) волосами также возникъ въ Парагваѣ.

Другая уродливая порода, называемая ньята или ната, которую я видѣлъ въ количествѣ двухъ малыхъ стадъ на сѣв. берегу Ла-Платы, до того замѣчательна, что заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Эта порода относится къ другимъ породамъ скота, какъ бульдоги или мопсы къ прочимъ собакамъ, или какъ улучшенныя породы свиней, по Натузіусу, относятся къ обыкновеннымъ свиньямъ. Рютимейеръ полагаетъ, что этотъ скотъ принадлежитъ къ типу B.primigenius. Лобъ у него очень короткій и широкій, носовая оконечность черепа, съ всею плотностью верхнихъ коренныхъ зубовъ, искривлена кверху. Нижняя челюсть выдается за верхнюю и имѣетъ соотвѣтственное искривленіе кверху. Любопытенъ тотъ фактъ, что почти подобное же устройство характеризуетъ, какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Фоконеръ, вымершаго исполинскаго индійскаго сиватерія и не встрѣчается ни у одного иного жвачнаго. Верхняя губа сильно оттянута назадъ, ноздри посажены высоко вверху и широко раскрыты, глаза выпучены, рога крупны. На ходу голова держится низко; шея коротка. Заднія ноги представляются, по сравненью съ передними, длиннѣе обыкновеннаго. Оскаленные рѣзцы, короткая голова и вздернутыя вверхъ ноздри

придаютъ этому скоту въ высшей степени смѣшной, самодовольный, задорный видъ. Черепъ, доставленный мною Хирургической Коллегіи, былъ такъ описанъ Оуэномъ:

Онъ замѣчателенъ по недоразвитію носовыхъ, межчелюстныхъ (по терминологіи Оуэна—praemaxillares. Перев.) костей и передней части нижней челюсти, необыкновенно искривленной кверху, до того, что она соприкасается съ межчелюстными. Носовыя кости около трети обычной длины, но удерживаютъ почти нормальную ширину. Треугольная полость оставлена между ними, лобной и слезной костью; эта послѣдняя сочленяется съ межчелюстной и такимъ образомъ исключаетъ всякое соединеніе челюстной кости съ носовою". Такимъ образомъ, даже связь между нѣкоторыми костями измѣнена. Можно было бы прибавить другія отличія: такъ плоскость мыщелковъ нѣсколько видоизмѣнена и конечный край межчелюстныхъ костей (praemaxillares) образуетъ дугу. Дѣйствительно, при сравненіи съ черепомъ обыкновеннаго быка, мы видимъ, что едва-ли хотя одна единственная кость представляетъ точно такую же форму, и весь черепъ имѣетъ изумительно различающуюся внѣшность.

Первая короткая замѣтка, опубликованная объ этой породѣ, принадлежитъ Азарѣ и сдѣлана между 1783 и 1796 годами; но донъ Ф. Мунисъ, изъ Люхана, любезно собиравшій для меня свѣдѣнія, утверждаетъ, что около 1760 года этотъ скотъ держали, какъ рѣдкость, подлѣ Буэносъ Айреса. Происхожденіе его неизвѣстно положительно, но онъ долженъ былъ возникнуть послѣ 1552 г., такъ какъ въ этомъ году впервые былъ ввезенъ скотъ. Сеньоръ Мунисъ сообщаетъ мнѣ, что эта порода, какъ полагаютъ, возникла у индѣйцевъ, живущихъ къ югу отъ Ла-Платы. Даже до сихъ поръ разводимый подлѣ Ла-Платы скотъ обнаруживаетъ свою менѣе цивилизованную природу тѣмъ, что онъ свирѣпѣе обыкновеннаго скота, и что корова, если она слишкомъ часто посѣщаема, легко покидаетъ своего перваго теленка. Порода очень устойчива, и быкъ ньята съ такою же коровой неизмѣнно производитъ телятъ ньята. Порода эта просуществовала уже, по крайней мѣрѣ, столѣтіе. Быкъ ньята при скрещиваньи съ обыкновенной коровой и корова ньята съ обыкновеннымъ быкомъ даютъ потомство съ промежуточными признаками,

но съ рѣзко выраженнымъ типомъ ньята. По словамъ сеньора Муниса, существуютъ яснѣйшія доказательства, противорѣчащія обычному убѣжденію сельскихъ хозяевъ въ аналогичныхъ случаяхъ, что корова ньята, при скрещиваньи съ обыкновеннымъ быкомъ, передаетъ свои особенности сильнѣе, нежели быкъ ньята, при скрещиваньи съ обыкновенною коровою. Когда пастбище довольно продолжительно, этотъ скотъ, подобно обыкновенному, ѣстъ съ помощью языка и нёба; но въ сильную засуху, когда въ пампасахъ погибаетъ столько животныхъ, порода ньята подвергается значительнымъ невыгодамъ, и если бы о ней не заботились, она должна была бы погибнуть; дѣйствительно, обыкновенный скотъ, подобно лошадямъ, способенъ кормиться, ощипывая губами вѣтви деревьевъ и тростники; ньята не могутъ сдѣлать этого съ такимъ успѣхомъ, такъ какъ ихъ губы не смыкаются, и поэтому оказывается, что они погибаютъ раньше, чѣмъ обыкновенный скотъ. Это поражаетъ меня, какъ прекрасное поясненіе того, какъ мало мы способны судить, по обыкновеннымъ привычкамъ животнаго, отъ какихъ обстоятельствъ, приключающихся лишь черезъ долгіе промежутки времени, можетъ зависѣть его рѣдкость или же вымираніе. Отсюда видно также, какимъ образомъ естественный подборъ опредѣлилъ бы исключеніе формы ньята, если бы эта порода возникла въ дикомъ состояніи.

Описавъ полу-уродливую породу ньята, могу указать на одного бѣлаго быка, какъ говорятъ, привезеннаго изъ Африки, котораго выставили въ Лондонѣ въ 1829 году и который былъ прекрасно срисованъ м-ромъ Гарвеемъ. У него были горбъ и грива. Подгрудокъ былъ своеобразенъ, а именно подраздѣленъ между передними ногами на параллельные отдѣлы. Боковыя копыта ежегодно сбрасывались и выросли до длины 5 или 6 дюймовъ. Глаза были очень своеобразны, замѣчательно выступали и „походили на чашку съ мячемъ, позволяя животному одинаково удобно видѣть во всѣ стороны; зрачекъ былъ малый, овальный, или скорѣе въ видѣ параллелограмма съ обрѣзанными вершинами, лежащаго поперекъ шара“. Быть можетъ, удалось бы создать новую и странную породу, тщательнымъ разведеніемъ и подборомъ, отъ этого животнаго. Я часто разсуждалъ о вѣроятныхъ при-

чинахъ, по которымъ каждый отдѣльный округъ въ Великобританіи достигъ того, что въ прежнія времена обладалъ своей особой породой скота; вопросъ этотъ, быть можетъ, еще болѣе труденъ, когда идетъ рѣчь о Южной Африкѣ. Мы знаемъ теперь, что различія могутъ частью быть приписаны происхожденію отъ разныхъ видовъ; но этой причины далеко не достаточно. Могли-ли малыя различія въ климатѣ и въ качествѣ пастбищъ, въ разныхъ округахъ Великобританіи, прямо привести къ соотвѣтственнымъ различіямъ у скота? Мы видѣли, что полудикій скотъ въ разныхъ британскихъ паркахъ не тожественъ по окраскѣ или росту, и что нѣкоторый подборъ былъ необходимъ для сохраненія устойчивости породы. Почти достовѣрно, что обильная пища, даваемая въ теченіе многихъ поколѣній, непосредственно вліяетъ на ростъ породы. Достовѣрно также, что климатъ прямо вліяетъ на толщину кожи и густоту волосъ. Такъ Руленъ утверждаетъ, что шкуры одичавшаго скота въ жаркихъ льяносахъ „всегда гораздо легче, чѣмъ у скота, воспитаннаго на высокихъ плоскогоріяхъ Боготы, а эти послѣднія уступаютъ по вѣсу и по густотѣ волосъ шкурамъ скота, одичавшаго на возвышенномъ Парамосѣ“. То же различіе было наблюдаемо для шкуръ скота, воспитаннаго на холодныхъ Фалькландскихъ о-вахъ, по сравненію съ умѣренными пампасами. Лоу замѣтилъ, что скотъ, живущій въ болѣе влажныхъ частяхъ Великобританіи, обладаетъ болѣе длинными волосами и болѣе толстыми шкурами, чѣмъ другой британскій скотъ. Если мы сравнимъ высоко-усовершенствованный, кормленный въ стойлахъ скотъ съ болѣе дикими породами, или если сопоставимъ горныя и живущія на низменностяхъ породы, то убѣдимся, что дѣятельная жизнь, приводящая къ свободному упражненію конечностей и легкихъ, вліяетъ на форму и пропорціи всего тѣла.

Возможно, что нѣкоторыя породы, вродѣ полу-уродливаго скота ньята, а также нѣкоторыя особенности, вродѣ отсутствія роговъ и т. п., появились внезапно, посредствомъ того, что мы, при нашемъ невѣжествѣ, можемъ назвать самопроизвольною измѣнчивостью. Но даже въ этомъ случаѣ грубый подборъ необходимъ, и животныя съ такого рода признаками должны, по крайней мѣрѣ отчасти, быть отдѣ-

лены отъ другихъ. Такого рода заботливость, однако, порою замѣчается даже въ мало-цивилизованныхъ мѣстностяхъ, гдѣ всего меньше можно было этого ожидать, какъ, напр., когда идетъ рѣчь о породахъ ньята, чиво и безрогомъ скотѣ Ю. Америки.

Что методическій подборъ сдѣлалъ чудеса въ новѣйшее время въ дѣлѣ видоизмѣненія нашего скота, въ этомъ никто не сомнѣвается. Во время методическаго подбора, порою случалось, что уклоненія въ строеніи, болѣе рѣзко выраженныя, чѣмъ простыя индивидуальныя различія,— однако, ни въ какомъ случаѣ не заслуживающія названія уродливостей,—примѣнялись съ пользою. Такъ, знаменитый длиннорогій быкъ (лонгхорнъ) съ кличкою Шекспиръ, хотя чистокровной энлейской породы, „едва-ли унаслѣдовалъ хотя единственную черту длиннорогой породы, исключая роговъ". Однако, въ рукахъ м-ра Фоулэра, этотъ быкъ значительно улучшилъ свою породу. Есть также основаніе думать, что подборъ, примѣняемый настолько безсознательно, что ни въ одно время не было никакого опредѣленнаго намѣренія улучшить или измѣнить породу, съ теченіемъ времени видоизмѣнилъ большую часть нашего скота. Дѣйствительно, посредствомъ этого процесса, при содѣйствіи болѣе обильной пищи, всѣ живущія на низменностяхъ британскія породы значительно увеличились въ ростѣ и пріобрѣли болѣе раннюю пору зрѣлости, со времени царствованія Генриха VII. Никогда не слѣдовало бы забывать, что многія животныя должны ежегодно подвергаться убіенію, такъ что каждый собственникъ долженъ опредѣлить, какихъ убивать, и какихъ сохранять для приплода. Въ каждой мѣстности, по замѣчанію Юатта, существуетъ предразсудокъ въ пользу туземной породы, такъ что животныя, обладающія какими бы то ни было качествами, всего болѣе цѣнимыми въ данной области, всего чаще уцѣлѣютъ, и этотъ неметодическій подборъ, навѣрное, за долгое время повліяетъ на характеръ цѣлой породы. Но можно спросить, развѣ этотъ грубый способъ подбора могъ практиковаться такими варварами, каковы дикари Ю. Африки? Это навѣрное произошло въ извѣстныхъ предѣлахъ. Поэтому, присматриваясь къ происхожденію многихъ породъ скота, раньше жившихъ въ разныхъ округахъ Великобри-

таніи, я прихожу къ слѣдующему выводу. Малыя различія въ природѣ климата, пищи и т. д., измѣненіе жизненныхъ привычекъ, при содѣйствіи соотношенія роста и случайнаго появленія, отъ неизвѣстныхъ причинъ, значительныхъ уклоненій въ строеніи—всѣ эти причины, вѣроятно, играли свою роль. Тѣмъ не менѣе, сохраненіе въ каждой мѣстности тѣхъ особенныхъ животныхъ, которыя всего болѣе цѣнились каждымъ хозяиномъ, вѣроятно, было даже болѣе дѣйствительною причиною производства разныхъ британскихъ породъ. Какъ только двѣ или болѣе породъ образовалось въ какомъ-либо округѣ, или когда ввозились новыя породы, происшедшія отъ различныхъ видовъ, ихъ скрещиваніе, особенно при содѣйствіи нѣкотораго подбора, должно было умножить число и измѣнить признаки болѣе старинныхъ породъ.

Овцы.

Я разсмотрю этотъ вопросъ вкратцѣ. Большая часть авторовъ разсматриваютъ нашихъ домашнихъ овецъ, какъ потомковъ разныхъ видовъ. Блайтъ, тщательно изучившій этотъ вопросъ, полагаетъ, что теперь еще существуютъ 14 дикихъ видовъ, но „ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть отожествленъ съ предкомъ любой изъ безчисленныхъ домашнихъ породъ“. Жервэ полагаетъ, что существуетъ шесть видовъ рода *Ovis*, но что наши домашнія овцы образуютъ особый родъ, теперь совершенно вымершій. Одинъ нѣмецкій натуралистъ (Фитцингеръ) убѣжденъ, что наши овцы произошли отъ 10 первоначально особыхъ видовъ, изъ которыхъ только одинъ еще живетъ въ дикомъ состояніи! Другой остроумный наблюдатель, хотя и не натуралистъ, смѣло насмѣхаясь надъ всѣмъ, что извѣстно о географическомъ распредѣленіи, приходитъ къ выводу, что овцы одной только Великобританіи произошли отъ 11 туземныхъ британскихъ формъ! При такомъ безнадежномъ положеніи вопроса, было бы безполезно для моей цѣли дать здѣсь подробныя свѣдѣнія о разныхъ породахъ; однако, нѣкоторыя замѣчанія могутъ быть добавлены.

Овецъ приручали съ очень давняго времени. Рютимейеръ нашелъ въ швейцарскихъ озерныхъ (свайныхъ) постройкахъ остатки одной мелкой породы, съ тонкими большими ногами и рогами, вродѣ козьихъ, стало быть, съ нѣкоторыми отличіями отъ любой извѣстной теперь породы. Почти каждая страна имѣетъ свою особую породу, а многія страны имѣютъ разныя породы, значительно другъ отъ друга отличающіяся. Одна изъ наиболѣе характеристичныхъ породъ, это восточная, съ длиннымъ хвостомъ, включающимъ, по Палласу, 20 позвонковъ, и до того нагруженнымъ саломъ, что порою его помѣщаютъ на родъ тачки, которую и тащитъ за собою живая овца. Эти овцы, хотя разсматриваемыя Фитцингеромъ, какъ особая туземная форма, имѣютъ въ своихъ повислыхъ ушахъ, какъ бы печать продолжительнаго домашнягосостоянія. То же справедливо для тѣхъ овецъ, которыя обладаютъ двумя большими массами сала на туловищѣ, тогда какъ хвостъ у нихъ въ рудиментарномъ состояніи. Ангольская разновидность длиннохвостой породы обладаетъ странными массами сала на затылкѣ и подлѣ челюстей. Ходгсонъ, въ превосходной статьѣ о гималайскихъ овцахъ, выводитъ изъ распредѣленія разныхъ породъ, „что увеличеніе хвоста въ большей части его фазисовъ представляетъ примѣръ вырожденія у этихъ по преимуществу альпійскихъ животныхъ“. Рога представляютъ безконечное разнообразіе признаковъ. Не рѣдко они отсутствуютъ, особенно у самокъ, или, съ другой стороны, ихъ бываетъ 4 или даже 8. Когда рога многочисленны, они поднимаются отъ гребня на лобной кости, приподнятаго своеобразнымъ способомъ. Замѣчательно, что множественность роговъ „обыкновенно сопровождается значительною длиною и грубостью руна“. Это соотношеніе, однако, далеко не общаго характера. Такъ напр., мнѣ сообщаетъ Форбсъ, что испанскія овцы въ Чили походятъ, по руну и всѣмъ другимъ признакамъ, на свою родительскую породу—мериносовъ, исключая того, что вмѣсто пары роговъ у нихъ обыкновенно двѣ пары. Существованіе пары молочныхъ железъ представляетъ родовой признакъ у Ovis, какъ и у нѣкоторыхъ близкихъ родовъ; тѣмъ не менѣе, по замѣчанію Ходгсона „признакъ этотъ не абсолютно постояненъ даже у настоящихъ овецъ, потому что я болѣе одного раза

встрѣчалъ овецъ породы каджіасъ (подгималайская домашняя порода), обладающихъ четырьмя сосцами". Этотъ примѣръ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что, когда какая-либо часть или органъ оказывается въ сокращенномъ числѣ, по сравненію съ тѣмъ, что встрѣчается у родственныхъ группъ, то такіе органы обыкновенно мало измѣнчивы. Присутствіе ямокъ между пальцами также разсматривалось, какъ родовое отличіе овецъ, но Ис. Ж. С. Илеръ показалъ, что эти ямки или сумочки отсутствуютъ у нѣкоторыхъ породъ.

У овецъ существуетъ сильное стремленіе къ тому, чтобы признаки, повидимому, пріобрѣтенные въ домашнемъ состояніи, или исключительно усвоивались мужскимъ поломъ, или развивались у него въ болѣе высокой степени, чѣмъ у другого пола. Такъ, у многихъ породъ рога отсутствуютъ у овцы, хотя это порою встрѣчается и у самки дикого муфлона (O. musimon). У барановъ валахской породы „рога исходятъ почти вертикально изъ лобной кости и затѣмъ принимаютъ превосходную спиральную форму; у овецъ они выдаются почти подъ прямыми углами отъ головы и затѣмъ закручиваются своеобразнымъ способомъ". Ходгсонъ утверждаетъ, что необычайно выгнутый носъ, или же лысина (chaffron), такъ сильно развитая у разныхъ иностранныхъ породъ, характеризуетъ только барана и, повидимому, является слѣдствіемъ прирученія. Блайтъ сообщаетъ мнѣ, что накопленіе сала у жирнохвостыхъ овецъ въ равнинахъ Индіи болѣе значительно у самца, чѣмъ у самки, а Фитцингеръ замѣчаетъ, что грива у африканской породы гораздо болѣе развита у барана, нежели у овцы.

Различныя породы овецъ, подобно рогатому скоту, представляютъ различія въ тѣлосложеніи. Такимъ образомъ, улучшенныя породы достигаютъ зрѣлости въ раннемъ возрастѣ, какъ было хорошо доказано Саймондсомъ, на основаніи ихъ ранняго средняго періода прорѣзыванія зубовъ. Различныя породы приспособились къ разнаго рода пастбищамъ и климату; такъ, напримѣръ, никто не можетъ воспитывать лейстерскихъ овецъ въ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ процвѣтаютъ чевіоты. По замѣчанію Юатта, „во всѣхъ различныхъ округахъ Великобританіи мы находимъ, что разныя породы овецъ

превосходно приспособлены къ занимаемой ими мѣстности. Никто не знаетъ ихъ происхожденія; онѣ какъ бы приросли къ почвѣ, климату, пастбищу и мѣстности, на которой пасутся; онѣ какъ бы образовались для этой мѣстности и при ея посредствѣ". Маршалль разсказываетъ, что одно стадо, состоявшее изъ тяжеловѣсныхъ линкольнширскихъ и легкихъ норфолькскихъ овецъ, воспитывалось вмѣстѣ на большомъ выгонѣ, часть котораго была низменна, тучна и влажна, а другая высока, суха и съ жесткой травой. „Обѣ породы, когда ихъ выгоняли вмѣстѣ, регулярно отдѣлялись другъ отъ друга. Тяжеловѣсныя овцы шли на тучную почву, а легкія на свою, такъ что хотя травы было вдоволь, обѣ породы держались такъ же порознь, какъ вороны и голуби". Многочисленныя овцы изъ разныхъ странъ привозились въ теченіе многихъ лѣтъ въ лондонскій Зоологическій Садъ; но по заключенію Юатта, лѣчившаго животныхъ въ качествѣ ветеринарнаго врача, „немногія или ни одна не погибла отъ парши, но онѣ были чахоточны; ни одна, взятая изъ знойнаго климата, не переживаетъ второго года, а когда онѣ умираютъ, то ихъ легкія оказываются туберкулезными". Существуютъ вполнѣ достаточныя доказательства, что англійскія породы овецъ не удаются во Франціи. Даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи оказалось невозможнымъ держать извѣстныя породы (англійскихъ) овецъ; такъ, на одной фермѣ на берегахъ р. Аузъ (Ouse), лейстерскія овцы такъ быстро были истреблены плевритомъ, что владѣлецъ не могъ держать ихъ; овцы съ болѣе грубой кожей никогда не страдали этой болѣзнью.

Продолжительность беременности прежде считалась такимъ неизмѣннымъ признакомъ, что предполагавшееся различіе этого рода между волкомъ и собакою признавалось вѣрнымъ признакомъ видового различія; но мы видѣли, что періодъ этотъ короче у улучшенныхъ породъ свиней и у болѣе крупныхъ породъ коровъ, чѣмъ у другихъ породъ тѣхъ же животныхъ. И теперь мы можемъ сослаться на превосходный авторитетъ Натузіуса, утверждающаго, что мериносы и саутдаунскія овцы, если ихъ держать долго вмѣстѣ при точно одинаковыхъ условіяхъ, обнаруживаютъ различіе въ среднемъ періодѣ беременности, что показываетъ слѣдующая таблица:

Мериносы.	150,3	дней
Саутдауны (Southdowns).	144,2	„
Полукровные $^1/_2$ мериноса и $^1/_2$ соутдауна.	146,3	„
$^3/_4$ саутдауна.	145,5	„
$^7/_8$ саутдауна.	144,2	„

Постепенно измѣняющаяся разность у смѣшанныхъ потомковъ, обладающихъ разной пропорціей саутдаунской крови, показываетъ, въ какой строгой степени передавались оба періода беременности. Натузіусъ замѣчаетъ, что такъ какъ саутдауны растутъ замѣчательно быстро послѣ рожденія, то не удивительно, что ихъ утробное развитіе укоротилось. Конечно, возможно, что различіе между этими двумя породами можетъ быть обусловлено ихъ происхожденіемъ отъ различныхъ родительскихъ видовъ; но такъ какъ ранняя зрѣлость саутдауновъ обращала на себя особое вниманіе овцеводовъ, то различіе, съ большей вѣроятностью, слѣдуетъ приписать вліянію этого вниманія. Наконецъ, плодовитость разныхъ породъ представляетъ значительныя различія. Нѣкоторыя обыкновенно производятъ двойней или даже тройней за-разъ; замѣчательной примѣръ этого представили любопытныя шанхайскія овцы (отличающіяся усѣченными рудиментарными ушами и большими римскими носами), недавно выставленныя въ Зоологическомъ Саду.

Овцы, быть можетъ, легче всѣхъ другихъ домашнихъ животныхъ подвергаются вліянію прямого дѣйствія жизненныхъ условій, въ которыхъ онѣ находятся. По Палласу, и въ болѣе недавнее время по Эрману, жирнохвостыя киргизскія овцы, воспитываемыя въ теченіе немногихъ поколѣній въ Россіи, вырождаются, и масса жира исчезаетъ „такъ какъ скудныя, горькія степныя травы, повидимому, существенны для ихъ развитія“. Палласъ дѣлаетъ аналогичное утвержденіе относительно одной изъ крымскихъ породъ. Бернесъ утверждаетъ, что каракульская порода, производящая нѣжное, волнистое, черное, цѣнное руно, при удаленіи изъ ея настоящей области подлѣ Бухары, въ Персію или въ другія страны, утрачиваетъ своеобразное руно. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, однако, возможно, что перемѣна, какого бы то ни было рода,

въ жизненныхъ условіяхъ причиняетъ измѣнчивость и вытекающую изъ нея, утрату признаковъ; а не то, чтобы извѣстныя условія были необходимы для развитія извѣстныхъ признаковъ.

Однако, значительный зной, повидимому, дѣйствуетъ прямо на руно. Различныя сообщенія были напечатаны объ измѣненіяхъ, которымъ подвергаются привезенныя изъ Европы овцы, попавшія въ Вестъ - Индію. Д-ръ Никольсонъ изъ Антигвы сообщаетъ мнѣ, что послѣ третьяго поколѣнія, шерсть исчезаетъ на всемъ туловищѣ, исключая мѣстъ надъ поясницей, и животное походитъ тогда на козу съ грязной дверной цыновкой на спинѣ. Подобная же перемѣна, говорятъ, произошла на западномъ берегу Африки. Съ другой стороны, многія шерстистыя овцы живутъ на знойныхъ равнинахъ Индіи. Руленъ утверждаетъ, что въ нижнихъ знойныхъ долинахъ Кордильеръ, если ягнятъ стричь, какъ только шерсть выросла до извѣстной толщины, все идетъ въ обычномъ порядкѣ; но если не стричь, шерсть отдѣляется хлопьями и всегда затѣмъ выростаютъ короткіе блестящіе волосы, вродѣ какъ у козъ. Этотъ любопытный результатъ, повидимому, представляетъ лишь преувеличенную склонность, свойственную мериносамъ; такъ какъ, по замѣчанію крупнаго авторитета, именно лорда Сомервилля, „шерсть нашихъ мериносовъ послѣ періода стрижки до того жестка и груба, что почти невозможно повѣрить, чтобы то же самое животное могло имѣть шерсть настолько противоположнаго качества сравнительно съ тою, которая была обстрижена. По мѣрѣ приближенія холодовъ, руно вновь пріобрѣтаетъ свою мягкость“. Такъ какъ у овецъ всѣхъ породъ руно естественно состоитъ изъ болѣе длиннаго и грубаго волоса, покрывающаго болѣе короткую и мягкую шерсть, то перемѣна, часто испытываемая имъ въ жаркихъ климатахъ, вѣроятно, представляетъ просто примѣръ неодинаковаго развитія, потому что даже у тѣхъ овецъ, которыя, подобно козамъ покрыты волосами вмѣсто руна, всегда находятъ небольшое количество подшерстка. У дикихъ горныхъ овецъ *(O. montana)* въ Сѣверной Америкѣ наблюдается аналогичная ежегодная перемѣна покрова. „Шерсть начинаетъ выпадать раннею весною; вмѣсто нея остается покровъ, вродѣ того, какой наблюдается у лося,—перемѣна одѣянія, совсѣмъ отличающаяся отъ обыч-

наго утолщенія покрова или большей густоты волосъ, свойственной всѣмъ покрытымъ волосами животнымъ зимою,—напримѣръ лошади, коровѣ и т. п., сбрасывающимъ весною свое зимнее одѣяніе". (Одюбонъ и Бахманъ).

Малое различіе въ климатѣ или качествѣ пастбища порою слегка вліяетъ на руно; это наблюдали даже въ разныхъ мѣстностяхъ Англіи, и это ясно доказывается большей мягкостью шерсти, привезенной изъ южныхъ частей Австраліи. Но слѣдовало бы замѣтить, на чемъ много разъ настаиваетъ Юаттъ, что стремленіе къ перемѣнѣ можетъ, вообще говоря, встрѣтить значительное противодѣйствіе со стороны тщательнаго подбора. Ластери, обсудивъ этотъ вопросъ, приходитъ къ слѣдующему общему выводу: „Сохраненіе породы мериносовъ въ ея величайшей чистотѣ на мысѣ Доброй Надежды, въ болотахъ Голландіи и въ суровомъ климатѣ Швеціи, доставляетъ добавочное доказательство этого моего неизмѣннаго принципа, а именно, что мягкошерстыхъ овецъ можно держать всюду, гдѣ существуютъ прилежные люди и знающіе дѣло овцеводы".

Всякій, сколько-нибудь понимающій дѣло, ни на минуту не усомнится, что методическій подборъ произвелъ значительныя измѣненія у разныхъ породъ овецъ. Примѣръ саутдаунской породы, улучшенной Эльманомъ, представляетъ, быть можетъ, самый поразительный случай. Безсознательный или случайный подборъ также медленно произвелъ значительное дѣйствіе. Что скрещиваніе значительно видоизмѣнило нѣкоторыя породы, этого не станетъ оспаривать никто изъ изучавшихъ написанное по этому вопросу, напримѣръ, статью Спунера; но для достиженія однообразія въ смѣшанной породѣ требуется тщательный подборъ и „строгое выпалыванье негоднаго", какъ выражается названный авторъ. Въ немногихъ случаяхъ новыя породы возникали внезапно. Такъ, въ 1791 году одинъ ягненокъ - барашекъ родился въ Массачузетсѣ; у него были короткія искривленныя ноги и длинная спина, вродѣ того, какъ у породы собакъ, употребляемыхъ для вращенія вертеловъ (родъ таксы). Отъ этого одного ягненка впослѣдствіи произошла полу-уродливая порода анконскихъ овецъ, и такъ какъ эти овцы не могутъ прыгать черезъ изгороди, то полагали, что онѣ бу-

дутъ высоко цѣниться; однако, ихъ вытѣснили мериносы, и такимъ образомъ порода эта была истреблена. Овцы эти замѣчательны въ томъ отношеніи, что передаютъ свои признаки съ замѣчательнымъ постоянствомъ, такъ что полковникъ Гомфризъ ни разу не слышалъ ни объ „одномъ даже сомнительномъ случаѣ, когда бы анконскіе баранъ и овца не произвели анконскаго же потомства. При скрещиваньи съ другими породами, потомство, за рѣдкими исключеніями, вмѣсто того, чтобы быть промежуточнаго характера, вполнѣ походитъ на того или другого родителя; даже одинъ изъ близнецовъ походилъ на одного родителя, другой—на другого. Наконецъ, наблюдали, что анконскія овцы держатся вмѣстѣ, отдѣляясь отъ остального стада, когда ихъ загоняли въ загороди вмѣстѣ съ другими овцами.

Болѣе интересный случай былъ указанъ въ отчетѣ жюри Большой Выставки (1851 г.), а именно полученіе мериноса барашка на Мошанской фермѣ въ 1828 г., отличавшагося длинной, гладкой, прямой, шелковистой шерстью. Къ 1833 г. Гро (Graux) имѣлъ уже достаточно барановъ на все стадо, и немного лѣтъ спустя былъ въ состояніи продать стадо своей новой породы. Шерсть этой породы такъ своеобразна и цѣнна, что продается на 25% дороже наилучшей мериносовой; даже руно полукровныхъ животныхъ цѣнно и извѣстно во Франціи, какъ „мошанское (Mauchamp) мериносовое“. Любопытно, какъ доказательство того, какъ часто любое рѣзкое уклоненіе въ строеніи сопровождается другими уклоненіями, что первый баранъ и его непосредственное потомство были малаго роста, съ большою головою, длинною шеей, узкою грудью и длинными боками; но эти пороки были устранены—обдуманно произведеннымъ скрещиваніемъ и подборомъ. Длинная гладкая шерсть была также въ соотношеніи съ гладкими рогами, а такъ какъ рога и волосы—гомологичныя строенія, то понятно значеніе этого соотношенія. Если бы мошанская и анконская породы возникли сто или двѣсти лѣтъ тому назадъ, у насъ не было бы свѣдѣній объ ихъ возникновеніи, и многіе натуралисты, безъ сомнѣнія, стали бы утверждать, особенно относительно мошанской породы, что онѣ произошли прямо или путемъ скрещиванія отъ нѣкоторой неизвѣстной туземной породы.

Козы.

Послѣ недавнихъ изслѣдованій Брандта, большая часть натуралистовъ теперь полагаютъ, что всѣ наши козы произошли отъ горной азіатской козы *Capra aegargus*, быть можетъ, въ смѣси съ родственнымъ индійскимъ видомъ, *C. Falconeri*. Въ Швейцаріи, въ теченіе новокаменнаго (неолитическаго) періода, домашняя коза была болѣе обыкновенна, чѣмъ овца, и эта весьма древняя порода ни въ какомъ отношеніи не отличалась отъ той, которая теперь распространена въ Швейцаріи. Въ настоящее время многія породы, живущія въ разныхъ странахъ, значительно различаются между собою; тѣмъ не менѣе, насколько удалось произвести опыты, всѣ онѣ вполнѣ плодовиты при скрещиваньи. Такъ многочисленны эти породы, что Кларкъ описалъ 8 разныхъ породъ, ввезенныхъ лишь на одинъ о-въ Маврикія. Уши одной породы были чудовищно развиты, имѣя, по измѣреніямъ Кларка не менѣе 19 дюймовъ въ длину и $4^3/_4$ въ ширину. Какъ у коровъ, вымя у тѣхъ козъ, которыя регулярно подвергаются доенію, значительно развилось, и, по замѣчанію Кларка, „нерѣдко можно видѣть, что сосцы касаются земли“. Слѣдующіе примѣры стоитъ отмѣтить, какъ представляющіе необычайный родъ измѣнчивости. По Годрону, вымя различается въ значительной мѣрѣ по формѣ у разныхъ породъ. Оно продолговато у обыкновенной козы, полушаровидно у ангорской, двулопастное и расходящееся у козъ въ Сиріи и Нубіи. По словамъ того же автора, самцы нѣкоторыхъ породъ утратили свой обычный противный запахъ. У одной изъ индійскихъ породъ самцы значительно отличаются отъ самокъ формою роговъ, а у нѣкоторыхъ породъ, самки безроги. Рамю изъ Нанси сообщаетъ мнѣ, что многія изъ здѣшнихъ козъ обладаютъ на верхней части шеи парою волосистыхъ придатковъ, длиною въ 70 миллиметровъ и около 10 мм. въ діаметрѣ, по внѣшнему виду сходныхъ съ придатками, описанными выше для челюстей нѣкоторыхъ свиней. Присутствіе между пальцами ямокъ или сумочекъ на всѣхъ четырехъ ногахъ считали прежде признакомъ рода Ovis, а отсутствіе ихъ—признакомъ рода Capra; но Ходгсонъ

нашелъ, что такія сумочки существуютъ на переднихъ ногахъ у большинства гималайскихъ козъ. Ходгсонъ измѣрилъ кишечники двухъ козъ породы *дугу* и нашелъ, что пропорціональныя длины толстыхъ и тонкихъ кишекъ значительно разнятся. У одной изъ козъ слѣпая кишка была 13 д. длины, тогда какъ у другой не менѣе 36 дюймовъ!

ГЛАВА IV.

Домашніе кролики.

Всѣ естествоиспытатели, сколько мнѣ извѣстно, за исключеніемъ одного (Жервэ), полагаютъ, что разныя домашнія породы кролика произошли отъ обыкновеннаго дикаго вида. Поэтому я опишу кроликовъ тщательнѣе, чѣмъ другихъ животныхъ.

Проф. Жервэ утверждаетъ, что „настоящій дикій кроликъ меньше домашняго; пропорціи тѣла не вполнѣ одинаковы у обоихъ; хвостъ меньше; уши короче и болѣе густо одѣты волосами, и всѣ эти признаки, не говоря уже объ окраскѣ, представляютъ доказательства, направленныя противъ мнѣнія, по которому эти животныя подходятъ подъ одно и то же видовое названіе". Немногіе естествоиспытатели согласятся, однако, съ этимъ авторомъ, что такихъ мелкихъ различій достаточно для того, чтобы признать дикаго и домашняго кролика разными видами. Какъ удивительно было бы, если бы тѣсное заключеніе, вполнѣ ручное состояніе, не природная пища и тщательное разведеніе—все это въ теченіе многихъ поколѣній не произвело бы хотя какого-либо дѣйствія! Кроликъ былъ прирученъ съ древнихъ временъ. Конфуцій ставитъ кроликовъ въ числѣ животныхъ, достойныхъ быть приносимыми въ жертву богамъ, и, такъ какъ онъ предписываетъ ихъ размноженіе, то, вѣроятно, въ эту отдаленную эпоху кролики были уже приручены въ Китаѣ. Ихъ упоминаютъ многіе изъ классическихъ писателей. Въ 1631 году Маркгэмъ пишетъ: „Вы не должны для нихъ, какъ для другихъ скотовъ, смотрѣть на форму, но на ихъ тучность; надо только доставать крупнѣйшихъ и наиболѣе раздобрѣвшихъ,

какихъ можете; а что касается достоинства шкуры, то лучшею считается такая, гдѣ поровну черныхъ и бѣлыхъ волосъ, но черныхъ съ нѣсколько бѣлымъ оттѣнкомъ. Мѣхъ долженъ быть толстымъ, глубокимъ, гладкимъ и блестящимъ... они тѣломъ гораздо жирнѣе и крупнѣе, и въ то время, какъ другія шкурки стоютъ два-три пенса, за эти даютъ два шиллинга". Это полное описаніе показываетъ, что серебристосѣрые кролики существовали уже тогда въ Англіи, и, что далеко важнѣе, мы видимъ, что разведеніе и подборъ кроликовъ тогда уже обращали на себя особое вниманіе. Альдрованди, въ 1637 году, описываетъ, основываясь на показаніяхъ разныхъ старинныхъ писателей (напр., Скалигера, отъ 1557 г.), кроликовъ разныхъ мастей, нѣкоторыхъ „вродѣ зайца", и прибавляетъ, что Валеріанусъ (умершій въ очень преклонномъ возрастѣ въ 1558 г.) видѣлъ въ Веронѣ кроликовъ вчетверо крупнѣе нашихъ.

Фактъ древняго прирученія кроликовъ заставляетъ насъ искать первичную родоначальную форму въ сѣв. полушаріи, въ Старомъ Свѣтѣ, и только въ болѣе теплыхъ умѣренныхъ областяхъ; дѣйствительно, кроликъ неспособенъ жить безъ крова въ странахъ, настолько холодныхъ, какъ Швеція, и хотя онъ одичалъ на тропическомъ о-вѣ Ямайкѣ, однако, никогда здѣсь не размножался въ сильной степени. Теперь онъ существуетъ, и давно существовалъ въ болѣе теплыхъ умѣренныхъ частяхъ Европы, потому что ископаемые остатки были находимы въ разныхъ странахъ. Домашній кроликъ легко дичаетъ въ этихъ самыхъ странахъ, и когда убѣгаютъ различно окрашенныя породы, онѣ обыкновенно возвращаются къ обычной сѣрой окраскѣ. Дикіе кролики, если взяты молодыми, могутъ быть приручены, хотя это дѣло обыкновенно очень хлопотливое. Разныя домашнія породы часто скрещиваются, и полагаютъ, что онѣ вполнѣ плодовиты между собою. Можно показать, что существуютъ постепенные переходы отъ болѣе крупныхъ домашнихъ породъ, обладающихъ чудовищно развитыми ушами, къ обыкновенной дикой породѣ. Родоначальная форма должна была рыть норы; привычка эта, насколько мнѣ извѣстно, несвойственна ни одному другому виду обширнаго рода Lepus. Только одинъ дикій видъ, какъ извѣстно достовѣрно, существуетъ въ Европѣ; но кроликъ

(если это настоящій кроликъ), живущій на Синаѣ, а также алжирскій представляютъ нѣкоторыя малыя отличія, и эти формы разсматривались нѣкоторыми авторами, какъ разные виды. Но такія малыя различія мало помогутъ намъ объяснить болѣе значительныя отличія, характеризующія разныя домашнія породы. Если эти послѣднія представляютъ потомковъ двухъ или большаго числа близкородственныхъ видовъ, то эти послѣдніе, за исключеніемъ обыкновеннаго кролика, были, слѣдовательно, истреблены въ дикомъ состояніи; а это крайне неправдоподобно, если принять во вниманіе, съ какимъ упорствомъ это животное удерживается на занятой территоріи. Эти различныя основанія позволяютъ намъ заключить съ увѣренностью, что всѣ домашнія породы—потомки обыкновеннаго дикаго вида. Но изъ того, что мы знаемъ объ изумительномъ успѣхѣ, достигнутомъ во Франціи въ дѣлѣ воспитанія гибридовъ отъ зайца и кролика, возможно, хотя и невѣроятно, судя по замѣчательной трудности достичь перваго скрещиванья, что нѣкоторыя изъ болѣе крупныхъ породъ, окрашенныхъ подобно зайцу, могли быть видоизмѣнены скрещиваньямъ съ этимъ животнымъ. Тѣмъ не менѣе, главныя различія въ скелетѣ разныхъ домашнихъ породъ не могли, какъ сейчасъ увидимъ, произойти отъ скрещиванья съ зайцемъ.

Существуютъ многія породы, передающія свои признаки болѣе или менѣе устойчиво. Каждый видѣлъ на нашихъ выставкахъ чудовищныхъ вислоухихъ кроликовъ; разныя родственныя съ ними подпороды разводятся на континентѣ, какъ, напр., такъ наз. андалузская порода, обладающая, говорятъ, большою головою и круглымъ лбомъ и болѣе крупная, чѣмъ какая-либо иная. Другая крупная парижская порода называется „руанскою“; у нея голова квадратныхъ очертаній. Такъ наз. патагонскій кроликъ имѣетъ замѣчательно короткія уши и большую круглую голову. Хотя я не видѣлъ всѣхъ этихъ породъ, однако, нѣсколько сомнѣваюсь, чтобы существовало какое-либо рѣзкое различіе въ формѣ ихъ черепа. Англійскіе вислоухіе кролики часто вѣсятъ по 8 или 10 фунтовъ; выставили одного, вѣсившаго 18 ф., тогда какъ взрослый дикій кроликъ хорошаго роста вѣситъ лишь около $3^3/_4$ ф. Голова или черепъ у всѣхъ крупныхъ вислоухихъ кроликовъ, мною изслѣдованныхъ, значительно длиннѣе по

сравненію съ ея шириною, чѣмъ у дикаго кролика. Многіе изъ кроликовъ обладаютъ свободно висящими поперечными складками кожи или подгрудками ниже шеи, до того растяжимыми, что ихъ можно вытянуть почти до концовъ челюстей. Ихъ уши чудовищно развиты и свѣшиваются съ каждой стороны лица. Въ 1867 году былъ выставленъ кроликъ, у котораго оба уха, отъ конца одного до конца другого, достигали 22 д., а каждое ухо было $5^3/_8$ д. ширины. Въ 1869 году показывали одного кролика, у котораго уши, при такомъ же измѣреніи, были $23^1/_8$ д. длины и $5^1/_2$ ширины; такимъ образомъ, „эти животныя превосходили любого кролика, когда-либо выставленнаго". У обыкновеннаго дикаго кролика я нашелъ длину обоихъ ушей, отъ кончика до кончика въ $7^5/_8$ д., а ширину лишь въ $1^7/_8$ дюйма. Вѣсъ тѣла у болѣе крупныхъ кроликовъ и развитіе ихъ ушей, вотъ качества, за которыя берутъ призы, и они подвергались тщательному подбору.

Кролики заячьей масти, или, какъ ихъ иногда называютъ, бельгійскіе, ничѣмъ не отличаются, исключая окраски, отъ другихъ крупныхъ породъ. Но Дж. Юнгъ, изъ Саутгэмптона, извѣстный любитель, сообщаетъ мнѣ, что самки, у всѣхъ изслѣдованныхъ имъ экземпляровъ, имѣли только шесть сосцовъ, и то же навѣрное справедливо для двухъ бывшихъ у меня самокъ. М-ръ Брентъ, однако, увѣряетъ меня, что это число измѣнчиво у другихъ домашнихъ кроликовъ. Обыкновенный дикій кроликъ всегда имѣетъ 10 сосцовъ. Ангорскій кроликъ замѣчателенъ длиною и нѣжностью своего мѣха, весьма длиннаго даже на подошвахъ. Эта порода—единственная, отличающаяся своими душевными свойствами, такъ какъ, говорятъ, этотъ кроликъ гораздо болѣе общителенъ, чѣмъ другіе, и самецъ не обнаруживаетъ никакого желанія истреблять дѣтенышей. Двое живыхъ кроликовъ были привезены мнѣ изъ Москвы; ростомъ они были вродѣ дикихъ, но мѣхъ у нихъ длинный, нѣжный, не такой, однако, какъ у ангорской породы. У московскихъ кроликовъ глаза были гвоздично-красные, сами же они снѣжно-бѣлые, исключая ушей, двухъ пятенъ подлѣ носа, верхней и нижней поверхности хвоста и заднихъ частей стопы [1]) (tarsi): всѣ эти

[1]) Совершенно неправиленъ усвоенный многими зоологами (но не анато-

части были черновато-бураго цвѣта. Словомъ, эти кролики были окрашены почти подобно такъ наз. гималайскимъ, отличаясь отъ нихъ только качествомъ мѣха. Есть еще двѣ другія породы устойчивыхъ мастей, но въ другомъ отношеніи не различающіяся между собою, а именно серебристо-сѣрые и шиншилловые. Наконецъ, можно упомянуть никардскаго или голландскаго кролика, измѣнчивой масти и замѣчательнаго своимъ малымъ ростомъ: нѣкоторые экземпляры вѣсятъ только $1^1/_4$ ф. Кроличихи этой породы—превосходныя кормилицы другихъ болѣе нѣжныхъ породъ.

Нѣкоторые признаки домашнихъ кроликовъ замѣчательно непостоянны или очень слабо наслѣдственны; такъ, одинъ любитель говоритъ мнѣ, что у болѣе мелкихъ породъ ему едва-ли когда-либо удавалось получить весь пометъ одной масти; у болѣе крупныхъ вислоухихъ породъ, по словамъ одного большого знатока, „невозможно получить постоянно передающейся масти, но путемъ разсудительнаго скрещиванья можно сдѣлать значительный шагъ къ достиженію этого. Любитель долженъ знать, откуда произошли его самки, т. е. какова была окраска ихъ родителей". Тѣмъ не менѣе, извѣстныя масти передаются постояннымъ образомъ. Подгрудокъ не строго наслѣдственъ. Вислоухіе кролики, съ ихъ ушами, свѣшивающимися плашмя съ каждой стороны морды, вовсе не передаютъ этого признака съ устойчивостью. М-ръ Деламеръ замѣчаетъ, что „у любительскихъ кроликовъ, если оба родителя въ совершенствѣ сформированы, имѣютъ образцовыя уши и прекрасныя отмѣтины, потомство не неизмѣнно выходитъ такимъ же самымъ". Когда одинъ изъ родителей, или даже оба, не вислоухи, но, какъ говорятъ, *веслоухи*, т. е. когда уши торчатъ у нихъ подъ прямыми углами, подобно весламъ, или когда одинъ или оба родителя „полу-вислоухи", т. е. имѣютъ лишь одно висящее ухо (рис. 6), то шансы для того, чтобы потомство было вполнѣ вислоухимъ, почти такъ же велики, какъ и въ томъ случаѣ, если оба родителя отличаются этимъ признакомъ. Но мнѣ сообщаютъ, что если

мами) переводъ tarsus=плюсна. По аналогіи съ carpus=запястье (а не *пясть*) можно былобы переводить tarsus=*заплюсневая* часть, ибо metatarsus есть плюсна. Принятый анатомами переводъ tarsus=пятка неудобенъ въ томъ отношеніи, что даетъ поводъ къ смѣшенію съ calcaneus, соотвѣтствующимъ обыденному представленію о пяткѣ. *Изд.*

у обоихъ родителей прямостоячіе уши, то почти нѣтъ никакой вѣроятности получить вполнѣ вислоухое потомство. У нѣкоторыхъ полу-вислоухихъ, то ухо, которое свѣшивается, шире и длиннѣе другого, стоячаго, такъ что здѣсь мы видимъ необыкновенный примѣръ отсутствія симметріи обѣихъ сторонъ.

Это различіе въ положеніи и величинѣ обоихъ ушей, вѣроятно, указываетъ на то, что свѣшиванье происходитъ отъ большей длины и вѣса уха, безъ сомнѣнія, при содѣйствіи слабости мускуловъ, зависящей отъ неупотребленія. Андерсонъ упоминаетъ объ одной породѣ, имѣющей только одно ухо, а проф. Жерве о другой, совсѣмъ лишенной ушей.

Переходимъ теперь къ гималайской породѣ, называемой порою китайскою, польскою или русскою. Эти прекрасные кролики бѣлаго, порою желтаго цвѣта, исключая буровато-черныхъ ушей, носа, лапъ и верхней части хвоста; но такъ какъ глаза у нихъ красные, этихъ кроликовъ можно считать альбиносами. Я получилъ нѣсколько сообщеній о томъ, что они передаютъ свои признаки потомству съ большимъ постоянствомъ. По ихъ симметричнымъ пятнамъ, ихъ сначала признавали особымъ видомъ и временно назвали чернолапыми кроликами (*L. nigripes*). Нѣкоторые хорошіе наблюдатели полагали, что нашли различіе въ нравахъ, и упорно утверждали, что это особый видъ. Происхожденіе этой породы такъ любопытно, и само по себѣ, и потому, что проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на сложные законы наслѣдственности, что объ этомъ стоитъ поговорить подробно. Сначала, однако, необходимо вкратцѣ описать двѣ другія породы: серебристо-сѣрые или „съ блестками“ обыкновенно имѣютъ черныя головы и ноги, и ихъ прекрасный сѣрый мѣхъ усѣянъ многочисленными черными и бѣлыми длинными волосами. Кролики эти передаютъ свои признаки съ полнымъ постоянствомъ. Одинъ писатель утверждалъ въ 1857 г., что ему удалось получить гималайскихъ кроликовъ слѣдующимъ образомъ. У него была порода „шиншилловыхъ“ кроликовъ, скрещенныхъ съ обыкновеннымъ чернымъ кроликомъ. Потомство оказалось частью чернымъ, частью шиншилловымъ. Это послѣднее было вновь скрещено съ другими шиншилловыми (въ свою очередь скрещенными съ серебристо-сѣрыми); отъ этого-то

сложнаго смѣшенія породъ произошли гималайскіе кролики. Эти и другія подобныя показанія побудили Бартлетта предпринять тщательные опыты въ Зоологическомъ Саду; онъ нашелъ, что простымъ скрещиваніемъ серебристо-сѣрыхъ съ шиншилловыми ему всегда удавалось произвести нѣсколько гималайскихъ кроликовъ, и эти послѣдніе, несмотря на свое внезапное происхожденіе, если ихъ держали особнякомъ, плодились съ сохраненіемъ полной чистоты породы. Но недавно мнѣ сообщили, что чистые серебристо-сѣрые кролики любой подпороды порою производятъ гималайскихъ.

Новорожденные гималайскіе кролики совершенно бѣлы, и тогда это настоящіе альбиносы; но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они постепенно пріобрѣтаютъ темныя уши, носъ, ноги и хвостъ. Порою, однако, какъ мнѣ сообщаютъ Уулеръ и Д. Фоксъ, новорожденные бываютъ очень блѣднаго сѣраго цвѣта, и образчики такихъ шкурокъ были мнѣ присланы первымъ изъ нихъ. Сѣрая окраска, однако, исчезаетъ по мѣрѣ достиженія животнымъ зрѣлости. Такимъ образомъ у этихъ гималайскихъ есть стремленіе, строго ограниченное ранней молодостью, къ возврату окраски взрослыхъ серебристосѣрыхъ особей. Серебристосѣрые и шиншилловые, съ другой стороны, представляютъ замѣчательный контрастъ съ гималайскими по окраскѣ, пока они совсѣмъ молоды, такъ какъ родятся совершенно черными, но вскорѣ принимаютъ свою характерную сѣрую или серебристую окраску. То же относится къ сѣрымъ лошадямъ, которыя, пока они жеребята, обыкновенно бываютъ почти черной масти, но вскорѣ становятся сѣрыми и становятся съ возрастомъ все бѣлѣе и бѣлѣе. Итакъ, обыкновенное правило таково: гималайскіе кролики родятся бѣлыми и затѣмъ въ извѣстныхъ частяхъ тѣла становятся темноокрашенными, тогда какъ серебристосѣрые родятся черными и затѣмъ становятся съ бѣлыми блестками. Въ обоихъ случаяхъ, однако, иногда встрѣчаются исключенія діаметрально противоположнаго характера. Дѣйствительно, серебристосѣрые порою родятся въ кроличьихъ садкахъ, какъ мнѣ сообщаетъ Берчъ, кремоваго (сливочнаго) цвѣта, но эти молодыя животныя подъ конецъ становятся черными. Гималайскіе, съ другой стороны, порою производятъ, какъ утверждаетъ одинъ опытный любитель, по одному черному дѣте-

нышу изъ числа всѣхъ въ данномъ пометѣ, а эти дѣтеныши, до истеченія двухъ мѣсяцевъ; становятся совершенно бѣлыми. Подводимъ итогъ этому любопытному вопросу. Дикіе серебристосѣрые могутъ быть разсматриваемы какъ черные кролики, ставшіе сѣрыми въ раннемъ возрастѣ. При скрещиваніи ихъ съ обыкновенными кроликами, потомство, говорятъ, не бываетъ смѣшанныхъ цвѣтовъ, но принимаетъ масть того или другого родителя; и въ этомъ отношеніи они походятъ на черныхъ и на альбиносовъ большинства млекопитающихъ, часто передающихъ свою окраску такимъ самымъ образомъ. При скрещиваніи съ шиншилловыми, т. е. съ болѣе блѣдною подразновидностью, дѣтеныши сначала представляютъ чистыхъ альбиносовъ, но вскорѣ становятся темноокрашенными въ извѣстныхъ мѣстахъ тѣла, и тогда называются гималайскими. Молодые гималайскіе, однако, порою сначала бываютъ или блѣдносѣрыми, или совершенно черными, и въ обоихъ случаяхъ, по истеченіи нѣкотораго времени, измѣняютъ свой цвѣтъ въ бѣлый. Множество фактовъ показываютъ, что, если скрещиваются двѣ разновидности, изъ которыхъ каждая отличается по окраскѣ отъ родительской формы, то у молодыхъ является сильное стремленіе возвратиться къ первобытной окраскѣ; и, что весьма замѣчательно, этотъ возвратъ порою наступаетъ не до рожденія, но во время роста животнаго. Поэтому, если бы было возможно показать, что серебристосѣрые и шиншилловые произошли отъ скрещиванія между черными и альбиносами, причемъ масти тѣсно слились, тогда приведенные парадоксальные факты относительно измѣненія окраски у серебристосѣрыхъ и у ихъ потомковъ, гималайскихъ кроликовъ, подошли бы подъ законъ возврата; предположеніе это само по себѣ вѣроятно и подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что серебристосѣрые въ кроличьихъ садкахъ порою производятъ дѣтенышей кремоваго цвѣта, становящихся подъ конецъ черными. Законъ возврата, вѣроятно, дѣйствуетъ въ разные періоды роста и въ разной степени, и самый возвратъ направленъ къ первоначальной черной разновидности или же къ той, которая имѣетъ характеръ альбиносовъ. Замѣчательно также, что гималайскіе кролики, хотя бы произведенные такимъ внезапнымъ образомъ, плодятся какъ чистокровная порода. Но такъ какъ дѣтеныши у

нихъ альбиносы, то этотъ случай подходитъ подъ очень общій законъ; альбинизмъ, какъ извѣстно, сильно наслѣдуется, напр., бѣлыми мышами и многими другими четвероногими (и даже бѣлыми цвѣтками). Но почему, можно спросить, уши, хвостъ, носъ и ноги, а не какая-либо другая часть тѣла возвращается къ черной масти? Это, очевидно, зависитъ отъ вообще подтверждающагося закона, а именно, что признаки, общіе многимъ видамъ, принадлежащимъ къ одному роду (что подразумѣваетъ давнюю наслѣдственность отъ древняго родоначальника), противятся измѣненію или вновь появляются въ случаѣ утраты, болѣе упорно, чѣмъ признаки, характеризующіе лишь отдѣльные виды. Но во всемъ родѣ Lepus значительное большинство видовъ имѣетъ уши и верхнюю часть хвоста черной окраски; особенно хорошо видна устойчивость этихъ примѣтъ у тѣхъ видовъ, которые зимою становятся бѣлыми: такъ, въ Шотландіи *Lepus variabilis*, въ своей зимней одеждѣ, обладаетъ слабой окраской носа, кончики же ушей у него черные; у *L. tibetanus* уши черныя, верхняя поверхность хвоста сѣроваточерная, а подошвы бурыя; у *L. glacialis* зимній мѣхъ чисто бѣлый, исключая подошвъ и кончиковъ ушей. Даже у различно окрашенныхъ любительскихъ кроликовъ мы часто наблюдаемъ стремленіе пріобрѣтать въ тѣхъ же частяхъ болѣе темную окраску, чѣмъ въ остальномъ тѣлѣ. Такъ, различныя окрашенныя пятна у гималайскихъ кроликовъ, по мѣрѣ того, какъ животныя старѣются, становятся явственными. Могу добавить сходный примѣръ: любительскіе кролики очень часто имѣютъ бѣлую звѣзду на лбу; но обыкновенный англійскій заяцъ, пока онъ молодъ, вообще говоря, какъ мнѣ самому случилось наблюдать, имѣетъ подобную же бѣлую отмѣтину на лбу. Когда различно окрашенныхъ кроликовъ выпускаютъ въ Европѣ и такимъ образомъ подвергаютъ ихъ естественнымъ условіямъ, они обыкновенно возвращаются къ первичной сѣрой окраскѣ. Это можетъ отчасти зависѣть отъ стремленія всѣхъ смѣшанныхъ породъ, какъ было недавно сказано, возвращаться къ своему первобытному состоянію. Но это стремленіе не всегда господствуетъ. Такъ, серебристосѣрыхъ кроликовъ держатъ въ садкахъ и они остаются неизмѣнными, хотя живутъ почти въ дикомъ состояніи; но въ кроличью яму не надо сажать се-

ребристосѣрыхъ съ обыкновенными, иначе „спустя немного лѣтъ, выживутъ только простые сѣрые“. Когда кролики дичаютъ въ чужихъ странахъ, при новыхъ условіяхъ жизни, они вовсе не всегда возвращаются къ первобытной окраскѣ. Такъ, на Ямайкѣ, одичавшіе кролики, судя по описанію, были „сизаго цвѣта, сильно окрашеннаго бѣлыми блестками на шеѣ, плечахъ и спинѣ; окраска смягчалась до бѣловатоголубой подъ грудью и животомъ“. Но на этомъ тропическомъ островѣ условія не были благопріятны ихъ размноженію и здѣсь кролики никогда не распространялись значительно, а теперь вымерли, какъ мнѣ сообщаетъ Р. Гилль, вслѣдствіе одного сильнаго лѣсного пожара. Кролики въ теченіе многихъ лѣтъ дичали на Фалькландскихъ островахъ; мѣстами они изобиловали, но не распространялись широко. Большая часть ихъ обыкновеннаго сѣраго цвѣта; немногіе, какъ мнѣ сообщилъ адмиралъ Сюливанъ, заячьяго цвѣта, а многіе—чернаго, часто съ почти симметричными бѣлыми пятнами на мордѣ. Поэтому Лессонъ описалъ черную разновидность, какъ особый видъ, подъ названіемъ Lepus magellanicus, но это, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ (См. „Путеш. на кор. Бигль“), ошибочно. Въ недавнія времена, тюленеловы снабдили нѣкоторые мелкіе внѣлежащіе островки Фалькландской группы кроликами; и на островкѣ Пеббль (Кремневомъ), какъ мнѣ сообщаетъ адмиралъ Сюливанъ, большая часть заячьяго цвѣта, тогда какъ на островкѣ Раббитъ (Кроличьемъ) большая часть синеватаго цвѣта, въ другихъ мѣстахъ не наблюдаемаго. Какъ были окрашены кролики, выпущенные на эти островки—не извѣстно.

Кролики, одичавшіе на островѣ Порто Санто, подлѣ Мадейры, заслуживаютъ болѣе полнаго описанія. Въ 1408 или 1410 году, Гонзалесъ Зарко случайно имѣлъ на бортѣ кроличью самку, давшую дѣтенышей на пути. Онъ всѣхъ ихъ выпустилъ на островъ. Эти животныя вскорѣ размножились такъ быстро, что стали бичомъ и дѣйствительно привели къ опустѣнію колоніи. 37 лѣтъ спустя, Када Мосто говоритъ, что ихъ тамъ несмѣтное число; да это и не удивительно, потому что на островѣ не жило ни одного хищнаго звѣря и никакого наземнаго млекопитающаго. Мы не знаемъ, какова была кроличья самка, но, вѣроятно, она была обыкновенной

домашней породы. Испанія, откуда приплылъ Зарко, какъ извѣстно, изобилуетъ обыкновеннымъ дикимъ видомъ съ самой отдаленной исторической эпохи, и такъ какъ кроликовъ взяли на бортъ съ цѣлью употребить въ пищу, то невѣроятно, чтобы они были какой-либо особенной породы. Что эта порода была вполнѣ ручная, ясно изъ того, что самка принесла приплодъ на пути. Уоллэстонъ, по моей просьбѣ, привезъ домой двухъ изъ одичавшихъ кроликовъ въ спирту; затѣмъ Хейвудъ прислалъ мнѣ еще три экземпляра въ разсолѣ и двухъ живыхъ. Эти семь экземпляровъ, хотя пойманные въ разныя эпохи, близко походили другъ на друга. Они были взрослые, что показываетъ состояніе ихъ костей. Хотя условія жизни на Порто Санто очевидно чрезвычайно благопріятны кроликамъ, что доказывается необычайно быстрымъ размноженіемъ, однако они замѣтно отличаются отъ дикаго англійскаго кролика своимъ малымъ ростомъ. Четыре англійскихъ кролика, при измѣреніи отъ рѣзцовъ до задняго прохода, были въ длину отъ 17 до $17^3/_4$ д.; тогда какъ двое кроликовъ изъ Порто Санто лишь $14^1/_2$ и 15 д. Уменьшеніе роста всего лучше доказывается вѣсомъ; 4 дикихъ англійскихъ кролика въ среднемъ были 3 ф. 5 англ. унцій вѣса, тогда какъ одинъ изъ порто-сантскихъ кроликовъ, прожившій 4 года въ Зоологическомъ Саду, но исхудавшій, вѣсилъ только 1 ф. 9 унцій. Болѣе основательною провѣркою является сравненіе хорошо очищенныхъ костей отъ конечностей порто-сантскаго кролика, убитаго на островѣ, съ тѣми же костями дикаго англійскаго кролика средняго роста: они различались между собою въ отношеніи нѣсколько менѣе, чѣмъ 5 : 9. Такимъ образомъ порто-сантскіе кролики уменьшились почти на 3 д. въ длину и утратили почти половину вѣса тѣла. Голова не уменьшилась въ длину пропорціонально туловищу, а емкость черепной полости замѣчательно измѣнчива. Я препарировалъ четыре черепа, они походили другъ на друга болѣе близко, чѣмъ замѣчается для череповъ дикихъ англійскихъ кроликовъ; но единственное различіе въ строеніи, которое они представляли, состояло въ томъ, что подглазничные выступы лобныхъ костей были болѣе узки.

По масти, порто-сантскій кроликъ значительно отличается отъ обыкновеннаго. Верхняя поверхность краснѣетъ и рѣдко

бываетъ усѣяна какими-либо черными волосами или хотя бы съ черными кончиками. Горло и нѣкоторыя части нижней поверхности, вмѣсто того, чтобы быть чисто-бѣлыми, обыкновенно блѣдно-сѣрыя или свинцоваго цвѣта. Но самое замѣчательное отличіе представляютъ уши и хвостъ; я изслѣдовалъ многихъ свѣже-убитыхъ англійскихъ кроликовъ и обширную коллекцію шкурокъ, собранныхъ въ Британскомъ Музеѣ изъ разныхъ странъ; у всѣхъ верхняя поверхность хвоста и кончики ушей покрыты черновато-сѣрымъ мѣхомъ, и это указывается въ большей части сочиненій, какъ одинъ изъ видовыхъ признаковъ кролика. Однако, у 7 порто-сантскихъ кроликовъ верхняя поверхность хвоста была красновато-бурая, а кончики ушей не имѣли и слѣда черной каймы. Но здѣсь мы встрѣчаемъ странное обстоятельство: въ іюнѣ 1861 года я изслѣдовалъ двухъ изъ этихъ кроликовъ, недавно присланныхъ въ Зоологическій Садъ. Ихъ хвосты и уши были окрашены, какъ только что описано. Но когда одно изъ ихъ мертвыхъ тѣлъ было прислано мнѣ въ февралѣ 1865 г., уши были ясно окаймлены, и верхняя поверхность хвоста была покрыта черновато-сѣрымъ мѣхомъ, а все туловище стало гораздо менѣе краснымъ; такъ что въ англійскомъ климатѣ этотъ экземпляръ кролика вновь пріобрѣлъ надлежащую окраску мѣха менѣе чѣмъ въ четыре года!

Два маленькихъ порто-сантскихъ кролика, пока они жили въ Зоологическомъ Саду, замѣчательно отличались отъ обыкновенной породы. Они были необычайно дики и дѣятельны, такъ что многіе зрители восклицали, что они походили скорѣе на крупныхъ крысъ, чѣмъ на кроликовъ. Они отличались необычайно ночными привычками, и ихъ дикость никогда не удалось преодолѣть, такъ что смотритель, м-ръ Бартлеттъ, увѣрялъ меня, что никогда на его попеченіи не было болѣе дикаго животнаго. Это странный фактъ, если вспомнимъ, что они произошли отъ ручной породы. Я до того былъ пораженъ этимъ, что попросилъ м-ра Хейвуда произвести разспросы на мѣстѣ, не охотились-ли за кроликами жители или ястреба, кошки и др. животныя; но это не такъ, и нельзя указать никакой причины для ихъ дикости. Живутъ они какъ на центральной, болѣе высокой скалистой мѣстности, такъ и близь приморскихъ утесовъ, и по

своей необычайной трусливости и робости, рѣдко появляются въ болѣе низменныхъ, обработанныхъ округахъ. Говорятъ, они мечутъ сразу отъ 4 до 6 дѣтенышей и періодъ размноженія у нихъ бываетъ въ іюлѣ или августѣ. Наконецъ,—и это фактъ въ высшей степени замѣчательный,—Бартлетту никогда не удавалось заставить этихъ двухъ кроликовъ (оба были самцы) сдружиться или спариваться съ самками разныхъ породъ, которыхъ онъ много разъ пускалъ къ нимъ.

Если бы исторія этихъ порто-сантскихъ кроликовъ не была извѣстна, то большая часть естествоиспытателей, наблюдая ихъ значительно уменьшенный ростъ, окраску, красноватый верхъ и сѣрый низъ, хвосты и уши безъ черныхъ кончиковъ, причислили бы ихъ къ особому виду. Натуралисты сильно укрѣпились бы въ этомъ убѣжденіи, увидѣвъ живыхъ кроликовъ въ Зоологическомъ Саду и узнавъ, что эти кролики отказываются спариваться съ другими. Однако этотъ кроликъ, котораго, безъ сомнѣнія, сочли бы за особый видъ, навѣрное произошелъ съ 1420 года. Наконецъ, сопоставляя два случая одичанія кроликовъ на Порто-Санто, Ямайкѣ и Фалькландскихъ островахъ, мы увидимъ, что эти животныя, при новыхъ условіяхъ жизни, не возвращаются къ первобытнымъ признакамъ и не удерживаютъ ихъ, хотя большая часть авторовъ принимаютъ это за общее правило.

Остеологическіе признаки.

Если мы вспомнимъ, съ одной стороны, какъ часто утверждаютъ, что существенныя части строенія никогда не измѣняются, съ другой,—какими малыми различіями въ скелетѣ руководствовались при установленіи ископаемыхъ видовъ, то окажется, что измѣнчивость черепа и нѣкоторыхъ другихъ костей у домашняго кролика вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Не слѣдуетъ предполагать, что самыя важныя различія строго характеризуютъ какую-либо одну породу. Можно только сказать, что они, вообще говоря, встрѣчаются у извѣстныхъ породъ. Слѣдуетъ помнить, что подборъ не примѣнялся съ цѣлью упрочить какой бы то ни было признакъ

скелета, и что животнымъ не было надобности жить самостоятельно при однообразныхъ жизненныхъ условіяхъ. Большая часть различій въ скелетѣ не поддаются объясненію; однако, въ общемъ, видно, что увеличеніе роста тѣла, зависящее отъ тщательнаго кормленія и продолжительнаго подбора, повліяло на голову своеобразнымъ способомъ. Даже удлиненіе и повислость ушей, хотя и въ малой степени, повліяли на форму цѣлаго черепа. Недостатокъ въ упражненіи очевидно видоизмѣнилъ пропорціональную длину конечностей, по сравненію съ длиною туловища.

Рисунки (Рис. 6 — 16) наглядно поясняютъ главнѣйшія остеологическія различія.

Невозможно не изумиться высокой степени измѣнчивости и пластичности многихъ костей. Мы видимъ, какъ ошибочно часто повторяемое утвержденіе, что только тѣ гребни костей, которые даютъ мѣсто прикрѣпленія для мускуловъ, измѣняютъ форму, и что только маловажныя части видоизмѣняются въ домашнемъ состояніи. Никто не скажетъ, напримѣръ, чтобы затылочная дыра или же атлантъ (первый шейный позвонокъ) или третій шейный позвонокъ былъ маловажными частями. Еслибы разные позвонки дикихъ и вислоухихъ кроликовъ, изображенные на нашихъ рисункахъ, были найдены въ ископаемомъ состояніи, то палеонтологи безъ всякаго колебанія причислили бы ихъ къ разнымъ видамъ.

Слѣдствія употребленія и неупотребленія частей. Сравненіе емкости черепа у гималайской, московской и ангорской породы съ емкостью черепа дикаго кролика показываетъ, что послѣдняя больше, хотя ручные кролики по размѣрамъ нѣсколько крупнѣе дикихъ. Емкость черепа крупнаго вислоухаго кролика не увеличилась въ той же пропорціи, въ какой уменьшилась емкость у болѣе мелкихъ дикихъ породъ. Наконецъ, емкость черепа у этихъ самыхъ вислоухихъ крупныхъ кроликовъ далеко меньше, чѣмъ у зайца, животнаго почти тѣхъ же размѣровъ. Отсюда я вывожу, несмотря на существованіе замѣчательныхъ различій въ емкости череповъ у мелкихъ порто-сантскихъ кроликовъ, а также у крупныхъ вислоухихъ породъ, что у всѣхъ давно прирученныхъ кроликовъ, мозгъ или вовсе не увеличивался въ пропорціи, соотвѣтственной увеличенной длинѣ головы и росту тѣла, или даже

въ дѣйствительности уменьшался, по сравненію съ тѣмъ, что могло бы произойти, если бы эти животныя жили въ дикомъ состояніи. Если мы припомнимъ, что кролики, вслѣдствіе приученія и тѣснаго заключенія въ теченіе многихъ поколѣній, не могли упражнять своего ума, инстинкта, чувствъ и произвольныхъ движеній, идетъ-ли рѣчь объ избѣжаніи опасностей или о поискахъ за пищей, то поймемъ, что мозгъ мало упражнялся и, стало быть, развитіе его пострадало. Мы видимъ такимъ образомъ, что важнѣйшій и сложнѣйшій изъ всѣхъ органовъ подверженъ закону убыванія роста отъ неупотребленія.

Подведемъ теперь итогъ важнѣйшимъ видоизмѣненіямъ, которымъ подверглись домашніе кролики, и въ то же время разсмотримъ причины, насколько мы способны хотя бы смутно ихъ видѣть.

Обильный и питательный кормъ, при маломъ упражненіи и непрерывномъ подборѣ самыхъ тяжелыхъ особей, привелъ почти къ удвоенію вѣса у болѣе крупныхъ породъ. Кости конечностей, въ совокупности, увеличились въ вѣсѣ въ надлежащей пропорціи по сравненію съ увеличеніемъ вѣса тѣла, но заднія ноги увеличились менѣе переднихъ въ длину; однако, не увеличились въ надлежащей пропорціи и это могло зависѣть отъ недостатка въ надлежащихъ упражненіяхъ. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ роста тѣла, третій шейный позвонокъ принялъ характеръ, свойственный четвертому шейному, а восьмой и девятый спинные позвонки приняли также характеръ, свойственный десятому и заднему. Черепъ у болѣе крупныхъ породъ увеличился въ длину, но не въ надлежащей пропорціи, по сравненію съ удлиненіемъ тѣла. Мозгъ не увеличился надлежащимъ образомъ или даже уменьшился, и поэтому костяная черепная полость осталась узкою, а въ силу соотношенія, повліяла на кости лица и на всю длину черепа. Черепъ, такимъ образомъ, пріобрѣлъ свою типичную узкость. По неизвѣстнымъ причинамъ, надглазничный выступъ лобной кости и свободный конецъ скуловой сталъ шире прежняго, а у болѣе крупныхъ породъ затылочная дыра, вообще говоря, гораздо менѣе глубоко вырѣзана, чѣмъ у дикихъ кроликовъ. Нѣкоторыя части лопатки и концевыя части грудныхъ костей стали крайне измѣнчивой формы. Уши чудовищно увеличились въ

длину и ширину посредствомъ непрерывнаго подбора; ихъ вѣсъ, быть можетъ, въ связи съ неупотребленіемъ ушныхъ мускуловъ, повліялъ на положеніе и форму костнаго слухового прохода, а это, въ силу соотношенія, повліяло въ малой степени на положеніе почти каждой кости въ верхней части черепа и даже на положеніе мыщелковъ нижней челюсти.

ГЛАВА V.

Домашніе голуби.

Изслѣдовать съ особой тщательностью домашнихъ голубей побудило меня, во-первыхъ, то обстоятельство, что происхожденіе всѣхъ домашнихъ породъ изъ одного источника видно на нихъ яснѣе, чѣмъ на-какихъ либо иныхъ животныхъ, прирученныхъ человѣкомъ ранѣе. Во-вторыхъ, относительно домашняго голубя мы имѣемъ множество частью старинныхъ, научныхъ работъ, написанныхъ на различныхъ языкахъ, такъ что является возможность возстановить исторію возникновенія нѣкоторыхъ породъ. Наконецъ, въ-третьихъ, на основаніи причинъ, которыя для насъ отчасти понятны, измѣнчивость голубиныхъ породъ достигла необычайныхъ размѣровъ. Подробности будутъ часто мелочны и скучны,—однако, навѣрное, никто изъ читателей, желающихъ дѣйствительно понять ходъ измѣненій у домашнихъ животныхъ, не сочтетъ ихъ излишними и не стоющими вниманія, особенно же не покажутся онѣ таковыми тому, кто самъ занимался разведеніемъ голубей и замѣчалъ, какъ велики различія между отдѣльными породами и съ какою устойчивостью признаковъ большинство изъ нихъ продолжаетъ свой родъ. Не смотря на полную очевидность происхожденія всѣхъ породъ отъ одного вида, я все же могъ лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изслѣдованія убѣдиться въ томъ, что вся масса различій между ними возникла только съ того времени, какъ человѣкъ приручилъ дикаго горнаго голубя.

Я держалъ у себя живыми представителей всѣхъ наиболѣе характерныхъ породъ, которыхъ только могъ достать въ Англіи и на континентѣ, и приготовилъ скелеты всѣхъ ихъ. Я получилъ также черепа голубей изъ Персіи и большое количество ихъ изъ Индіи и изъ другихъ частей свѣта. Благодаря тому, что я имѣлъ доступъ въ два лондонскихъ клуба голубинаго спорта, я получилъ возможность воспользоваться любезнымъ содѣйствіемъ многихъ изъ наиболѣе выдающихся любителей.

Количество породъ голубей, различаемыхъ нынѣ и передающихъ свои особенности потомству, чрезвычайно велико. Гг. Буатаръ и Корбье описываютъ подробно 122 породы, я же могу добавить еще нѣсколько европейскихъ породъ, имъ неизвѣстныхъ. Въ Индіи, судя по присланнымъ мнѣ черепамъ, существуетъ множество породъ, неизвѣстныхъ у насъ, а У. Элліотъ сообщаетъ

мнѣ, что коллекція голубей, привезенная однимъ индійскимъ купцомъ въ Мадрасъ изъ Каира и Константинополя, заключаетъ еще нѣсколько породъ, неизвѣстныхъ въ Индіи. Я не сомнѣваюсь, что въ общей сложности существуетъ болѣе 150 устойчивыхъ породъ голубей, которыя получили и особыя названія. Однако, большинство ихъ отличается между собою лишь самыми ничтожными признаками. Такіе мелкіе отличительные признаки я буду здѣсь совершенно обходить молчаніемъ и ограничусь лишь болѣе существенными чертами строенія. Что значительное количество серьезныхъ различій существуетъ, мы увидимъ сейчасъ-же. Я просмотрѣлъ превосходную коллекцію голубей Британскаго Музея и безъ малѣйшаго колебанія могу утверждать, что, за исключеніемъ рѣдкихъ формъ (каковы, напр., *Didunculus*, *Calaenas*, *Goura* и др.), нѣкоторыя изъ одомашненныхъ породъ горнаго голубя различаются между собой своими внѣшними признаками, нисколько не менѣе, чѣмъ самые естественные роды. Мы напрасно стали бы искать между извѣстными 288 видами голубей такого маленькаго и коническаго клюва, какъ у коротколицаго турмана, такого широкаго и короткаго, — какъ у польскаго голубя, такого длиннаго, прямого и узкаго, съ огромными бородавчатыми наростами, — какъ у англійскаго гонца, не нашли бы мы и такого расширеннаго, прямостоячаго хвоста, какъ у трубастаго голубя или такого пищевода, какъ у дутыша. Этимъ я вовсе не желаю сказать, что домашнія породы голубей по всей своей организаціи въ такой же степени различаются между собой, какъ явственно различные естественные зоологическіе роды, — я говорю лишь о внѣшнихъ признакахъ, на которыхъ, впрочемъ, надо сознаться, основывается и все различеніе родовъ большинства птицъ. Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, гдѣ мы будемъ разсматривать принципы подбора, производимаго человѣкомъ, мы увидимъ ясно, почему различія между домашними породами ограничиваются почти постоянно внѣшними, или, по крайней мѣрѣ, видимыми снаружи признаками.

Принимая во вниманіе общую сумму и степень различія между отдѣльными породами, я счелъ необходимымъ распредѣлить ихъ въ приводимой ниже системѣ по группамъ, породамъ и подпородамъ, къ которымъ часто должны быть еще присоединены разновидности и подразновидности, передающія съ большою точностью свои признаки по наслѣдству. Даже у особей одной и той же подразновидности, если онѣ долгое время разводились различными любителями, могутъ оказаться отличительныя черты строенія. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что если бы характерные представители нѣкоторыхъ породъ были найдены въ дикомъ состояніи, всѣ они были бы отнесены къ отдѣльнымъ видамъ, а нѣкоторые изъ нихъ были бы помѣщены орнитологами и въ отдѣльные роды. Дать хорошую классификацію домашнихъ породъ крайне затруднительно, принимая во вниманіе, что различныя

формы постепенно переходятъ одна въ другую; интересно, однако, что такія же точно затрудненія нами встрѣчаются и такія же точно правила должны намъ служить для руководства и при классификаціи какой-либо естественной, но трудной въ систематическомъ отношеніи группы живыхъ существъ. Правда, можно бы было здѣсь слѣдовать „искусственной“ системѣ, которая представила бы менѣе трудностей, чѣмъ естественная, но зато въ ней оказались бы разъединенными многія близко родственныя формы. Легко опредѣлить крайнія формы, но промежуточныя и трудныя формы часто совершенно не укладываются въ наши опредѣленія. Нерѣдко приходится включать въ группы формы, которыя можно бы назвать „заблудшими“ („aberrant“), такъ какъ онѣ, въ дѣйствительности, не принадлежатъ къ даннымъ группамъ. Признаки должны приниматься во вниманіе самые разнообразные, однако наиболѣе цѣнные и легко опредѣлимые, такъ же, какъ и при различеніи дикихъ птицъ, особенности строенія клюва. Выяснить бо́льшую или меньшую важность всѣхъ примѣняемыхъ признаковъ и на основаніи этого создать группы и подгруппы равной цѣнности, — дѣло совершенно невозможное. Къ тому же одна группа можетъ обнимать лишь одну породу, тогда какъ другая, и далеко не такъ рѣзко выраженная, можетъ содержать нѣсколько породъ и подпородъ, и въ этомъ случаѣ, такъ же, какъ и при классификаціи естественныхъ видовъ, трудно удержаться отъ искушенія и не придать слишкомъ большого значенія количеству формъ, которое содержитъ данная группа.

При своихъ измѣреніяхъ я никогда не полагался лишь на глазъ, и если я далѣе говорю, что та или другая часть длинна или коротка, то единицей для сравненія мнѣ всегда служитъ дикій горный голубь (*Columba livia*). Всѣ размѣры даются мною въ десятыхъ доляхъ дюйма.

Теперь я дамъ краткія описанія всѣхъ главнѣйшихъ породъ. Таблица, помѣщенная здѣсь, поможетъ читателю ознакомиться съ ихъ названіями и со степенью родства ихъ. Дикій горный голубь (*Columba livia*)—названіе, обнимающее два или три близко между собою родственные подвида или мѣстныя разновидности, описаніе которыхъ будетъ дано впослѣдствіи—можетъ смѣло считаться общей родоначальной формой, какъ мы это увидимъ въ слѣдующей главѣ. Названія, напечатанныя курсивомъ на правой сторонѣ таблицы, относятся къ породамъ, наиболѣе сильно различающимся между собою, или такимъ, которыя претерпѣли самыя значительныя измѣненія. Длина пунктирныхъ линій изображаетъ приблизительную степень различія каждой данной породы отъ родоначальной, а названія, расположенныя въ столбцы, указываютъ намъ болѣе или менѣе тѣсно соединенныя между собою звенья одного ряда. Разстояніе пунктирныхъ линій между собою изображаетъ приблизительную степень различія между разными породами.

Горный голубь (Columba livia).

Группа I. — *Группа II.* — *Группа III.* — *Группа IV.*

1. Подгруппа. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11.

Германск. дутышъ.

Голланд. дутышъ.

Лилльскій дутышъ.

Англійск. дутышъ.

Кали-Паръ.

Буссора.

Драгонъ.

Англійск. гонекъ.

Мурасса.

Багадоттскій.

Скандерунъ.

Лебединый голубь.

Чистый голубь.

Тронфо.

Польскій голубь.

Явскій трубаст.

Трубаст.

Голубь-чайка (turbit).

Африканскій совиный.

Персидскій турманъ.

Лотанск. турманъ.

Простой турманъ.

Короткомордый турманъ.

Индійскій курчавый.

Якобинецъ.

Трубачъ.

Хохотунъ.

Англійскій курчавый.

Монахъ.

Пятнистый.

Ласточковый.

Полуторручевный простой голубь.

Первая группа. Эта группа включаетъ одну только породу, именно дутышей. Если взять наиболѣе рѣзко-характерную подпороду, а именно усовершенствованнаго англійскаго дутыша, то это, быть можетъ, наиболѣе отличающіеся отъ другихъ домашніе голуби.

Порода I. Дутыши. На рис. 18 изображенъ англійскій дутышъ. Есть еще голландская, лилльская и обыкновенная германская подпорода.

Вторая группа включаетъ три породы, а именно гонцовъ, флорентинскихъ и польскихъ, иначе индійскихъ голубей.

Порода II. Гонцы. Породы: англійскій гонецъ (карьеръ), см. рис. 19; драгонъ (англійскій драгонъ и персидскій гонецъ или хандеси), багаддотскій и буссорскій гонецъ.

Порода III. Флорентинскіе или чистые голуби (иначе римскіе, англ. runts, нѣм. Hinkeltauben). Подпороды: настоящій флорентинскій, лебединый испанскій или римскій, тронфо и украшенный мадрасскій или мурасса.

Порода IV. Польскіе голуби (иначе индійскіе, варварійскіе или берберскіе). Рис. 20 изображаетъ англійскаго голубя барбъ, принадлежащаго къ этой породѣ.

Третья группа. Искусственная группа, включающая породы: трубастую, голубей-чаекъ, турмановъ, индійскихъ короткоклювыхъ, якобинскихъ. Рис. 21 изображаетъ англійскаго трубастаго голубя. Рис. 22—тунисскаго голубя-чайку. Рис. 23—коротколицаго турмана.

Четвертая группа. Хохотуны и трубачи.

Къ извѣстнымъ мнѣ домашнимъ голубямъ я прибавилъ нѣсколько породъ, которыя были описаны изслѣдователями, заслуживающими довѣрія. Всѣ онѣ распредѣлены мною въ четыре группы съ тою цѣлью, чтобы отмѣтить ихъ степень близости и различія; третья группа, однако, искусственна. Формы, изслѣдованныя мною, образуютъ одиннадцать породъ, которыя заключаютъ въ себѣ еще различныя подпороды: даже этимъ послѣднимъ свойственны такія отличительныя черты строенія, что имъ, навѣрное, было бы придано значеніе видовыхъ признаковъ, если бы онѣ наблюдались у животныхъ въ ихъ естественномъ состояніи. Подпороды обнимаютъ также немало разновидностей, которыя строго наслѣдственны. Такимъ образомъ, въ общей сложности существуетъ, какъ было уже замѣчено выше, болѣе 150 формъ, которыя, впрочемъ, могутъ быть различены между собою лишь по признакамъ совершенно ничтожнаго значенія. Многіе изъ родовъ семейства голубиныхъ (*Columbidae*), допускаемые орнитологами, не различаются между собою сколько-нибудь существенными признаками. Принимая это во вниманіе, нельзя сомнѣваться въ томъ, что если бы нѣкоторые изъ наиболѣе характерныхъ домашнихъ породъ были найдены въ дикомъ состояніи, онѣ были бы помѣщены по крайней мѣрѣ въ пять отдѣльныхъ новыхъ родовъ. Такъ, былъ бы созданъ новый родъ для помѣщенія въ него улучшеннаго англійскаго дутыша, другой родъ—для гонцовъ и чистыхъ, и этотъ послѣдній родъ былъ бы обширнымъ или многообъемлющимъ, такъ какъ въ него вошли бы и обыкновенные испанскіе чистые, лишенные какого бы то ни было мясистаго нароста, и короткоклювые чистые, похожіе на тронфо, и улучшенные англійскіе гонцы; третій родъ былъ бы установленъ для польскаго голубя, четвертый—для трубастаго, и, наконецъ, пятый—для короткоклювыхъ

голубей, лишенныхъ бородовчатаго пароста, каковы голуби-чайки (turbit) и коротколицые турманы. Остальныя домашнія породы могли бы быть присоединены къ одному роду съ дикимъ горнымъ голубемъ.

Индивидуальная измѣнчивость; замѣчательныя измѣненія.

Различія, которыя мы разсматривали до сихъ поръ, характерны для отдѣльныхъ породъ; существуютъ, однако, и такія различія, которыя или свойственны отдѣльнымъ птицамъ, или часто наблюдаются у извѣстной породы, но не характерны для нея. Такія индивидуальныя особенности имѣютъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ могутъ быть укрѣплены и накоплены силою искусственнаго подбора, и, такимъ образомъ, существующая порода можетъ быть значительно видоизмѣнена, или можетъ образоваться новая. Любители отмѣчаютъ и подбираютъ лишь такія незначительныя особенности, которыя видны снаружи, однако, вся организація животныхъ связана столь тѣсно закономъ соотношенія, что небольшое видоизмѣненіе въ одной части нерѣдко сопровождается измѣненіями другихъ. Для нашей цѣли всякаго рода измѣненія важны въ одинаковой степени и болѣе серьезное значеніе они имѣютъ, если касаются части, рѣдко подвергающейся измѣненіямъ, чѣмъ если измѣняется какая-либо выдающаяся часть. Въ настоящее время въ хорошо установившейся породѣ каждое замѣтное отклоненіе въ типичныхъ признакахъ отбрасывается какъ порокъ; однако, отсюда далеко еще не слѣдуетъ, чтобы и въ прежнія времена, пока рѣзко разграниченныя породы еще не образовались, формы съ такими уклоненіями также отбрасывались. Напротивъ, онѣ, вѣроятно, ревностно оберегались, какъ формы, представляющія новыя черты, и уклоненія мало-по-малу накоплялись, благодаря процессу безсознательнаго подбора.

Существуетъ немало своеобразныхъ и притомъ наслѣдственныхъ особенностей въ опереніи голубей: такъ турманы альмондъ („миндальные“) пріобрѣтаютъ свои окончательныя крапчатыя перья не ранѣе, какъ послѣ трехъ или четырехъ линекъ; турманъ, называемый кайтъ („коршуновый“), сперва имѣетъ черныя и красныя пятна въ видѣ полосокъ, но затѣмъ, „когда онъ сбрасываетъ свои птенцовыя перья, то принимаетъ почти совершенно черную окраску, по большей части съ синеватымъ хвостомъ и съ красноватыми внутренними бородками маховыхъ перьевъ перваго ряда“. Неймейстеръ описываетъ породу совершенно чернаго цвѣта съ бѣлыми полосами на крыльяхъ и бѣлымъ полулуннымъ пятномъ на груди; эти пятна передъ первой линькой обыкновенно ржавчинно-краснаго цвѣта, но послѣ третьей и четвертой линьки претерпѣваютъ измѣненія; тогда же перья крыла и макушка головы

также становятся бѣлыми или сѣрыми. Чрезвычайно важенъ фактъ, что отличительные признаки, за которые цѣнится каждая порода, чрезвычайно измѣнчивы, и, я думаю, врядъ-ли существуютъ исключенія изъ этого правила. Такъ, напримѣръ, у трубастаго голубя число и направленіе хвостовыхъ перьевъ, манера держать свое тѣло и степень держанія его представляютъ признаки въ высокой степени измѣнчивые; таковы же у дутышей—степень, до которой они надуваются, и форма ихъ надутаго зоба, у гонцовъ—длина, узость и искривленіе клюва, равно какъ и величина бородавчатыхъ наростовъ, у коротколицыхъ турмановъ—короткость клюва, выпуклость лба и общія повадки, у турмановъ-альмондъ (миндальныхъ)—цвѣтъ ихъ оперенія, у обыкновенныхъ турмановъ—манера кувыркаться, у польскихъ (иначе берберскихъ или индійскихъ) голубей—ширина и короткость клюва и развитіе нароста вокругъ глазъ, у чистыхъ или флорентинскихъ голубей—величина тѣла, у голубей-чаекъ—воротничекъ, и, наконецъ, у трубачей и хохотуновъ—манера воркованья, равно какъ и величина хохолка изъ перьевъ надъ ноздрями. Всѣ эти признаки, отличительные для различныхъ породъ и подвергающіеся подбору, чрезвычайно измѣнчивы.

По отношенію къ признакамъ нѣкоторыхъ породъ, существуетъ еще одинъ интересный фактъ,—именно, признаки эти проявляются наиболѣе рѣзко у самцовъ. Напримѣръ, у гонцовъ, если самцы и самки выставляются въ отдѣльныхъ клѣткахъ, не трудно замѣтить, что бородовчатые наросты надъ клювомъ значительно сильнѣе развиты у самцовъ; впрочемъ, я видѣлъ и самку гонца, принадлежащую Гейнцу, съ сильно развитымъ наростомъ. Тегетмейеръ сообщаетъ мнѣ, что между 20 польскими голубями, принадлежащими Н. Г. Джонсу, большинство самцовъ имѣетъ сильнѣе развитые наросты вокругъ глазъ; Эсквилентъ также признаетъ этотъ законъ, тогда какъ Уейръ, одинъ изъ первостепенныхъ знатоковъ, выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе. Самцы дутышей раздуваютъ свой зобъ до гораздо большей величины, чѣмъ самки; впрочемъ, я видѣлъ у Иванса и самку дутыша, которая превосходно раздувалась,—это, однако, случай исключительный. Гаррисонъ Уейръ, успѣшно разводившій призовыхъ трубастыхъ голубей, сообщаетъ мнѣ, что его самцы часто обладаютъ значительно большимъ количествомъ перьевъ въ хвостѣ, чѣмъ самки. Итонъ утверждаетъ, что если самецъ и самка турмана одинаковы по своимъ достоинствамъ, то самецъ все же долженъ быть оцѣненъ вдвое дороже, а такъ какъ голуби живутъ всегда парами, и для размноженія необходимо одинаковое количество птицъ обоихъ половъ, то, повидимому, это должно означать, что хорошія качества рѣже встрѣчаются у самки, чѣмъ у самца. По отношенію къ развитію воротничка у голубей чаекъ, капюшона у якобинцевъ, хохолка у трубачей и способности кувыркаться у турмановъ, не существуетъ различія между самцами и самками. Я могу упомянуть здѣсь еще объ одномъ случаѣ нѣ-

сколько иного характера. Именно, во Франціи существуетъ разновидность дутышей виннаго цвѣта, и самцы ея всегда покрыты черными пятнами, тогда какъ самки никогда не имѣютъ ихъ. Д-ръ Шапюи также замѣчаетъ, что у нѣкоторыхъ свѣтлыхъ голубей перья самцовъ бываютъ покрыты черными полосами, которыя при каждой линькѣ увеличиваются, такъ что самецъ, наконецъ, становится усѣяннымъ черными пятнами. У гонцовъ наростъ, какъ на клювѣ, такъ и вокругъ глазъ, а у польскихъ голубей наростъ вокругъ глазъ увеличиваются съ возрастомъ. Это увеличеніе нѣкоторыхъ особенностей съ возрастомъ, и еще болѣе различіе между самцами и самками въ различныхъ указанныхъ выше отношеніяхъ,—факты въ высшей степени замѣчательные, такъ какъ у родоначальника, т. е. у горнаго голубя, нѣтъ ни въ какомъ возрастѣ замѣтной разницы между обоими полами, да и вообще говоря, такія рѣзко выраженныя различія рѣдки во всемъ семействѣ голубиныхъ.

Остеологическіе признаки.

Въ скелетахъ различныхъ породъ замѣчается много измѣнчивости, и если нѣкоторыя различія и встрѣчаются у одной породы чаще, у другой рѣже, то все же нельзя сказать, чтобы какой-либо изъ отличительныхъ признаковъ былъ абсолютно характернымъ для данной породы. Принимая во вниманіе, что рѣзко выраженныя домашнія породы произошли главнымъ образомъ благодаря подбору, произведенному человѣкомъ, мы и не можемъ ожидать, чтобы существовали значительныя и постоянныя различія въ строеніи скелета, такъ какъ любители не могутъ видѣть измѣненій въ строеніи внутреннихъ органовъ, а потому и не заботятся о нихъ. Мы не можемъ ожидать измѣненій въ строеніи скелета и изъ за перемѣны образа жизни птицъ, такъ какъ большинству рѣзко выраженныхъ породъ предоставляется полная возможность слѣдовать своимъ привычкамъ, и въ то же время породамъ наиболѣе сильно видоизмѣненнымъ никогда не дозволяется летать совершенно свободно и отыскивать себѣ пищу различными способами. Сверхъ того, сравнивая скелеты *Columba livia. oenas, palumbus* и *turtur*, которые относятся всѣми систематиками въ два или три различныхъ, хотя и родственныхъ между собою рода, я нашелъ, что различія между ними въ высшей степени ничтожны и безусловно незначительнѣе различій между скелетами нѣкоторыхъ наиболѣе рѣзко выраженныхъ домашнихъ породъ. Насколько постояненъ скелетъ дикаго полевого голубя, я не могу судить, такъ какъ мною были изслѣдованы лишь два скелета.

Прилагаемые рисунки наглядно показываютъ существенныя различія, существующія между черепными и другими костями голубиныхъ породъ (См. рис. 24—27).

Соотношеніе роста [1]). Подъ этимъ терминомъ я подразумѣваю ту тѣсную связь всей организаціи, благодаря которой, если одна часть видоизмѣняется, то измѣняются и другія. Однако, сказать, которое изъ обоихъ соотвѣтственныхъ измѣненій должно разсматриваться какъ слѣдствіе, которое — какъ причина, и происходятъ-ли они оба отъ одной причины, мы можемъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, или даже совсѣмъ не можемъ. Интереснѣе всего для насъ то обстоятельство, что любители, значительно измѣнивъ путемъ продолжительнаго подбора мелкихъ уклоненій какую-либо одну часть, нерѣдко производятъ непреднамѣренно и другія видоизмѣненія. Такъ, напримѣръ, клювъ легко видоизмѣняется путемъ подбора, а съ его удлиненіемъ или укороченіемъ увеличивается или уменьшается также длина языка, хотя и не въ должной пропорціи; такъ, у одного польскаго голубя и у одного коротколицаго турмана—птицъ съ очень короткимъ клювомъ, языкъ, принимая за мѣрило сравненія горнаго голубя, укоротился относительно не въ достаточной степени, тогда какъ, съ другой стороны, у двухъ гонцовъ и у одного чистаго (флорентинскаго) голубя языкъ оказался, по сравненію съ клювомъ, недостаточно длиннымъ. Точно также у первокласснаго англійскаго гонца, у котораго клювъ былъ отъ кончика до опереннаго основанія втрое длиннѣе клюва коротколицаго турмана, языкъ былъ лишь немного болѣе чѣмъ вдвое длиннѣе языка послѣдняго. Однако, длина языка измѣняется также и независимо отъ клюва: напримѣръ, у гонца съ клювомъ, имѣющимъ 1,2 дюйма въ длину, языкъ былъ длиною въ 0,67 дюйма, тогда какъ у чистаго голубя, равнявшагося этому гонцу по длинѣ тѣла и по ширинѣ въ размахѣ крыльевъ, отъ одного конца ихъ до другого, клювъ былъ длиною въ 0,92 дюйма, а языкъ—въ 0,73 дюйма, такъ что въ дѣйствительности языкъ его былъ длиннѣе, чѣмъ у гонца съ его длиннымъ клювомъ. Языкъ чистаго голубя былъ также очень широкъ у основанія. Изъ двухъ чистыхъ голубей клювъ одного былъ длиннѣе на 0,23 дюйма, чѣмъ у другого, тогда какъ языкъ былъ на 0,14 дюймовъ короче.

Съ удлиненіемъ или укороченіемъ клюва измѣняется также длина щели, образующей наружное отверстіе ноздрей, однако не въ должной пропорціи, такъ какъ, если взять мѣрой сравненія горнаго голубя, то отверстіе это у коротколицаго турмана сократилось не въ достаточной степени, по сравненію съ его чрезвычайно короткимъ клювомъ. Съ другой стороны (чего никакъ нельзя было предвидѣть), отверстіе это у трехъ англійскихъ гонцовъ, у багадоттскаго и у одного чистаго изъ подпороды „лебединыхъ“ голубей (pigeon cygne), было болѣе, чѣмъ на одну десятую дюйма длиннѣе, чѣмъ можно было судить по сравненію длины клюва съ клювомъ горнаго голубя. У одного гонца отверстіе ноздрей

[1]) Быть можетъ, точнѣе было бы сказать «соотношеніе развитія», но мы избрали терминъ, буквально соотвѣтствующій англійскому тексту.

было втрое длиннѣе, чѣмъ у горнаго голубя, тогда какъ по величинѣ тѣла и по длинѣ клюва эта птица не превышала и вдвое горнаго голубя. Это значительное увеличеніе длины отверстія ноздрей находится, повидимому, отчасти въ связи съ увеличеніемъ покрытой наростами кожи на верхней челюсти и надъ ноздрями, а этотъ признакъ подбирается любителями. Такимъ же образомъ широкая, голая и бородавчатая кожа вокругъ глазъ у гонцовъ и польскихъ голубей представляетъ изъ себя признакъ, подбираемый любителями, и, въ очевидномъ соотношеніи съ этой особенностью, длина вѣкъ болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ длину ихъ у горнаго голубя.

Значительное различіе въ искривленіи нижней челюсти (см. рис. 27) у полевого голубя, у турмана и у багадоттскаго гонца стоитъ въ несомнѣнной связи съ искривленіемъ верхней челюсти и въ особенности съ угломъ, образуемымъ челюстно-скуловой дугой и (по терминологіи Оуэна, которой слѣдуетъ Дарвинъ) предчелюстными (или межчелюстными) костями. Однако, у гонцовъ, а также чистыхъ и польскихъ голубей своеобразный загибъ верхняго края средней части нижней челюсти (см. рис. 25) не находится съ строгомъ соотношеніи съ шириной или расхожденіемъ межчелюстныхъ костей (какъ это ясно показано на рис. 26) но стоитъ въ связи съ шириной роговыхъ и мягкихъ частей верхней челюсти, которая всегда покрывается краями нижней челюсти.

У дутышей удлиненіе тѣла принимается во вниманіе при подборѣ, и ребра, какъ мы видѣли, становятся обыкновенно очень широкими, причемъ седьмая пара ихъ снабжена отростками; количество крестцовыхъ и хвостовыхъ позвонковъ увеличивается: длина грудной кости (однако, не вышина гребня) также увеличивается на 0,4 дюйма болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по сравненію величины тѣла, большей, чѣмъ у горнаго голубя. У трубастыхъ голубей увеличились длина и количество хвостовыхъ позвонковъ. Такимъ образомъ, въ теченіе постепеннаго процесса измѣненія и подбора, внутреннее строеніе скелета и наружная форма тѣла измѣняются до нѣкоторой степени въ соотношеніи другъ съ другомъ.

Хотя крылья и хвостъ и измѣняются часто въ длину независимо другъ отъ друга, но все же врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ они стремятся удлиняться или укорачиваться въ соотношеніи между собою. Это прекрасно видно на якобинскихъ голубяхъ и еще яснѣе—на чистыхъ: нѣкоторыя разновидности имѣютъ крылья и хвостъ значительной длины, тогда какъ у другихъ они очень коротки. Замѣчательная длина хвоста и крыловыхъ перьевъ у якобинскихъ голубей не представляетъ изъ себя признака, умышленно подобраннаго любителями,—послѣдніе старались лишь въ теченіе столѣтія, или по меньшей мѣрѣ съ 1600 г., увеличить длину перьевъ, сидящихъ на шеѣ и завороченныхъ назадъ, съ тою цѣлью, чтобы капюшонъ возможно совершеннѣе закрывалъ голову, и можно подозрѣвать, что удлиненіе крыловыхъ и хвостовыхъ перьевъ стоитъ въ соотношеніи съ уве-

личеніемъ длины шейныхъ. Коротколицые турмана обладаютъ крыльями, короткость которыхъ находится въ приблизительно правильномъ соотношеніи съ уменьшеніемъ величины ихъ тѣла. Если, однако, принять во вниманіе, что у большинства птицъ число маховыхъ перьевъ перваго ряда („первичныхъ")—признакъ постоянный, то очень замѣчательно, что обыкновенно у этихъ турмановъ вмѣсто десяти маховыхъ перьевъ имѣется девять. Я самъ наблюдалъ это на восьми птицахъ, а „Первое голубиное общество" („Original Columbarian Society") уменьшило для лысыхъ турмановъ количество требуемыхъ бѣлыхъ маховыхъ перьевъ съ десяти на девять, такъ какъ считало несправедливымъ, чтобы птица, имѣющая лишь девять перьевъ, была лишена приза только изъ за того, что у нея нѣтъ десяти *бѣлыхъ* маховыхъ перьевъ. Съ другой стороны, у гонцовъ и чистыхъ голубей, имѣющихъ значительные размѣры тѣла и длинныя крылья, наблюдалось иногда присутствіе одиннадцати маховыхъ перьевъ перваго ряда.

Тегетмейеръ сообщилъ мнѣ объ одномъ чрезвычайно странномъ и необъяснимомъ случаѣ соотношенія, а именно, что молодые голуби всѣхъ породъ, которые во взросломъ состояніи становятся бѣлыми, желтыми, серебристыми (т. е. чрезвычайно блѣдносизыми) и соловыми, родятся постоянно голыми, тогда какъ голуби другихъ цвѣтовъ появляются на свѣтъ густо одѣтые пухомъ. Эсквилентъ, однако, наблюдалъ, что молодые соловые гонцы не такъ голы, какъ молодые соловые польскіе и турмана. Тегетмейеръ видѣлъ въ одномъ гнѣздѣ двухъ птенцовъ, происшедшихъ отъ различно окрашенныхъ родителей и сильно различавшихся между собой въ степени опушенія.

Я наблюдалъ еще другой случай соотношенія, который, на первый взглядъ, кажется совершенно необъяснимымъ; на него, однако, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ законъ, по которому гомологичныя части измѣняются одинаковымъ способомъ. Дѣло заключается въ томъ, что если ноги голубя сильно оперены, то основанія перьевъ соединяются между собою кожистой перепонкой и, повидимому, въ соотношеніи съ этимъ, два наружные пальца также соединяются на значительномъ протяженіи кожею. Я наблюдалъ это на большомъ количествѣ экземпляровъ дутышей, хохотуновъ или трубачей, ласточковыхъ голубей и голландскихъ турмановъ (у послѣдней породы, называемой по-англійски Rollers, это наблюдалось также г. Брентомъ) и въ болѣе слабой степени также у другихъ породъ съ оперенными ногами.

Ноги мелкихъ и крупныхъ породъ бываютъ, разумѣется, то значительно больше, то меньше, чѣмъ у полевого голубя; притомъ щитки или чешуйки (scutellae), покрывающія пальцы, и tarsi [1]) уменьшаются или увеличиваются не только въ длину, но также

[1]) Встрѣчающійся переводъ tarsus — плюсна—я считаю неправильнымъ, а

и въ численности; такъ, напримѣръ, я насчиталъ на заднемъ пальцѣ чистаго голубя восемь щитковъ, тогда какъ на томъ же пальцѣ коротколицаго турмана — всего лишь пять ихъ. У птицъ въ ихъ естественномъ состояніи количество щитковъ на ногахъ составляетъ обыкновенно постоянный признакъ. Длина ноги и длина клюва стоятъ очевидно въ соотношеніи, но такъ какъ на величинѣ ноги отразилось вліяніе неупотребленія, то случай этотъ можетъ быть подведенъ подъ отдѣлъ, слѣдующій ниже.

О слѣдствіяхъ неупотребленія. Приступая къ разсмотрѣнію относительныхъ размѣровъ ногъ, грудной кости, дужки, лопатки и крыльевъ, я долженъ предварительно замѣтить, чтобы внушить читателю болѣе довѣрія, что всѣ мои измѣренія производились совершенно одинаковымъ способомъ и были сдѣланы безъ малѣйшаго намѣренія примѣнить ихъ съ предвзятою цѣлью.

Измѣренія эти ясно показали, что грудная кость, лопатки и дужка всѣ пропорціонально уменьшились въ длину. Если мы обратимся теперь къ крыльямъ, то встрѣтимся съ результатомъ на первый взглядъ иного рода и совершенно неожиданнымъ. Я долженъ здѣсь замѣтить, что не выбиралъ особыхъ экземпляровъ, но пользовался каждымъ произведеннымъ мною измѣреніемъ. Принимая въ качествѣ мѣрила для сравненія длину отъ конца клюва до конца хвоста, я нахожу, что изъ 35-ти голубей различныхъ породъ у 25 крылья были относительно большихъ размѣровъ и у 10-ти—меньшихъ, по сравненію съ горнымъ голубемъ. Однако, въ виду того, что часто длина хвоста и длина перьевъ крыла стоятъ между собою въ соотношеніи, лучше брать мѣриломъ для сравненія длину отъ основанія клюва до маслянистой копчиковой железы; при этомъ же мѣрилѣ, изъ 26 тѣхъ же измѣренныхъ птицъ у 21 крылья были болѣе длинны и лишь у 5-ти—болѣе коротки. У 21 птицы крылья превосходили длиною крылья горнаго голубя въ среднемъ на $1^1/_3$ дюйма, тогда какъ у пяти птицъ они были короче лишь на 0,8 дюйма. Такъ какъ я былъ очень изумленъ тѣмъ, что крылья птицъ, содержимыхъ взаперти [1]) такъ часто оказываются удлиннеными, то мнѣ пришло въ голову, что, быть можетъ, это зависитъ лишь отъ большей длины перьевъ крыла, какъ это дѣйствительно и имѣетъ мѣсто у якобинскихъ голубей, которые обладаютъ крыльями необыкновенной длины. Такъ какъ почти во всѣхъ случаяхъ я измѣрялъ сложенныя крылья, то, вычтя длину этой конечной части изъ всей длины развернутыхъ крыльевъ, я и получилъ съ достаточной степенью точности длину крыльевъ между концами обѣихъ лучевыхъ костей, что соотвѣтствуетъ длинѣ нашихъ рукъ отъ одной кисти до другой.

потому нами поставленъ латинскій терминъ. У человѣка принято плюсной называть не tarsus, а metatarsus, *tarsus* же есть задняя или заплюсневая часть стопы. *Издатель.*

[1]) Въ подлинникѣ: closely confined. т. е. тѣсно заключенныхъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ Каруса стоитъ: nahe verwandte т. е. близкородственныя!

Крылья, измѣренныя такимъ образомъ у тѣхъ же 25-ти птицъ, дали опять совершенно иной результатъ. такъ какъ по сравненію съ полевымъ голубемъ они были относительно коротки у 17-ти птицъ и лишь у восьми относительно длинны. Изъ этихъ 8 птицъ 5 обладали длиннымъ клювомъ, и этотъ фактъ указываетъ, быть можетъ, на то, что между длиною клюва и длиною костей крыльевъ существуетъ нѣкоторое соотношеніе, подобно тому какъ между клювомъ, лапами и tarsi. Укороченіе плечевой и лучевой костей у 17-ти птицъ, вѣроятно, должно быть приписано неупотребленію, подобно тому, какъ укороченіе лопатокъ и дужки, къ которымъ прикрѣпляются кости крыла; съ другой стороны, удлиненіе перьевъ крыла и слѣдовательно увеличеніе крыльевъ въ размахѣ такъ же нисколько не зависимо отъ употребленія или отъ неупотребленія, какъ ростъ волосъ или шерсти у нашихъ длинношерстыхъ собакъ или длиннорунныхъ овецъ.

Резюмируя сказанное, мы можемъ съ увѣренностью допустить, что длина грудной кости и часто также вышина ея гребня, а равно и длина лопатки и дужки, уменьшились по сравненію съ длиною тѣхъ же частей полевого голубя, и я полагаю, что это можетъ быть приписано неупотребленію или недостатку упражненія. Крылья, измѣренныя отъ концовъ лучевыхъ костей, точно также по большей части уменьшились въ длину, однако, вслѣдствіе усиленнаго роста крыловыхъ перьевъ, въ размахѣ крылья обыкновенно длиннѣе, чѣмъ у горнаго голубя. Лапы, равно какъ и tarsus, совмѣстно со среднимъ пальцемъ, точно также въ большинствѣ случаевъ уменьшились по своей длинѣ, и, вѣроятно, это было обусловлено уменьшеніемъ ихъ употребленія,—однако, существованіе нѣкотораго рода соотношенія между длиной лапъ и клюва замѣтно болѣе ясно, чѣмъ результаты неупотребленія. Имѣются также нѣкоторыя слабыя указанія на существованіе подобнаго же соотношенія между главными костями крыла и клювомъ.

Обзоръ различительныхъ признаковъ между разными домашними породами и между отдѣльными особями. Клювъ, равно какъ и кости лица, замѣчательно сильно различаются по длинѣ, ширинѣ, формѣ и изгибу. Черепъ различествуетъ по формѣ и особенно сильно по величинѣ угла, образуемаго соединеніемъ межчелюстной, носовой и челюстно-скуловой костей. Въ высокой степени замѣчательно различаются изгибъ нижней челюсти и заворотъ ея верхняго края, такъ же какъ и ширина рта. Языкъ сильно измѣняется въ длину, какъ независимо отъ длины клюва, такъ и въ соотношеніи съ нею. Развитіе голой, покрытой наростами кожи надъ ноздрями и вокругъ глазъ измѣнчиво въ крайней степени. Вѣки глазъ и наружныя отверстія ноздрей измѣняются въ длину и стоятъ до нѣкоторой степени въ соотношеніи съ развитіемъ бородавчатой кожи. Величина и форма зоба и пищевода, наравнѣ со способностью ихъ раздуваться, различаются въ невѣроятной степени. Длина шеи измѣняется. Съ измѣненіемъ формы тѣла измѣняются также ши-

рина и количество реберъ, присутствіе отростковъ, число крестцовыхъ позвонковъ и длина грудной кости. Количество и величина хвостовыхъ позвонковъ измѣняется въ очевидномъ соотношеніи съ возрастаніемъ величины хвоста. Величина и форма отверстій въ грудной кости, а также величина и расхожденіе вѣтвей дужки, различны. Копчиковая маслянистая железа измѣняется по степени своего развитія и иногда совершенно атрофируется. Направленіе и длина нѣкоторыхъ перьевъ значительно видоизмѣнились, напримѣръ, въ капюшонѣ якобинца и въ воротничкѣ голубя-чайки. Крыловыя и хвостовыя перья измѣняются по своей длинѣ обыкновенно вмѣстѣ, но иногда также и независимо другъ отъ друга и отъ величины тѣла. Количество и расположеніе хвостовыхъ перьевъ измѣняется въ ни съ чѣмъ не сравнимыхъ размѣрахъ. Крыловыя перья перваго и второго ряда иногда измѣнчивы по своей численности, очевидно, въ соотношеніи съ длиною крыла. Длина ногъ и длина лапъ, а въ соотвѣтствіи съ послѣднею и количество щитковъ,—все это измѣнчиво. Кожистая перепонка соединяетъ основанія двухъ внутреннихъ пальцевъ, а также почти постоянно и оба наружные пальца, если ноги оперены.

Величина тѣла значительно измѣняется: было найдено, что вѣсъ чистаго голубя превышалъ болѣе чѣмъ впятеро вѣсъ коротколицаго турмана. Яйца различны по своей величинѣ и формѣ. По словамъ Пармантье, нѣкоторыя породы употребляютъ при постройкѣ гнѣздъ много соломы, другія — мало; я не могу, однако, найти никакого позднѣйшаго подтвержденія этого факта. Промежутокъ времени, необходимый для высиживанія яицъ, одинаковъ у всѣхъ породъ. Время, когда пріобрѣтается нѣкоторыми породами характерное опереніе и когда наступаютъ нѣкоторыя измѣненія въ окраскѣ, различно. Степень опушенія только что вылупившихся птенцовъ различна и находится замѣчательнымъ образомъ въ соотношеніи съ цвѣтомъ оперенія. Манера полета и нѣкоторыя движенія, передаваемыя по наслѣдству, напр., складыванье крыльевъ, кувырканье на воздухѣ или на землѣ и способъ ухаживанья за самкой представляютъ самыя своеобразныя различія. По своимъ нравамъ нѣкоторыя породы также различаются. Однѣ изъ нихъ очень молчаливы, другія воркуютъ совершенно особеннымъ образомъ.

Не смотря на то, что множество разныхъ породъ сохранило свои особенности въ теченіе многихъ столѣтій,—какъ мы увидимъ это ниже,—все же у большинства породъ замѣчается значительно бо́льшая индивидуальная измѣнчивость, чѣмъ у птицъ въ естественномъ состояніи. Изъ правила, что тѣ признаки наиболѣе измѣнчивы, которые теперь наиболѣе цѣнятся любителями и обращаютъ на себя вниманіе послѣднихъ, а потому въ настоящее время и улучшаются путемъ непрерывнаго подбора, — изъ этого правила врядъ-ли найдется исключеніе. Это допускается косвенно и самими любителями, когда они жалуются, что гораздо труднѣе

довести высоко-породистыхъ любительскихъ голубей до надлежащей степени высоты, чѣмъ вывести такъ называемыя „цвѣтныя помѣси“, различающіяся между собою лишь окраской; причиной то, что особенная окраска, пріобрѣтенная однажды, не способна къ непрерывному улучшенію и накопленію. Нѣкоторые признаки развиваются, изъ совершенно неизвѣстныхъ причинъ, сильнѣе у самцовъ, чѣмъ у самокъ, такъ что у нѣкоторыхъ породъ мы видимъ наклонность къ проявленію вторичныхъ половыхъ признаковъ, которыхъ у ихъ родоначальника, горнаго голубя, не замѣтно и слѣда.

ГЛАВА VI.

Голуби. (Продолженіе).

Описанныя въ послѣдней главѣ различія между одиннадцатью главнѣйшими породами голубей и между отдѣльными особями тѣхъ же породъ не имѣли бы большого значенія, если бы эти породы не происходили всѣ отъ одного единственнаго дикаго вида. Такимъ образомъ, вопросъ объ ихъ происхожденіи имѣетъ основную важность, и потому его должно разсмотрѣть болѣе подробно. Каждый, кто только приметъ во вниманіе огромное различіе между породами и кто знаетъ, какъ древни многія изъ нихъ и какъ постоянны онѣ въ настоящее время, не сочтетъ этого излишнимъ. Любители почти единодушно утверждаютъ, что раличныя породы произошли отъ разныхъ дикихъ породъ, тогда какъ большинство натуралистовъ полагаетъ, что всѣ онѣ произошли отъ дикаго горнаго голубя (Columba livia).

Темминкъ вѣрно подмѣтилъ, и м-ръ Гульдъ сдѣлалъ мнѣ тоже замѣчаніе, что родоначальная форма должна была представлять изъ себя видъ, обитавшій и гнѣздившійся на скалахъ; я могу присовокупить, что этотъ видъ долженъ былъ быть общественнымъ, такъ какъ всѣ домашнія породы въ высокой степени общественны, и неизвѣстно ни одной, гнѣздящейся или держащейся обыкновенно на деревьяхъ. Неуклюжесть, съ которой нѣкоторые изъ голубей, содержавшихся мною въ бесѣдкѣ, не далеко отъ одного стараго орѣшника, садились иногда на его голыя вѣтви, была очевидна. Тѣмъ не менѣе, Р. Скотъ-Скервингъ сообщаетъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Верхнемъ Египтѣ стаи голубей, хотя не опускавшіяся на пальмы, но садившіяся на низкія деревья и предпочитавшія ихъ даже низкимъ глинобитнымъ хижинамъ туземцевъ. Г. Блайтъ убѣдился, что въ Индіи дикій голубь C. livia, именно разновидность intermedia) часто живетъ на деревьяхъ. Я могу дать здѣсь кстати замѣчательный примѣръ того, какъ животныя бываютъ иногда принуждены измѣнять свои привычки: берега Нила выше 28°30′ широты отвѣсны на большомъ протяженіи, такъ что во время половодья голуби не могутъ опуститься на берегъ, чтобы напиться, и г. Скервингъ неоднократно видѣлъ,

какъ цѣлыя стаи голубей садились на воду и пили, тогда какъ теченіе несло ихъ внизъ по рѣкѣ. На нѣкоторомъ разстояніи эти стаи походили на стаи чаекъ на поверхности моря.

Если бы какая-нибудь домашняя порода произошла либо отъ вида необщественнаго, либо отъ гнѣздящагося или живущаго на деревьяхъ, то проницательный взоръ любителей, навѣрно, открылъ бы какіе-нибудь слѣды этой столь сильно отличающейся и коренной привычки. Мы имѣемъ основаніе думать, что коренныя привычки долго удерживаются при одомашненіи: такъ, мы видимъ у обыкновеннаго осла слѣды его первоначальной жизни въ пустынѣ въ сильнѣйшей нелюбви его переходить самые незначительные ручейки воды и въ наслажденіи, съ которымъ онъ валяется въ пыли. Такая же сильная нелюбовь переходить ручейки свойственна верблюду, который былъ прирученъ съ очень отдаленнаго времени. Поросята, хотя бы даже ручные, прижимаются иногда при испугѣ къ землѣ и стараются спрятаться такимъ способомъ, даже на совершенно открытомъ и голомъ мѣстѣ. Индюшата и иногда даже цыплята разбѣгаются, когда мать испуститъ предостерегающій крикъ, и стараются спрятаться, подобно молодымъ куропаткамъ или фазанамъ, съ тою цѣлью, чтобы дать матери возможность улетѣть, хотя она и потеряла къ тому способность. Мускусная утка (Cairina moschata) сидитъ и живетъ на своей родинѣ часто на деревьяхъ, и наши одомашненныя мускусныя утки, несмотря на свою неповоротливость, „чрезвычайно любятъ забираться на верхушки сараевъ, стѣны и т. п., и если ихъ оставить на ночь въ курятникѣ, самка обыкновенно садится вмѣстѣ съ курами на насѣстъ, тогда какъ селезень слишкомъ тяжелъ, чтобы подняться туда“. Мы знаемъ, что собака, хотя бы ее вполнѣ хорошо и правильно кормили, зарываетъ часто въ землю лишнюю пищу подобно лисицѣ; мы наблюдаемъ также, что она вертится кругомъ на коврѣ, какъ бы для того, чтобы примять траву и приготовить для себя ложе, и видимъ, что часто она скребетъ своими лапами назадъ по голой мостовой, какъ бы для того, чтобы засыпать землею свои испражненія, что, впрочемъ, какъ мнѣ кажется, никогда не производится, даже когда рыхлой земли достаточно. Въ наслажденіи, съ которымъ ягнята и козлята собираются и прыгаютъ на малѣйшихъ холмикахъ, мы видимъ остатокъ ихъ прежняго альпійскаго образа жизни.

Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что всѣ домашнія породы голубей произошли или отъ одного, или отъ нѣсколькихъ видовъ, которые жили и гнѣздились на скалахъ и по своему образу жизни были общественны. Всего лишь пять или шесть дикихъ видовъ имѣютъ эти особенности и приближаются до нѣкоторой степени по своему строенію къ домашнему голубю.

Подведемъ итоги сказанному: дикій горный голубь (Columba livia), включая сюда также C. affinis, C. intermedia и другія еще ближе род

ственныя географическія разновидности, имѣетъ очень широкое распространеніе, отъ южнаго берега Норвегіи и Фарерскихъ островов до островов Средиземнаго моря, о. Мадейры и Канарскихъ островов, до Абиссиніи, Индіи и Японіи. Видъ этотъ очень измѣнчивъ по своему оперенію и во многихъ мѣстностяхъ получаетъ черныя пятна и имѣетъ гузку бѣлую или сизую; у него измѣнчивы также въ небольшой степени размѣры клюва и тѣла. Необлагороженныя породы голубей, обыкновенно встрѣчающіяся въ голубятняхъ (dovecot-pigeons), происшедшія, какъ всѣ въ этомъ увѣрены, отъ одной или нѣсколькихъ изъ вышеупомянутыхъ дикихъ формъ, представляютъ подобную же, хотя и болѣе сильно выраженную измѣнчивость въ опереніи, въ величинѣ тѣла, въ длинѣ и толщинѣ клюва. Повидимому, существуетъ соотношеніе между существованіемъ сизой или бѣлой гузки и температурой той страны, гдѣ живутъ дикіе или домашніе голуби необлагороженныхъ породъ, такъ какъ почти всѣ послѣднія въ сѣверной части Европы имѣютъ бѣлую гузку, подобно тому какъ и дикіе горные европейскіе голуби. Въ то же время почти всѣ простыя породы голубей въ Индіи имѣютъ сизую гузку, подобно дикому индійскому C. intermedia. Такъ какъ оказывается, что въ различныхъ мѣстностяхъ дикій голубь легко приручается, то весьма вѣроятно, что необлагороженные домашніе голуби всего свѣта произошли по меньшей мѣрѣ отъ двухъ, а быть можетъ и отъ большаго числа дикихъ формъ; этихъ послѣднихъ, впрочемъ, какъ мы только что видѣли, нельзя считать различающимися между собою видовыми признаками.

По отношенію къ измѣнчивости C. livia, мы можемъ, не опасаясь возраженій, пойти еще далѣе. Тѣ любители, которые полагаютъ, что всѣ главнѣйшія породы голубей, какъ, напримѣръ, гонцы, дутыши, трубастые и т. д., произошли отъ отдѣльныхъ родоначальныхъ формъ, допускаютъ все же, что такъ называемые цвѣтные голуби, отличающіеся отъ дикаго горнаго голубя лишь немногимъ, за исключеніемъ окраски, произошли отъ этого вида. Подъ цвѣтными голубями подразумѣваются такіе голуби, какъ пятнистые, монахини, шлемовые, ласточковые, монахи, фарфоровые, швабы, архангелы, широкогрудые, щитовые и другіе въ Европѣ, равно какъ и многія иныя породы въ Индіи. Предположеніе, что всѣ эти птицы произошли отъ соотвѣтственнаго количества дикихъ формъ, было бы въ такой же степени ребяческимъ, какъ и допущеніе, что это имѣло бы мѣсто относительно многихъ разновидностей крыжевника, анютиныхъ глазокъ (Viola tricolor) и георгинъ. Однако, всѣ эти породы голубей постоянны и многія изъ нихъ заключаютъ разновидности, которыя также съ большимъ постоянствомъ передаютъ свои признаки по наслѣдству; онѣ значительно различаются между собою и отличаются отъ дикаго голубя по оперенію и въ слабой степени—по величинѣ и относительнымъ размѣрамъ тѣла, по величинѣ лапъ и по длинѣ и толщинѣ

клюва. Между собою онѣ различаются въ этихъ отношеніяхъ сильнѣе, чѣмъ домашніе голуби. Мы можемъ, правда, легко допустить, что какъ необлагороженные домашніе голуби, измѣнчивые въ слабой степени, такъ и цвѣтные голуби, измѣняющіеся сильнѣе, въ соотвѣтствіи съ болѣе высокою степенью одомашненія ихъ, произошли всѣ отъ C. livia (соединяя подъ этимъ названіемъ и перечисленныя выше дикія географическія разновидности), однако, вопросъ все же становится гораздо болѣе труднымъ, какъ только мы обратимъ наше вниманіе на 11 главныхъ породъ, большинство которыхъ претерпѣло глубокія измѣненія. Впрочемъ, можно доказать косвеннымъ образомъ вполнѣ убѣдительно, что эти главныя породы не произошли отъ нѣсколькихъ дикихъ формъ; если же это будетъ допущено, то врядъ-ли многіе станутъ оспаривать происхожденіе ихъ отъ дикаго голубя (C. livia), который такъ близко подходитъ къ нимъ по своимъ привычкамъ и по большинству своихъ признаковъ, который и въ естественномъ своемъ состояніи измѣнчивъ и, несомнѣнно, претерпѣлъ уже значительныя измѣненія, подобныя измѣненіямъ цвѣтныхъ голубей. Кромѣ того, мы вскорѣ увидимъ, какъ замѣчательно благопріятны были обстоятельства для накопленія значительныхъ видоизмѣненій въ породахъ, о которыхъ особенно сильно заботились любители.

Основанія, заставляющія насъ принимать, что различныя главнѣйшія породы не произошли отъ такого же количества родоначальныхъ и неизвѣстныхъ намъ формъ, могутъ быть сгруппированны въ шесть слѣдующихъ пунктовъ: —Во-первыхъ, если одиннадцать главныхъ породъ не произошли вслѣдствіе измѣненія какого-нибудь одного вида, включая его мѣстныя разновидности, то онѣ должны были произойти отъ нѣсколькихъ крайне различныхъ коренныхъ видовъ, такъ какъ никакое сильное скрещиваніе между шестью или семью дикими формами не могло бы дать начало столь сильно различающимся породамъ, какъ дутыши, гонцы, чистые голуби, трубастые, голуби-чайки, коротколицые турмана, якобинскіе и трубачи. Какъ могло, напримѣръ, скрещиваніе произвести дутыша или трубастаго голубя, если оба предполагаемыхъ родоначальника не обладали замѣчательными признаками, свойственными этимъ породамъ? Я знаю, что нѣкоторые натуралисты, слѣдуя Палласу полагаютъ, будто скрещиваніе вызываетъ сильную наклонность къ измѣнчивости независимо отъ признаковъ, унаслѣдованныхъ отъ обоихъ родителей. Они думаютъ, что легче было бы вывести дутыша или трубастаго голубя путемъ скрещиванія двухъ различныхъ видовъ, изъ которыхъ ни одинъ не обладалъ признаками этихъ породъ, чѣмъ вывести ихъ изъ одного единственнаго вида. Я могу найти лишь очень мало фактовъ въ подтвержденіе этой теоріи и допускаю ее лишь въ ограниченной степени, но все же въ одной изъ будущихъ главъ я вернусь еще къ этому предмету. Для настоящей нашей цѣли дальный вопросъ не имѣетъ значенія. Вопросъ, который касается насъ

теперь, состоитъ въ томъ, возникло-ли значительное количество новыхъ и важныхъ признаковъ, съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ впервые приручилъ голубя, или нѣтъ? По обыкновеннымъ воззрѣніямъ, измѣнчивость зависитъ отъ измѣненія условій существованія, по теоріи же Палласа измѣнчивость или появленіе новыхъ признаковъ зависитъ отъ какихъ-то таинственныхъ послѣдствій скрещиванія двухъ видовъ, изъ которыхъ ни одинъ не обладаетъ данными признаками. Въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ возможно, что рѣзко характеризованныя породы образовались путемъ скрещиванія; напримѣръ, быть можетъ, польскій голубь произошелъ путемъ скрещиванія длинноклюваго гонца, имѣвшаго большіе наросты вокругъ глазъ, съ какимъ-нибудь короткоклювымъ голубемъ. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что многія породы были до нѣкоторой степени видоизмѣнены скрещиваніемъ и что нѣкоторыя разновидности, различающіяся лишь особенностями окраски, произошли путемъ скрещиванія различно окрашенныхъ разновидностей. Слѣдовательно, по теоріи, гласящей, что различія главныхъ породъ возникли вслѣдствіе происхожденія этихъ породъ отъ разныхъ видовъ, мы должны допустить, что существуютъ еще теперь, или существовали ранѣе и вымерли въ дикомъ состояніи, по крайней мѣрѣ 8 или 9 или, что вѣрнѣе, даже 12 видовъ и что они обладали общею всѣмъ имъ привычкою жить и гнѣздиться на скалахъ и держаться общественно. Принимая во вниманіе, какъ тщательно собирали дикихъ голубей по всему свѣту и какъ легко они бросаются въ глаза, особенно если живутъ на скалахъ, кажется въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы 8 или 9 видовъ, прирученныхъ уже издавна и, слѣдовательно, обитавшихъ въ какой, либо съ давнихъ поръ извѣстной странѣ, могли бы существовать въ дикомъ состояніи и оставаться неизвѣстными орнитологамъ.

Гипотеза, что подобные виды существовали ранѣе, но затѣмъ вымерли, нѣсколько болѣе вѣроятна. Однако, вымираніе столь многихъ видовъ въ теченіе историческаго періода представляетъ изъ себя все же гипотезу очень смѣлую, особенно если принять во вниманіе, какое незначительное вліяніе имѣлъ человѣкъ на истребленіе обыкновеннаго дикаго голубя, сходнаго во всемъ своемъ образѣ жизни съ домашними породами. C. livia живетъ и процвѣтаетъ нынѣ на небольшихъ сѣверныхъ Фарёрскихъ островахъ, на многихъ островахъ побережья Шотландіи, въ Сардиніи, на островахъ Средиземнаго моря и въ центральной Индіи. Любители нерѣдко воображали, что различные предполагаемые первичные виды держались сперва на небольшихъ островкахъ и потому могли быть тамъ легко истреблены, однако, только что приведенные факты противорѣчатъ возможности ихъ истребленія даже и ни маленькихъ островкахъ. На основаніи того, что намъ извѣстно относительно распространенія птицъ, невѣроятно также, чтобы острова вблизи береговъ Европы были населены прежде

особыми видами голубей; если же мы представимъ себѣ, что родиной предполагаемыхъ первичныхъ видовъ были далеко отстоящіе океаническіе острова, то должно принять во вниманіе, что старинныя путешествія были необычайно медленны, и корабли въ тѣ времена плохо снабжались свѣжимъ провіантомъ, такъ что было нелегко привезти домой птицъ живыми. Я сказалъ „старинныя" путешествія, въ виду того, что почти всѣ породы голубей были извѣстны до 1600 года, такъ что предполагаемые дикіе виды должны были быть пойманы и одомашнены до этого времени.

Во вторыхъ,—теорія, по которой главныя домашнія породы произошли отъ нѣсколькихъ первичныхъ видовъ, требуетъ допущенія, что нѣкоторые виды были предварительно до такой степени одомашнены, что размножались въ неволѣ безпрепятственно. Если и нетрудно приручить большинство дикихъ птицъ, то все же опытъ показываетъ намъ, какъ трудно заставить ихъ свободно размножаться въ неволѣ; впрочемъ, должно замѣтить, что это легче достигается по отношенію къ голубямъ, чѣмъ по отношенію къ другимъ птицамъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ или трехъ столѣтій, множество птицъ содержалось въ птичникахъ, однако, врядъ ли хоть одна изъ нихъ можетъ быть причислена къ нашему списку домашнихъ видовъ; по вышеупомянутой же теоріи мы должны допустить, что въ древности около дюжины видовъ голубей, неизвѣстныхъ теперь въ дикомъ состояніи, были въ полной степени одомашнены.

Въ-третьихъ,—большинство нашихъ домашнихъ животныхъ перешло въ различныхъ частяхъ свѣта въ одичалое состояніе; по отношенію къ птицамъ это наблюдается, по всей вѣроятности, въ связи съ частичной утратой ими способности летать, не такъ часто, какъ по отношенію къ млекопитающимъ. Тѣмъ не менѣе, я нашелъ указанія, по которымъ обыкновенная курица одичала въ Южной Америкѣ и, быть можетъ, также въ Западной Африкѣ и на нѣкоторыхъ островахъ. Индюкъ встрѣчался одно время совершенно дикимъ на берегахъ Параны, а цесарка совершенно одичала на о-вахъ Вознесенія и о. Ямайкѣ. На этомъ послѣднемъ островѣ павлинъ также сдѣлался дикою птицею. Въ Норфолькѣ обыкновенная утка покидаетъ домъ и становится совсѣмъ дикой. Ублюдковъ простой утки съ мускусной приходилось убивать въ дикомъ состояніи въ Сѣверной Америкѣ, въ Бельгіи и вблизи Каспійскаго моря. Гуси, какъ говорятъ, одичали въ Ла-Платѣ. Обыкновенный домашній голубь сдѣлался дикимъ на о. Хуанъ-Фернандесъ, на о. Норфолькѣ, на о-вахъ Вознесенія, по всей вѣроятности на о. Мадейрѣ, на берегахъ Шотландіи и, какъ говорятъ, по берегамъ р. Гудсонъ (Хэдсонъ) въ Сѣверной Америкѣ. Нѣчто совершенно иное находимъ мы, если обратимся къ одиннадцати главнымъ породамъ домашнихъ голубей, которыя, какъ предполагаютъ нѣкоторые авторы, произошли отъ столькихъ же отдѣльныхъ видовъ. Никто изъ этихъ авторовъ и не думалъ никогда утверждать, чтобы ка-

кая нибудь изъ породъ голубей была найдена дикою въ одной изъ частей свѣта, а между тѣмъ онѣ перевозились во всевозможныя мѣстности, и нѣкоторыя изъ нихъ должны были попасть при этомъ обратно на мѣсто своей родины. Предполагая же, что всѣ эти породы представляютъ изъ себя продуктъ измѣнчивости, мы можемъ понять, почему онѣ не дичаютъ: существованіе множества крупныхъ измѣненій, которыя онѣ претерпѣли, показываетъ уже, какъ давно и какъ совершенно онѣ одомашнены, и дѣлаетъ ихъ въ то же время непригодными къ существованію въ дикомъ состояніи.

Въ-четвертыхъ, если предположить, что характерныя различія между разными домашними породами обусловливаются происхожденіемъ этихъ породъ отъ нѣсколькихъ родоначальныхъ формъ, то мы должны были бы также допустить, что человѣкъ въ отдаленныя времена выбиралъ для одомашненія, либо непроизвольно, либо случайно, самые ненормальные виды голубей, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что виды, похожіе на такихъ птицъ, какъ дутыши, трубастые, гонцы, польскіе голуби, коротколицые турмана, голуби-чайки и др., должны были быть въ высшей степени ненормальными, по сравненію со всѣми существующими членами обширнаго семейства голубей. Поэтому мы должны были бы принять, что не только человѣку въ прежнія времена удалось вполнѣ одомашнить въ высшей степени ненормальные виды голубей, но и то, что эти виды съ той поры всѣ вымерли или, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время намъ неизвѣстны. Такая двойная случайность столь мало вѣроятна, что допустить существованіе такого большого количества ненормальныхъ видовъ можно было бы лишь на основаніи вполнѣ непреложныхъ доказательствъ. Съ другой стороны, если признать, что всѣ породы происходятъ отъ C. livia, то намъ будетъ вполнѣ понятно, какъ я ниже объясню подробнѣе, какимъ способомъ появляющееся сперва легкое отклоненіе въ строеніи можетъ постепенно усилиться путемъ сохраненія наиболѣе рѣзко обозначенныхъ особей; въ виду того, что сила такого подбора примѣнялась согласно съ прихотью человѣка, а не съ пользою самой птицы, накопленныя отклоненія и должны были, несомнѣнно, получить ненормальный характеръ по сравненію со строеніемъ голубей, живущихъ на свободѣ.

Я упоминалъ уже о томъ замѣчательномъ обстоятельствѣ, что характеристическія различія между главнѣйшими домашними породами въ высшей степени измѣнчивы. Мы видимъ это вполнѣ ясно въ значительномъ различіи количества хвостовыхъ перьевъ у трубастаго голубя, въ развитіи зоба у дутышей, въ длинѣ клюва у турмановъ, въ развитіи бородавчатыхъ наростовъ у гонцовъ и т. д. Если эти признаки являются результатомъ послѣдовательныхъ измѣненій, накопленныхъ путемъ подбора, то для насъ понятно, почему они должны быть такъ измѣнчивы: это именно тѣ части, которыя измѣнялись со времени одомашненія голубя, и потому,

вѣроятно, станутъ и теперь измѣняться. Помимо того, эти измѣненія произошли въ недавнія времена и были накоплены человѣкомъ путемъ подбора, такъ что, слѣдовательно, они не могли еще вполнѣ упрочиться.

Въ пятыхъ,—всѣ домашнія породы легко спариваются между собою, и, что въ такой же степени важно, происшедшіе отъ нихъ помѣси вполнѣ плодовиты. Чтобы убѣдиться въ этомъ обстоятельствѣ, я произвелъ множество опытовъ; недавно г. Тегетмейеръ произвелъ подобные же опыты и съ одинаковымъ результатомъ. Точный наблюдатель Неймейстеръ удостовѣряетъ, что помѣси, полученныя при скрещиваніи необлагороженныхъ живущихъ въ полудикомъ состояніи голубей (по англійски они называются dove-cot pigeons) съ какими-нибудь другими породами, въ высокой степени стойки. Боатаръ и Корбье утверждаютъ, на основаніи своего долголѣтняго опыта, что чѣмъ различнѣе скрещиваемыя породы, тѣмъ плодовитѣе происходящія отъ нихъ помѣси. Я допускаю, что теорія, высказанная первоначально Палласомъ, если и не доказана въ дѣйствительности, то все же въ высшей степени вѣроятна, именно, что близко родственные виды, которые въ своемъ природномъ состояніи, или только что пойманные, остаются до нѣкоторой степени безплодными, при продолжительномъ пребываніи въ домашнемъ состояніи утрачиваютъ безплодность. Если мы въ то же время примемъ во вниманіе значительное различіе между такими породами, какъ дутыши, гонцы, чистые голуби, голуби-чайки, турмана и т. п., то ихъ совершенная или даже повышенная плодовитость при самомъ сложномъ скрещиваніи становится сильнымъ доводомъ въ пользу происхожденія ихъ отъ одного вида. Этотъ доводъ получаетъ еще болѣе силы, когда мы узнаемъ, что врядъ ли извѣстенъ хоть одинъ, заслуживающій довѣрія примѣръ, чтобы помѣси между двумя настоящими голубиными видами были плодовиты при скрещиваніи между собою, или со своими чистыми родичами.

Въ шестыхъ,—главнѣйшія породы голубей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ важныхъ характерныхъ отличій, чрезвычайно схожи во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, какъ между собой, такъ и съ горнымъ голубемъ *Columba livia*. Какъ было замѣчено ранѣе, всѣ онѣ чрезвычайно общественны, всѣ не любятъ опускаться и садиться на деревья и строить на нихъ гнѣзда, всѣ несутъ два яица, что не является общимъ правиломъ для всѣхъ голубиныхъ (Columbidae),—всѣ, насколько мнѣ извѣстно, требуютъ одинаковаго промежутка времени для высиживанія яицъ, всѣ могутъ переносить въ одинаковой степени весьма различныя климатическія условія, всѣ любятъ одинаковую пищу и питаютъ большое пристрастіе къ соли; всѣ (исключая финникина и вертуна, которые незначительно уклоняются въ другихъ отношеніяхъ) употребляютъ тѣ же пріемы при ухаживаніи за самками и, наконецъ, всѣ (за исключеніемъ трубачей и хохотуновъ, также немного отличаю-

щихся во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ) воркуютъ одинаковымъ, своеобразнымъ способомъ, непохоже на голосъ какого-либо изъ дикихъ голубей. Всѣ цвѣтныя породы обладаютъ одинаковымъ особымъ металлическимъ отливомъ на груди, — признакъ далеко не общій у голубей. Каждая порода представляетъ почти одинаковыя измѣненія окраски, и у большинства породъ мы находимъ то же своеобразное соотношеніе между развитіемъ опушенія у птенцовъ и будущей окраской ихъ оперенія. У всѣхъ относительная длина ихъ пальцевъ и крыловыхъ перьевъ перваго ряда („первичныхъ") почти одинакова, — признаки, могущіе быть иными у другихъ членовъ семейства голубиныхъ. У породъ, которыя представляютъ нѣкоторыя замѣчательныя отклоненія въ строеніи, каковы, напр., трубастые—своимъ хвостомъ, дутыши—зобомъ, гонцы и турманы—клювомъ и т. п., остальныя части остаются почти неизмѣненными. Каждый натуралистъ согласится, конечно, съ тѣмъ, что невозможно выбрать наудачу въ какомъ бы то ни было семействѣ дюжину дикихъ видовъ, которые, при близкомъ сходствѣ въ привычкахъ и въ общей организаціи, сильно различались бы только немногими признаками. Теоріей естественнаго подбора фактъ этотъ вполнѣ объясняется: каждое послѣдовательное измѣненіе въ строеніи представителей любого естественнаго вида сохраняется лишь потому, что оно для чего-нибудь полезно, и такія измѣненія, сильно накопляясь, производятъ большую перемѣну въ образѣ жизни, что, безъ сомнѣнія, ведетъ къ другимъ измѣненіямъ во всемъ организмѣ. Съ другой стороны, если человѣкъ произвелъ нѣкоторыя породы голубей путемъ (искусственнаго) подбора и измѣнчивости, то нетрудно понять, почему всѣ онѣ сходны между собою по привычкамъ и по множеству признаковъ, которыхъ человѣкъ не старался измѣнить, тогда какъ по отношенію къ признакамъ, бросавшимся ему въ глаза или удовлетворявшимъ его прихоти, породы эти различаются въ такой невѣроятной степени.

Кромѣ перечисленныхъ выше признаковъ, по которымъ всѣ домашнія породы сходны съ C. livia и между собою, существуетъ еще одинъ, заслуживающій особаго вниманія. Дикій горный голубь—аспидно-сизаго цвѣта, крылья его пересѣкаются двумя полосами, и гузка у европейскаго голубя бѣлая, а у индійскаго сизая; на хвостѣ, недалеко отъ его конца, имѣется черная полоса, а внѣшнія бородки наружныхъ перьевъ хвоста окаймлены бѣлымъ, за исключеніемъ мѣстъ подлѣ концовъ. Всѣ эти признаки одновременно не встрѣчаются ни у одного дикаго голубя за исключеніемъ горнаго голубя Columba livia. Я тщательно просмотрѣлъ огромную коллекцію голубиныхъ птицъ Британскаго Музея и нашелъ, что темная полоса на концѣ хвоста у нихъ обыкновенна, бѣлая кайма на крайнихъ хвостовыхъ перьяхъ не рѣдка, но что бѣлая гузка въ высшей степени рѣдка, а двѣ темныя полосы на крыльяхъ не встрѣчаются ни у одного голубя, за исключеніемъ

азіатскихъ альпійскихъ (т. е. живущихъ въ высокихъ горныхъ областяхъ) C. leuconota и C. rupestris. Если мы теперь обратимся къ домашнимъ породамъ, то встрѣтимся съ чрезвычайно замѣчательнымъ фактомъ, сообщеннымъ мнѣ выдающимся любителемъ голубей г. Уиккингомъ; именно, въ какой бы породѣ ни появилась сизая птица, на крыльяхъ ея неизмѣнно имѣются двѣ черныя полосы. Крыловыя перья перваго ряда (первичныя) могутъ быть бѣлыми или темными, все тѣло можетъ быть какого угодно цвѣта, но если только кроющія перья крыла сизыя, то непремѣнно появляются и двѣ черныя полосы. Я видѣлъ самъ и имѣю достовѣрныя свѣдѣнія отъ другихъ лицъ, что сизыя птицы съ темными полосами на крыльяхъ, съ бѣлою, чрезвычайно блѣдною или же темносизою гузкою, встрѣчаются въ слѣдующихъ породахъ, которыя были мною въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тщательно изслѣдованы и оказались породами чистыми: у дутышей, трубастыхъ, турмановъ, якобинцевъ, голубей-чаекъ, польскихъ (берберскихъ), гонцовъ, чистыхъ (флорентинскихъ),—въ ихъ трехъ ясно выраженныхъ разновидностяхъ,—у трубачей, ласточковыхъ и у многихъ другихъ цвѣтныхъ разновидностей, которыя такъ близко родственны Columba livia, что не стóитъ ихъ перечислять. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ самыхъ различныхъ чистокровныхъ породахъ, извѣстныхъ въ Европѣ, появляются иногда сизыя птицы, обладающія признаками, характерными для C. livia и не встрѣчающимися ни у одного другого дикаго голубинаго вида. Г. Блайтъ сдѣлалъ тоже наблюденіе по отношенію къ различнымъ домашнимъ породамъ, извѣстнымъ въ Индіи.

Нѣкоторыя измѣненія въ опереніи въ равной степени свойственны дикому горному голубю, необлагороженнымъ породамъ, голубей и, съ другой стороны, наиболѣе сильно видоизмѣненнымъ породамъ. Такъ, у всѣхъ ихъ гузка измѣняется въ окраскѣ отъ бѣлой до сизаго цвѣта, будучи наичаще бѣлою въ Европѣ и наиболѣе обыкновенно сизою въ Индіи. Мы видѣли, что дикій горный голубь въ Европѣ и необлагороженные полудикіе голуби во всѣхъ частяхъ свѣта часто имѣютъ верхнія кроющія перья крыла, усѣянныя черными крапинками,—такимъ же точно образомъ птицы всѣхъ другихъ наиболѣе рѣзко выраженныхъ породъ, если онѣ сизы, испещрены крапинками. Такъ, я видѣлъ, что дутыши, трубастые, гонцы, голуби-чайки, турмана (индійскіе и англійскіе), ласточковые голуби, лысые и другіе цвѣтные голуби бываютъ сизыми и узорчатыми, а Эсквилентъ видѣлъ узорчатаго чистаго голубя. Отъ двухъ чисто-сизыхъ турмановъ я получилъ узорчатаго птенца.

Факты, приведенные до сихъ поръ, указываютъ на случайное появленіе въ чистыхъ породахъ сизыхъ голубей съ черными полосами на крыльяхъ, или сизыхъ и узорчатыхъ птицъ. Далѣе мы увидимъ, что при скрещиваніи двухъ птицъ, принадлежащихъ къ двумъ рѣзко выраженнымъ породамъ и не имѣющихъ, или даже не имѣвшихъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній ни слѣда

сизой окраски оперенія, или ни слѣда темныхъ полосъ на крыльяхъ, или какихъ-либо другихъ характерныхъ отличій, получаются помѣси сизаго цвѣта, иногда узорчатыя, съ черными полосами на крыльяхъ и т. д.; если же они не сизы, то имѣютъ какіе-либо болѣе или менѣе сильно развитыя характерныя пятна или отмѣтины. Меня побудило изслѣдовать этотъ вопросъ указаніе Боатара и Корбье, что путемъ скрещиванія нѣкоторыхъ породъ рѣдко приходится выводить что-либо кромѣ того, что французы называютъ bisets, т. е. необлагороженныхъ голубей, которые, какъ извѣстно, представляютъ изъ себя сизыхъ птицъ съ обычными характерными примѣтами. Мы увидимъ ниже, что предметъ этотъ представляетъ, независимо отъ нашей настоящей цѣли, значительный интересъ, такъ что я приведу полностью результаты моихъ собственныхъ опытовъ. Я выбиралъ для этихъ опытовъ породы, которыя, если онѣ чисты, очень рѣдко производятъ птицъ съ сизой окраской или съ темными полосами на крыльяхъ и хвостѣ.

Монахиня—бѣлый голубь съ черной головой, хвостомъ и маховыми перьями перваго ряда; порода эта установилась уже въ 1600 г. Я скрестилъ самца монахини съ самкою обыкновеннаго рыжаго турмана,—разновидности, обыкновенно стойко передающей свои признаки по наслѣдству. Такимъ образомъ, ни одинъ изъ родителей не имѣлъ и слѣда сизаго оперенія или волосъ на крыльяхъ и на хвостѣ. Долженъ оговориться, что обыкновенные турмана вообще рѣдко сизы въ Англіи. Отъ этого скрещиванія я воспиталъ нѣсколько птенцовъ: у одного была вся спина рыжая, но туловище было такимъ же сизымъ, какъ и у дикаго горнаго голубя; концевая полоса на хвостѣ, правда, отсутствовала, но зато наружныя перья были съ бѣлой каймою. Второй и третій очень походили на перваго, но на хвостѣ у обоихъ замѣтны были слѣды полосы. Четвертый былъ коричневатъ, и на крыльяхъ были слѣды двойной полосы. Пятый былъ свѣтлосизымъ по всей своей груди, спинѣ, гузкѣ и туловищу, но шея и крыловыя перья перваго ряда были рыжеваты; на крыльяхъ были видны двѣ явственныя полосы рыжаго цвѣта, хвостъ не имѣлъ полосъ, но наружныя перья были съ бѣлой каймою. Я скрестилъ эту послѣднюю странно окрашенную птицу съ черною помѣсью сложнаго происхожденія, именно, происшедшею отъ чернаго польскаго, отъ пятнистаго голубя и отъ пестраго или такъ называемаго „миндальнаго“ турмана, такъ что оба птенца, происшедшіе отъ этого скрещиванія, заключали въ себѣ кровь пяти разновидностей, изъ которыхъ ни одна не имѣла и слѣда сизой окраски, или полосъ на хвостѣ или на крыльяхъ: одинъ изъ полученныхъ птенцовъ былъ коричневато-чернымъ съ черными полосами на крыльяхъ, другой—рыжевато-коричневый съ рыжими полосами на крыльяхъ, болѣе блѣдными, чѣмъ остальное тѣло, съ блѣдно-сизою гузкою и хвостомъ слегка сизымъ, со слѣдами концевой полосы.

Г. Итонъ скрестилъ двухъ коротколицыхъ турмановъ, а именно

самца пятнистой породы (splash) и самку такъ называемаго коршуноваго турмана (kite), изъ которыхъ ни одинъ не былъ сизымъ или полосатымъ, и отъ первой кладки получилъ совершенно сизую птицу, отъ второй же—серебристаго или блѣдно-сизаго птенца, и обѣ птицы, судя по аналогіи, представляли, безъ сомнѣнія, обычные характерные рисунки.

Я скрестилъ двухъ черныхъ польскихъ самцовъ съ двумя рыжими самками пятнистыхъ. У этихъ послѣднихъ все тѣло и крылья бѣлы, пятно на лбу и хвостъ вмѣстѣ съ кроющими хвоста рыжи; порода эта существуетъ по крайней мѣрѣ съ 1676 г. и въ настоящее время вполнѣ устойчива, что, какъ извѣстно, наблюдалось еще въ 1735 г. Польскіе голуби одноцвѣтны и рѣдко имѣютъ слѣды полосъ на крыльяхъ или хвостѣ; они упорно передаютъ свои признаки потомству. Ублюдки, полученные при этомъ, были либо черными, или почти черными, либо темно- или свѣтло-коричневыми, иногда слегка испещренными бѣлыми пятнами; изъ этихъ птицъ не менѣе шести экземпляровъ имѣли двойныя полосы на крыльяхъ; у двоихъ полосы были явственны и совершенно черны, у семи на гузкѣ находилось нѣсколько бѣлыхъ перьевъ и у двухъ или трехъ на хвостѣ были слѣды концевой полосы, тогда какъ у девяти крайнія хвостовыя перья были съ бѣлой каймой.

Я скрестилъ черныхъ польскихъ (изъ двухъ превосходныхъ семей) съ чистокровными, снѣжнобѣлыми трубастыми. Помѣси были обыкновенно черны съ нѣсколькими бѣлыми хвостовыми перьями и нѣсколькими такими же маховыми перваго ряда; другіе были темнаго рыжевато-коричневаго цвѣта, третьи снѣжно-бѣлые: ни у одного не было и слѣда полосъ на крыльяхъ или бѣлой гузки. Затѣмъ я скрестилъ двоихъ изъ этихъ ублюдковъ, именно, коричневаго и чернаго голубя, и у потомства ихъ на крыльяхъ были замѣтны полосы, хотя и слабыя, но все же болѣе темнаго коричневаго цвѣта, чѣмъ остальное тѣло. Отъ второй кладки тѣхъ же родителей произошла птица съ нѣсколькими бѣлыми перьями на гузкѣ.

Я скрестилъ соловаго самца персидскаго гонца, принадлежащаго къ семейству, которое въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній было окрашено въ чалый или соловый цвѣтъ и лишено полосъ на крыльяхъ, съ одноцвѣтнымъ рыжимъ польскимъ голубемъ (происшедшимъ отъ двухъ черныхъ польскихъ); потомство представляло положительные, хотя и слабые слѣды полосъ на крыльяхъ. Я скрестилъ одноцвѣтнаго рыжаго самца чистаго голубя съ бѣлымъ трубачемъ и у помѣси хвостъ оказался аспидно-сизаго цвѣта съ полосой на концѣ и съ краевыми перьями окаймленными бѣлымъ цвѣтомъ. Я скрестилъ также самку чернаго трубача съ бѣлыми пятнами (изъ другого семейства, чѣмъ предыдущая) съ самцомъ пестраго („миндальнаго") турмана, причемъ ни у одного изъ обоихъ не было и слѣда сиваго цвѣта или бѣлаго гузка, или полосы на концѣ хвоста. Невѣроятно также. чтобы и предки этихъ двухъ

птицъ на протяженіи многихъ поколѣній обладали этими признаками, такъ какъ я никогда не слыхалъ о сизомъ трубачѣ въ Англіи, а мой пестрый турманъ былъ также чистой породы. Однако, хвостъ у происшедшаго потомка былъ сизый съ широкой черной полосой на концѣ, а гузка была совершенно бѣлая. Во многихъ изъ этихъ случаевъ можно наблюдать, что хвостъ первый выказываетъ стремленіе становиться, путемъ возврата, сизымъ; это постоянство въ окраскѣ хвоста и его кроющихъ перьевъ не удивитъ никого, кто только внимательно слѣдилъ за скрещиваніемъ голубей.

Послѣдній случай, который я приведу, наиболѣе замѣчателенъ. Я скрестилъ самку—помѣсь трубастаго съ польскимъ, съ самцомъ—помѣсью польскаго съ пятнистымъ; ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ и слѣда сизой окраски. Должно къ тому же напомнить, что сизые польскіе голуби чрезвычайно рѣдки и что пятнистые, какъ было упомянуто выше, были уже вполнѣ установившейся породой въ 1676 г. и передаютъ потомству свои признаки съ большимъ постоянствомъ; то же самое можно сказать и относительно бѣлыхъ трубастыхъ голубей,—мнѣ даже никогда не приходилось слышать, чтобы они произвели потомство съ какой-либо другой окраской. Тѣмъ не менѣе, птенцы обоихъ вышеупомянутыхъ родителей смѣшанной породы обладали точно такой же сизой окраской всей спины и крыльевъ, какъ дикіе горные голуби Шетландскихъ острововъ; двойныя черныя полосы на крыльяхъ были также замѣтны, хвостъ былъ въ такой же степени похожъ во всѣхъ отношеніяхъ на хвостъ горнаго, а гузка была чистаго бѣлаго цвѣта. Голова, однако, имѣла нѣкоторый рыжій оттѣнокъ, очевидно унаслѣдованный отъ пятнистаго, и была болѣе блѣднаго сизаго цвѣта, нежели у дикаго горнаго голубя, такъ же, какъ и брюшко. Такимъ образомъ, два черныхъ польскихъ, рыжій пятнистый и бѣлый трубастый, въ качествѣ четырехъ чистокровныхъ дѣдовъ и бабокъ, произвели птицъ съ такой же общей сизой окраской, совмѣстно со всѣми характерными рисунками, какъ у дикаго Columba livia.

Что касается того обстоятельства, что скрещиваемыя породы часто производятъ сизыхъ птицъ съ черными пятнами, сходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ съ домашними голубями и пятнистой разновидностью полевого голубя, то вполнѣ достаточно было бы уже приведенныхъ выше словъ Буатара и Корбье; я, однако, приведу здѣсь еще три примѣра появленія такихъ птицъ при скрещиваніяхъ, въ которыхъ лишь одинъ изъ родителей или прадѣдовъ былъ сизымъ, но не пятнистымъ. Я скрестилъ сизаго самца голубя-чайки съ бѣлоснѣжной самкой трубача, а на слѣдующій годъ съ темно-коричневой самкой коротколицаго турмана. Птенцы отъ перваго скрещиванія были такъ же разрисованы, какъ любые необлагороженные полудикіе голуби, а птенцы отъ второго до того узорчаты, казались почти такими же какъ наиболѣе темно-узорчатый горный голубь съ острова Мадейры. Другая птица, прадѣдами которой были бѣлый трубачъ (хохотунъ), бѣлый трубастый, бѣлый рыже-пятни-

стый, рыжій чистый и сизый дутышъ, была аспидно-сизаго цвѣта и узорчата такъ же, какъ необлагороженный голубь. Я могу здѣсь еще привести одно замѣчаніе, сдѣланное мнѣ г. Уиккингомъ, который въ выведеніи голубей различной окраски болѣе опытенъ, чѣмъ кто-либо въ Англіи: именно, если въ какой-либо породѣ появится сизая или сизая и узорчатая птица съ черными полосами на крыльяхъ, и ей будетъ дозволено размножаться, то признаки эти передаются съ такимъ постоянствомъ, что искоренить ихъ въ высшей степени трудно.

Что же должны мы заключить изъ этой наклонности всѣхъ главныхъ домашнихъ породъ производить, какъ при чистокровномъ продолженіи рода, такъ и въ особенности при скрещиваніи между собою, примѣси сизаго цвѣта и съ тѣми же характерными признаками, измѣняющимися совершенно сходнымъ образомъ, какъ у Columba livia? Если допустить, что всѣ эти породы произошли отъ C. livia, то никто изъ лицъ, разводящихъ голубей, не усомнится въ томъ, что случайное появленіе столь характерныхъ сизыхъ птицъ объясняется хорошо извѣстнымъ принципомъ возврата потомковъ къ особенностямъ предковъ. Почему скрещиваніе порождаетъ такую сильную наклонность къ возврату? Этого мы не знаемъ навѣрное, но значительное количество доказательствъ существованія этого факта будетъ дано въ слѣдующихъ главахъ. Возможно, что я самъ могъ бы въ теченіе цѣлаго столѣтія выводить чистыхъ черныхъ польскихъ, пятнистыхъ, монахинь, бѣлыхъ трубастыхъ, трубачей и пр., не получая ни одной птицы съ сизой окраской или съ полосами; однако, при скрещиваніи этихъ породъ я выростилъ уже во второмъ или третьемъ поколѣніи, всего лишь въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ, значительное количество молодыхъ птицъ, болѣе или менѣе сильно окрашенныхъ въ сизый цвѣтъ и съ большею частью характерныхъ отмѣтинъ. При скрещиваніи черныхъ птицъ съ бѣлыми или черныхъ съ рыжими, существуетъ, повидимому, у обоихъ родителей легкая наклонность къ произведенію сизаго потомства, и стремленія эти, слагаясь, преодолѣваютъ свойственныя каждому изъ родителей отдѣльныя наклонности производить черныхъ, бѣлыхъ или рыжихъ потомковъ.

Если мы отвергнемъ предположеніе, что всѣ породы голубей суть видоизмѣненные потомки горнаго голубя, и предположимъ, что онѣ произошли отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ видовъ, то должны будемъ сдѣлать выборъ изъ трехъ слѣдующихъ предположеній: или, во-первыхъ, существовало прежде восемь-девять видовъ, которые первоначально были окрашены различно, позднѣе же измѣнялись столь одинаковымъ образомъ, что приняли окраску горнаго голубя; это допущеніе, однако, не проливаетъ ни малѣйшаго свѣта на появленіе окраски и отмѣтинъ послѣдняго при скрещиваніи породъ между собою. Или, во-вторыхъ, мы можемъ предположить, что первоначальные виды всѣ были окрашены въ сизый цвѣтъ и имѣли полосы на крыльяхъ и другіе признаки, характерные для гор-

наго голубя,—предположеніе въ высшей степени неправдоподобное, такъ какъ, за исключеніемъ этого одного вида, ни одинъ изъ существующихъ членовъ семейства голубиныхъ не представляетъ всѣхъ этихъ признаковъ въ совокупности; кромѣ того, невозможно было бы найти другого примѣра тому, чтобы нѣсколько видовъ, одинаковыхъ по своему оперенію, различались бы такъ по существеннымъ чертамъ своей организаціи, какъ различаются дутыши, трубастые, гонцы, турмана и др. Или, наконецъ, мы можемъ предположить, что всѣ породы, происходящія или отъ горнаго голубя, или отъ многихъ первоначальныхъ видовъ, не смотря на большую заботливость, съ которой онѣ выводились любителями, и не смотря на высокую цѣнность, придаваемую имъ послѣдними, все же скрещивались въ предѣлахъ эпохи, соотвѣтствующей дюжинѣ или самое большое двадцати поколѣніямъ, съ горнымъ голубемъ и потому пріобрѣли наклонность производить сизыхъ птицъ съ характерными отмѣтинами. Я сказалъ, должно предположить, что каждая порода скрещивалась съ горнымъ голубемъ, въ предѣлахъ эпохи, равной двѣнадцати или, самое большее, двадцати поколѣніямъ, потому, что нѣтъ основаній думать, чтобы потомство при скрещиваніи возвращалось къ особенностямъ предковъ, отъ которыхъ оно отдалено на большее число поколѣній. Въ породѣ, которая была скрещена лишь одинъ разъ, наклонность къ возврату, естественнымъ образомъ, становится все слабѣе и слабѣе въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ имѣется все менѣе и менѣе крови чужой породы. Если же никакого скрещиванія не было вовсе съ иной породой, а у обоихъ родителей имѣется наклонность возвращаться къ какому-нибудь давно утраченному признаку, то эта наклонность, судя по всему, что намъ извѣстно, можетъ, не уменьшаясь, передаваться чрезъ безчисленное количество поколѣній. Эти два различные случая возврата къ особенностямъ предковъ нерѣдко смѣшивались лицами, писавшими о наслѣдственности.

Принимая во вниманіе, съ одной стороны, неправдоподобіе трехъ только что разсмотрѣнныхъ предположеній, и, съ другой стороны, ту простоту, съ которою эти факты объясняются принципомъ возврата, мы можемъ заключить, что у всѣхъ породъ, какъ при сохраненіи чистоты ихъ потомства, такъ и еще болѣе при скрещиваніяхъ, случайное появленіе сизыхъ птицъ, иногда съ узорами, съ двойными полосами на крыльяхъ, съ бѣлыми или сизыми гузками, съ полосой на концѣ крыла или съ бѣлыми каймами на краевыхъ хвостовыхъ перьяхъ, представляетъ изъ себя сильный аргументъ въ пользу мнѣнія, что всѣ породы произошли отъ C. livia, соединяя подъ этимъ названіемъ и три-четыре дикія разновидности или подвида, перечисленные выше.

Резюмируемъ предыдущія шесть доказательствъ, приведенныя противъ того мнѣнія, что главныя домашнія породы являются потомками по меньшей мѣрѣ восьми-девяти, или даже, пожалуй, двѣнадцати видовъ (меньшее число при скрещиваніи не могло бы дать

такихъ характерныхъ различій между отдѣльными породами. Во-первыхъ, невѣроятно, чтобы такое количество видовъ еще существовало и не было бы извѣстно орнитологамъ, или чтобы оно было истреблено въ историческія времена, принимая во вниманіе, какъ мало имѣлъ человѣкъ вліянія на истребленіе дикаго горнаго голубя. Вовторыхъ, невѣроятно, чтобы человѣкъ въ прежнія времена совершенно приручилъ и сдѣлалъ плодовитымъ въ неволѣ такъ много видовъ. Въ третьихъ, эти предполагаемые виды нигдѣ не одичали. Въ четвертыхъ, необычаенъ фактъ, чтобы человѣкъ выбралъ для одомашненія случайно или умышленно нѣсколько видовъ крайне ненормальныхъ по своимъ признакамъ, особенно въ виду того, что особенности организаціи, дѣлающія эти виды столь ненормальными, крайне измѣнчивы въ настоящее время. Въ-пятыхъ, указанъ фактъ, что всѣ породы, не смотря на то, что онѣ различаются между собою многими важными чертами организаціи, производятъ вполнѣ плодовитыя помѣси, тогда какъ всѣ гибриды (ублюдки), произведенные даже близко родственными видами семейства голубиныхъ, остаются безплодными. Въ-шестыхъ, замѣчательны, только что приведенныя указанія на существующую у всѣхъ породъ, какъ при сохраненіи ихъ чистоты, такъ и при скрещиваніяхъ, наклонность возвращаться во многихъ мелкихъ подробностяхъ окраски къ характеру дикаго горнаго голубя и измѣняться сходнымъ образомъ. Къ этимъ доказательствамъ можетъ быть еще добавлено, что въ высшей степени невѣроятно, чтобы ранѣе существовало нѣсколько видовъ, сильно отличавшихся между собою въ нѣкоторыхъ, немногихъ отношеніяхъ, но сходныхъ между собою столь же близко по другимъ сторонамъ своего строенія, по своему голосу и по образу жизни, какъ сходны домашнія породы. Если принять во вниманіе всѣ эти отдѣльные факты и доводы, то требовалось бы подавляющее множество доказательствъ, чтобы заставить насъ допустить, будто главныя домашнія породы произошли отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ видовъ; въ дѣйствительности, однако, нѣтъ абсолютно ни одного подобнаго доказательства.

Мнѣніе, что главныя домашнія породы произошли отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ, произошло, несомнѣнно, изъ кажущейся неправдоподобности возникновенія столь значительныхъ перемѣнъ въ строеніи, съ того времени, какъ человѣкъ впервые приручилъ дикаго горнаго голубя. Меня нисколько не удивляетъ также, что единство ихъ происхожденія допускается не безъ нѣкотораго колебанія: я самъ прежде, посѣщая свои птичники и наблюдая въ нихъ такихъ голубей, какъ дутыши, гонцы, польскіе, трубастые, коротколицые турмана и др., не могъ себя убѣдить въ томъ, что всѣ они происходятъ отъ одного дикаго вида, и что, слѣдовательно, человѣкъ въ нѣкоторомъ смыслѣ создалъ эти замѣчательныя измѣненія. Въ виду этого, я и разсмотрѣлъ вопросъ объ ихъ происхожденіи съ такою полностью, которую, быть можетъ, нѣкоторые сочтутъ излишнею.

Наконецъ, въ пользу мнѣнія, что всѣ породы происходятъ отъ одного вида, говоритъ и то обстоятельство, что въ горномъ голубѣ мы имѣемъ видъ, нынѣ существующій и широко распространенный. Онъ можетъ быть прирученъ и дѣйствительно былъ одомашненъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Этотъ видъ сходенъ по большинству частностей своего строенія, по всему своему образу жизни; а иногда даже по всѣмъ деталямъ своего оперенія, съ различными домашними породами. Онъ свободно скрещивается съ ними и производитъ плодовитое потомство. Онъ измѣнчивъ въ естественномъ состояніи, и еще болѣе въ полуодомашненномъ, что видно при сравненіи Сіерра-Леонскихъ голубей съ индійскими или съ тѣми, которые, очевидно, одичали на о. Мадейрѣ. Онъ претерпѣлъ еще болѣе значительныя измѣненія въ многочисленныхъ цвѣтныхъ голубяхъ, которыхъ никто, однако, не считаетъ происшедшими отъ различныхъ видовъ; между тѣмъ, нѣкоторые изъ нихъ передаютъ свои признаки съ полнымъ постоянствомъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Итакъ, почему же должны мы сомнѣваться въ возможности накопленія еще большихъ измѣненій, необходимыхъ для возникновенія одинадцати главныхъ породъ? Должно напомнить, что для двухъ наиболѣе рѣзко выраженныхъ породъ, именно у гонцовъ и у коротколицыхъ турмановъ, крайнія формы могутъ быть связаны съ родительскимъ видомъ переходными ступенями, различающимися не сильнѣе, чѣмъ наблюдаемые между необлагороженными сизыми голубями различныхъ мѣстностей или между различными сортами цвѣтныхъ голубей,—переходныя формы эти, разумѣется, должны быть объяснены измѣнчивостью.

Теперь мы покажемъ, что обстоятельства были необыкновенно благопріятны для видоизмѣненія голубей путемъ измѣнчивости и подбора. Древнѣйшее упоминаніе о голубѣ въ одомашненномъ состояніи, какъ сообщилъ мнѣ профессоръ Лепсіусъ, относится ко временамъ пятой египетской династіи, приблизительно за 3,000 лѣтъ до Р. Х.; г. Бэрнъ, состоящій при Британскомъ Музеѣ, сообщаетъ мнѣ, однако, что голубь появляется уже въ спискѣ кушаній временъ предыдущей династіи. Домашніе голуби упоминаются въ книгѣ Бытія, въ Левитѣ и въ пророчествахъ Исаіи. У римлянъ, какъ мы узнаемъ отъ Плинія, платились огромныя суммы за голубей; „дошли даже до того, что высчитываютъ родословную голубей и ихъ породу“. Въ Индіи, около 1600 года, голуби были въ большомъ почетѣ у Акберъ-хана: 20,000 птицъ перевозились вмѣстѣ со дворомъ, и купцы доставляли ко двору цѣнныя коллекціи ихъ. „Монархъ Ирана и Турана прислалъ ему нѣкоторыя весьма рѣдкія породы“. „Его величество,—говоритъ придворный историкъ,—удивительно усовершенствовалъ ихъ, путемъ скрещиванія породъ,—способъ, никогда не примѣнявшійся ранѣе“. У Акберъ-хана было семнадцать отдѣльныхъ породъ, изъ которыхъ восемь цѣнились лишь за свою красоту. Приблизительно въ это же время, около 1600 года, голландцы, по словамъ Альдрованди, столь же ревностно

занимались голубями, какъ ранѣе римляне. Породы, которыя въ теченіе пятнадцатаго столѣтія держались въ Европѣ и въ Индіи, повидимому различались между собою. Тавернье въ своемъ путешествіи въ 1677 году, а также Шардэнъ въ 1735 году, упоминаютъ о громадномъ количествѣ голубятенъ въ Персіи, и первый изъ нихъ замѣчаетъ, что такъ какъ христіанамъ не дозволено держать голубей, то многіе изъ простонародья, исключительно по одной этой причинѣ, обратились въ магометанство. У императора Марокскаго былъ, какъ упоминаетъ Мооръ въ своемъ трактатѣ, опубликованномъ въ 1737 году, любимый смотритель за голубями. Въ Англіи со временъ Уиллоуби до настоящаго времени, равно какъ и въ Германіи и Франціи, было издано множество трактатовъ о голубѣ. Въ Индіи уже около ста лѣтъ тому назадъ былъ написанъ трактатъ на персидскомъ языкѣ, и авторъ, очевидно, считалъ его не пустымъ дѣломъ. такъ какъ начинаетъ съ торжественнаго воззванія, „во имя Бога милосерднаго и многомилостиваго“. Въ настоящее время во многихъ большихъ городахъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ существуютъ общества преданныхъ своему дѣлу любителей: въ Лондонѣ теперь три такихъ общества. Въ Индіи, какъ я узналъ отъ г. Блайта, жители Дели и многихъ другихъ большихъ городовъ страстные любители. Г. Лейардъ сообщаетъ мнѣ, что большинство извѣстныхъ породъ разводится на о. Цейлонѣ. Въ Китаѣ, по словамъ Суинго, изъ Амоя, и д-ра Локгарда изъ Шанхая, гонцы, трубастые, турманы и другія разновидности тщательно разводятся преимущественно бонзами или священниками. Китайцы прикрѣпляютъ къ хвостовымъ перьямъ своихъ голубей особаго рода свистки, такъ что когда цѣлая стая птицъ описываетъ круги въ воздухѣ, то онѣ производятъ пріятный звукъ. Въ Египтѣ Аббасъ-паша былъ большимъ любителемъ трубастыхъ. Много голубей содержится также въ Каирѣ и въ Константинополѣ, и недавно они, какъ я слышалъ отъ сэра В. Элліота, были привезены туземными купцами въ южную Индію и проданы тамъ по высокой цѣнѣ.

Изъ предшествующихъ указаній видно, какъ многочисленны страны, гдѣ разводятъ голубей, и какъ продолжителенъ періодъ, въ теченіе котораго множество людей страстно было предано дѣлу этого разведенія. Послушайте, что пишетъ въ настоящее время восторженный любитель: „Если бы всѣ лорды и джентльмены могли знать, какое огромное утѣшеніе и удовольствіе получается отъ пестрыхъ (миндальныхъ) турмановъ, когда въ нихъ начинаютъ сказываться ихъ особенности, то, по моему мнѣнію, врядъ-ли хоть одинъ лордъ или джентльменъ могъ бы существовать безъ голубятни съ пестрыми турманами“. Удовольствіе, получаемое при этомъ, имѣетъ выдающееся значеніе, такъ какъ оно заставляетъ любителей отмѣчать и сохранять каждое малѣйшее отклоненіе въ строеніи, которое удовлетворяетъ ихъ прихоти. Голуби часто въ теченіе всей своей жизни держатся въ строгой неволѣ

они не получаютъ соотвѣтствующей ихъ природѣ разнообразной пищи; они часто переносились изъ одного климата въ другой; всѣ эти измѣненія въ условіяхъ существованія способны вызвать измѣнчивость. Голуби приручены около 5,000 лѣтъ тому назадъ и держались въ различныхъ мѣстностяхъ, такъ что число голубей, выращенныхъ въ домашнемъ состояніи, должно было быть громаднымъ,—это опять обстоятельство высокаго значенія, такъ какъ оно увеличиваетъ вѣроятность случайнаго появленія рѣдкихъ отклоненій строенія. Незначительныя измѣненія всевозможныхъ родовъ навѣрное подмѣчались, и если бы они того стоили, могли бы быть сохранены и продолжены съ необыкновенной легкостью, благодаря нижеслѣдующимъ обстоятельствамъ. Голуби, въ отличіе отъ другихъ домашнихъ животныхъ, могутъ быть легко спариваемы на всю жизнь, и если даже ихъ держать съ другими голубями, то и тогда они рѣдко измѣняютъ другъ другу. Если даже самецъ нарушитъ свой брачный обѣтъ, все же онъ покидаетъ свою самку не навсегда. Я воспитывалъ въ однихъ и тѣхъ же птичникахъ множество голубей различныхъ породъ и никогда не получалъ ни одной птицы не чистой породы. Такимъ образомъ, любитель можетъ съ величайшею легкостью выбирать и спаривать своихъ птицъ. Онъ также видитъ скоро результаты своихъ заботъ, такъ какъ голуби размножаются съ необычайной быстротою. Онъ можетъ свободно выключать птицъ низшаго достоинства, такъ какъ въ молодомъ возрастѣ онѣ доставляютъ превосходную пищу.

Изъ этихъ историческихъ подробностей мы видимъ, что почти всѣ главныя домашнія породы голубей существовали еще до 1600 года. Нѣкоторыя, замѣчательныя лишь по своей окраскѣ, были, повидимому, тожественны съ теперешними породами, другія были почти одинаковыми, третьи значительно отличались, и нѣкоторыя съ того времени вымерли. Однѣ изъ породъ, какъ, напримѣръ, финникины и вертуны, ласточко-хвостый голубь Бехштейна и кармелитъ, произошли и изчезли, повидимому, въ теченіе того же періода. Каждому, кто въ наше время посѣтитъ богато-населенную англійскую голубятню, бросятся въ глаза, какъ наиболѣе рѣзко выраженныя породы, массивный чистый голубь, гонецъ съ его замѣчательно вытянутымъ въ длину клювомъ и большими наростами, польскій голубь съ короткимъ и широкимъ клювомъ и наростами вокругъ глазъ, коротколицый турманъ съ небольшимъ коническимъ клювомъ, дутышъ съ большимъ зобомъ, длинными лапами и тѣломъ, трубастый съ приподнятымъ и сильно расширеннымъ, богатыми перьями хвостомъ, голубь-чайка съ манишкой и тупымъ, коротеимъ клювомъ, и якобинецъ съ капюшономъ. Еслибы, однако, тотъ же зритель могъ посмотрѣть на голубей, разводившихся до 1600 года Акберъ-Ханомъ въ Индіи и Альдрованди въ Европѣ, то увидѣлъ бы якобинца съ менѣе совершеннымъ капюшономъ, голубя-чайку, вѣроятно, безъ воротничка, дутыша—съ болѣе короткими лапами и вообще менѣе замѣчатель-

наго,—если только дутышъ Альдрованди походилъ на прежнюю германскую породу; трубастый голубь, вѣроятно, не имѣлъ столь странной наружности и имѣлъ менѣе перьевъ въ хвостѣ. Этотъ наблюдатель увидѣлъ бы тогда превосходно летающихъ турмановъ, но напрасно сталъ бы искать такихъ замѣчательныхъ коротколицыхъ породъ; онъ замѣтилъ бы птицъ, родственныхъ польскимъ голубямъ: но въ высшей степени сомнительно, чтобы тамъ встрѣтились наши теперешніе польскіе; наконецъ, тамъ нашлись бы гонцы съ клювами и наростами, несравненно менѣе развитыми, чѣмъ у нашихъ англійскихъ гонцовъ. Зритель этотъ могъ бы распредѣлить большую часть породъ на такія же группы, какъ и теперь, но различія между этими группами были бы не такъ рѣзко выражены, какъ въ настоящее время. Короче, нѣкоторыя породы въ этотъ первоначальный періодъ еще не уклонились въ такой степени, какъ теперь, отъ своей общей родоначальной формы, дикаго горнаго голубя.

Способъ образованія главныхъ породъ.

Мы разсмотримъ теперь ближе тѣ вѣроятныя стадіи, чрезъ которыя прошли главныя породы при своемъ образованіи. Пока голуби содержатся на голубятняхъ въ полуручномъ состояніи, на мѣстѣ ихъ родины, и пока не заботятся о подборѣ ихъ и спариваніи, до тѣхъ поръ они подвержены лишь немного большей измѣнчивости, чѣмъ дикіе голуби: именно, крылья ихъ получаютъ черную узорчатость, гузка становится сизой и бѣлой, и величина тѣла колеблется. Если, однако, необлагороженныя породы голубей переводятся въ различныя другія страны, напр. въ Сіерру-Леоне, на Малайскій архипелагъ, на о. Мадеру, то они ставятся въ новыя условія существованія, и, повидимому, въ связи съ этимъ, измѣняются въ значительно большей степени. Если ихъ держать въ тѣсномъ заключеніи, либо изъ удовольствія наблюдать за ними, либо съ цѣлью воспрепятствовать имъ улетѣть, то и въ своемъ родномъ климатѣ они ставятся въ условія значительно отличающіяся: они не могутъ получать разнообразной въ естественномъ состояніи пищи, и, что, по всей вѣроятности, еще важнѣе, они усиленно откармливаются, не будучи въ то же время принуждены производить болѣе движеній. При этихъ условіяхъ, по аналогіи съ остальными домашними животными, мы можемъ ожидать встрѣтить гораздо болѣе сильную индивидуальную измѣнчивость, чѣмъ у дикаго голубя, что и подтверждается на самомъ дѣлѣ. Недостатокъ упражненія, очевидно, ведетъ къ уменьшенію величины ногъ и органовъ полета, а, по закону соотношенія роста, это, повидимому, отражается и на клювѣ. Основываясь на томъ, что случается въ нашихъ птичникахъ и въ настоящее время, мы можемъ заключить, что въ теченіе многихъ столѣтій, протекшихъ со времени первоначальнаго прирученія голубя, встрѣчались чрезъ боль-

шіе промежутки времени такія внезапныя видоизмѣненія или являлась такая „игра природы“ (sports), каково, напр., появленіе хохолка изъ перьевъ на головѣ, появленіе оперенныхъ ногъ, новаго оттѣнка окраски, добавочныхъ перьевъ въ хвостѣ или въ крылѣ и т. п. Въ настоящее время подобныя внезапныя уклоненія обыкновенно отбрасываются, какъ недоброкачественныя, а при самомъ разведеніи голубей соблюдается такая строгая тайна, что если бы какая либо цѣнная „игра природы“ и появилась, то происхожденіе ея было бы обыкновенно скрыто. Ранѣе послѣднихъ полутораста лѣтъ врядъ-ли существуетъ примѣръ описанія исторіи происхожденія какой-либо подобной „игры природы“. Отсюда, однако, далеко не слѣдуетъ, чтобы въ прежнія времена, когда голуби представляли значительно меньшую измѣнчивость, такія внезапныя уклоненія также отбрасывались. Мы не имѣемъ рѣшительно никакого понятія о причинахъ каждаго такого неожиданнаго и, повидимому, внезапнаго измѣненія,—равно какъ и о причинахъ безчисленнаго количества оттѣнковъ измѣнчивости между птицами одного и того же семейства. Однако, въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, что, повидимому, всѣ подобныя измѣненія представляютъ изъ себя косвенный результатъ измѣненій различнаго рода въ условіяхъ существованія.

Итакъ, у голубей, послѣ продолжительнаго существованія въ домашнемъ состояніи, мы можемъ ожидать появленія большей индивидуальной измѣнчивости и случайнаго возникновенія внезапныхъ измѣненій, равно какъ и легкихъ измѣненій, происходящихъ отъ недостаточнаго упражненія извѣстныхъ частей организма и отъ дѣйствія закона „соотношенія роста“. Однако, безъ подбора результаты всего этого были бы ничтожны или совершенно бы отсутствовали, такъ какъ безъ его помощи всевозможныя различія исчезали бы вслѣдствіе двухъ нижеслѣдующихъ причинъ. Въ здоровой и сильной стаѣ голубей значительно большее количество птенцовъ убивается человѣкомъ и идетъ въ пищу или умираетъ собственной смертью, нежели доживаетъ до зрѣлаго возраста; такимъ образомъ, особь, имѣющая какую-либо особенность, если бы эта разновидность не подбиралась человѣкомъ, имѣла бы много шансовъ погибнуть,—если же бы она не погибла, то данная особенность почти навѣрное уничтожилась бы, благодаря совершенно свободному скрещиванію. Тѣмъ не менѣе, возможно, что одно и то же измѣненіе случайнымъ образомъ встрѣчалось очень часто, въ зависимости отъ особыхъ и однообразныхъ условій существованія, и въ этомъ случаѣ оно можетъ сохраниться независимо отъ подбора. Однако, если подборъ выступаетъ на сцену, то все измѣняется, такъ какъ онъ представляетъ изъ себя краеугольный камень при образованіи новыхъ породъ; что касается голубя, какъ мы уже видѣли, обстоятельства были особенно благопріятны для подбора. Если птица, представляющая какую-либо бросающуюся въ глаза измѣнчивость, сохранялась, а потомки ея подбирались,

тщательно спаривались, опять размножались, и все это продолжалось въ теченіе многихъ послѣдовательнымъ поколѣній, то въ этомъ случаѣ значеніе указаннаго принципа настолько очевидно, что нечего и говорить о немъ. Подобный подборъ можетъ быть названъ *методическимъ*, такъ какъ любитель имѣетъ въ виду опредѣленную цѣль, именно,—сохраненіе нѣкоторыхъ признаковъ, въ дѣйствительности появившихся, или же созданіе какихъ-либо улучшеній, уже начертанныхъ имъ въ воображеніи.

Другая форма подбора едва отмѣчена авторами, разсматривавшими данный предметъ, но представляетъ еще большую важность. Форма эта можетъ быть названа *безсознательнымъ подборомъ*, такъ какъ любитель подбираетъ своихъ птицъ безсознательно, безъ опредѣленнаго намѣренія и метода, но все же этимъ достигаются навѣрное, хотя и медленно, важные результаты. Я говорю здѣсь о результатахъ, которые получаются вслѣдствіе того, что каждый любитель первоначально пріобрѣтаетъ и затѣмъ воспитываетъ самыхъ лучшихъ птицъ, какихъ только можетъ, при своемъ умѣніи и сообразно съ существующимъ мѣриломъ преевосходства голубей въ данное время. Онъ не желаетъ вовсе измѣнить свою породу опредѣленнымъ образомъ не заглядываетъ въ отдаленное будущее и не думаетъ о конечномъ результатѣ постепеннаго накопленія, легкихъ уклоненій въ теченіе многихъ поколѣній онъ доволенъ, если обладаетъ хорошими голубями, и еще болѣе доволенъ, если можетъ превзойти своихъ соперниковъ. Любитель, во времена Альдрованди, восхищался въ 1600 г. своими якобинскими голубями, дутышами или гонцами и совсѣмъ не думалъ о томъ, каковы будутъ ихъ потомки въ 1860 г.; онъ былъ бы очень изумленъ, если бы увидалъ нашихъ якобинцевъ, нашихъ улучшенныхъ гонцовъ и нашихъ дутышей; онъ, вѣроятно, отрицалъ бы, что они являются потомками тѣхъ голубей, которыми онъ самъ когда-то любовался, и, быть можетъ, не оцѣнилъ бы ихъ высоко, по той причинѣ, которая приводилась еще въ 1765 г., именно „что они не похожи совсѣмъ на то, что считалось хорошимъ, когда было въ модѣ“. Никто не припишетъ происхожденіе удлиненнаго клюва гонца, укороченнаго клюва коротколицаго турмана, удлиненной ноги дутыша, болѣе полно обхватывающаго капюшона якобинца и т. п.— а все это признаки, возникшіе со временъ Альдрованди или даже въ теченіе еще болѣе поздняго періода,—прямому или косвенному вліянію условій существованія, такъ какъ эти различныя породы видоизмѣнились по различнымъ, и даже по діаметрально противоположнымъ путямъ, хотя и находились въ одномъ и томъ же климатѣ и были окружены во всѣхъ отношеніяхъ, насколько возможно, одинаковыми условіями. Несомнѣнно, что каждое легкое измѣненіе въ длинѣ клюва, въ длинѣ ноги и т. п. обусловливается косвеннымъ и отдаленнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ условіяхъ, въ которыхъ находилась птица; однако, конечный результатъ, какъ это ясно въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ

имѣются историческія данныя, мы должны приписать продолжительному подбору и накопленію множества легкихъ, послѣдовательныхъ измѣненій.

Вліяніе безсознательнаго подбора, поскольку это касается голубей, зависитъ отъ свойства, общаго человѣческой природѣ, именно отъ нашего соревнованія и отъ желанія превзойти нашихъ ближнихъ. Мы видимъ это въ любой быстро преходящей модѣ, даже въ нашемъ платьѣ, и это заставляетъ любителя стремиться къ усиленію каждой особенности въ своихъ породахъ голубей до крайней степени. Одинъ изъ крупныхъ авторитетовъ говоритъ: „любители не удивляются и не желаютъ удивляться какому-либо качеству средняго достоинства, т. е. ни рыба, ни мясо, ни то, ни сё; они восхищаются лишь крайностями". Замѣчая, что любитель коротколицыхъ бородатыхъ турмановъ желаетъ получить очень короткій клювъ, а любитель длинныхъ бородатыхъ турмановъ желаетъ длиннаго клюва, авторъ говоритъ о средней длинѣ слѣдующее: „При этомъ не должно вводить себя въ заблужденіе. Развѣ вы можете допустить, чтобы любитель коротколицыхъ или длиннолицыхъ принялъ бы такую птицу въ подарокъ? Разумѣется, нѣтъ; любитель коротколицыхъ не счелъ бы ее красивой, любитель же длиннолицыхъ побожился бы, что она совсѣмъ никуда не годится, и т. д.". Въ этихъ комическихъ тирадахъ, написанныхъ совершенно серьезно, мы видимъ проявленіе принципа, который всегда руководилъ любителями и повелъ къ такимъ значительнымъ измѣненіямъ во всѣхъ домашнихъ породахъ, цѣнившихся исключительно за свою красоту и оригинальность.

Мода въ дѣлѣ разведенія голубей остается одинаковой въ теченіе долгихъ періодовъ; мы не можемъ измѣнить строенія птицы такъ быстро, какъ измѣняемъ фасонъ нашего платья. Безъ сомнѣнія, дутышъ во времена Альдрованди цѣнился тѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе могъ онъ раздувать свой зобъ, такъ же, какъ и теперь. Тѣмъ не менѣе, моды измѣняются до нѣкоторой степени; сперва стремятся достичь какой-либо одной стороны строенія, позднѣе—другой, или же различныя породы, въ различныя времена и въ разныхъ странахъ, цѣнятся въ различной степени. Только что упомянутый нами авторъ замѣчаетъ: „въ модѣ наблюдаются приливы и отливы; порядочный любитель въ наше время никогда не снизойдетъ до разведенія цвѣтныхъ птицъ",—теперь же какъ разъ эти „цвѣтныя птицы" особенно тщательно разводятся въ Германіи. Породы, которыя въ настоящее время высоко цѣнятся въ Индіи, считаются ничего не стоющими въ Англіи. Нѣтъ сомнѣнія, что если породы оставляются въ пренебреженіи, то онѣ начинаютъ вырождаться, однако все же мы можемъ принять, что до тѣхъ поръ, пока онѣ находятся при прежнихъ условіяхъ существованія, признаки, добытые нѣкогда, удерживаются, по крайней мѣрѣ отчасти, въ те-

ченіе долгаго времени и могутъ явиться исходной точкой для дальнѣйшаго подбора.

Противъ этого взгляда на вліяніе безсознательнаго подбора нельзя возразить, что любители не замѣчаютъ чрезвычайно легкихъ измѣненій и не заботятся о нихъ. Только тотъ, кто бывалъ въ общеніи съ любителями, можетъ вполнѣ оцѣнить ихъ большую способность различенія, пріобрѣтенную долгой практикой, и ту заботливость и количество труда, которыя они затрачиваютъ на своихъ птицъ. Я зналъ одного любителя, вполнѣ обдуманно изучавшаго день за днемъ своихъ птицъ, чтобы рѣшить, которыхъ изъ нихъ слѣдуетъ спаривать и которыхъ—отвергнуть. Посмотрите, какимъ труднымъ казалось это дѣло одному изъ наиболѣе выдающихся и опытныхъ любителей. Г. Итонъ, получившій множество призовъ, говоритъ: „Я желалъ бы васъ особенно предостеречь отъ ошибки, заводить слишкомъ много различныхъ породъ, такъ какъ иначе вы будете знать кое-что относительно всѣхъ породъ и не будетъ знать такъ много относительно каждой изъ нихъ, какъ вы должны были бы“. „Возможно, что существуетъ нѣсколько любителей, которые имѣютъ хорошія общія свѣдѣнія о многихъ породахъ голубей; большинство, однако, лишь воображаетъ, что знаетъ то, чего въ дѣйствительности не знаетъ“. Говоря исключительно объ одной подпородѣ, именно, о коротколицомъ пестромъ (миндальномъ) турманѣ, и замѣтивъ, что нѣкоторые любители жертвуютъ рѣшительно всѣми другими качествами, чтобы получить хорошую голову или клювъ, тогда какъ другіе любители жертвуютъ всѣмъ для оперенія, онъ продолжаетъ: „нѣкоторые молодые слишкомъ рьяные любители гонятся сразу за всѣми качествами и въ награду за то не получаютъ ни одного“. Въ Индіи, какъ я слышалъ отъ г. Блайта, голуби также подбираются и спариваются съ большою заботливостью. Мы не должны судить о томъ, какія незначительныя уклоненія отъ существующихъ разновидностей, цѣнились бы въ прежнія времена, основываясь на отличіяхъ, цѣнящихся теперь. Въ наше время мѣрило измѣнилось, послѣ образованія столь многихъ породъ, изъ которыхъ каждая представляетъ изъ себя верхъ совершенства и удерживается на одинаковомъ уровнѣ, благодаря нашимъ многочисленнымъ выставкамъ. Честолюбіе наиболѣе энергичныхъ любителей можетъ быть вполнѣ удовлетворено трудностью превзойти другихъ любителей качествами уже установившихся породъ, а не выведеніемъ новыхъ формъ.

По отношенію къ могуществу подбора, читателю, быть можетъ, уже представилась одна трудность, а именно, вопросъ, что могло первоначально побудить любителей стремиться къ произведенію такихъ странныхъ породъ, каковы дутыши, трубастые, гонцы и т. д.? Однако, какъ разъ эту-то трудность и устраняетъ принципъ безсознательнаго подбора. Безъ сомнѣнія, ни одинъ любитель не могъ никогда сдѣлать преднамѣренно подобной попытки.

Все, что намъ приходится предположить, — это слѣдующее: нѣкогда появилось случайно измѣненіе, достаточно выраженное, чтобы остановить на себѣ зоркій глазъ какого-либо прежняго любителя, и тогда безсознательный подборъ, въ теченіе многихъ поколѣній, т. е. желаніе позднѣйшихъ любителей превзойти своихъ соперниковъ сдѣлало все остальное. По отношенію къ трубастому голубю мы можемъ предположить, что первый родоначальникъ этой породы обладалъ слегка приподнятымъ хвостомъ, какъ это можно наблюдать въ настоящее время у нѣкоторыхъ чистыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько большимъ количествомъ хвостовыхъ перьевъ, какъ это теперь встрѣчается случайно у монахинь. Относительно дутыша возможно предположеніе, что нѣкоторыя птицы раздували свой зобъ немного сильнѣе, чѣмъ другіе голуби, какъ это теперь, хотя и въ слабой степени, имѣетъ мѣсто у голубя-чайки. Мы не знаемъ происхожденія обыкновеннаго турмана, но можемъ предположить, что родилась птица съ какимъ-либо пораженіемъ мозга, вслѣдствіе котораго она кувыркалась въ воздухѣ; къ тому же до 1600 г. голуби, замѣчательные по различному способу своего полета, сильно цѣнились въ Индіи и тщательно выращивались и разводились по повелѣнію императора Акберъ-хана.

Въ предыдущихъ случаяхъ мы предполагали, что сперва появляется внезапное измѣненіе, достаточно замѣтное, чтобы остановить на себѣ глазъ любителя; однако, и эта степень внезапности въ процессѣ измѣнчивости не является необходимой для образованія новой породы. Если одна и та же порода голубей разводится вполнѣ чистою въ теченіе продолжительнаго періода двумя или большимъ количествомъ любителей, то часто можно замѣтить небольшія различія между такими отдѣльными племенами. Такъ я видѣлъ перворазрядныхъ якобинцевъ, находившихся во владѣніи одного лица, которые несомнѣнно немного отличались нѣкоторыми признаками отъ такихъ же якобинцевъ другого любителя. У меня самого было нѣсколько превосходныхъ польскихъ голубей, происшедшихъ отъ пары, которая получила призъ, и еще нѣсколько, происшедшихъ отъ породы, которую разводилъ ранѣе знаменитый любитель сэръ Джонъ Сибрайтъ. Обѣ эти семьи явственно отличались по формѣ своего клюва, но различія были такъ незначительны, что врядъ ли могутъ быть переданы словами. Далѣе, обыкновенный англійскій и обыкновенный голландскій турманъ различаются между собою въ нѣсколько большей степени по длинѣ клюва и формѣ головы. Появленіе такихъ небольшихъ уклоненій въ такой же степени не поддается объясненію, какъ и вопросъ, почему у одного человѣка носъ длиннѣе, у другого короче. Подобныя различія весьма обыкновенны между отдѣльными племенами голубей, разводимыми долгое время различными любителями, и они не могутъ быть объяснены допущеніемъ различія птицъ, первоначально выбранныхъ для разведенія, — различія, настолько же значительнаго, какъ между теперешними

птицами. Объясненіе, несомнѣнно, состоитъ въ томъ, что подборъ, примѣняемый въ каждомъ данномъ случаѣ, нѣсколько различается, такъ какъ нѣтъ двухъ любителей, которые имѣли бы совершенно тожественный вкусъ, и, слѣдовательно, оба любителя, при выборѣ и тщательномъ спариваніи своихъ птицъ, предпочитаютъ и избираютъ далеко не одно и то же. Въ виду того, что каждый, естественнымъ образомъ, ставитъ наиболѣе высоко своихъ собственныхъ птицъ, онъ и продолжаетъ непрерывно усиливать, путемъ подбора, тѣ легкія особенности, которыя у него могутъ оказаться. Это особенно легко можетъ встрѣтиться у любителей, живущихъ въ различныхъ странахъ, которые не въ состояніи сравнить своихъ голубей или довести ихъ до одинаковой степени совершенства. Такимъ образомъ, какъ только образовалось такое племя голубей, безсознательный подборъ безпрестанно стремится увеличить накопившееся различіе и превращаетъ племя въ подпороду и, наконецъ, эту послѣднюю—въ хорошо выраженную породу или расу.

Мы никогда не должны терять изъ виду принципа „соотношенія роста". Большинство голубей обладаютъ небольшими ногами, что, очевидно, обусловливается уменьшеніемъ ихъ употребленія. и, клювъ ихъ, по „соотношенію роста", какъ кажется, также уменьшился въ длину. Клювъ—органъ, бросающійся въ глаза, и какъ только онъ станетъ замѣтно короче, любители почти навѣрно будутъ стараться укоротить его еще болѣе путемъ послѣдовательнаго подбора птицъ съ самыми короткими клювами; въ то же время другіе любители, (что, какъ мы знаемъ, происходило и въ дѣйствительности), будутъ стараться, въ другихъ подпородахъ, увеличить длину клюва. Съ увеличеніемъ длины клюва удлиняется значительно и языкъ, такъ же какъ при усиленномъ развитіи бородавчатыхъ наростовъ вокругъ глазъ, увеличиваются и вѣки; съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ длины ногъ измѣняется число покрывающихъ ихъ щитковъ; длина крыла вліяетъ на число маховыхъ перьевъ перваго ряда, а у дутыша съ увеличеніемъ длины тѣла возрастаетъ количество крестцовыхъ позвонковъ. Эти важныя различія въ строеніи, находящіяся между собой въ соотношеніи, не характеризуютъ исключительно какую-либо одну породу, но если бы на нихъ обращалось вниманіе, и они подбирались съ такою заботливостью, какъ сильнѣе бросающіяся въ глаза внѣшнія различія, то врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что они сдѣлались бы вполнѣ постоянными. Любители, навѣрное, могли бы произвести породу турмановъ съ девятью, вмѣсто десяти, маховыхъ перьевъ перваго ряда, судя по тому, какъ часто это число ихъ появляется безо всякаго желанія со стороны любителей и даже противъ ихъ желанія у разновидностей съ бѣлыми крыльями. Сходнымъ образомъ, еслибы видны были позвонки, и на нихъ обращалось бы вниманіе любителей, безъ сомнѣнія, у дутыша не трудно было бы добиться появленія добавочнаго количества ихъ.

Если бы этотъ послѣдній признакъ сдѣлался постояннымъ, мы никогда бы и не заподозрили, что онъ сперва былъ въ высшей степени измѣнчивъ, или что онъ возникъ, благодаря соотношенію роста, въ одномъ случаѣ—съ короткостью крыльевъ, въ другомъ же—съ длиною тѣла.

Для того, чтобы понять, какимъ образомъ главныя домашнія породы сдѣлались явственно различающимися между собою, важно имѣть въ виду, что любители постоянно стремятся выводить лучшихъ птицъ и, слѣдовательно, что птицы, которыя оказываются въ каждомъ поколѣніи низшими по искомымъ качествамъ, оставляются безъ вниманія; такимъ образомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, недостаточно улучшенныя птицы и многія, образовавшіяся позднѣе промежуточныя формы вымираютъ. Это и случилось съ дутышемъ, голубемъ-чайкой и трубачемъ, такъ какъ высоко усовершенствованныя породы эти не представляютъ въ настоящее время никакихъ звеньевъ, которыя соединяли бы ихъ тѣсно между собою, или съ первоначальнымъ дикимъ горнымъ голубемъ. Въ другихъ странахъ, однако, гдѣ не прилагалось такой тщательности при разведеніи голубей, или гдѣ не господствовало той же моды, первоначальныя формы могли долгое время оставаться неизмѣненными или измѣненными лишь въ незначительной степени, и, такимъ образомъ, мы имѣемъ иногда возможность открыть связующія звенья. Это мы находимъ въ Персіи и Индіи, по отношенію къ турману и гонцу, которые отличаются тамъ незначительно отъ дикаго полевого голубя по размѣрамъ своихъ клювовъ. Точно также на о. Явѣ у трубастаго голубя имѣется иногда въ хвостѣ лишь 14 хвостовыхъ перьевъ, и хвостъ его не такъ сильно приподнятъ и расширенъ, какъ у нашихъ улучшенныхъ птицъ, такъ что явскій голубь является связующей формой между первоклассным трубастымъ и дикимъ горнымъ голубемъ.

Случайнымъ образомъ порода можетъ сохраниться, благодаря какому-нибудь особому качеству, почти неизмѣнною въ одной и той же странѣ вмѣстѣ съ ея болѣе сильно измѣненными отвѣтвленіями или подпородами, которыя цѣнятся за какую-либо другую особенность. Мы видимъ это, напримѣръ. въ Англіи, гдѣ обыкновенный турманъ, цѣнимый лишь за свой полетъ, не сильно отличается отъ своей первоначальной формы восточнаго турмана, тогда какъ коротколицый турманъ, цѣнимый не за полетъ, но за другія свои качества, измѣнился въ невѣроятной степени. Въ Европѣ турманъ, летающій обыкновеннымъ образомъ, уже началъ раздѣляться на мало различающіяся подпороды, каковыми являются обыкновенный англійскій турманъ, голландскій вертунъ, гласговскій домовый турманъ, длиннолицый бородатый турманъ и др. Въ теченіе столѣтій эти подпороды, если моды не сильно измѣнятся, разойдутся между собою сильнѣе, вслѣдствіе медленнаго и незамѣтнаго процесса безсознательнаго подбора, и станутъ

измѣняться все въ большей и въ большей степени. По прошествіи нѣкотораго времени, вполнѣ постепенныя звенья, связующія эти подпороды между собою, утратятся, такъ какъ не будетъ стоить труда поддерживать такое множество промежуточныхъ подразновидностей, и это будетъ представлять большія трудности.

Принципъ расхожденія, совмѣстно съ вымираніемъ множества существовавшихъ первоначально промежуточныхъ формъ, столь важенъ для пониманія происхожденія домашнихъ породъ, равно какъ и происхожденія видовъ въ естественномъ состояніи, что я считаю необходимымъ распространиться объ этомъ предметѣ нѣсколько болѣе. Наша третья главная группа обнимаетъ гонцовъ, польскихъ и чистыхъ голубей, которые между собою ясно родственны, но въ то же время удивительно различны по нѣкоторымъ важнымъ признакамъ. Согласно съ взглядомъ, выраженнымъ въ предыдущей главѣ, эти три породы произошли, вѣроятно, отъ неизвѣстной намъ породы промежуточнаго характера, а эта порода—отъ полевого голубя. Ихъ характерныя различія считаются происшедшими благодаря различнымъ любителямъ, которые въ прежнія времена цѣнили различныя стороны ихъ строенія; эти любители, по своему извѣстному уже намъ пристрастію къ крайностямъ, выводили, нисколько не заботясь о будущемъ, самыхъ лучшихъ птицъ, какихъ только могли,—любители гонцовъ предпочитали длинные клювы съ большими наростами, любители польскихъ—не заботились о клювѣ и наростахъ, но лишь о величинѣ и вѣсѣ тѣла. Этотъ процессъ повелъ за собою запущеніе и окончательное вымираніе болѣе раннихъ, низшихъ по своимъ качествамъ и промежуточныхъ птицъ, и, такимъ образомъ, произошло, что въ Европѣ въ настоящее время эти три породы необыкновенно сильно различаются между собою. На Востокѣ же, гдѣ эти голуби первоначально возникли, мода была иного рода, и мы видимъ тамъ породы, которыя связываютъ въ высшей степени измѣненнаго англійскаго гонца съ горнымъ голубемъ, и другія породы, которыя до нѣкоторой степени связываютъ гонцовъ и чистыхъ. Обращая нашъ взоръ назадъ, къ временамъ Альдрованди, мы находимъ, что въ Европѣ существовали до 1600 г. четыре породы, близко родственныя гонцамъ и польскимъ, которыхъ, однако, компетентные знатоки не могутъ въ настоящее время считать тожественными съ нашими современными польскими и гонцами; мы не можемъ также отожествить чистыхъ голубей Альдрованди съ нашими современными чистыми. Эти четыре породы, навѣрное, не различались между собой такъ сильно, какъ различаются наши теперешніе англійскіе гонцы, польскіе и чистые. Всего этого, однако, мы и могли бы ожидать. Если бы мы могли собрать всѣхъ голубей, жившихъ когда-либо, начиная съ до-римскаго періода и до нашихъ дней, мы были бы въ состояніи соединить ихъ въ извѣстные ряды, расходящіеся въ разныя стороны отъ родоначальнаго горнаго голубя. Каждый рядъ состоялъ бы изъ почти незамѣтныхъ

переходныхъ формъ, случайно прерванныхъ нѣсколько болѣе сильными измѣненіями или выродками, и каждый оканчивался бы одной изъ нашихъ теперешнихъ, сильно видоизмѣненныхъ формъ. Изъ многихъ прежнихъ связующихъ звеньевъ нѣкоторыя оказались бы совершенно вымершими и не оставившими никакихъ слѣдовъ, тогда какъ другія, хотя и вымершія, оказались бы прародителями породъ, существующихъ въ настоящее время.

Какъ мнѣ приходилось слышать, считается страннымъ то обстоятельство, что мы узнаемъ иногда о мѣстномъ или полномъ вымираніи домашнихъ породъ, но никогда ничего не узнаемъ объ ихъ возникновеніи. Какимъ же образомъ, спросятъ меня, могутъ уравновѣшиваться эти потери, и даже болѣе чѣмъ уравновѣшиваться, такъ какъ мы знаемъ по отношенію почти ко всѣмъ домашнимъ породамъ, что онѣ сильно возросли въ числѣ съ римской эпохи? Слѣдуя приведенному выше взгляду, мы можемъ понять это кажущееся противорѣчіе. Вымираніе какой-либо породы въ историческія времена является событіемъ, которое можетъ быть отмѣчено, тогда какъ постепенное и едва замѣтное измѣненіе породъ, путемъ безсознательнаго подбора, зависящее отъ расхожденія между ними въ одной и той же или, что еще болѣе обыкновенно, въ различныхъ странахъ,—причемъ образуются два или большее количество племенъ,—постепенное превращеніе племенъ въ подпороды, а этихъ послѣднихъ—въ рѣзко различающіяся породы,—все это событія, которыя могутъ быть отмѣчены лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Отмираніе дерева, которое достигло гигантскихъ размѣровъ, замѣчается каждымъ, но медленный ростъ меньшихъ деревьевъ и увеличеніе количества ихъ не возбуждаютъ ничьего вниманія

Мы допускаемъ великое могущество подбора и незначительность прямого вліянія перемѣны условій существованія, исключая развѣ того, что отъ этого вліянія зависитъ общая измѣнчивость или пластичность организаціи. Принявъ эти посылки, мы не можемъ считать страннымъ тотъ фактъ, что необлагороженные голуби остались неизмѣненными съ незапамятныхъ временъ, и что нѣкоторые цвѣтные голуби, различающіеся отъ необлагороженныхъ лишь немногимъ, за исключеніемъ цвѣта, сохранили одинъ и тотъ же типъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Дѣло въ томъ, что если бы у одного изъ этихъ цвѣтныхъ голубей явилась однажды какая либо красивая и симметричная окраска,—еслибы, напримѣръ, у пятнистаго голубя получились пятна однороднаго цвѣта на маковкѣ головы, на хвостѣ и на кроющихъ перьяхъ хвоста, тогда какъ остальное тѣло было бы бѣлымъ,—то все же никто не смѣлъ бы стремиться измѣнить или усовершенствовать эти признаки. Съ другой стороны, неудивительно, что въ теченіе того же самаго промежутка времени наши высоко-породистые голуби претерпѣли такое замѣчательное количество измѣненій,—по отношенію къ нимъ желанія любителей не имѣютъ ни-

какихъ опредѣленныхъ предѣловъ, и, въ то же время, нѣтъ предѣловъ для измѣнчивости ихъ признаковъ. Что же можетъ остановить любителя, желающаго придать своему гонцу все болѣе и болѣе длинный клювъ, или своему турману клювъ все болѣе и болѣе короткій? Крайній предѣлъ измѣнчивости клюва, если таковой существуетъ, во всякомъ случаѣ, пока еще не достигнутъ. Не смотря на огромное усовершенствованіе, которому подверглись за послѣднее время коротколицые пестрые (такъ наз. миндальные) турмана, Итонъ замѣчаетъ, что „поле въ такой же степени открыто для новыхъ соревнователей, какъ было сотню лѣтъ тому назадъ",—впрочемъ, это, пожалуй, нѣсколько преувеличенное мнѣніе, такъ какъ птенцы всѣхъ высоко-породистыхъ любительскихъ птицъ въ высокой степени подвержены заболѣваніямъ, и смертность ихъ велика.

Я слышалъ возраженіе, что будто бы образованіе различныхъ домашнихъ породъ голубей не проливаетъ свѣта на происхожденіе дикихъ видовъ семейства голубиныхъ, въ виду того, что различія между послѣдними далеко не того же рода. Домашнія породы, напримѣръ, не различаются между собою или вовсе лишь слабо различаются относительной длиною и формою маховыхъ перьевъ перваго ряда, относительной длиной задняго пальца и образомъ жизни, какова, напр., привычка садиться на деревья и строить на нихъ гнѣзда. Возраженіе это показываетъ, однако, что принципъ подбора былъ совершенно ложно понятъ. Совсѣмъ невѣроятно, чтобы признаки, подбираемые по капризу человѣка, были сходны съ отличительными чертами, сохраняемыми при естественныхъ условіяхъ, либо въ виду того, что они непосредственно чѣмъ-либо полезны данному виду, либо потому, что они стоятъ въ соотношеніи съ другими измѣненными и полезными строеніями. Пока человѣкъ не подбираетъ птицъ, различающихся по относительной длинѣ перьевъ крыла или пальцевъ и т. п., въ этихъ частяхъ нельзя ожидать замѣтныхъ измѣненій. Къ тому же и человѣкъ не можетъ ничего подѣлать, если эти части случайнымъ образомъ не измѣнятся подъ вліяніемъ одомашненія. Я не могу съ положительностью утверждать, что это въ дѣйствительности такъ, хотя я и видѣлъ слѣды подобной измѣнчивости въ перьяхъ крыльевъ и, безъ сомнѣнія, также въ перьяхъ хвоста. Было бы въ высшей степени странно, если бы относительная длина задняго пальца никогда не измѣнялась, принимая во вниманіе, какъ сильно измѣняется нога по величинѣ и по числу щитковъ. По отношенію къ отсутствію у домашнихъ породъ привычки сидѣть и строить гнѣзда на деревьяхъ, является вполнѣ очевиднымъ, что любители никогда не станутъ стараться получить подобныя измѣненія въ привычкахъ; мы видѣли, однако, что въ Египтѣ голуби, не опускающіеся по какимъ-то причинамъ на низкія глиняныя хижины туземцевъ, очевидно были принуждены садиться цѣлыми стаями на деревья. Мы можемъ даже утверждать, что если бы наши домашнія породы

оказались сильно измѣненными въ одномъ изъ вышеуказанныхъ отношеній, и можно бы было доказать, что любители никогда не старались вызвать этихъ измѣненій, и что послѣднія не стояли ни въ какомъ соотношеніи съ какимъ-либо другимъ подбираемымъ признакамъ, то въ такомъ случаѣ объясненіе этого факта, согласно съ изложенными въ настоящей главѣ основаніями, представило бы для насъ серьезныя трудности.

Резюмируемъ теперь вкратцѣ содержаніе двухъ послѣднихъ главъ, посвященныхъ голубямъ. Мы можемъ съ полной увѣренностью заключить, что всѣ домашнія породы, не смотря на ихъ значительное различіе, произошли отъ горнаго голубя, соединяя подъ этимъ названіемъ нѣсколько дикихъ породъ. Различія между этими послѣдними породами не проливаютъ, однако, никакого свѣта на различія, характерныя для домашнихъ породъ. Въ каждой породѣ или подпородѣ отдѣльныя особи болѣе измѣнчивы, чѣмъ птицы въ естественномъ состояніи, и иногда получаютъ внезапныя и рѣзко выраженныя случайныя измѣненія. Такая пластичность организаціи, очевидно, обусловливается измѣненіемъ условій существованія. Неупотребленіе органовъ уменьшило нѣкоторыя части тѣла. Соотношеніе роста такъ тѣсно связываетъ всѣ части организма между собою, что если одна изъ нихъ измѣняется, то въ то же самое время измѣняются и другія. Какъ только образовались извѣстныя породы, то скрещиваніе ихъ помогаетъ прогрессу видоизмѣненія и даже производитъ новыя подпороды. Подобно тому, какъ при возведеніи постройки одни голые камни и кирпичи не имѣютъ большого значенія безъ искусства строителя, такъ и при произведеніи новыхъ породъ господствующее вліяніе принадлежитъ подбору. Путемъ подбора любители могутъ вліять на породу, какъ при помощи чрезвычайно незначительныхъ индивидуальныхъ различій, такъ и при помощи тѣхъ нѣсколько болѣе значительныхъ различій, которыя называются „игрою природы". Подборъ производится методически, если любитель старается улучшить и видоизмѣнить породу, согласно съ предвзятымъ понятіемъ о совершенствѣ, или же онъ дѣйствуетъ не методически и безсознательно, если лишь старается воспитать настолько хорошихъ птицъ, насколько онъ можетъ, безо всякаго предвзятаго намѣренія измѣнить породу. Постепенный ходъ подбора почти неизбѣжно ведетъ къ вырожденію и окончательному вымиранію болѣе раннихъ и менѣе совершенныхъ формъ, равно какъ и множества промежуточныхъ звеньевъ въ каждомъ длинномъ рядѣ голубей, связанныхъ родственными узами. Это-то вымираніе и обусловило появленіе удивительнныхъ различій между большинствомъ нашихъ современныхъ породъ и между ними и родоначальнымъ горнымъ голубемъ.

ГЛАВА VII.

Куры.

Такъ какъ нѣкоторые натуралисты, быть можетъ, не знакомы съ главными породами куръ, то, по моему мнѣнію, будетъ не лишнимъ дать сжатое описаніе этихъ породъ. Судя по всему, что мнѣ приходилось читать и видѣть на экземплярахъ, привезенныхъ изо всѣхъ частей свѣта, я полагаю, что въ Англію ввезены уже всѣ главнѣйшія породы, но многія подпороды, быть можетъ, пока здѣсь и неизвѣстны. Нижеслѣдующее разсужденіе о происхожденіи различныхъ породъ и ихъ характерныхъ отличій не можетъ претендовать на полноту, но все же можетъ представить нѣкоторый интересъ для натуралиста. Дать естественную классификацію породъ, какъ мнѣ кажется, совершенно невозможно въ виду того, что онѣ различаются одна отъ другой въ различной степени и не представляютъ признаковъ, которые были бы подчинены одинъ другому и позволяли бы расположить породы въ группы высшаго и низшаго порядковъ. Всѣ породы, кажется, произошли совершенно независимыми и различными путями отъ одного единственнаго типа. Каждая главная порода обнимаетъ различно окрашенныя подразновидности, изъ которыхъ большинство можетъ давать чистое потомство,—описывать эти подразновидности, однако, было бы излишнимъ. Различныхъ хохлатыхъ куръ я расположилъ въ качествѣ подпородъ польскихъ куръ, однако я сильно сомнѣваюсь въ томъ, насколько такое расположеніе естественно и насколько оно указываетъ на истинное родство или кровную связь. Врядъ-ли возможно обойтись безъ того, чтобы не приписывать большого значенія обыкновенности породы; если бы нѣкоторыя иноземныя породы разводились въ нашей странѣ въ большомъ количествѣ, онѣ, навѣрное, поднялись бы до значенія главныхъ породъ. Многія породы ненормальны по своему общему характеру, т. е. онѣ отличаются нѣкоторыми признаками отъ всѣхъ дикихъ птицъ семейства куриныхъ. Первоначально я пробовалъ раздѣлить породы на нормальныя и ненормальныя, но результатъ оказался совершенно неудовлетворительнымъ.

Главныя породы.

1. Бойцовая порода. Можетъ быть разсматриваема какъ типичная порода, такъ какъ лишь незначительно уклоняется отъ дикой курицы Gallus bankiva, болѣе правильно называемой ferrugineus.
2. Малайская порода.
3. Кохинхинская или шанхайская—китайская.
4. Доркингская—англійская.
5. Испанская (Рис. 30)—средиземно-морскаго происхожденія.
6. Гамбургская.
7. Хохлатая или польская, куда относятся многія подпороды (султанскія, птармиганы, гундукскія, кревъ-керъ, рогатыя, гуданы, гельдерланды).
8. Бантамская.
9. Безхвостая (уродливая порода).
10. Ползуны или прыгуны—съ уродливо-короткими ногами.
11. Курчавыя такъ называемыя каффрскія куры, собственно индійскія.
12. Шелковыя.
13. Золушки (имѣютъ видъ бѣлыхъ куръ, запачканныхъ сажей; индійская порода; кожа и надкостная плева чернаго цвѣта. Такая окраска свойственна только самкамъ).

Изъ этого обзора мы видимъ, что многія породы значительно различаются; онѣ имѣли бы для насъ почти такой же интересъ, какъ и голубиныя, если бы на нихъ въ такой же степени ясно было видно происхожденіе ихъ отъ одного родоначальнаго вида. Большинство любителей предполагаетъ, что онѣ произошли отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ формъ. Священникъ Э. С. Диксонъ защищаетъ сильнѣйшимъ образомъ это мнѣніе, тогда какъ другой любитель даже клевещетъ на противоположное мнѣніе, спрашивая: „Не замѣчаемъ-ли мы здѣсь проникновенія духа вольнодумнаго деиста?“ Большинство натуралистовъ, за исключеніемъ немногихъ, вродѣ Темминка, полагаетъ, что всѣ породы произошли отъ одного вида, но авторитетность въ этомъ дѣлѣ вообще не имѣетъ большого значенія. Куроводы-любители ищутъ во всѣхъ частяхъ свѣта источниковъ, изъ которыхъ могли бы произойти неизвѣстныя имъ родоначальныя формы; при этомъ они совершенно игнорируютъ законы географическаго распредѣленія. Они прекрасно знаютъ, что различныя породы съ большимъ постоянствомъ передаютъ по наслѣдству даже окраску, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряютъ,—какъ мы увидимъ, на очень ненадежномъ основаніи,—что большинство породъ чрезвычайно древни. Значительныя различія между главными породами производятъ на любителей чрезвычайно сильное впечатлѣніе, и они спрашиваютъ, особенно подчеркивая этотъ вопросъ, могутъ ли различія въ климатѣ, въ пищѣ или въ уходѣ произвести столь различныхъ птицъ, какъ огромныя черныя испан-

скія куры, маленькія изящныя бантамскія, тяжеловѣсныя кохинхины, со множествомъ ихъ особенностей, и польскія съ ихъ большимъ хохломъ изъ перьевъ и выпуклымъ черепомъ? Допуская и даже преувеличивая результаты скрещиванія различныхъ породъ, любители не принимаютъ достаточно во вниманіе возможность случайнаго появленія, въ теченіе столѣтій, птицъ съ ненормальными и наслѣдственными особенностями; они упускаютъ изъ виду вліяніе соотношенія роста, продолжительнаго употребленія или неупотребленія частей организма и нѣкоторые непосредственные результаты измѣненія пищи и климата, хотя по отношенію къ этому послѣднему пункту я самъ не нашелъ никакихъ достаточныхъ доказательствъ; наконецъ, всѣ они, насколько мнѣ извѣстно, совершенно оставляютъ безъ вниманія въ высшей степени важное значеніе безсознательнаго и неметодическаго подбора, хотя прекрасно знаютъ, что птицы ихъ представляютъ индивидуальныя различія, и что путемъ подбора лучшихъ птицъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній они могутъ улучшить свои породы.

Одинъ любитель пишетъ слѣдующее: „Уже одно то обстоятельство, что до послѣдняго времени куры обращали на себя лишь очень немного вниманія со стороны любителей и оставались всецѣло въ рукахъ куроводовъ, разводящихъ для рынка, заставляетъ насъ считать невѣроятнымъ, чтобы при разведеніи ихъ соблюдалось то постоянное и неусыпное вниманіе, которое требуется при произведеніи у потомства отъ любой пары птицъ, особенностей, не замѣчающихся у родителей“. На первый взглядъ это кажется справедливымъ; однако, существуетъ множество фактовъ, показывающихъ, что, даже въ древнія времена и у едва цивилизованныхъ племенъ, не только не было тщательное разведеніе, но и практиковался настоящій подборъ. Относительно куръ я не могу привести прямыхъ фактовъ, доказывающихъ примѣненіе подбора въ древности; однако, уже римляне въ началѣ христіанской эры держали шесть или семь породъ, и Колумелла „особенно рекомендуетъ тѣ породы, у которыхъ пять пальцевъ и бѣлыя уши“. Въ XV столѣтіи въ Европѣ было извѣстно много породъ и существовали ихъ описанія, въ Китаѣ же, приблизительно въ то же время, извѣстны по названіямъ семь породъ. Еще болѣе поразительный примѣръ представляетъ намъ въ настоящее время одинъ изъ Филиппинскихъ острововъ, полуварварскіе обитатели котораго имѣютъ отдѣльныя туземныя названія не менѣе чѣмъ для девяти подпородъ бойцовыхъ куръ. Азара, писавшій въ концѣ прошлаго столѣтія, говоритъ, что во внутреннихъ частяхъ Южной Америки (гдѣ я никакъ не могъ бы ожидать проявленія какой-либо заботливости о курахъ) разводится порода съ черною кожею и черными костями, такъ какъ она считается очень плодовитою, а мясо ея признается полезнымъ для больныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый, кто только разводилъ куръ, знаетъ, что совершенно невозможно вывести нѣсколько различныхъ породъ, не прилагая при этомъ самой тщательной за-

ботливости для раздѣленія половъ. Неужели же нельзя допустить, что лица, которыя въ древности и въ полуцивилизованныхъ странахъ прилагали свои старанія къ сохраненію породъ въ чистомъ видѣ и за это цѣнили ихъ, также отъ времени до времени уничтожали птицъ низшаго достоинства и сохраняли своихъ лучшихъ птицъ? Вѣдь только это и требуется допустить. Я нисколько не думаю, чтобы кто-либо въ древности старался создать новую породу или измѣнить старую согласно съ нѣкоторыми идеальными представленіями о совершенствѣ. Всякій, кто разводилъ куръ, желалъ лишь получить и затѣмъ выростить самыхъ лучшихъ птицъ, какихъ только могъ, но такое случайное сохраненіе должно было съ теченіемъ времени измѣнять породу такъ же вѣрно, какъ измѣняетъ въ наши дни методическій подборъ, хотя и далеко не такъ быстро. Достаточно, если только одно лицо изъ сотни, или даже изъ тысячи, прилагало бы старанія къ выведенію своихъ птицъ, такъ какъ птицы, выведенныя имъ, были бы уже усовершенствованнѣе и образовали бы новый рядъ; этотъ рядъ, какъ было объяснено въ предыдущей главѣ, превратился бы затѣмъ, путемъ медленнаго накопленія характерныхъ различій, въ новую подпороду или породу. Нѣкоторыя породы могли также на время оставаться въ пренебреженіи и потому приходить въ упадокъ, но все же онѣ отчасти удерживали свой характеръ и позднѣе могли снова войти въ моду и быть доведены до еще болѣе высокой степени совершенства, чѣмъ ранѣе; это, напримѣръ, случилось еще очень недавно съ польскими курами. Если, впрочемъ, порода находилась въ полномъ запущеніи, то она могла совершенно исчезнуть, какъ это произошло недавно съ одной изъ подпородъ польскихъ куръ. Каждый разъ въ теченіе прошедшихъ столѣтій, какъ появлялась птица съ нѣсколько ненормальнымъ строеніемъ, напримѣръ съ хохломъ на головѣ, какъ у жаворонка, ее навѣрное часто сохраняли, вслѣдствіе той же любви къ новизнѣ, которая заставляетъ многихъ въ Англіи разводить безхвостыхъ куръ, или въ Индіи разводить курчавыхъ. По истеченіи нѣкотораго времени, такое ненормальное явленіе будетъ тщательно сохранено, такъ какъ его будутъ считать признакомъ чистоты и совершенства породы: на основаніи этого-то принципа, римляне и цѣнили 18 вѣковъ тому назадъ пятый палецъ и бѣлую ушную мочку у своихъ куръ.

Итакъ, если принять во вниманіе случайное появленіе ненормальныхъ признаковъ,—хотя и незначительныхъ въ первое время,—вліяніе употребленія и неупотребленія частей организма, быть можетъ, прямое вліяніе измѣненія климата и пищи, соотношеніе роста, случайный возвратъ къ прежнимъ и давно утраченнымъ признакамъ, скрещиваніе породъ, когда ихъ образовалось нѣсколько и, прежде всего, безсознательный подборъ, производимый въ теченіе многихъ поколѣній,—принимая все это во вниманіе, по моему крайнему мнѣнію, не представляется непреодолимыхъ трудностей для допущенія, что всѣ породы произошли изъ одного первона-

чальнаго источника. Можемъ-ли мы назвать какой-либо видъ, который мы имѣли бы основаніе считать родоначальникомъ всѣхъ ихъ? Повидимому, Gallus bankiva вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Я привелъ уже сколь возможно безпристрастный перечень доказательствъ въ пользу множественнаго происхожденія различныхъ породъ. Теперь приведу доказательства въ пользу ихъ общаго происхожденія отъ Gallus bankiva.

Принимая во вниманіе чрезвычайно близкое сходство въ цвѣтѣ, въ общемъ строеніи и особенно въ голосѣ, между Gallus bankiva и бойцовыми курами, ихъ плодовитость при скрещиваніи, насколько она была доказана, возможность прирученія дикихъ видовъ и ихъ измѣнчивость въ дикомъ состояніи, мы можемъ съ увѣренностью смотрѣть на Gallus bankiva, какъ на родоначальника наиболѣе типичной изъ всѣхъ домашнихъ породъ, именно, бойцовыхъ куръ. Весьма многознаменательно то обстоятельство, что почти всѣ натуралисты въ Индіи (именно сэръ В. Элліотъ, С. Н. Уордъ, Лэйардъ, г. I. К. Джердонъ и г. Блайтъ), знакомые съ Gallus bankiva, полагаютъ, что этотъ видъ—родоначальникъ большинства или всѣхъ нашихъ домашнихъ породъ. Однако, если допустить даже, что Gallus bankiva родоначальникъ бойцовыхъ куръ, то все же возможно возраженіе, что другіе дикіе виды были родоначальниками другихъ домашнихъ породъ и что эти виды либо еще существуютъ въ какой-нибудь странѣ, но неизвѣстны, либо вымерли. Но вымираніе многихъ видовъ куръ — гипотеза мало вѣроятная, если принять въ соображеніе, что четыре извѣстныхъ вида не вымерли въ наиболѣе древнихъ и въ наиболѣе густо населенныхъ мѣстностяхъ Востока. Кромѣ того, на самомъ дѣлѣ, не существуетъ другой домашней птицы, у которой дикая родоначальная форма была бы неизвѣстна, т. е. уже вымерла. Никоимъ образомъ не слѣдуетъ для открытія новыхъ, или для отысканія старыхъ видовъ рода искать по всему свѣту, какъ это часто дѣлаютъ любители. Крупныя птицы семейства куриныхъ, какъ замѣчаетъ г. Блайтъ, имѣютъ обыкновенно ограниченную область распространенія: прекрасный примѣръ тому представляетъ Индія, гдѣ родъ Gallus обитаетъ у подножія Гималаевъ, выше слѣдуетъ родъ Gallophasis, а еще выше—фазаны (Phasianus). Объ Австраліи съ ея островами, какъ родинѣ неизвѣстныхъ видовъ этого рода, не можетъ быть и рѣчи. Чтобы родъ Gallus могъ жить въ Южной Америкѣ, невѣроятно въ такой же степени, какъ нахожденіе колибри въ Старомъ Свѣтѣ. Судя по характеру другихъ африканскихъ птицъ изъ семейства куриныхъ, нѣтъ такжени какого вѣроятія, чтобы Gallus былъ африканскимъ родомъ. Намъ нечего обращаться и къ западнымъ частямъ Азіи, такъ какъ Блайтъ и Крауфордъ, внимательно изучившіе этотъ предметъ, сомнѣваются даже въ томъ, чтобы Gallus могъ существовать въ дикомъ состояніи такъ далеко на западъ, какъ Персія, хотя древніе греческіе писатели говорятъ о курахъ, какъ о персидскихъ птицахъ, что, вѣроятно,

указываетъ скорѣе на направленіе, по которому онѣ были ввезены. Для открытія неизвѣстныхъ видовъ мы должны обратиться къ Индіи, къ мѣстностямъ Индокитая и къ сѣверной части Малайскаго архипелага. Страной наиболѣе вѣроятной является южная часть Китая, но г. Блайтъ сообщаетъ мнѣ, что уже въ теченіе долгаго времени изъ Китая вывозятся шкурки птицъ, и что живыя птицы широко распространены тамъ и держатся въ птичникахъ, такъ что туземный видъ рода Gallus былъ бы навѣрное извѣстенъ. Г. Берчъ, состоящій при Британскомъ Музеѣ, перевелъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ китайской энциклопедіи, опубликованной въ 1609 г., но составленной по гораздо болѣе древнимъ документамъ: въ ней сказано, что куры—существа, пришедшія съ запада, и были ввезены на востокъ (т. е. въ Китай) въ эпоху одной изъ династій, царствовавшей за 1400 г. до Р. Х. Что бы мы ни думали о такомъ отдаленномъ времени, мы все же видимъ, что и китайцами въ прежнія времена страны Индокитая и Индіи считались мѣстомъ происхожденія домашнихъ куръ. На основаніи такихъ различныхъ соображеній, при отысканіи видовъ, которые въ прежнія времена были одомашнены, теперь же неизвѣстны въ дикомъ состояніи, мы должны обратиться къ настоящему отечеству даннаго рода, именно, къ юго-восточнымъ частямъ Азіи; впрочемъ, наиболѣе опытные орнитологи не считаютъ вѣроятнымъ, чтобы такіе виды когда-либо были открыты.

При разсмотрѣніи вопроса, произошли-ли домашнія породы отъ одного вида, именно отъ Gallus bankiva, или же отъ нѣсколькихъ, мы не должны упускать изъ виду, хотя и не должны преувеличивать значенія того свидѣтельства, которое доставляетъ намъ ихъ плодовитость. Большинство нашихъ домашнихъ породъ такъ часто скрещивалось и помѣси разводились въ такомъ большомъ количествѣ, что, если бы существовалъ какой-либо признакъ безплодія, онъ былъ бы почти навѣрное открытъ. Съ другой стороны, четыре извѣстныхъ вида рода Gallus при скрещиваніи между собою или при скрещиваніи съ домашними курами (за исключеніемъ Gallus bankiva) производятъ безплодныхъ гибридовъ (ублюдковъ).

Въ концѣ концовъ мы все же не имѣемъ относительно куръ такой полной очевидности происхожденія всѣхъ породъ отъ одного первичнаго вида, какъ относительно голубей. Въ обоихъ случаяхъ доводъ, основанный на плодовитости, имѣетъ значеніе; въ обоихъ случаяхъ невѣроятно, чтобы человѣку удалось въ древности совершенно одомашнить нѣсколько предполагаемыхъ видовъ,—причемъ большинство этихъ видовъ должно было бы быть чрезвычайно ненормальнымъ по сравненію со своими естественными родичами,—и всѣ эти виды въ настоящее время либо неизвѣстны, либо вымерли, не смотря на то, что ни у одной изъ другихъ домашнихъ птицъ родоначальныя формы не утратились такимъ образомъ. Однако, при разысканіи предполагаемыхъ ро-

доначальныхъ формъ у различныхъ породъ голубей, намъ приходилось ограничиваться въ нашихъ поискахъ видами, обладающими нѣкоторыми особенностями въ образѣ жизни; по отношенію же къ курамъ не существуетъ никакихъ сколько-нибудь замѣтныхъ отличій въ ихъ образѣ жизни, по сравненію съ другими птицами изъ семейства куриныхъ. Относительно голубей я показалъ, что какъ чистокровныя птицы любой породы, такъ и потомки при скрещиваніи отдѣльныхъ породъ, часто сходны съ дикимъ горнымъ голубемъ по общей окраскѣ и по нѣкоторымъ характернымъ отмѣтинамъ, или возвращаются къ этому типу. У куръ мы встрѣчаемъ явленія сходнаго характера, хотя и не столь рѣзко выраженныя, къ разсмотрѣнію которыхъ теперь и обратимся.

Возвратъ (реверсія) и аналогичная измѣнчивость. Чистокровныя бойцовыя, малайскія, кохинхины, доркингскія, бантамы и, какъ я слышалъ отъ г. Тегетмейера, также шелковыя куры иногда часто, иногда изрѣдка оказываются почти совершенно тожественными по оперенію съ дикими банкивскими курами (Gallus bankiva). Фактъ этотъ заслуживаетъ большого вниманія, если мы примемъ въ соображеніе, что онѣ принадлежатъ къ породамъ, наиболѣе различнымъ. Куры, окрашенныя такимъ образомъ, носятъ у любителей названіе черногрудыхъ рыжихъ. Гамбургскія куры имѣютъ, собственно говоря, совершенно иное опереніе; тѣмъ не менѣе, г. Тегетмейеръ сообщаетъ, что „наибольшее затрудненіе, представляющееся при выведеніи пѣтуховъ золотисто-блестящей разновидности, заключается въ наклонности ихъ получать черную грудь и рыжую спину“ Пѣтухи бѣлыхъ бантамовъ и бѣлыхъ кохинхинскихъ при достиженіи зрѣлости часто представляютъ желтоватый или шафранный оттѣнокъ, а длинныя шейныя перья (такъ наз. косицы) у черныхъ пѣтуховъ бантамовъ, когда птицы достигнутъ двухъ или трехъ лѣтъ отъ роду, нерѣдко становятся ржавчинными. У этихъ послѣднихъ черныхъ бантамовъ иногда случайно появляются „послѣ линьки крылья мѣднаго цвѣта, или даже рыжія плечи“. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ подобныхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ полную наклонность возвращаться къ цвѣту C. bankiva, даже въ теченіе жизни отдѣльной особи. Относительно испанскихъ, польскихъ, полосатыхъ гамбургскихъ, серебристо-блестящихъ гамбургскихъ и нѣкоторыхъ другихъ менѣе обыкновенныхъ породъ, мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы появлялись черногрудыя рыжія птицы.

Руководясь своими опытами надъ голубями, я произвелъ слѣдующія скрещиванія. Прежде всего я истребилъ всѣхъ моихъ собственныхъ куръ (другихъ куръ по близости отъ моего дома совершенно не было), и затѣмъ добылъ при посредствѣ г. Тегетмейера первокласснаго чернаго испанскаго пѣтуха и куръ отъ слѣдующихъ чистыхъ породъ: бѣлыхъ бойцовыхъ, бѣлыхъ кохинхинокъ, серебристыхъ польскихъ, се-

ребристыхъ съ блестками гамбургскихъ, серебристо-полосатыхъ гамбургскихъ и бѣлыхъ шелковистыхъ. Ни одной изъ этихъ породъ нѣтъ и слѣда рыжей окраски, и я не слышалъ никогда, чтобы при ихъ чистокровномъ размноженіи появлялись рыжія перья; впрочемъ, появленіе такихъ перьевъ не слишкомъ невѣроятно у бѣлыхъ бойцовыхъ и у бѣлыхъ кохинхинокъ. Большинство цыплятъ, происшедшихъ отъ скрещиваній съ упомянутыми шестью породами, были черными, какъ въ пуху, такъ и въ первомъ опереніи; нѣкоторые были бѣлыми и лишь у немногихъ были бѣлыя и черныя пятна. Въ одномъ выводкѣ изъ одиннадцати смѣшанныхъ яицъ отъ бѣлой бойцовой, бѣлой кохинхинки и чернаго испанскаго пѣтуха, семь цыплятъ было бѣлыхъ и лишь четыре черныхъ. Я упоминаю объ этомъ фактѣ, чтобы показать, что бѣлый цвѣтъ оперенія строго наслѣдственъ, и что мнѣніе о большей способности самца передавать свой цвѣтъ не вполнѣ вѣрно. Цыплята вылупились весною, а въ послѣдней половинѣ августа нѣкоторые изъ молодыхъ пѣтуховъ уже начали измѣняться, и измѣненія эти у нѣкоторыхъ изъ нихъ стали усиливаться въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ. Такъ, молодой пѣтухъ отъ серебристой съ блестками польской курицы былъ въ своемъ первомъ опереніи черенъ какъ уголь и соединялъ по строенію своего гребня, хохла, серьги (бокового нароста) и бороды признаки обоихъ родителей; когда же ему было два года отъ роду, то маховыя перья второго ряда (вторичныя крыловыя) получили широкія и симметрично расположенныя бѣлыя отмѣтины, и тамъ, гдѣ у Gallus bankiva шейныя косицы (т. е. длинныя шейныя перья) рыжи, они у этой птицы были зеленовато-черными вдоль стержня, съ узкою коричневато-черною каймою, которая въ свою очередь была окаймлена очень свѣтлою желтовато-коричневою полосою; такимъ образомъ, по общему виду опереніе сдѣлалось изъ чернаго—свѣтло окрашеннымъ. Въ этомъ случаѣ съ возрастомъ замѣчалось сильное измѣненіе, но не наблюдалось возврата къ рыжей окраскѣ Gallus bankiva.

Пѣтухъ съ правильнымъ розовымъ гребнемъ, унаслѣдованнымъ или отъ серебристой съ блестками, или отъ серебристо-полосатой гамбургской курицы, также первое время былъ совершенно чернымъ; однако, менѣе чѣмъ черезъ годъ, шейныя косицы, также какъ и въ предыдущемъ случаѣ, стали бѣловатыми, тогда какъ такія же длинныя перья на поясницѣ приняли явственный рыжевато-желтый оттѣнокъ,—въ этомъ мы видимъ первый симптомъ возврата. То же самое встрѣчалось и у нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ пѣтуховъ, которыхъ не стоитъ здѣсь описывать. Уже было также отмѣчено однимъ куроводомъ, что, при скрещиваніи двухъ серебристо-полосатыхъ гамбургскихъ куръ съ чернымъ испанскимъ пѣтухомъ и при воспитаніи нѣкотораго количества цыплятъ, всѣ они оказались черными, но пѣтухи имѣли *золотистыя*, а куры—

коричневатыя шейныя косицы, такъ что и здѣсь сходнымъ образомъ наблюдалась явственная наклонность къ возврату.

Два молодыхъ пѣтуха отъ моей бѣлой бойцовой курицы были сперва снѣжно-бѣлы; у одного изъ нихъ впослѣдствіи косицы приняли блѣдный оранжевый оттѣнокъ, особенно на поясницѣ, тогда какъ у другого появилось множество превосходныхъ оранжевыхъ косицъ на шеѣ, на поясницѣ и поверхъ крыльевъ. Здѣсь опять мы имѣемъ еще болѣе опредѣленное, хотя и частное возвращеніе къ окраскѣ G. bankiva. Этотъ второй пѣтухъ былъ на самомъ дѣлѣ, окрашенъ подобно не породистому бойцовому пѣтуху („pile game cock")—подпорода, которая можетъ быть произведена въ настоящее время, какъ я узналъ отъ г. Тегетмейера, путемъ скрещиванья черногрудаго рыжаго бойцового пѣтуха съ бѣлой бойцовой курицей, причемъ, будучи получена такимъ способомъ, она можетъ позднѣе съ большимъ постоянствомъ передавать свои признаки по наслѣдству. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, фактъ довольно оригинальный, именно, что при скрещиваніи лоснящагося чернаго испанскаго пѣтуха, а также черногрудаго рыжаго бойцаваго пѣтуха съ бѣлыми бойцовыми курами получается потомство въ обоихъ случаяхъ почти одинаковое по окраскѣ.

Я воспиталъ нѣсколькихъ цыплятъ отъ бѣлой шелковой курицы и испанскаго пѣтуха: всѣ они были черны какъ уголь и ясно выказывали свое происхожденіе присутствіемъ черноватыхъ гребней и костей; ни одинъ изъ нихъ не унаслѣдовалъ такъ называемыхъ шелковыхъ перьевъ, и ненаслѣдственность этого признака наблюдалась уже и другими изслѣдователями. Опереніе куръ никогда не измѣнялось. Когда пѣтушки сдѣлались старше, у одного изъ нихъ появились желтовато-бѣлыя косицы, чѣмъ онъ напоминалъ въ значительной степени помѣсь, полученную отъ гамбургской курицы; другой изъ нихъ сталъ такой великолѣпной птицей, что одинъ изъ моихъ знакомыхъ взялъ его къ себѣ и впослѣдствіи сдѣлалъ изъ него чучело, исключительно изъ за его красоты. Когда онъ величественно выступалъ, то чрезвычайно сильно напоминалъ дикаго Gallus bankiva, но рыжія перья его были значительно темнѣе. При ближайшемъ сравненіи онъ представлялъ значительное отличіе, именно, крыловыя перья перваго и второго ряда были у него съ зеленовато-черной каймой, вмѣсто коричневатой и рыжей каймы, какъ у G. bankiva, точно также полоса, тянущаяся вдоль спины и несущая темно-зеленыя перья, была шире, а гребень былъ болѣе черноватымъ. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, даже и въ мельчайшихъ деталяхъ оперенія, у него замѣчалось полнѣйшее соотвѣтствіе. Вообще, сравненіе этой птицы сперва съ G. bankiva, затѣмъ съ собственнымъ отцомъ ея, блестящимъ зеленовато-чернымъ испанскимъ пѣтухомъ, наконецъ, съ ея миніатюрной матерью, бѣлой шелковой курицей, производило удивительное впечатлѣніе. Этотъ случай возврата тѣмъ болѣе необычаенъ, что испанская порода издавна извѣстна, какъ

порода, передающая съ большимъ постоянствомъ свои признаки; не извѣстно ни одного случая, чтобы у нея появлялось хоть одно рыжее перышко. Шелковыя куры также постоянны и считаются древними, такъ какъ Альдрованди еще до 1600 г. упоминаетъ, по всей вѣроятности, объ этой породѣ и говоритъ, что она какъ бы покрыта шерстью. Она настолько своеобразна по многимъ своимъ признакамъ, что многіе авторы разсматривали ее, какъ особый видъ, мы же видимъ теперь, что при скрещиваніи съ испанской курицей она даетъ потомство, чрезвычайно сильно напоминающее дикую Gallus bankiva.

Г. Тегетмейеръ былъ такъ любезенъ, что повторилъ, по моей просьбѣ, опытъ скрещиванія испанскаго пѣтуха съ шелковой курицей и получилъ сходные результаты; онъ получилъ, за исключеніемъ черной курицы, семь пѣтуховъ, и у всѣхъ у нихъ было темное туловище съ большимъ или меньшимъ количествомъ оранжевыхъ косицъ. На слѣдующій годъ онъ спаривалъ черную курицу съ однимъ изъ ея братьевъ и получилъ трехъ молодыхъ пѣтуховъ, окрашенныхъ подобно отцу, и черную курицу съ бѣлыми пятнами.

Куры, полученныя отъ шести описанныхъ выше скрещиваній, едва-ли выказывали какую-либо наклонность возвращаться къ оперенію съ бурыми крапинами, свойственными самкѣ Gallus bankiva, однако, все же одна изъ куръ, происшедшая отъ бѣлой кохинхинки и бывшая сперва черною какъ уголь, стала впослѣдствіи слегка коричневатой или цвѣта бурой копоти. Многія куры, бывшія долгое время снѣжно-бѣлыми, пріобрѣли въ старости нѣсколько черныхъ перьевъ. Курица отъ бѣлой бойцовой, бывшая долгое время совершенно черною съ зеленымъ отливомъ, достигши двухлѣтняго возраста, имѣла нѣсколько крыловыхъ перьевъ перваго ряда сѣровато-бѣлаго цвѣта, и множество перьевъ поверхъ ея тѣла были густо усыпаны симметрично расположенными бѣлыми пятнами или полосами. Я ожидалъ, что нѣкоторые изъ цыплятъ, пока они еще покрыты пухомъ, будутъ обладать продольными полосками, столь обыкновенными у птицъ изъ семейства куриныхъ, но это не встрѣтилось ни въ одномъ случаѣ; лишь два изъ нихъ имѣли рыжевато-коричневый верхъ головы. Къ несчастью, я утратилъ почти всѣхъ бѣлыхъ цыплятъ отъ первыхъ скрещиваній, такъ что у внуковъ получила преобладаніе черная окраска; они были, однако, очень разнообразны по своей окраскѣ, такъ какъ нѣкоторые были бурыми, другіе пятнистыми, а одинъ черноватый цыпленокъ имѣлъ своеобразныя перья, съ коричневыми пятнами и полосами.

Теперь я приведу нѣсколько разнообразныхъ фактовъ, стоящихъ въ связи съ явленіемъ возврата и съ закономъ аналогичной измѣнчивости. Законъ этотъ требуетъ, чтобы разновидности какого-либо вида часто „подражали“ другимъ, однако родственнымъ видамъ, и явленіе это объясняется, согласно со взглядами, которыя я за-

щищаю, тѣмъ принципомъ, что родственные виды произошли отъ одной первоначальной формы. Бѣлая шелковая курица съ черной кожей и костями, какъ это было замѣчено Юаттомъ и Р. Ортономъ, въ нашемъ климатѣ вырождается, т. е. возвращается къ цвѣту кожи и костей, свойственному обыкновенной курицѣ, и это случается даже при самомъ тщательномъ предупрежденіи какого-либо скрещиванія. Въ Германіи также наблюдалось, что одна иная порода съ черными костями и съ чернымъ, но не шелковистымъ опереніемъ, подобнымъ же образомъ вырождается.

Тегетмейеръ сообщаетъ мнѣ, что при скрещиваніи отдѣльныхъ породъ часто происходятъ куры, перья которыхъ имѣютъ узкія поперечныя полоски болѣе темнаго цвѣта. Это отчасти можетъ быть объяснено прямымъ возвратомъ къ родоначальной формѣ, т. е. къ банкивскимъ дикимъ курамъ, такъ какъ вся верхняя часть оперенія этихъ птицъ усѣяна небольшими темными и ржавчинно-бурыми пятнами, которыя отчасти и не отчетливо расположены въ видѣ поперечныхъ полосокъ. Однако, наклонность къ полосатости, по всей вѣроятности, еще усиливается закономъ аналогичной измѣнчивости, такъ какъ самки нѣкоторыхъ другихъ видовъ рода Gallus еще болѣе полосаты, а самки многихъ птицъ изъ семейства куриныхъ, относящихся къ другимъ родамъ, какова, напримѣръ, куропатка, имѣютъ исчерченныя полосками перья. Тегетмейеръ замѣтилъ мнѣ также, что у домашнихъ голубей, не смотря на огромное разнообразіе ихъ окраски, мы никогда не встрѣчаемъ исчерченныхъ полосками или усѣянныхъ блестками перьевъ, и это обстоятельство вполнѣ понятно по закону аналогичной измѣнчивости, такъ какъ ни дикій горный голубь, ни какой-либо изъ близко родственныхъ видовъ не имѣютъ подобныхъ перьевъ. Частое появленіе полосатости у помѣсей, вѣроятно, объясняетъ существованіе такъ называемыхъ подпородъ „кукушечьяго пера“ у бойцовой, польской, доркингской, кохинхинской, андалузской и бантамской породы. Опереніе этихъ птицъ аспидно-сизаго или сѣраго цвѣта и каждое перо пересѣчено поперекъ темными линіями, такъ что напоминаетъ, до нѣкоторой степени, опереніе кукушки. Принимая во вниманіе, что ни у одного вида рода Gallus самецъ не имѣетъ нисколько полосатыхъ перьевъ, чрезвычайно страненъ фактъ, что „кукушечное“ опереніе переносится часто и на самца, особенно у кукушечныхъ доркингскихъ куръ; фактъ этотъ еще болѣе своеобразенъ, въ виду того, что у золотисто или серебристо-полосатыхъ гамбургскихъ куръ, у которыхъ полосатость является характерной для породы, самецъ почти совсѣмъ не полосатъ, такъ какъ эта особенность оперенія свойственна исключительно самкѣ.

Другой случай аналогичной измѣнчивости представляетъ существованіе блестяще-крапчатыхъ подпородъ у гамбургскихъ, польскихъ, малайскихъ и бантамскихъ куръ. Усѣянныя блестками перья ихъ имѣютъ темную отмѣтину на концахъ настоящей по-

лулунной формы, тогда какъ исчерченныя полосами перья имѣютъ множество поперечныхъ непрерывныхъ полосъ. Блестка не могутъ быть обусловлены возвратомъ къ Gallus bankiva и, по словамъ Тегетмейера, не являются слѣдствіемъ скрещиванія различныхъ породъ; они представляетъ изъ себя случай аналогичной измѣнчивости, такъ какъ многія птицы изъ семейства куриныхъ обладаютъ перьями съ блестками, — хотя бы, напримѣръ, обыкновенный фазанъ. Потому усѣянныя блестками породы часто называются „фазановыми“ курами. Другой совершенно необъяснимый случай аналогичной измѣнчивости у многихъ домашнихъ породъ состоитъ въ томъ, что еще покрытые пухомъ цыплята черныхъ испанскихъ, черныхъ бойцовыхъ, черныхъ польскихъ и черныхъ бантамокъ всѣ имѣютъ бѣлую шею и грудь и часто еще нѣсколько бѣлыхъ перьевъ въ крыльяхъ. Издатель „Poultry Chronicle“ замѣчаетъ,что всѣ породы, у которыхъ имѣются настоящія красныя ушныя лопасти, производятъ иногда птицъ съ бѣлыми лопастями. Замѣчаніе это особенно касается бойцовыхъ куръ, наиболѣе близко подходящихъ къ G. bankiva, и мы видѣли, что у этого вида, живущаго при естественныхъ условіяхъ, ушныя лопасти измѣнчивы въ цвѣтѣ,—онѣ красны въ странахъ Малайскаго архипелага и бѣлы обыкновенно, хотя и не неизмѣнно, въ Индіи.

Заканчивая эту часть моего изслѣдованія, я могу повторить, что существуетъ широко распространенный, измѣнчивый и обыкновенный видъ рода Gallus, именно, G. bankiva; видъ этотъ можетъ быть прирученъ, производитъ плодовитое потомство при скрещиваніи съ обыкновенными курами и близко напоминаетъ, по всему своему строенію, оперенію и голосу, бойцовую породу, такъ что свободно можетъ быть принятъ за родоначальника послѣдней породы, наиболѣе типичной изъ всѣхъ домашнихъ. Мы видѣли, какія большія трудности заключаетъ предположеніе, что родоначальниками другихъ домашнихъ породъ были другіе, намъ неизвѣстные виды. Мы знаемъ, что всѣ эти породы тѣснѣйшимъ образомъ родственны между собой, что явствуетъ ихъ сходства, по большинству особенностей строенія и привычекъ и по аналогичности, съ которой онѣ измѣняются. Мы видѣли также, что многія изъ наиболѣе рѣзко выраженныхъ породъ изрѣдка или обыкновенно близко напоминаютъ G. bankiva по оперенію, и что помѣси, получаемыя при скрещиваніи другихъ породъ, не окрашенныхъ подобнымъ образомъ, выказываютъ болѣе или менѣе сильную наклонность возвращаться къ такому же оперенію. Нѣкоторыя изъ породъ, которыя кажутся наиболѣе явственными и относительно которыхъ наиболѣе трудно допустимо происхожденіе ихъ отъ Gallus bankiva,—напримѣръ, польскія куры, съ ихъ выдающимся и слабо окостенѣвшимъ черепомъ, кохинхинки съ ихъ неполнымъ хвостомъ и небольшими крыльями,—ясно доказываютъ приведенными признаками свое искусственное происхожденіе. Мы знаемъ также прекрасно, что за послѣдніе годы методическій

подборъ сильно улучшилъ и закрѣпилъ многіе признаки. и имѣемъ основаніе полагать, что безсознательный подборъ, примѣняемый въ теченіе многихъ поколѣній, будетъ постоянно усиливать каждую новую особенность и такимъ образомъ дастъ начало новымъ породамъ. Какъ только образовались двѣ или три породы, выступаетъ на сцену скрещиваніе, измѣняетъ ихъ характеръ и увеличиваетъ ихъ количество. Судя по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ недавно въ Америкѣ, брамапутры представляютъ изъ себя прекрасный примѣръ породы, образовавшейся недавно путемъ скрещиванія и могущей съ большимъ постоянствомъ передавать свои признаки потомству. Хорошо извѣстныя бантамы Сибрайта представляютъ другой сходный примѣръ. Такимъ образомъ, можно заключить, что не только бонцовыя куры, но и всѣ наши породы представляютъ изъ себя, по всей вѣроятности, потомковъ малайской и индійской разновидности G. bankiva. Если же такъ то видъ этотъ долженъ былъ претерпѣть сильныя измѣненія, съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ впервые прирученъ,—но для этого и времени было вполнѣ достаточно, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Исторія домашнихъ куръ. Рютимейеръ вовсе не нашелъ остатковъ куръ въ древнихъ свайныхъ постройкахъ швейцарскихъ озеръ, но, слѣдуя Іейтелесу, вполнѣ достовѣрно, что таковые были найдены вмѣстѣ съ исчезнувшими уже животными и доисторическими остатками. Въ виду этого, очень страненъ фактъ, что о курахъ не упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ, и что онѣ не изображены на древне-египетскихъ памятникахъ. Онѣ не упоминаются ни Гомеромъ, ни Гесіодомъ (около 900 лѣтъ до Р. Х.), но о нихъ говорятъ Ѳеогнисъ и Аристофанъ, между 500 и 400 годомъ до Р. Х. Изображеніе куръ встрѣчается на нѣкоторыхъ изъ вавилонскихъ „цилиндровъ“, которые относятся къ VI и VII вѣкамъ до Р. Х. и слѣпки мнѣ прислалъ Лэйардъ; точно также онѣ изображены на „Гробницѣ Гарпій“ въ Ливіи, около 600 г. до Р. Х.; такимъ образомъ, повидимому, куры достигли Европы въ одомашненномъ состояніи около VI вѣка до Р. Х. Онѣ проникли нѣсколько далѣе на западъ въ началѣ христіанской эры, такъ какъ Юлій Цезарь нашелъ ихъ въ Великобританіи. Въ Индіи онѣ были уже одомашнены, когда было написано уложеніе Ману (т. е., слѣдуя У. Джонсу, въ 1200 г. до Р. Х., слѣдуя же позднѣйшимъ авторитетнымъ даннымъ Уильсона, только въ 800 году до Р. Х.), такъ какъ по этому уложенію запрещается ѣсть домашнихъ куръ, хотя и разрѣшается ѣсть дикихъ. Если же, какъ мы выше замѣтили, вѣрить старинной китайской энциклопедіи, то куры должны были быть одомашнены нѣсколькими столѣтіями ранѣе, такъ какъ тамъ сказано, что онѣ ввезены въ Китай съ запада въ 1400 г. до Р. Х.

Для начертанія исторіи отдѣльныхъ породъ не существуетъ достаточнаго матеріала. Около начала христіанской эры Колумелла упоминаетъ о пятипалой породѣ, служившей для пѣтушьихъ боевъ,

и еще о нѣсколькихъ провинціальныхъ породахъ, но больше мы о нихъ ничего и не знаемъ. Онъ говоритъ также о карличныхъ курахъ, но это не могутъ быть куры, тожественныя съ нашими бантамками, которыя, какъ показалъ Крауфордъ, ввезены изъ Японіи въ Бантамъ на Явѣ. Карличная порода куръ, вѣроятно настоящая бантамская, упоминается въ одной старинной японской энциклопедіи, какъ мнѣ сообщилъ объ этомъ Берчъ. Въ китайской энциклопедіи, опубликованной въ 1596 г., но составленной по различнымъ источникамъ, изъ коихъ нѣкоторые чрезвычайно древни, упоминается семь породъ, въ число это включаются породы, называемыя нами теперь прыгунами или ползунами, а также породы съ черными перьями, костями и мясомъ. Въ 1600 г. Альдрованди описываетъ семь или восемь породъ куръ, и это наиболѣе древнее указаніе, изъ котораго мы можемъ заключить о древности нашихъ европейскихъ породъ. Его Gallus turcicus кажется ничѣмъ инымъ, какъ, почти навѣрное, пятнистой гамбургской породой. Но Брентъ, судья въ этомъ вопросѣ вполнѣ надежный, полагаетъ, что Альдрованди „очевидно изображалъ то, что встрѣчалъ случайно, а никакъ не лучшихъ представителей породы". Брентъ считаетъ даже всѣ породы куръ Альдрованди нечистокровными; однако, вѣроятнѣе мнѣніе, что всѣ наши породы значительно улучшены и измѣнены съ того времени, въ виду того, что Альдрованди, собираясь произвести такую большую затрату на множество рисунковъ, навѣрное добылъ себѣ и характерные образчики породъ. Шелковыя куры, впрочемъ, вѣроятно, существовали тогда уже въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ, почти безъ сомнѣнія, и куры съ курчавыми и завороченными перьями. Г. Диксонъ считаетъ падуанскихъ куръ Альдрованди „разновидностью польскихъ", тогда какъ г. Брентъ полагаетъ, что онѣ ближе родственны малайскимъ. Анатомическія особенности черепа польской породы были отмѣчены Борелли въ 1656 г. Я могу добавить еще, что въ 1737 г. была извѣстна одна подпорода польскихъ, именно, куры съ золотистыми блестками, но, судя по описанію Альбина, гребень былъ тогда больше, хохолокъ изъ перьевъ гораздо уже, грудь покрыта болѣе грубыми пятнами, а брюшко и бедра болѣе темны: золотистая польская курица такого рода не имѣла бы въ настоящее время никакой цѣны.

Различія между породами во внѣшнемъ и внутреннемъ строеніи. Индивидуальная измѣнчивость. Куры были поставлены въ самыя различныя условія существованія, и, какъ мы только что видѣли, у нихъ было достаточно времени для проявленія большой измѣнчивости и для медленнаго вліянія безсознательнаго подбора. Въ виду того, что мы имѣемъ много основаній предполагать происхожденіе всѣхъ породъ отъ Gallus bankiva, не будетъ лишнимъ описать нѣсколько подробнѣе главнѣйшія различія ихъ между собою. Я начну съ яицъ и цыплятъ, затѣмъ перейду ко вторичнымъ половымъ признакамъ породъ и, наконецъ, къ ихъ различіямъ

въ наружномъ строеніи и въ скелетѣ. Я вдаюсь въ нижеслѣдующія подробности, главнымъ образомъ, чтобы показать, до чего измѣнчивымъ становится почти каждый признакъ подъ вліяніемъ одомашненія.

Яйцо. По замѣчанію м-ра Диксона: „каждая курица отличается индивидуальными особенностями относительно формы, окраски и величины ея яйца; все это никогда не измѣняется во всю ея жизнь, пока она остается здоровою, и такъ же знакомо тѣмъ, кто привыкъ брать ея яйца, какъ почеркъ близкаго знакомаго“. Я полагаю, что это, вообще, справедливо, и что, если держать не слишкомъ много куръ, то яйца каждой курицы всегда могутъ быть узнаны. Яйца породъ разнаго роста естественно значительно различаются по величинѣ, но, видимо, не всегда въ строгомъ соотношеніи съ величиною курицы: такъ, малайская курица крупнѣе испанской, но *вообще* несетъ не такія крупныя яйца; бѣлыя бантамки, говорятъ, несутъ яйца мельче другихъ бантамскихъ; бѣлыя кохинхинскія. съ другой стороны, какъ мнѣ сообщаетъ Тегетмейеръ, навѣрное несутъ болѣе крупныя яйца, чѣмъ свѣтло-оранжевыя.

Цыплята. Такъ какъ птенцы большей части куриныхъ птицъ, даже черной австралійской птицы курассо и чернаго тетерева, пока покрыты пушкомъ, имѣютъ продольно-полосатую спину (признакъ, безслѣдно исчезающій у взрослыхъ), то можно было бы ожидать встрѣтить такія же полосы у всѣхъ нашихъ домашнихъ цыплятъ. Впрочемъ, скорѣе, этого трудно было бы ожидать, если цѣлое опереніе взрослыхъ обоего пола подверглось такому сильному измѣненію, что стало совсѣмъ бѣлымъ или совсѣмъ чернымъ. На самомъ дѣлѣ, цыплята разныхъ породъ, а иногда и подпородъ, очень различны въ своемъ опушеніи, и продольныя полосы исчезаютъ у цыплятъ многихъ породъ. Кажется, что чѣмъ болѣе опереніе взрослыхъ уклоняется отъ оперенія G. bankiva, тѣмъ полнѣе исчезаютъ полосы у цыплятъ.

Что касается до періода въ жизни особи, когда впервые появляются признаки, свойственные каждой породѣ, то ясно, что такіе признаки, какъ, напр., придаточные пальцы, должны образоваться задолго до рожденія. У польскихъ куръ необыкновенная выпуклость передней части черепа хорошо развита еще до выхожденія цыпленка изъ яйца, но хохолъ изъ перьевъ, сидящій на этой выпуклости, сперва лишь слабо развитъ и не достигаетъ своей полной величины ранѣе второго года. Испанскій пѣтухъ выдается своимъ превосходнымъ гребнемъ, и этотъ послѣдній развивается въ необыкновенно раннемъ возрастѣ, такъ что молодые пѣтушки могутъ быть отличены отъ куръ, когда имъ всего лишь нѣсколько недѣль, и, слѣдовательно, значительно ранѣе, чѣмъ у другихъ породъ. Точно также они очень рано начинаютъ пѣть, именно,— всего лишь шести недѣль отъ роду. У голландской подпороды испанскихъ куръ бѣлая ушная лопасть развивается ранѣе, чѣмъ у обыкновенной испанской породы. Кохинхинки характеризуются неболь-

шимъ хвостомъ,—и у молодыхъ пѣтушковъ хвостъ развивается необычайно поздно. Бойцовыя куры извѣстны своей драчливостью, и молодые пѣтушки ихъ поютъ, хлопаютъ своими маленькими крылышками и безпрерывно дерутся между собою, даже еще въ то время когда они окружены заботливостью матери. „У меня часто были,—говоритъ одинъ авторъ,—цѣлые выводки едва оперившихся цыплятъ, совершенно ослѣпшіе отъ дракъ; пары противниковъ, отдохнувъ гдѣ-нибудь въ углу, возобновляли драку при появленіи перваго солнечнаго луча". У всѣхъ самцовъ птицъ изъ семейства куриныхъ вооруженіе ихъ и драчливость служатъ очевидно для того, чтобы добиться обладанія самкой, такъ что наклонность нашихъ бойцовыхъ цыплятъ къ дракамъ въ чрезвычайно раннемъ возрастѣ не только безполезна, но и вредна, вслѣдствіе того, что цыплята сильно страдаютъ отъ полученныхъ ранъ. У дикаго Gallus bankiva привычка къ дракамъ въ раннемъ возрастѣ можетъ быть естественной, но въ виду того, что человѣкъ въ теченіе многихъ поколѣній подбиралъ наиболѣе упорно драчливыхъ пѣтуховъ, вѣроятнѣе, что драчливость ихъ неестественно возрасла и неестественно была передана по наслѣдству молодымъ пѣтушкамъ. Точно также вѣроятно, что чрезвычайно сильное развитіе гребня у испанскаго пѣтуха было непреднамѣренно передано молодымъ пѣтушкамъ: любители не станутъ заботиться, имѣютъ-ли молодыя птицы большіе гребни, но станутъ отбирать для разведенія взрослыхъ съ самыми лучшими гребнями, каково бы ни было развитіе послѣднихъ въ раннемъ возрастѣ. Послѣднее обстоятельство, которое должно быть здѣсь отмѣчено, заключается въ томъ, что цыплята испанскихъ и малайскихъ куръ, прекрасно покрытые пухомъ, пріобрѣтаютъ настоящія перья въ необыкновенно позднемъ возрастѣ, такъ что на нѣкоторое время молодыя птицы отчасти голы и могутъ сильно страдать отъ холода.

Вторичные половые признаки. У родоначальной формы т. е. у Gallus bankiva оба пола значительно различаются по цвѣту. У нашихъ домашнихъ породъ различіе между ними никогда не бываетъ болѣе сильнымъ, но часто даже слабѣе, и степень его часто различна даже въ подпородахъ одной и той же главной породы. Такъ, у нѣкоторыхъ бойцовыхъ подпородъ различіе между полами столь же велико, какъ и у родоначальной формы, тогда какъ у черной и у бѣлой подпороды въ опереніи вовсе нѣтъ различія. Г. Брентъ сообщаетъ мнѣ, что видѣлъ двѣ семьи черногрудыхъ рыжихъ бойцовыхъ, у которыхъ пѣтухи вовсе не различались, тогда какъ куры одной были коричневы, какъ куропатки, а другой—красновато-бураго цвѣта. Подобный же случай наблюдался у буро-грудыхъ рыжихъ бойцовыхъ. Курица „уткокрылыхъ бойцовыхъ" чрезвычайно красива и сильно различается отъ куръ всѣхъ другихъ подпородъ бойцовыхъ. Обыкновенно, однако, наблюдается довольно тѣсное соотношеніе между измѣнчивостью въ опереніи самокъ и самцовъ,—напримѣръ, у сизыхъ и сѣрыхъ

бойцовыхъ и у нѣкоторыхъ подразновидностей бойцовыхъ (pile-game). Сходное соотношеніе замѣчается также при сравненіи различныхъ разновидностей кохинхинокъ. У обоихъ половъ золотисто и серебристо-блестящихъ польскихъ куръ, равно какъ и у свѣтло-коричневыхъ, очень часто встрѣчается сходство въ окраскѣ и въ отмѣтинахъ всего оперенія, разумѣется, за исключеніемъ косицъ хохолка и бороды. У крапчатыхъ гамбургскихъ также существуетъ значительная степень сходства между обоими полами; у полосатыхъ же гамбургскихъ, съ другой стороны, наблюдается сильное различіе: полосатость, характерная для куръ, почти совершенно отсутствуетъ у пѣтуховъ, какъ золотистой, такъ и серебристой разновидности. Впрочемъ, какъ мы уже видѣли отсутствіе у самцовъ полосатыхъ перьевъ никоимъ образомъ не можетъ считаться общимъ правиломъ, такъ какъ доркингскія кукушечнаго пера „замѣчательны тѣмъ, что имѣютъ почти одинковую окраску у обоихъ половъ“.

Замѣчательно то обстоятельство, что у извѣстныхъ подпородъ самцы утрачиваютъ нѣкоторые изъ своихъ вторичныхъ мужскихъ признаковъ и по близкому сходству своего оперенія съ самками часто называются „куровидными“ (hennies). Мнѣнія сильно расходятся по вопросу о томъ, безплодны ли эти самцы до нѣкоторой степени. Что они иногда бываютъ отчасти безплодными, кажется яснымъ, но это можетъ быть обусловлено скрещиваніемъ въ слишкомъ близкихъ степеняхъ родства. Но что они не постоянно безплодны, и что случай этотъ сильно отличается отъ принятія старыми самками мужскихъ признаковъ, вполнѣ очевидно уже изъ того, что многія изъ подобныхъ курообразныхъ подпородъ ведутъ свой родъ съ отдаленныхъ временъ. Самцы и самки золотисто и серебристо-полосатыхъ бантамокъ Сибрайта едва могутъ быть различены между собою иначе, какъ по гребню, мясистымъ наростамъ и шпорамъ, такъ какъ они окрашены вполнѣ сходно, и у самцовъ нѣтъ ни шейныхъ косицъ, ни развѣвающихся серповидныхъ хвостовыхъ перьевъ. Подпорода гамбургскихъ куръ съ куринымъ хвостомъ была въ прежнее время въ большомъ почетѣ. Существуетъ также и порода бойцовыхъ куръ, у которой и самцы, и самки такъ сильно напоминаютъ другъ друга, что пѣтухи на мѣстѣ боя принимаютъ своихъ куроперыхъ соперниковъ за настоящихъ куръ и за эту ошибку платятся жизнью. Несмотря на то, что пѣтухи эти одѣты въ перья курицы, „они—птицы высоко мужественныя, и храбрость ихъ не разъ доказывалась на дѣлѣ“. Была опубликована даже гравюра, изображающая такого знаменитаго куроперaго побѣдителя. Г. Тегетмейеръ упоминаетъ о замѣчательномъ случаѣ, именно, что бурогрудый рыжій бойцовый пѣтухъ, получивъ полное мужское оперение, осенью слѣдующаго года пріобрѣлъ оперение курицы, хотя и не утратилъ при этомъ своего голоса, шпоръ, силы и плодовитости. Птица эта удержала тотъ же характеръ въ теченіе 5 лѣтъ и произвела какъ

куроперое, такъ и пѣтухоперое потомство. Грентли-Беркли сообщаетъ еще болѣе своеобразный случай, касающійся знаменитой семьи „хорьковыхъ бойцовыхъ куръ“, которая производила почти въ каждомъ выводкѣ одного куроперaго пѣтуха. „Замѣчательнѣйшая особенность одной изъ этихъ птицъ заключалась въ томъ, что она не каждый годъ оставалась куроперой и сохраняла черный цвѣтъ хорьковой породы. Сбросивъ при линькѣ хорьковыя и куроподобныя перья, пѣтухъ этотъ получалъ мужское рыжее опереніе съ черной грудью, а на слѣдующій годъ снова возвращался къ своему прежнему оперенію“.

Я уже замѣтилъ въ моемъ „Происхожденіи видовъ“, что вторичные половые признаки склонны сильно различаться у видовъ одного и того же рода и необыкновенно сильно измѣнчивы у особей одного и того же вида. То же самое наблюдается и по отношенію къ породамъ куръ, какъ мы уже видѣли, насколько дѣло касается цвѣта оперенія, а равно и другихъ вторичныхъ половыхъ признаковъ. Прежде всего гребень сильно различается у разныхъ породъ, и форма его необыкновенно характерна для каждой изъ нихъ, за исключеніемъ доркингскихъ куръ, форма гребня которыхъ еще не установлена любителями и не укрѣплена подборомъ. Простой глубоко-зубчатый гребень — форма наиболѣе типичная и обыкновенная. Онъ сильно различается величиною и у испанскихъ куръ достигаетъ огромныхъ размѣровъ, особенно же у мѣстной породы, называемой „красно-шапочной“,—у нея онъ бываетъ иногда „спереди трехъ дюймовъ въ ширину и болѣе четырехъ дюймовъ въ длину, если измѣрить до самой его верхушки“. У нѣкоторыхъ породъ гребень двойной, и если оба конца его слиты вмѣстѣ, то образуется „кубковидная“ форма; гребень, называемый „розою“, приплюснутъ, покрытъ небольшими возвышеніями и продолженъ назадъ: у рогатыхъ куръ и у породы „crève coeur“ онъ вытянутъ въ два рога. У павлиньихъ брама гребень тройной, у малайскихъ куръ онъ коротокъ и обрубленъ, у гельдерландскихъ совершенно отсутствуетъ. У чубатыхъ бойцовыхъ отъ верхней части гребня отходитъ нѣсколько длинныхъ перьевъ; у многихъ породъ хохолокъ изъ перьевъ замѣщаетъ гребень. Хохолокъ при слабомъ своемъ развитіи сидитъ обыкновенно на мясистой подушечкѣ, при сильномъ же развитіи отходитъ отъ полушаровидной выпуклости черепа. У лучшихъ польскихъ куръ онъ развитъ такъ сильно, что я видѣлъ птицъ, которыя едва могли клевать свою пищу, а одинъ изъ нѣмецкихъ авторовъ сообщаетъ, что куры вслѣдствіе этого сильно подвержены нападеніямъ ястреба. Вслѣдствіе этого, подобныя уродливыя образованія должны были бы исчезнуть въ естественномъ состояніи. Наросты также сильно измѣнчивы по величинѣ: у малайскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ породъ они малы, у извѣстныхъ же подпородъ польскихъ куръ они замѣщены большимъ пучкомъ перьевъ, называемымъ бородою. Шейныя перья (косицы) не сильно различаются у разныхъ породъ,

но они коротки и жестки у малайскихъ породъ и отсутствуютъ совершенно у куровидныхъ пѣтуховъ. Въ виду того, что у самцовъ нѣкоторыхъ отрядовъ встрѣчаются перья замѣчательной формы, напримѣръ съ голыми стержнями и кружками на концѣ и т. п., не лишнимъ будетъ привести слѣдующій случай. У дикаго Gallus bankiva и у нашихъ домашнихъ куръ бородки (rami), отходящія съ каждой стороны конца шейныхъ перьевъ, голы и не усажены вторичными лучами или бородочками (radii), такъ что напоминаютъ щетину. Кромѣ того, г. Брентъ прислалъ мнѣ нѣсколько перьевъ съ плечъ молодого пѣтуха уткокрылой бойцовой породы (Birchen Duckwing game-cock), у которыхъ голыя бородки были густо усѣяны на своихъ концахъ бородочками, такъ что кончики эти, темнаго цвѣта съ металлическимъ оттѣнкомъ, отдѣлялись отъ нижней части просвѣчивавшими поясками симметричной формы, образуемыми голыми частями бородокъ. Такимъ образомъ, окрашенные кончики казались похожими на небольшіе отдѣльные металлическіе кружки.

Серповидныя перья хвоста, которыхъ имѣется три пары и которыя чрезвычайно характерны для мужского пола, сильно измѣняются у различныхъ породъ. У нѣкоторыхъ гамбургскихъ пѣтуховъ они саблеобразны, вмѣсто того, чтобы быть длинными и волнистыми, какъ у типичныхъ породъ. У кохинхиновъ они чрезвычайно коротки, а у куровидныхъ пѣтуховъ совершенно неразвиты. Доркингскіе бойцовые пѣтухи носятъ ихъ вмѣстѣ со всѣмъ хвостомъ приподнятыми, тогда какъ у малайскихъ и у нѣкоторыхъ кохинхинскихъ они свѣшиваются. Султановые характеризуются добавочнымъ количествомъ боковыхъ серповидныхъ перьевъ. Шпоры значительно различаются, такъ какъ иногда онѣ помѣщены выше, иногда ниже на ногахъ; у бойцовыхъ онѣ крайне длинны и остры, тогда какъ у кохинхиновъ коротки и тупы. Пѣтухи этой послѣдней породы, повидимому, знаютъ, что шпоры ихъ не представляютъ изъ себя опаснаго оружія, такъ какъ, хотя они при случаѣ и употребляютъ ихъ, но все же чаще, какъ мнѣ сообщаетъ г. Тегетмейеръ, при дракѣ между собою, схватываютъ и теребятъ другъ друга своими клювами. У нѣкоторыхъ индійскихъ бойцовыхъ пѣтуховъ, полученныхъ г. Брентомъ изъ Германіи, имѣется, какъ онъ мнѣ сообщаетъ, три, четыре или даже пять шпоръ на каждой ногѣ; нѣкоторые доркингскіе также имѣютъ по двѣ шпоры на каждой ногѣ, и у пѣтуховъ этой породы шпора часто помѣщена почти на наружной сторонѣ ноги. Двойныя шпоры упоминаются также въ одной старинной китайской энциклопедіи. Существованіе ихъ можетъ быть разсматриваемо какъ случай аналогичной измѣнчивости, такъ какъ нѣкоторыя дикія птицы изъ семейства куриныхъ, какъ, напримѣръ, многошпорникъ (Polyplectron), имѣютъ также двойныя шпоры.

Судя по отличительнымъ признакамъ, которыми обыкновенно различаются оба пола въ семействѣ куриныхъ, нѣкоторые при-

знаки у нашихъ домашнихъ куръ, повидимому, перешли съ одного пола на другой. У всѣхъ видовъ (за исключеніемъ триперстки Turnix), при существованіи замѣтнаго различія въ опереніи между самцомъ и самкой, самецъ всегда оперенъ красивѣе, тогда какъ у золотисто-крапчатой гамбургской породы курица почти столь же красива, какъ и пѣтухъ, и несравненно красивѣе, чѣмъ куры какого-либо дикаго вида рода Gallus; такимъ образомъ, здѣсь мужской признакъ былъ перенесенъ на самку. Съ другой стороны, у кукушковыхъ доркингскихъ и у другихъ кукушковыхъ породъ полосатость, которая вообще у рода Gallus составляетъ принадлежность женскаго пола, была перенесена на самца. Такое перенесеніе и не удивительно, слѣдуя принципу анологичной измѣнчивости, такъ какъ самцы многихъ родовъ изъ семейства куриныхъ имѣетъ широкія полосы или полоски. У большинства птицъ этого семейства головныя украшенія всѣхъ родовъ сильнѣе развиты у самцовъ, чѣмъ у самокъ; однако, у польской породы хохолъ и одинаково развитъ у обоихъ половъ и замѣщаетъ у самца гребень. У нѣкоторыхъ другихъ подпородъ, называющихся, вслѣдствіе того, что самки имѣютъ небольшой хохолокъ, „жаворонковыми“, у самцовъ „простой, прямостоячій гребень почти совсѣмъ замѣняетъ хохолокъ“. Основываясь на этомъ обстоятельствѣ, и еще болѣе на нѣкоторыхъ фактахъ, относящихся до выпуклости черепа у польскихъ куръ, хохолокъ у этой породы долженъ разсматриваться, какъ женскій признакъ, перенесенный на самцовъ. У испанской породы самецъ, какъ мы знаемъ, имѣетъ огромный гребень, и это отчасти перенесено на самку, такъ какъ и ея гребень необыкновенно великъ, хотя и не прямостоячъ. У бойцовыхъ куръ воинственный и злобный характеръ самца точно также въ сильнѣйшей степени перенесенъ на самку, и она вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ даже совершенно мужскимъ строеніемъ шпоръ. Упоминается много случаевъ существованія плодовитыхъ куръ, снабженныхъ шпорами, и въ Германіи, напримѣръ, слѣдуя Бехштейну, шпоры шелковыхъ куръ иногда чрезвычайно длинны. Имъ упоминается также другая порода сходнаго характера, у которой куры превосходно несутъ яица, но эти послѣднія часто уничтожаются и разбиваются ими, благодаря ихъ шпорамъ.

Лэйардъ далъ описаніе породы куръ на островѣ Цейлонѣ, съ черною кожею, съ черными костями и наростами, но съ обыкновенными перьями; породу эту „лучше всего можно описать, сравнивъ ее съ бѣлой курицей, которую проволокли по трубѣ, покрытой сажей“. „Замѣчателенъ, однако, фактъ,—добавляетъ г. Лэйардъ,—что самецъ такой, какъ бы покрытой сажей, разновидности почти такъ же рѣдокъ, какъ трехцвѣтный котъ“. Г. Блайтъ находитъ, что то же правило вполнѣ примѣнимо въ окрестностяхъ Калькутты. Съ другой стороны, самцы и самки европейской породы съ черными костями и шелковистыми перьями не различаются между собою, такъ что у одной породы черная кожа,

кости и такое же опереніе свойственны обоимъ поламъ, тогда какъ у другой породы эти признаки ограничиваются женскимъ поломъ.

Въ настоящее время у всѣхъ польскихъ породъ куръ ихъ огромная костяная выпуклость на черепахъ, заключающая часть мозга и несущая хохолъ, въ одинаковой степени развита у обоихъ половъ. Въ прежнія времена, однако, въ Германіи лишь черепъ однѣхъ самокъ были съ выпуклостью: на фактъ этотъ указываетъ въ 1805 г. Блюменбахъ, который обратилъ особенное вниманіе на ненормальныя отклоненія у домашнихъ животныхъ; тотъ же самый фактъ наблюдался Бехштейномъ еще ранѣе, въ 1793 г. Этотъ послѣдній авторъ тщательно описываетъ послѣдствія, которыя влечетъ за собой появленіе на черепѣ хохла не только у куръ, но и у утокъ, гусей и канареекъ. Онъ говоритъ, что если у куръ хохолъ не слишкомъ развитъ, то поддерживается жировою массою, при сильномъ же развитіи такимъ же способомъ поддерживается костной выпуклостью различной величины. Онъ прекрасно описываетъ особенности этой выпуклости и обращаетъ также вниманіе на вліяніе измѣненія формы мозга на умъ этихъ птицъ, причемъ опровергаетъ указанія Палласа, будто бы куры эти глупы. Далѣе, онъ положительно утверждаетъ, что никогда не наблюдалъ такой выпуклости у пѣтуховъ. Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что необыкновенное строеніе черепа у польскихъ куръ было въ Германіи первоначально свойственно лишь женскому полу, но въ настоящее время перешло и на самцовъ и стало общимъ для обоихъ половъ.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ скелету, должно отмѣтить степень различія разныхъ породъ отъ Gallus bankiva. Нѣкоторые авторы говорятъ объ испанской породѣ, какъ объ одной изъ наиболѣе сильно отличающихся, и по общему виду она и кажется таковой, въ дѣйствительности же характерныя отличія ея не существенны. Мнѣ кажутся болѣе отклонившимися малайскія куры, изъ за ихъ высокаго роста, небольшого, свѣшивающагося хвоста, въ которомъ болѣе 14 хвостовыхъ перьевъ, изъ за ихъ небольшого гребня и наростовъ; однако, тѣмъ не менѣе, одна изъ подпородъ малайскихъ куръ окрашена почти сходно съ Gallus bankiva. Нѣкоторые авторы считаютъ очень сильно отклонившеюся польскую породу, однако, она представляетъ изъ себя породу полууродливую, какъ это ясно доказывается выпуклостью черепа и неправильностью затылочнаго отверстія. Кохинхинки, вслѣдствіе ихъ глубокобороздчатыхъ лобныхъ костей, своеобразной формы затылочнаго отверстія, короткихъ перьевъ крыла, короткаго хвоста, содержащаго болѣе чѣмъ 14 перьевъ, изъ за ихъ широкаго когтя на среднемъ пальцѣ, пушистаго опереніе, грубыхъ и темно окрашенныхъ яицъ, въ особенности же изъ за ихъ своеобразнаго голоса,—порода, по всей вѣроятности, наиболѣе сильно отклонившаяся изо всѣхъ остальныхъ. Если какая-либо изъ нашихъ породъ произошла отъ другого, неизвѣстнаго намъ вида, отличающагося

отъ Gallus bankiva, то это, надо полагать, кохинхинская порода, хотя все же не имѣется никакихъ данныхъ въ пользу подобнаго взгляда. Всѣ характерныя различія кохинхинской породы болѣе или менѣе измѣнчивы и могутъ быть открыты у другихъ породъ въ большей или меньшей степени. Одна изъ подпородъ, однако, окрашена чрезвычайно похоже на Gallus bankiva. Оперенныя ноги, часто снабженныя добавочнымъ пальцемъ, неспособныя къ полету крылья, чрезвычайно смирный нравъ указываютъ намъ на продолжительное пребываніе въ домашнемъ состояніи; къ тому же эти куры происходятъ изъ Китая, гдѣ, какъ намъ извѣстно, съ отдаленныхъ временъ животныя и растенія разводятся съ необыкновенной тщательностью, и гдѣ, слѣдовательно, мы можемъ ожидать найти глубокоизмѣненныя домашнія породы.

Остеологическія различія.—Я просмотрѣлъ 27 скелетовъ и 53 черепа различныхъ породъ, включая въ это число три черепа Gallus bankiva; почти половиной этихъ череповъ я обязанъ любезности г. Тегетмейера, а три скелета я получилъ отъ г. Итона. (Сравн. рис. 33—38).

Въ результатѣ я не изслѣдовалъ достаточнаго количества скелетовъ, чтобы рѣшить вопросъ, характерны-ли для различныхъ породъ предыдущіе отличительные признаки, за исключеніемъ черепа, или нѣтъ. Повидимому, нѣкоторыя различія болѣе часты у извѣстныхъ породъ, чѣмъ у другихъ,—таково добавочное ребро на четырнадцатомъ шейномъ позвонкѣ у гамбургскихъ и бойцовыхъ куръ и ширина оконечности лобковой кости (os pubis) у кохинхинокъ. У скелетовъ султанокъ имѣется по 8 спинныхъ позвонковъ, и конецъ лопатки нѣсколько съуженъ. Въ черепѣ глубокая срединная борозда на лобныхъ костяхъ и удлиненное въ вертикальномъ направленіи затылочное отверстіе являются столь же характернымъ для кохинхинокъ, какъ значительная ширина лобныхъ костей для доркингской породы. Раздѣленіе и существованіе открытаго пространства между окончаніями восходящихъ вѣтвей межчелюстныхъ и носовыхъ костей, а равно и незначительная сплюснутость лицевой части черепа, характеризуютъ гамбургскую породу. Шаровидная форма задней части черепа, повидимому, характерна для кружевныхъ бантамокъ; наконецъ, выпуклость на черепѣ, совмѣстно съ частичною неразвитостью восходящихъ вѣтвей межчелюстныхъ костей и съ другими перечисленными выше различіями, въ высокой степени характерны для польскихъ и другихъ хохлатыхъ куръ.

Наиболѣе поразительнымъ результатомъ моего изслѣдованія скелета является, однако, значительная измѣнчивость всѣхъ костей за исключеніемъ костей конечностей. Почему скелетъ столь сильно измѣнчивъ въ своемъ строеніи, можетъ быть понято нами до нѣкоторой степени: куры были поставлены въ совершенно неестественныя условія существованія, и вслѣдствіе этого вся организація ихъ сдѣлалась измѣнчивой, не смотря на то, что куроводъ совер-

шенно равнодушенъ къ измѣненіямъ скелета и никогда не подбираетъ ихъ преднамѣренно. Въ такой же степени, какъ и нѣкоторыя части скелета, измѣняются у нашихъ домашнихъ куръ и внѣшніе признаки, если о нихъ не заботится человѣкъ,—таково, напримѣръ, число перьевъ въ хвостѣ и въ крыльяхъ и ихъ относительная длина, обыкновенно постоянныя у дикихъ птицъ. Добавочный палецъ у доркингскихъ куръ является признакомъ достоинства и потому сдѣлался постояннымъ, тогда какъ онъ измѣнчивъ у кохинхинокъ и у шелковыхъ куръ. Цвѣтъ оперенія и форма гребня у большинства породъ, и даже подпородъ, признаки замѣчательно постоянные,—у доркингскихъ, однако, объ этихъ частяхъ не заботились, и онѣ измѣнчивы. Если какое-нибудь измѣненіе въ скелетѣ стоитъ въ соотношеніи съ какимъ-либо внѣшнимъ признакомъ, цѣнимымъ человѣкомъ, то послѣдній совершенно не преднамѣренно вліялъ на него путемъ подбора, и это измѣненіе болѣе или менѣе закрѣпилось. Примѣръ тому мы видимъ въ удивительной выпуклости черепа, поддерживающей хохолъ изъ перьевъ у польскихъ куръ и повліявшей, вслѣдствіе соотношенія, на другія части черепа. Такой же точно результатъ мы видимъ въ двухъ отросткахъ, которые поддерживаютъ рожки рогатой курицы, и въ сплюснутой формѣ лицевой части черепа у гамбургской породы, зависящей отъ ихъ сплюснутаго и широкаго гребня въ формѣ „розы". Мы не знаемъ совершенно, стоятъ-ли добавочныя ребра, измѣненныя очертанія затылочнаго отверстія, измѣненная форма лопатки или оконечности дужки въ какомъ-либо соотношеніи съ другими признаками, или же они произошли отъ измѣненія условій существованія и привычекъ, которому наши куры были подвергнуты. Однако, нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что эти различныя измѣненія въ скелетѣ могутъ быть превращены либо путемъ прямого подбора, либо путемъ подбора признаковъ, стоящихъ съ ними въ соотношеніи, въ признаки постоянные и настолько же характерные, какъ величина и форма тѣла, цвѣтъ оперенія и форма гребня.

Вліяніе упражненія и неупражненія частей.—На основаніи многочисленныхъ фактовъ, мы можемъ относительно различныхъ породъ куръ заключить, что главнѣйшія кости крыла укоротились у нихъ въ очень слабой степени, что онѣ, несомнѣнно, стали легче, по сравненію съ костями ногъ, у всѣхъ тѣхъ породъ, у которыхъ кости ногъ не укоротились неестественнымъ образомъ и не сдѣлались нѣжными; мы можемъ заключить также, что гребень грудной кости, къ которому прикрѣпляются грудные мускулы, сдѣлался безъ исключенія менѣе выдающимся, и что вся грудная кость стала также въ высшей степени склонна къ уродливости. Всѣ эти послѣдствія могутъ быть приписаны уменьшенію употребленія крыльевъ.

Соотношеніе роста.—Я хочу здѣсь собрать вкратцѣ тѣ немногіе факты, относительно этого темнаго, но очень важнаго

предмета, которые мною собраны. У кохинхинокъ и у бойцовыхъ куръ существуетъ нѣкоторое соотношеніе между цвѣтомъ оперенія и темнотою окраски скорлупы яйца. У султанокъ прибавочныя серповидныя перья хвоста, очевидно, стоятъ въ соотношеніи съ общимъ богатствомъ оперенія, которое выражается оперенными ногами, большимъ хохломъ и бородою. У двухъ безхвостыхъ куръ, которыя были мною изслѣдованы, маслянистая железа была неразвита. Большой хохолъ изъ перьевъ, какъ замѣтилъ Тегетмейеръ, повидимому, постоянно сопровождается сильнымъ уменьшеніемъ или почти полнымъ отсутствіемъ гребня. Подобнымъ же образомъ большая борода сопровождается уменьшеніемъ или отсутствіемъ наростовъ. Эти послѣдніе случаи, очевидно, подходятъ подъ законъ компенсаціи или уравновѣшенія при ростѣ. Большая борода подъ нижней челюстью и большой хохолъ изъ перьевъ на черепѣ часто встрѣчаются вмѣстѣ. Гребень какой-либо своеобразной формы, какъ, напримѣръ, у рогатыхъ, испанскихъ и гамбургскихъ куръ, вліяетъ соотвѣтственнымъ образомъ на находящійся подъ нимъ черепъ, и мы видѣли, какъ удивительно сильно это вліяніе на примѣрѣ хохлатыхъ куръ, у которыхъ хохолъ развитъ въ необыкновенной степени. Вмѣстѣ съ выпуклостью лобныхъ костей сильно измѣняется форма внутренней поверхности черепа и форма мозга. Присутствіе хохла вліяетъ какимъ-то неизвѣстнымъ путемъ на развитіе восходящихъ вѣтвей межчелюстныхъ костей и внутреннихъ отростковъ носовыхъ костей, а также и на форму наружнаго отверстія ноздрей. Существуетъ полное и замѣчательное соотношеніе между хохломъ изъ перьевъ и несовершеннымъ окостенѣніемъ черепа. Правило это относится не только почти ко всѣмъ хохлатымъ курамъ, но и къ хохлатымъ уткамъ и, какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Гюнтеръ, также къ хохлатымъ гусямъ въ Германіи.

Наконецъ, перья, образующія хохолъ у самцовъ польскихъ куръ, похожи на шейныя перья и по формѣ сильно отличаются отъ перьевъ хохла самки. Шея, верхъ крыльевъ и поясница густо покрыты у самца серповидными перьями и, какъ кажется, перья этой формы, вслѣдствіе соотношенія, распространились и на голову самца. Мелочный фактъ этотъ интересенъ въ виду того, что, хотя у нѣкоторыхъ дикихъ птицъ изъ семейства куриныхъ у обоихъ половъ головы украшены сходнымъ образомъ, все же у нихъ часто замѣчается разница въ величинѣ и формѣ перьевъ, образующихъ эти хохлы. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, у самца золотистаго и у самца Амгерстова фазана (Phasianus pictus и Phasianus Amherstiae) существуетъ тѣсное соотношеніе какъ въ цвѣтѣ, такъ и въ строеніи между перьями головы и перьями поясницы. Поэтому кажется, что одинъ и тотъ же законъ опредѣлилъ состояніе перьевъ на головѣ и на тѣлѣ, какъ у видовъ, живущихъ при естественныхъ условіяхъ, такъ и у птицъ, измѣнявшихся въ домашнемъ состояніи.

ГЛАВА VIII.

Утка.—Гусь.—Павлинъ.—Индюкъ.—Цесарка.—Канарейка.—Золотая рыбка.—Пчела.—Шелковичный червь.

Почти всѣ натуралисты допускаютъ, что различныя породы утокъ произошли отъ обыкновенной дикой утки (Anas boschas); съ другой стороны, какъ это водится, большинство птицеводовъ-любителей раздѣляютъ совершенно иной взглядъ. Не отрицая, что пребываніе въ теченіе многихъ вѣковъ въ домашнемъ состояніи можетъ повліять даже на такіе маловажные признаки, какъ цвѣтъ, величина и, въ незначительной степени, относительные размѣры и душевныя способности, мы все же не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, что домашняя утка произошла отъ обыкновеннаго дикаго вида, такъ какъ они не различаются между собою ни однимъ важнымъ признакомъ. Относительно времени, когда утка была приручена, и постепеннаго ея прирученія, у насъ имѣются нѣкоторыя историческія данныя. Домашняя утка не была извѣстна древнимъ египтянамъ, евреямъ временъ Ветхаго Завѣта и грекамъ во времена Гомера. Около 18 вѣковъ тому назадъ, Колумелла и Варронъ говорятъ о томъ, что утокъ слѣдуетъ держать, какъ другихъ дикихъ птицъ, въ помѣщеніяхъ, покрытыхъ сѣтями, слѣдовательно, еще въ эти времена надо было опасаться, чтобы утки не улетѣли. Сверхъ того, совѣтъ, который Колумелла даетъ желающимъ увеличить количество своихъ утокъ, — именно, чтобы они собирали яйца дикихъ утокъ и давали ихъ высиживать курамъ, показываетъ, по словамъ Диксона, „что утка въ эти времена не сдѣлалась еще натурализованной и плодовитой обитательницей птичьяго двора римлянъ“. Происхожденіе домашней утки отъ дикой, какъ это было замѣчено уже много лѣтъ тому назадъ Альдрованди, доказывается тѣмъ, что почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ для обѣихъ птицъ существуетъ одно и то же названіе. Дикая утка обладаетъ широкимъ географическимъ распространеніемъ, отъ Гималаевъ до Сѣверной Америки. Она легко скрещивается съ домашнею, и ублюдки при подобныхъ скрещиваніяхъ вполнѣ плодовиты.

Какъ въ Сѣверной Америкѣ, такъ и въ Европѣ, оказалось, что

дикая утка легко приручается и разводится. Подобный опытъ былъ съ большою тщательностью произведенъ въ Швеціи Тибуртіусомъ; ему удалось воспитать три поколѣнія дикихъ утокъ, но, несмотря на то, что съ ними обращались совершенно, какъ съ домашними, у нихъ все же не измѣнилось ни одного перышка.

Какъ ни страненъ этотъ фактъ, но дикіе утята точно такимъ же образомъ страдали отъ того, что имъ было позволено плавать въ холодной водѣ, какъ и утята обыкновенной домашней утки. Одинъ добросовѣстный и хорошо извѣстный англійскій наблюдатель м-ръ Юиттъ подробно описалъ свои неоднократно повторявшіеся и удачные опыты прирученія дикихъ утокъ. Утята безъ труда воспитываются изъ яицъ, высиженныхъ бантамскою курицей, однако, для того, чтобы имѣть успѣхъ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ подкладывать подъ одну и ту же курицу яйца дикой и яйца домашней утки, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ „дикіе утята всѣ погибаютъ, оставляя своихъ болѣе выносливыхъ братьевъ пользоваться заботами мачихи. Различіе образа жизни у только что вылупившихся всегда почти навѣрняка влечетъ за собою такія послѣдствія“. Дикіе утята первое время совершенно не боялись лицъ, ухаживавшихъ за ними, пока эти лица были въ томъ же платьѣ, а также не боялись домашнихъ собакъ и кошекъ. Они даже пробовали щипать своимъ клювомъ собакъ и прогоняли ихъ съ того мѣста , на которомъ сами желали расположиться: чужихъ людей и собакъ они, однако, сильно боялись. Въ противоположность наблюденіямъ, произведеннымъ въ Швеціи, Юиттъ нашелъ, что его утята въ теченіе двухъ или трехъ поколѣній постоянно измѣнялись и ухудшались по своимъ признакамъ, несмотря на принятіе большихъ предосторожностей съ цѣлью воспрепятствовать ихъ скрещиванію съ домашними утками. Послѣ трехъ поколѣній птицы эти утратили изящныя движенія дикой утки и стали пріобрѣтать походку обыкновенной домашней. Съ каждымъ поколѣніемъ онѣ становились крупнѣе и лапы ихъ дѣлались менѣе нѣжными. Бѣлое ожерелье вокругъ шеи селезня стало шире и менѣе правильнымъ, а нѣкоторыя изъ болѣе длинныхъ маховыхъ перьевъ перваго ряда сдѣлались болѣе или менѣе бѣлыми. Когда такія измѣненія наступали, г. Юиттъ уничтожалъ почти все племя и добывалъ свѣжія яйца изъ гнѣздъ дикихъ утокъ; такимъ образомъ, онъ никогда не воспитывалъ потомства одной семьи долѣе пяти или шести поколѣній. Птицы его продолжали спариваться между собою, и между ними никогда не наблюдалось полигаміи (многоженства), какъ у домашней утки. Я привелъ эти подробности въ виду того, что, насколько мнѣ извѣстно, это единственный случай, когда съ такою тщательностью были отмѣчены компетентнымъ наблюдателемъ всѣ прогрессивныя измѣненія дикихъ птицъ, воспитывавшихся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній въ домашнихъ условіяхъ.

На основаніи этихъ соображеній, врядъ-ли можетъ быть какое-

либо сомнѣніе въ томъ, что родоначальницей обыкновенной домашней утки была дикая. Для болѣе рѣзко выраженныхъ породъ, каковы пингвиновыя, болтливыя, крючкоклювыя, хохлатыя и лабрадорскія утки, намъ также не приходится искать родоначальныхъ формъ между другими видами.

Я не буду повторять употребленныхъ въ предыдущихъ главахъ доводовъ въ пользу невѣроятности прирученія человѣкомъ въ отдаленныя времена многихъ видовъ, позднѣе неизвѣстныхъ или истребленныхъ, хотя утокъ и не такъ легко истребить въ дикомъ состояніи; не буду также доказывать, что нѣкоторые предполагаемые родоначальные виды должны были бы имѣть, по сравненію со всѣми остальными видами даннаго рода, ненормальные признаки, свойственные, напримѣръ, крючкоклювымъ и пингвиновымъ уткамъ; не буду повторять, что, насколько извѣстно, всѣ породы при скрещиваніи между собою плодовиты и всѣ онѣ имѣютъ въ общемъ тѣ же нравы, инстинкты и т. п. Лишь одинъ фактъ, относящійся къ этому вопросу, долженъ быть отмѣченъ: во всемъ обширномъ семействѣ утиныхъ лишь у одного вида, именно у самца Anas boschas, четыре среднихъ хвостовыхъ пера завиты кверху. Какъ разъ подобныя завитыя перья существуютъ рѣшительно у каждой изъ названныхъ выше домашнихъ породъ, и, предполагая, что породы произошли отъ отдѣльныхъ видовъ, мы должны были бы допустить, что человѣкъ столкнулся первоначально съ видами, которые всѣ обладали этимъ нынѣ единственнымъ въ своемъ родѣ признакомъ. Помимо того, у каждой породы существуютъ подразновидности, окрашенныя почти совершенно тожественно съ дикою уткой, какъ я это видѣлъ на самыхъ крупныхъ и на самыхъ мелкихъ породахъ, именно на руанскихъ и на болтливыхъ уткахъ; это же, по словамъ Брента, встрѣчается у крючкоклювыхъ утокъ. Послѣдній наблюдатель сообщаетъ мнѣ, что скрестилъ бѣлаго эйльсберійскаго селезня съ черною лабрадорскою уткой, и нѣкоторые изъ ихъ утятъ, выросши, получили опереніе дикой утки.

Что касается до пингвиновыхъ утокъ, то я видѣлъ немного подобныхъ экземпляровъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ окрашенъ точь-въ-точь какъ дикая утка. Сэръ Джемсъ Брукъ прислалъ мнѣ, однако, три шкурки ихъ съ острововъ Малайскаго архипелага Ломбокъ и Бали, и двѣ самки оказались свѣтлѣе и рыжѣе дикой утки, селезень же отличался серебристо-сѣрою нижнею и верхнею поверхностью (за исключеніемъ шеи, кроющихъ перьевъ хвоста, самаго хвоста и крыльевъ), испещренною тонкими темными линіями, чѣмъ сильно напоминалъ нѣкоторыя части оперенія дикаго селезня. Я нашелъ, однако, что селезень этотъ тожественъ до послѣдняго перышка съ разновидностью обыкновенной породы, добытой мной съ птичьяго двора одной фермы въ Кентѣ; сходные же экземпляры встрѣчались мнѣ кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ. Существованіе породы утокъ, живущей при такомъ своеобразномъ климатѣ, ка-

ковъ въ Малайскомъ архипелагѣ, гдѣ дикія утки не водятся, и обладающей совершенно такимъ же опереніемъ, какое можетъ случайно встрѣтиться на нашихъ птичьихъ дворахъ, представляетъ изъ себя фактъ, заслуживающій вниманія. Впрочемъ, климатъ Малайскаго архипелага, повидимому, способствуетъ сильнѣйшей измѣнчивости утокъ, такъ какъ Цоллингеръ, говоря о пингвиновой породѣ, замѣчаетъ, что на о-вѣ Ломбокѣ „существуетъ необычайное и поразительное разнообразіе утокъ". Одинъ изъ селезней пингвиновой породы, котораго я держалъ живымъ, отличался отъ селезней, шкурки которыхъ мнѣ были присланы съ Ломбока, тѣмъ, что часть его груди и спины была каштановаго цвѣта; этимъ онъ сильно напоминалъ дикаго селезня.

Основываясь на этихъ фактахъ, особенно же на присутствіи у селезней всѣхъ породъ завитыхъ хвостовыхъ перьевъ и на встрѣчающемся сходствѣ нѣкоторыхъ подразновидностей каждой породы съ общимъ видомъ оперенія дикой утки, мы можемъ заключить съ достовѣрностью, что всѣ породы утокъ произошли отъ обыкновенной дикой утки (Anas boschas). Рисунки 39 — 40 изображаютъ нѣкоторыя остеологическія особенности домашнихъ утокъ, по сравненію съ дикими.

Намъ хорошо извѣстно, что птицы, принадлежащія къ различнымъ отрядамъ и обитающія на океаническихъ островахъ, имѣютъ сильно уменьшенныя крылья и неспособны къ полету. Я высказалъ въ моемъ „Происхожденіи видовъ" предположеніе, что такъ какъ птицы эти не подвергаются преслѣдованіямъ враговъ, то уменьшеніе ихъ крыльевъ обусловлено, по всей вѣроятности, постепенно, все большимъ неупотребленіемъ. Въ виду этого, такія птицы, въ началѣ подобнаго процесса уменьшенія крыльевъ, должны были бы состояніемъ своихъ органовъ полета напоминать нашихъ прирученныхъ утокъ. И, дѣйствительно, мы это видимъ у водяной курочки-камышницы (Gallinula nesiotis) съ о-ва Тристанъ-д'Акунья, которая „можетъ нѣсколько порхать, но обыкновенно пускаетъ въ ходъ при бѣгствѣ не крылья свои, а ноги". Г. Склэтеръ нашелъ, что у этой птицы крылья, грудная кость и клювовидныя (коракоидныя) кости всѣ уменьшены въ длину, а гребень грудной кости уменьшенъ въ вышину, по сравненію съ тѣми же самыми костями европейской зеленоногой камышницы (Gallinula chloropus). Съ другой стороны, кости бедра и таза увеличились въ длину,—первая на 4 линіи длиннѣе тѣхъ же костей у обыкновенной водяной курочки. Такимъ образомъ, въ скелетѣ этого естественнаго вида произошли почти тѣ же, но лишь зашедшія нѣсколько далѣе, измѣненія, какъ и у нашихъ домашнихъ утокъ, и, разумѣется, никто не будетъ оспаривать, что въ послѣднемъ случаѣ измѣненія эти обусловливаются уменьшеніемъ употребленія крыльевъ и увеличеніемъ употребленія ногъ.

Гусь.

Птица эта заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ врядъ-ли какая-либо другая издавна прирученная птица или четвероногое измѣнилось въ столь незначительной степени. Что гуси были приручены въ древности, мы узнаемъ изъ нѣкоторыхъ стиховъ Гомера и изъ того обстоятельства, что гуси держались въ 388 году до Р. Х. въ римскомъ Капитоліи, какъ птицы, посвященныя Юнонѣ,— уже посвященіе это указываетъ на значительную древность. Что гусь все же въ нѣкоторой степени измѣнился, мы можемъ заключить уже изъ того, что натуралисты не пришли къ единодушному заключенію относительно его дикой родоначальной формы; впрочемъ, главная трудность заключается въ существованіи трехъ или четырехъ близко между собою родственныхъ дикихъ европейскихъ видовъ. Значительное большинство знатоковъ по этому вопросу убѣждено, что наши гуси произошли отъ дикаго сѣроногаго гуся (Anser ferus), птенцы котораго могутъ быть легко приручены. Видъ этотъ, при скрещиваніи съ домашнимъ гусемъ, которое было произведено въ лондонскомъ Зоологическомъ Саду, какъ мнѣ было сообщено въ 1849 г., даетъ вполнѣ плодовитое потомство. Іаррелль наблюдалъ, что нижняя часть дыхательнаго горла у домашняго гуся иногда сплющена, и что основаніе клюва иногда окружено кольцомъ бѣлыхъ перьевъ. Эти признаки, какъ кажется на первый взглядъ, представляютъ изъ себя указанія на скрещиванія въ прежнія времена съ бѣлолобымъ гусемъ (Anser albifrons); однако, у этого послѣдняго вида бѣлое кольцо измѣнчиво, и къ тому же мы не должны упускать изъ вида закона аналогичной измѣнчивости, т. е. того обстоятельства, что одинъ видъ принимаетъ часто нѣкоторые признаки родственныхъ видовъ.

Такъ какъ организація гуся выказываетъ столь малую гибкость при продолжительномъ пребываніи въ домашнемъ состояніи, то всѣ измѣненія, которыя онъ претерпѣлъ, заслуживаютъ описанія. Величина его возросла, а равно и плодовитость, цвѣтъ его измѣняется отъ бѣлаго до темно-сѣраго. Нѣкоторые наблюдатели утверждали, что гусакъ чаще бываетъ бѣлымъ, чѣмъ гусыня, и что въ старости онъ всегда неизмѣнно получаетъ бѣлую окраску, чего мы не находимъ у родоначальной формы, у сѣроногаго гуся (Anser ferus). Однако, и здѣсь можетъ принимать участіе законъ аналогичной измѣнчивости, такъ какъ снѣжно-бѣлый самецъ южнополярнаго морского гуся (Bernicla antarctica), стоящій на морскомъ берегу рядомъ со своей темно-сѣрой подругой, представляетъ изъ себя зрѣлище, хорошо извѣстное всѣмъ, кто проѣзжалъ по проливамъ Огненной Земли и Фалькландскихъ острововъ. У нѣкоторыхъ гусей находится на головѣ хохолъ изъ перьевъ и подъ нимъ, какъ указано выше, черепъ продыравленъ. Въ недавнее время образо-

валась подпорода съ завороченными перьями на спинной сторонѣ головы и шеи. Клювъ нѣсколько измѣнчивъ по своей величинѣ и болѣе желтаго оттѣнка, чѣмъ у дикаго вида; цвѣтъ его, однако, равно какъ и цвѣтъ ногъ, слегка измѣнчивъ. Этотъ послѣдній фактъ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ цвѣтъ ногъ и клюва находитъ большое примѣненіе при различеніи многихъ близко родственныхъ формъ. На нашихъ выставкахъ показываются обыкновенно двѣ породы, именно, эмбденская и тулузская, но онѣ ничѣмъ не различаются, кромѣ цвѣта. Въ недавнее время была ввезена изъ Севастополя своеобразная разновидность меньшей величины и, какъ я слышалъ отъ г. Тегетмейера, приславшаго мнѣ образчики ея, съ сильно удлиненными завитыми и даже спирально завитыми перьями на лопаткахъ. Края этихъ перьевъ, вслѣдствіе расхожденія ихъ бородокъ и бородочекъ, сдѣлались пушистыми, такъ что они до нѣкоторой степени напоминаютъ перья на спинѣ чернаго австралійскаго лебедя. Перья эти замѣчательны также и по своему центральному стержню, который чрезвычайно тонокъ, прозраченъ и расщепляется на тонкія ниточки, которыя, будучи на нѣкоторомъ разстояніи свободны, далѣе соединяются иногда между собой. Интересно, что эти ниточки правильно усѣяны съ каждой стороны мелкимъ пухомъ или же бородочками, совершенно похожими на тѣ, которыми покрыты сами бородки пера. Такое строеніе перьевъ передается и полукровнымъ птицамъ. У Gallus Sonneratii бородки и бородочки перьевъ соединяются между собой и образуютъ тонкія роговыя пластинки одинаковаго характера, какъ и стержень, у данной же разновидности гуся стержень раздѣляется на ниточки, которыя получаютъ бородочки, и такимъ образомъ напоминаютъ настоящія бородки.

Хотя домашній гусь несомнѣнно нѣсколько различается отъ всѣхъ извѣстныхъ дикихъ видовъ, все же измѣненія, которыя онъ претерпѣлъ, по сравненію съ тѣмъ, что мы видимъ у большинства домашнихъ животныхъ, необычайно малы. Фактъ этотъ можетъ быть до нѣкоторой степени объясненъ тѣмъ, что подборъ здѣсь очень мало примѣнялся. Всякаго рода птицы, раздѣляющіяся на множество породъ, цѣнятся обыкновенно какъ украшеніе, или какъ забава; однако, никто не находилъ удовольствія въ разведеніи гусей; уже самое названіе „гусь“ составляетъ на многихъ языкахъ бранное слово. Гусь цѣнится за свою величину и вкусъ, за бѣлизну перьевъ, увеличивающую его стоимость, за плодовитость и довѣрчивость къ людямъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ домашній гусь отличается отъ своего дикаго родоначальника, и эти-то признаки и подбирались человѣкомъ. Уже въ древности римскіе гастрономы цѣнили печень *бѣлаго* гуся, а въ 1555 г. Петръ Белонъ говоритъ о двухъ разновидностяхъ, изъ которыхъ одна крупнѣе, плодовитѣе и лучше по своему цвѣту, чѣмъ другая; онъ ясно указываетъ далѣе, что хорошіе хозяева обращаютъ

вниманіе на цвѣтъ гусятъ, чтобы знать, которыхъ изъ нихъ сохранить и выбрать на племя.

Павлинъ.

Другою птицею, едва измѣнившеюся въ домашнемъ состояніи, является павлинъ: онъ измѣнился развѣ въ томъ, что бываетъ иногда бѣлымъ или пѣгимъ. Г. Уотергаусъ сообщаетъ мнѣ, что онъ тщательно сравнилъ шкурки дикаго индѣйскаго и домашняго павлина, и онѣ оказались во всѣхъ отношеніяхъ тожественными, за исключеніемъ развѣ большей густоты оперенія у послѣдняго. Произошли-ли наши павлины отъ тѣхъ, которые были ввезены въ Европу во времена Александра Македонскаго, или они были ввезены позднѣе, пока не рѣшено. Они не особенно свободно размножаются у насъ и рѣдко содержатся въ большомъ количествѣ,— обстоятельства, которыя сильно препятствуютъ постепенному подбору и образованію новыхъ породъ.

Существуетъ странный фактъ, касающійся павлиновъ, именно случайное появленіе въ Англіи „лоснящейся“ [1]) или „черноплечей“ породы. Форма эта была въ послѣднее время, высокимъ авторитетомъ г. Склэтера, возведена въ особый видъ именно Pavo nigripennis, и онъ полагаетъ, что она будетъ впослѣдствіи найдена дикой въ какой-либо странѣ, но лишь не въ Индіи, гдѣ она рѣшительно неизвѣстна. Самцы этой черноплечей породы явственно отличаются отъ обыкновеннаго павлина по цвѣту своихъ маховыхъ перьевъ второго ряда, перьевъ на лопаткахъ, кроющихъ перьевъ крыла и перьевъ на бедрахъ,—по моему мнѣнію, порода эта гораздо красивѣе. Они значительно менѣе обыкновенныхъ павлиновъ и, какъ я слышалъ отъ А. С. Кеннинга, постоянно побѣждаются послѣдними въ дракахъ. Самки окрашены гораздо свѣтлѣе, чѣмъ самки обыкновеннаго павлина. Птицы обоихъ половъ, какъ сообщаетъ мнѣ г. Кеннингъ, какъ только онѣ оставляютъ яйцо, бѣлы и отличаются отъ птенцовъ бѣлой разновидности павлина лишь свойственнымъ имъ розоватымъ оттѣнкомъ крыльевъ. Эти „лоснящіеся“ павлины, хотя и появляются внезапно въ стадахъ обыкновеннаго сорта, передаютъ съ полнымъ постоянствомъ свои особенности потомству. Если они и не походятъ на гибридовъ (ублюдковъ), происходящихъ при скрещиваніи Pavo cristatus и P. muticus, то все же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣютъ промежуточный характеръ между этими двумя видами, и это обстоятельство благопріятствуетъ, какъ предполагаетъ г. Склэтеръ, мнѣнію, что они образуютъ отдѣльный и естественный видъ.

Съ другой стороны, сэръ Р. Геронъ указываетъ, что на его памяти эта порода появилась внезапно въ большомъ стадѣ пѣгихъ,

[1]) Въ подлинникѣ japanned, что значитъ буквально „лакированный“.

бѣлыхъ и обыкновенныхъ павлиновъ лорда Браунлоу. То же случилось въ стадѣ сэра Дж. Тревеліана, состоявшемъ исключительно изъ обыкновенныхъ павлиновъ, и въ стадѣ г. Торнтона — изъ обыкновенныхъ и пѣгихъ павлиновъ. Замѣчательно, что въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ черноплечая порода, несмотря на свою мелкость и слабость, размножилась „до полнаго исчезновенія породы, существовавшей ранѣе". Чрезъ посредство г. Склэтера я получилъ также указаніе Гудсона-Герней, что онъ много лѣтъ тому назадъ вывелъ пару черноплечихъ павлиновъ отъ павлиновъ обыкновеннаго сорта. Другой орнитологъ, проф. А. Ньютонъ, сообщаетъ, что 5 или 6 лѣтъ тому назадъ имъ была получена самка павлина, во всѣхъ отношеніяхъ сходная съ самками черноплечей породы, отъ стада обыкновенныхъ павлиновъ, принадлежавшаго ему и не скрещивавшагося въ теченіе болѣе чѣмъ 20 лѣтъ съ птицами какой-либо другой семьи. Г. Дженнеръ Уэйръ сообщаетъ мнѣ, что въ Блэкгитѣ одинъ изъ павлиновъ, птенцомъ бывшій бѣлаго цвѣта, выросши, постепенно принималъ признаки черноплечей разновидности; родители его оба были обыкновенные павлины. Наконецъ, г. Кеннингъ приводитъ случай появленія самки той же разновидности въ Ирландіи въ стадѣ обыкновенныхъ павлиновъ. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, въ Великобританіи за послѣдніе годы семь вполнѣ достовѣрныхъ случаевъ внезапнаго появленія черноплечихъ птицъ въ стадахъ обыкновенныхъ павлиновъ. Эта разновидность должна была появляться и ранѣе въ Европѣ, такъ какъ г. Кеннингъ видѣлъ старинную картину, на которой изображена такая разновидность, и другая подобная картина упоминается въ журналѣ „Field". Какъ мнѣ кажется, факты эти указываютъ на то, что черноплечій павлинъ—рѣзко выраженная разновидность или „игра природы", имѣющая наклонность появляться во всякое время и въ различныхъ мѣстностяхъ. Взглядъ этотъ подкрѣпляется тѣмъ, что черноплечій птенецъ первоначально бѣлаго цвѣта, подобно птенцамъ бѣлой породы, которая уже безъ всякаго сомнѣнія является разновидностью. Если, съ другой стороны, мы предположимъ, что черноплечій павлинъ представляетъ особый видъ, то мы должны допустить, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ обыкновенная порода въ прежнія времена скрещивалась съ этимъ видомъ, но совершенно утратила всѣ слѣды этого скрещиванія, теперь же потомство этихъ птицъ пріобрѣтаетъ, путемъ возврата, внезапно всѣ признаки, характерные для Pavo nigripennis. О какомъ либо другомъ подобномъ случаѣ въ царствѣ животныхъ или въ царствѣ растеній мнѣ никогда не приходилось слышать. Чтобы замѣтить все невѣроятіе этого случая, предположимъ, что какая-нибудь порода собакъ скрещивалась въ прежнія времена съ волкомъ, но затѣмъ утратила всѣ признаки, свойственные волку, и теперь имѣется семь случаевъ, когда порода эта производитъ въ одной и той же странѣ и въ теченіе не особенно большого періода времени, волковъ съ рѣшительно всѣми свойственными имъ

характерными признаками. Далѣе, мы должны были бы предположить, что въ двухъ изъ этихъ случаевъ появившіеся такимъ образомъ новые волки размножаются опять до такой степени, что ведутъ къ исчезновенію родоначальной породы собакъ. Еслибы такая замѣчательная порода, какъ P. nigripennis была когда либо ввезена, она тотчасъ получила бы значительную цѣнность, и потому мало вѣроятія, чтобы она была ввезена безо всякаго объ этомъ упоминанія, и чтобы исторія ея позднѣе утратилась. Въ общемъ, мнѣ кажется очевиднымъ, такъ же какъ это казалось Р. Герону, что все говоритъ въ пользу мнѣнія, по которому черноплечая порода является разновидностью, произведенной какой-либо неизвѣстной причиной. Съ этой точки зрѣнія, данный случай кажется наиболѣе замѣчательнымъ изо всѣхъ когда-либо приведенныхъ случаевъ внезапнаго появленія новой формы, которая до такой степени имѣетъ характеръ настоящаго вида, что обманула даже одного изъ самыхъ опытныхъ современныхъ орнитологовъ.

Индюкъ (индѣйскій пѣтухъ).

Г. Гульдомъ установлено, какъ кажется, довольно прочно, что индюкъ, согласно съ исторіей перваго ввоза его въ Европу, произошелъ отъ дикой мексиканской формы, которая была приручена туземцами до открытія Америки и въ настоящее время разсматривается обыкновенно какъ мѣстная порода, а не какъ особый видъ. Какъ бы тамъ ни было, но обстоятельство это заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ индюки часто ухаживаютъ за домашними индѣйками, происшедшими отъ мексиканскихъ, и ухаживанія ихъ „обыкновенно принимаются послѣдними съ большимъ удовольствіемъ“. Опубликованы также нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, что индюшата, выведенныя въ Соединенныхъ Штатахъ изъ яицъ дикаго вида, скрещивались и смѣшивались съ обыкновенной домашней породой. Въ Англіи этотъ же самый видъ содержался въ нѣсколькихъ паркахъ. У. Д. Фоксъ добылъ изъ двухъ такихъ парковъ птицъ, которыя свободно скрещивались съ обыкновенной домашней породой, и затѣмъ, какъ онъ мнѣ сообщаетъ, въ теченіе многихъ лѣтъ всѣ индюки въ окрестности явственно выказывали слѣды своего смѣшаннаго происхожденія. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, случай измѣненія домашней породы, при скрещиваніи съ особой дикой породой или видомъ. Ф. Мишо предполагалъ еще въ 1802 г., что обыкновенный домашній индюкъ произошелъ не только отъ вида, свойственнаго Соединеннымъ Штатамъ, но также и отъ Южной формы; онъ шелъ даже далѣе и полагалъ, что англійскіе и французскіе индюки различаются между собою. такъ какъ кровь двухъ родоначальныхъ формъ смѣшана въ нихъ въ неравной пропорціи.

Англійскіе индюки мельче обѣихъ дикихъ формъ. Они измѣн-

чивы не въ сильной степени, но все же между ними можетъ быть различено нѣсколько породъ, напримѣръ, норфолькская, суффолькская, бѣлая и мѣдно-цвѣтная или кембриджская, и всѣ онѣ, если воспрепятствовать скрещиванію съ другими породами, при размноженіи даютъ чистокровное потомство. Изъ этихъ породъ наиболѣе рѣзко отличающеюся являются небольшіе, плотные, черные норфолькскіе индюки, индюшата которыхъ черны, иногда съ бѣлыми пятнами на головѣ. Другія породы едва-ли отличаются чѣмъ-либо кромѣ цвѣта, и индюшата ихъ обыкновенно сплошь покрыты буровато-сѣрыми крапинами. Нижнія кроющія перья хвоста измѣнчивы въ числѣ и, слѣдуя нѣмецкому суевѣрію, „индюшка кладетъ столько яицъ, сколько у индюка такихъ перьевъ". Альбинъ въ 1738 г. и Теммингъ въ значительно болѣе поздній періодъ описали превосходную породу—рыжевато-желтую, бурую сверху и бѣлую снизу, съ большимъ хохломъ изъ мягкихъ пушистыхъ перьевъ и съ зачаточными шпорами у самца. Порода эта уже много времени тому назадъ исчезла въ Европѣ, но живой образчикъ ея былъ недавно привезенъ съ западнаго берега Африки, и у него оказались сохранившимися хохолъ, та же самая общая окраска и зачаточныя шпоры. Уильмотъ описалъ бѣлаго индюка съ хохломъ, состоявшимъ изъ „перьевъ около четырехъ дюймовъ длиною, съ голыми стержнями и съ пучкомъ мягкаго, бѣлаго пуха, выросшимъ на концѣ". Многіе изъ индюшатъ унаслѣдовали такой хохолъ, позднѣе, однако, онъ либо выпалъ, либо былъ выщипанъ другими птицами. Случай этотъ интересенъ, такъ какъ, если бы были приложены старанія, вѣроятно, образовалась бы новая порода, а хохолъ подобнаго характера былъ бы до нѣкоторой степени аналогиченъ тѣмъ, которые украшаютъ самцовъ нѣкоторыхъ близкихъ родовъ, каковы, напримѣръ, Euplocomus, Lophophorus и Pavo.

Дикіе индюки, которые въ каждомъ данномъ случаѣ считались ввезенными изъ Соединенныхъ Штатовъ, разводились въ паркахъ лорда Поуиса, Лейстера, Гилля и Дерби. У. Д. Фоксъ добылъ птицъ изъ двухъ первыхъ парковъ и сообщаетъ мнѣ, что онѣ рѣшительно различаются нѣсколько между собою по формѣ тѣла и по полосатому оперенію своихъ крыльевъ. Птицы эти отличались также и отъ птицъ лорда Гилля. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя разводились въ Ультонѣ П. Эджертономъ и, несмотря на то, что имъ препятствовали скрещиваться съ обыкновенными индюками, онѣ производили иногда случайно птицъ, окрашенныхъ свѣтлѣе; одна изъ такихъ птицъ была даже почти бѣлой, хотя и не была альбиносомъ. Полудикіе индюки эти представляли, по существованію малыхъ различій между ними, случай, аналогичный съ дикимъ рогатымъ скотомъ, разводимымъ въ нѣкоторыхъ британскихъ паркахъ. Мы должны предположить, что такія различія обусловливаются препятствіями къ свободному скрещиванію между птицами, распространенными по обширному пространству, а также и измѣненіемъ условій существованія, въ которыя онѣ

попадаютъ въ Англіи. Въ Индіи климатъ, повидимому, вызвалъ еще большія измѣненія въ индюкѣ, такъ какъ г. Блайтъ говоритъ, что индюки тамъ сильно выродились по величинѣ и „совершенно не способны подняться на крыльяхъ“. Они чернаго цвѣта, и длинные висячіе надклювные придатки у нихъ необыкновенно сильно развиты.

Цесарка.

Нѣкоторые натуралисты въ настоящее время полагаютъ, что домашняя цесарка произошла отъ Numida ptilorhynca, живущей въ очень жаркихъ и отчасти чрезвычайно пустынныхъ мѣстностяхъ восточной Африки; слѣдовательно, въ нашей странѣ она была подвергнута совершенно инымъ условіямъ существованія. Тѣмъ не менѣе, цесарка почти вовсе не измѣнилась, за исключеніемъ развѣ того, что ея опереніе стало или свѣтлѣе, или темнѣе окрашеннымъ. Замѣчательно то обстоятельство, что птица эта сильнѣе измѣняется въ окраскѣ въ Вестъ-Индіи и въ испанскихъ владѣніяхъ, гдѣ климатъ хотя и влажный, но зато гораздо болѣе жаркій, чѣмъ въ Европѣ. Цесарка совершенно одичала на о. Ямайкѣ и Санъ-Доминго, причемъ уменьшилась по своимъ размѣрамъ и ноги ея сдѣлались черными, тогда какъ ноги коренной африканской птицы, какъ говорятъ, сѣры. Это незначительное измѣненіе заслуживаетъ вниманія въ виду того, что часто утверждаютъ, будто всѣ одичавшія животныя возвращаются по всѣмъ своимъ признакамъ къ своему родоначальному типу.

Канарейка.

Въ виду того, что канарейка была одомашнена въ недавнее время, именно, въ теченіе послѣднихъ 350 лѣтъ, измѣнчивость ея заслуживаетъ вниманія. Она скрещивалась съ 9 или 10 другими видами семейства вьюрковыхъ (Fringillidae), и нѣкоторые изъ ублюдковъ были вполнѣ плодовиты; однако, мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ того, чтобы отъ этихъ скрещиваній произошла какая-либо вполнѣ опредѣленная порода. Несмотря на небольшую давность прирученія канарейки, было выведено много ея разновидностей; еще до 1718 г. во Франціи былъ опубликованъ списокъ 27 разновидностей канарейки, а въ 1779 г. лондонскимъ канареечнымъ обществомъ (London Canary Society) былъ напечатанъ длинный списокъ тѣхъ качествъ, которыя желательны для этой птицы, такъ что методическій подборъ примѣнялся, слѣдовательно, въ теченіе значительнаго періода. Большинство разновидностей различается между собою всего лишь окраскою и отмѣтинами на опереніи. Нѣкоторыя породы, однако,

различаются и формою, таковы, напримѣръ, такъ называемыя подвязанныя или скорченныя канарейки (hooped or bowed) и бельгійскія канарейки съ ихъ сильно удлиненнымъ тѣломъ. Г. Брентъ измѣрилъ одну изъ послѣднихъ и нашелъ, что она имѣетъ длину 8 дюймовъ, тогда какъ дикая канарейка длиною всего въ 5 дюймовъ съ четвертью. Существуютъ также канарейки съ хохолками изъ перьевъ на головѣ, и очень замѣчательно то обстоятельство, что если спаривать двухъ хохлатыхъ птицъ, то птенецъ, вмѣсто того, чтобы быть съ хорошимъ хохломъ, получается обыкновенно лысымъ или даже имѣетъ ранку на головѣ. Изъ этого какъ будто видно, что хохолокъ обусловливается нѣкоторымъ болѣзненнымъ состояніемъ, которое усиливается до того, что становится вреднымъ для птицы, если спариваются двѣ канарейки, находящіяся въ этомъ состояніи. Существуетъ также порода съ оперенными ногами и другая, у которой по груди спускается нѣчто вродѣ воротничка. Еще одинъ признакъ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ онъ ограниченъ извѣстнымъ періодомъ жизни птицы и строго наслѣдуется въ этомъ періодѣ—это, именно, черный цвѣтъ перьевъ крыла и хвоста у призовыхъ канареекъ,—„цвѣтъ этотъ удерживается лишь до первой линьки; какъ только птицы полиняли, особенность эта исчезаетъ“. Канарейки различаются сильно по своему нраву и характеру, а также въ нѣкоторой слабой степени и по своему пѣнію. Онѣ кладутъ яйца 3 или 4 раза въ теченіе года.

Золотая рыбка.

За исключеніемъ млекопитающихъ и птицъ, лишь немногія животныя, принадлежащія къ другимъ обширнымъ классамъ, были приручены человѣкомъ; однако, чтобы показать полную общность закона, по которому животныя, изъятыя изъ своихъ естественныхъ условій существованія, всегда измѣняются, и чтобы доказать, что породы могутъ быть образованы путемъ примѣненія подбора, необходимо сказать нѣсколько словъ и о золотой рыбкѣ, пчелахъ и шелковичномъ червѣ.

Золотая рыбка (Cyprinus auratus) была ввезена въ Европу всего лишь два или три столѣтія тому назадъ, но въ Китаѣ она разводилась въ неволѣ уже съ очень древнихъ временъ. На основаніи аналогичной измѣнчивости другихъ рыбъ, г. Блайтъ предполагаетъ, что рыбки съ золотистой окраской не встрѣчаются въ естественномъ состояніи. Эти рыбки живутъ часто при самыхъ неестественныхъ условіяхъ, и потому измѣнчивость ихъ въ цвѣтѣ, въ величинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ важныхъ сторонахъ организаціи очень велика. Совиньи описалъ и далъ раскрашенные рисунки не менѣе, чѣмъ 89 разновидностей. Многія изъ разновидностей, каковы, напримѣръ, разновидности съ тройными хво-

стовыми плавниками, могутъ быть названы уродливостями, но вообще между разновидностью и уродливостью трудно провести сколько-нибудь рѣзкую границу. Такъ какъ золотыя рыбки разводятся для украшенія и для забавы, и „китайцы являются именно такимъ народомъ, который способенъ подобрать какія-либо случайныя измѣненія и затѣмъ путемъ спариванія размножить ихъ“, то можно бы уже заранѣе предсказать, что подборъ въ широкой степени практиковался при образованіи новыхъ породъ; такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Въ одномъ древнемъ китайскомъ сочиненіи сказано, что рыба съ киноварно-красною чешуею была получена въ неволѣ впервые во времена династіи Сунь (которая началась въ 960 году до Р. Х.) „и въ настоящее время онѣ разводятся повсюду въ семьяхъ ради украшенія“. Въ другомъ еще болѣе древнемъ сочиненіи сказано, что „нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы не разводилась золотая рыбка, и гдѣ бы не старались *перещеголять* другихъ ея окраской и не извлекали бы изъ нея выгоду“, и т. д. Хотя и существуетъ много породъ, но весьма необычайнымъ является обстоятельство, что разновидности часто не наслѣдственны. Сэръ Р. Геронъ держалъ множество этихъ рыбокъ и отсаживалъ въ особый прудъ всѣхъ уродливыхъ между ними, напримѣръ такихъ, у которыхъ не было спинныхъ плавниковъ или которыя были снабжены двойнымъ заднепроходнымъ (анальнымъ) плавникомъ, или тройнымъ хвостовымъ; однако, эти отсаженныя „не производили относительно бо́льшаго количества уродливаго потомства, по сравненію съ нормальными рыбками“. Обходя молчаніемъ почти безконечное разнообразіе окраски, мы остановимся на наиболѣе необычайныхъ измѣненіяхъ строенія. Г. Іаррелль наблюдалъ между приблизительно двумя дюжинами экземпляровъ золотыхъ рыбокъ, купленныхъ въ Лондонѣ, нѣсколько такихъ, у которыхъ спинной плавникъ тянулся болѣе чѣмъ на длину половины спины; у другихъ этотъ плавникъ былъ сокращенъ всего лишь до 5 или 6 лучей, тогда какъ у одной рыбки его совершенно не было. Заднепроходные плавники иногда бываютъ двойными, а хвостовой плавникъ часто тройной. Это послѣднее отклоненіе въ строеніи происходитъ, по видимому, обыкновенно „на счетъ какого-нибудь цѣлаго другого плавника или его части“; однако, Бори-де-Сенъ Венсанъ видѣлъ въ Мадридѣ золотую рыбку, снабженную спиннымъ плавникомъ и тройнымъ хвостовымъ. Одна изъ разновидностей характеризуется горбомъ на спинѣ, недалеко отъ головы, и Л. Дженинсъ описалъ еще болѣе необыкновенную разновидность, ввезенную изъ Китая, которая была по своей формѣ шарообразна подобно иглотѣлу или ежу-рыбѣ (Diodon) „съ мясистой частью хвоста какъ бы совершенно отрѣзанной и съ хвостовымъ плавникомъ, расположеннымъ нѣсколько позади спинного и непосредственно надъ заднепроходнымъ“. У этой рыбы заднепроходный и хвостовой плавники были двойными; заднепроходный плавникъ былъ прикрѣпленъ къ тѣлу

по вертикальной линіи, и глаза были также чудовищно велики и выпуклы.

Пчела.

Пчелы были приведены въ домашнее состояніе во времена очень древнія, если только вообще ихъ можно считать находящимися въ домашнемъ состояніи, такъ какъ онѣ сами отыскиваютъ себѣ пищу, за исключеніемъ развѣ того незначительнаго количества ея, которое имъ дается въ теченіе зимы. Жилищемъ ихъ является улей, вмѣсто древеснаго дупла. Впрочемъ, пчелы были перевезены почти во всѣ части свѣта, такъ что климатъ долженъ былъ произвести на нихъ все то непосредственное вліяніе, которое онъ только въ состояніи произвести. Часто утверждаютъ, что пчелы въ различныхъ частяхъ Великобританіи различаются по величинѣ, цвѣту и темпераменту; точто также Гордонъ говоритъ, что онѣ обыкновенно крупнѣе въ южной части Франціи, нежели въ другихъ частяхъ ея. Утверждали тоже, что небольшая, коричневая пчела Верхней Бургундіи, перенесенная въ La Bresse, становится уже во второмъ поколѣніи крупной и желтой. Всѣ эти факты, однако, требуютъ подтвержденія. Что касается до величины, то извѣстно, что пчелы, происшедшія изъ очень старыхъ сотовъ, мельче, такъ какъ ячейки сотовъ становятся меньше, благодаря послѣдовательному отложенію старыхъ коконовъ. Наилучшіе авторитеты согласны между собою въ томъ, что, за исключеніемъ лигурійской породы или вида, о которой я сейчасъ скажу, ни въ Британіи, ни на континентѣ не существуетъ особыхъ породъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ одномъ и томъ же ульѣ замѣчается нѣкоторая измѣнчивость въ цвѣтѣ. Такъ, г. Уудбёри указываетъ, что онъ нѣсколько разъ видѣлъ пчелиныхъ матокъ обыкновенной породы, которыя, подобно маткамъ лигурійской породы, имѣли желтыя кольца, а также видѣлъ лигурійскихъ, которыя были темно окрашены, подобно обыкновеннымъ пчеламъ. Онъ наблюдалъ также измѣненіе окраски у трутней при отсутствіи соотвѣтствующаго различія у матокъ и у работницъ того же самаго улья. Знаменитый пчеловодъ Дзіерзонъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ по этому поводу, говоритъ, что въ Германіи пчелы нѣкоторыхъ ульевъ явственно темны, тогда какъ другія бросаются въ глаза своимъ желтымъ цвѣтомъ. Въ различныхъ областяхъ пчелы также, повидимому, различаются по своимъ привычкамъ, такъ какъ Дзіерзонъ прибавляетъ: „многіе улья пчелъ со всѣмъ своимъ потомствомъ болѣе склонны къ роенію, тогда какъ другіе богаче медомъ, такъ что нѣкоторые изъ пчеловодовъ даже различаютъ роящихся и медоносныхъ пчелъ; привычка эта сдѣлалась второю натурой и обусловлена принятымъ способомъ разведенія пчелъ и свойствами луговъ въ окрестностяхъ. Какая, напримѣръ, значительная разница замѣчается въ этомъ отношеніи между пче-

лами Люненбургской вересковой степи и пчелами нашей страны"... „Безошибочнымъ способомъ удержать самый сильный улей отъ роенія и предотвратить выведеніе трутней служитъ у насъ здѣсь удаленіе старой матки и замѣщеніе ея молодою маткой текущаго года; то же самое средство, однако, примѣненное въ Гановерѣ, осталось бы, навѣрное, безъ успѣха". Я добылъ улей, полный мертвыми пчелами, съ о-ва Ямайки, гдѣ послѣднія уже давно разводятся, и, при тщательномъ сличеніи ихъ подъ микроскопомъ съ моими собственными пчелами, не могъ открыть между ними ни слѣда какого-нибудь различія.

Это замѣчательное однообразіе въ строеніи пчелъ, гдѣ бы онѣ ни разводились, по всей вѣроятности, объясняется большою трудностью, или, скорѣе, невозможностью примѣнить подборъ при спариваніи отдѣльныхъ матокъ и трутней, такъ какъ эти насѣкомыя совокупляются лишь во время полета. Не существуетъ также ни одного указанія, за однимъ единственнымъ частнымъ исключеніемъ, чтобы кто-либо отдѣлялъ и выводилъ особо пчелъ изъ улья, въ которомъ рабочія представляютъ какія-либо замѣтныя отличія. Какъ намъ теперь извѣстно, для образованія новой породы было бы совершенно необходимо полное разобщеніе съ другими пчелами, такъ какъ, послѣ введенія лигурійской пчелы въ Германію и Англію, было замѣчено, что трутни этой породы залетали, по крайней мѣрѣ, за двѣ мили отъ своихъ собственныхъ ульевъ и скрещивались часто съ матками обыкновенныхъ пчелъ. Лигурійская пчела, несмотря на свою полную плодовитость при скрещиваніи съ обыкновенною пчелой, разсматривается большинствомъ натуралистовъ, какъ особый видъ, тогда какъ другіе считаютъ ее разновидностью: объ этой формѣ, однако, мы можемъ здѣсь и не упоминать, такъ какъ нѣтъ основанія полагать, что она произведена послѣ одомашненія. Египетскія и нѣкоторыя другія пчелы также разсматриваются докторомъ Герштекеромъ, какъ мѣстныя разновидности (географическія породы), но такими ихъ не считаютъ другіе чрезвычайно компетентные изслѣдователи; докторъ Герштекеръ основываетъ свое заключеніе главнымъ образомъ на томъ обстоятельствѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Крыму и на островѣ Родосѣ, пчела такъ сильно измѣняется въ цвѣтѣ, что многія мѣстныя разновидности могутъ быть связаны между собою промежуточными формами.

Я упомянулъ выше о существованіи единичнаго случая отдѣленія и сохраненія пчелъ особой семьи. Лоу добылъ отъ одного крестьянина, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Эдинбурга, нѣкоторое количество пчелъ и замѣтилъ, что онѣ отличались отъ обыкновенныхъ пчелъ болѣе свѣтлою окраской волосковъ и бо̀льшимъ обиліемъ на головѣ и груди. Судя по времени введенія въ Великобританію лигурійской пчелы, мы можемъ съ достовѣрностью заключить, что пчелы Лоу не были скрещены съ этой породой. Лоу размножалъ свою разновидность, но, къ несчастью, не отдѣлилъ

этой семьи отъ другихъ пчелъ, и, послѣ трехъ поколѣній, новый признакъ почти совершенно утратился. Тѣмъ не менѣе, какъ онъ добавляетъ, „большое число пчелъ удержало все же слѣды, хотя и слабые, качествъ родоначальной колоніи“. Этотъ случай показываетъ намъ, что, по всей вѣроятности, можетъ быть произведено тщательнымъ и продолжительнымъ подборомъ, примѣняемымъ исключительно къ рабочимъ пчеламъ, такъ какъ мы видѣли, что матокъ и трутней нельзя подбирать и спаривать.

Шелковичный червь.

Насѣкомыя эти интересны для насъ во многихъ отношеніяхъ, особенно же въ виду того, что они съ давнихъ поръ сильно измѣнялись въ раннемъ возрастѣ, и измѣненія эти наслѣдовались въ соотвѣтствующемъ возрастѣ. Такъ какъ цѣнность шелковичнаго червя зависитъ исключительно отъ коконовъ, то каждое измѣненіе въ строеніи и свойствахъ послѣднихъ обращало на себя вниманіе, и производились породы, сильно различающіяся по коконамъ, но почти вовсе не различающіяся во взросломъ состояніи; у большинства же породъ другихъ домашнихъ животныхъ близко сходны между собою молодыя животныя, тогда какъ во взросломъ состояніи они значительно различаются.

Будь это даже возможно, было бы безполезно описывать всѣ породы шелковичныхъ червей. Въ Индіи и Китаѣ существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ видовъ, которые производятъ пригодный для употребленія шелкъ, и нѣкоторые изъ нихъ могутъ свободно скрещиваться съ обыкновеннымъ тутовымъ шелкопрядомъ, какъ это было недавно доказано на опытѣ во Франціи. Капитанъ Гёттонъ указываетъ, что на всемъ земномъ шарѣ обращено въ домашнее состояніе не менѣе 6 видовъ шелковичныхъ червей, и онъ полагаетъ, что тѣ, которые разводятся въ Европѣ, принадлежатъ къ двумъ или тремъ видамъ. Это мнѣніе, впрочемъ, не раздѣляется многими авторитетными изслѣдователями, съ особенною тщательностью занимавшимися разведеніемъ этого насѣкомаго во Франціи; оно врядъ-ли соотвѣтствуетъ и фактамъ, которые мы сейчасъ приведемъ. Личинка обыкновеннаго тутоваго шелкопряда (Bombyx mori) была привезена въ Константинополь въ VI столѣтіи, откуда была переселена въ Италію и въ 1494 г. во Францію. Всѣ обстоятельства благопріятствовали измѣнчивости этого насѣкомаго. Полагаютъ, что оно находилось въ Китаѣ въ домашнемъ состояніи еще за 2700 лѣтъ до Р. Хр.; оно разводилось при неестественныхъ и самыхъ разнообразныхъ условіяхъ существованія и было перенесено въ самыя различныя страны. Есть основаніе думать, что природа пищи, даваемой гусеницѣ, вліяетъ до нѣкоторой степени на характеръ породы. Неупотребленіе, очевидно, содѣйствовало задержкѣ развитія крыльевъ; самымъ важнымъ эле-

ментомъ, однако, въ образованіи многихъ, нынѣ существующихъ и сильно видоизмѣненныхъ, породъ являлось, безъ сомнѣнія, то усиленное вниманіе, которое обращалось во многихъ мѣстностяхъ на каждое измѣненіе, обѣщающее выгоду. Извѣстно, съ какой заботливостью производится въ Европѣ подборъ лучшихъ коконовъ и лучшихъ бабочекъ для разводки; произведеніе яичекъ является отдѣльной отраслью промышленности въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи. Я собралъ свѣдѣнія чрезъ д-ра Фоконера, и убѣдился, что въ Индіи туземцы также тщательно производятъ подборъ. Въ Китаѣ произведеніе яицъ ограничено извѣстными, особенно благопріятными мѣстностями, и лица, занимающіяся разведеніемъ, по закону не имѣютъ права производить шелкъ, такъ что все вниманіе ихъ должно быть неизбѣжно обращено лишь на одинъ предметъ.

Многочисленные факты, относящіеся къ яйцамъ, червямъ, къ коконамъ и взрослымъ насѣкомымъ, показываютъ, что тутовый шелкопрядъ, подобно высшимъ животнымъ, значительно измѣняется въ домашнемъ состояніи. Мы узнаемъ также болѣе важный фактъ, что измѣненія могутъ встрѣчаться въ разныхъ возрастахъ и наслѣдоваться въ соотвѣтственномъ возрастѣ. Наконецъ, оказывается, что насѣкомыя также подчиняются великому принципу подбора.

Глава IX.

Воздѣланныя растенія: хлѣбные злаки и овощныя растенія.

Не стану приводить такихъ подробностей относительно измѣнчивости воздѣланныхъ растеній. какія были приведены, когда рѣчь шла о прирученныхъ животныхъ. Вопросъ этотъ крайне запутанъ. Ботаники обыкновенно пренебрегали воздѣланными разновидностями, считая ихъ недостойными вниманія. Во многихъ случаяхъ дикій прототипъ неизвѣстенъ или сомнителенъ, а въ другихъ едва-ли возможно отличить одичавшія самосѣянки отъ настоящихъ дикихъ растеній, такъ что нѣтъ никакого надежнаго мѣрила для сравненія, посредствомъ котораго можно было бы судить о какой бы то ни было предполагаемой величинѣ перемѣны. Многіе ботаники полагаютъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ издавна воздѣлываемыхъ растеній испытали глубокія измѣненія, такъ что теперь невозможно узнать первичныхъ родительскихъ формъ. Точно также смущаютъ сомнѣнія насчетъ того, произошли ли нѣкоторыя изъ этихъ формъ отъ одного вида или же отъ нѣсколькихъ, смѣшанныхъ до неузнаваемости посредствомъ скрещиванія и измѣнчивости. Уклоненія часто переходятъ въ уродства и не могутъ быть отъ нихъ отличены, а уродства представляютъ малое значеніе для нашей цѣли. Многія разновидности размножаются только черенками, почками, отводками, луковицами и т. д., и часто неизвѣстно, насколько ихъ особенности могутъ быть переданы происходящимъ изъ сѣмянъ поколѣніямъ. Тѣмъ не менѣе, можно собрать нѣсколько цѣнныхъ фактовъ, а другіе факты будутъ затѣмъ приведены при удобномъ случаѣ. Однимъ изъ главныхъ предметовъ двухъ слѣдующихъ главъ будетъ показать, какъ много-

численны признаки, ставшіе у нашихъ домашнихъ растеній измѣнчивыми.

Прежде чѣмъ привести подробности, не мѣшаетъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о происхожденіи воздѣланныхъ растеній. Альф. Декандоль, въ превосходномъ разборѣ этого вопроса, обнаруживаетъ изумительный запасъ знаній и приводитъ списокъ 157 изъ наиболѣе полезныхъ воздѣланныхъ растеній. Изъ нихъ, онъ полагаетъ, что 85 почти навѣрное извѣстны въ дикомъ состояніи, но другіе компетентные авторы сильно въ этомъ сомнѣваются. Сорокъ изъ нихъ, какъ допускаетъ самъ Декандоль, сомнительнаго происхожденія, или по причинѣ извѣстной степени несходства, по сравненію съ ихъ ближайшими дикими родственниками, или по причинѣ вѣроятности, что эти послѣдніе—не настоящія дикія растенія, но лишь одичалыя. Изъ всѣхъ 157, лишь для 32, по Декандолю, совершенно неизвѣстно ихъ первичное дикое состояніе. Но слѣдуетъ замѣтить, что онъ не включаетъ въ свой списокъ различныхъ растеній, представляющихъ мало-опредѣленные признаки, напр., разные сорта тыквъ, проса, сорго, бобовъ, фасоли, стручковаго перца и индиго. Не включаетъ онъ также садовыхъ цвѣтовъ, а многія изъ воздѣлываемыхъ съ наиболѣе глубокой древности цвѣтовъ, напр., нѣкоторыя розы, обыкновенная императорская лилія, туберозы и даже сирень, говорятъ, неизвѣстны въ дикомъ состояніи. Основываясь на приведенныхъ относительныхъ числахъ и другихъ весьма вѣскихъ доводахъ, Декандоль заключаетъ, что растенія рѣдко настолько видоизмѣнялись культурою, чтобы ихъ нельзя было отожествить съ ихъ дикими прототипами.

Примемъ теперь во вниманіе, что дикари едва-ли стали бы выбирать для воздѣлыванія рѣдкія растенія, что полезныя растенія обыкновенно очень замѣтны, и что они не могли быть обитателями пустынь или отдаленныхъ и недавно открытыхъ острововъ.

По этой причинѣ мнѣ кажется страннымъ, что такъ много изъ нашихъ воздѣланныхъ растеній, если допустить ихъ малую измѣнчивость, все еще неизвѣстны или не навѣрное извѣстны въ дикомъ состояніи. Если, однако, многія изъ этихъ растеній были глубоко видоизмѣнены культурою,

то трудность исчезаетъ. Она исчезла бы и въ томъ случаѣ, если бы дикія растенія были истребляемы благодаря прогрессу цивилизаціи; но Декандоль показалъ, что это, вѣроятно, случалось рѣдко. Какъ только растеніе стали воздѣлывать въ какой бы то ни было странѣ, полуцивилизованные жители болѣе не имѣли уже надобности искать его по всей странѣ и такимъ образомъ содѣйствовать его истребленію; и даже, если бы это случилось во время голода, то въ почвѣ остались бы такъ называемыя покоющіяся сѣмена. Въ тропическихъ странахъ дикая роскошь природы, какъ давно было замѣчено Гумбольдтомъ, одолѣваетъ слабыя усилія человѣка.

Въ изстари цивилизованныхъ умѣренныхъ странахъ, гдѣ вся поверхность земли была сильно измѣнена, едва-ли можно сомнѣваться, что нѣкоторыя растенія вымерли; тѣмъ не менѣе Декандоль показалъ, что всѣ растенія, о которыхъ существуютъ историческія свѣдѣнія, что они впервые стали воздѣлываться въ Европѣ, все еще существуютъ здѣсь въ дикомъ состояніи. Луазелеръ-Делоншанъ и Декандоль замѣтили, что наши воздѣланныя растенія, главнымъ образомъ—хлѣбныя, первоначально должны были существовать приблизительно въ ихъ современномъ состояніи, такъ какъ въ противномъ случаѣ они не были бы замѣчены и оцѣнены, какъ предметы пищи. Но эти авторы, повидимому, не приняли во вниманіе многочисленныхъ разсказовъ путешественниковъ о жалкой пищѣ, собираемой дикарями. Я читалъ разсказъ о томъ, что дикари Австраліи, во время голода, варятъ различными способами разныя растенія, надѣясь сдѣлать ихъ безвредными и болѣе питательными. Гукеръ узналъ, что измученные голодомъ жители одной деревни въ Сикимѣ жестоко страдили отъ того, что наѣлись корней одного вида аройника; корни были истолчены и предоставлены на нѣсколько дней броженію, съ цѣлью отчасти уничтожить ихъ ядовитость. Гукеръ добавляетъ, что тѣ же люди варили и ѣли другія вредныя растенія. Эндрью Смитъ сообщаетъ мнѣ, что во время голодовокъ, множество плодовъ, сочныхъ листьевъ и особенно корней примѣняются къ дѣлу. Туземцы, дѣйствительно, знаютъ свойства многихъ растеній; одни изъ нихъ, по ихъ опыту, могутъ быть потребляемы во время голода, другія—

вредны для здоровья или даже губительны. Смитъ встрѣтилъ партію людей изъ племени бакана, изгнанныхъ побѣдоносными зулусами и много лѣтъ питавшихся корнями или листьями, доставлявшими кое-какое питаніе и растягивавшими желудки, облегчая отъ мучительнаго голода. Люди эти походили на бродячіе скелеты и жестоко страдали отъ запора. Смитъ также сообщаетъ мнѣ, что въ подобныхъ случаяхъ туземцы принимаютъ руководствомъ для себя, что ѣдятъ дикія животныя, особенно павіаны и другія обезьяны. Безчисленные опыты, предпринимаемые дикарями всѣхъ странъ, вслѣдствіе горькой нужды, и результаты ихъ, передаваемые по преданію, привели, вѣроятно, къ первоначальному открытію питательныхъ, возбуждающихъ и медицинскихъ свойствъ наиболѣе невзрачныхъ растеній. Такъ, напр., сначала кажется необъяснимымъ тотъ фактъ, что необразованный человѣкъ открылъ въ трехъ отдаленныхъ концахъ свѣта, среди множества туземныхъ растеній, такія, какъ чайное дерево и матэ съ ихъ листьями или кофе съ его зернами, причемъ всѣ три содержатъ возбуждающее и питательное вещество, которое, какъ теперь извѣстно, во всѣхъ трехъ случаяхъ имѣетъ одну и ту же химическую природу. Ясно также, что дикари, страдающіе отъ мучительнаго запора, естественно станутъ наблюдать, не дѣйствуютъ-ли какіе-либо изъ пожираемыхъ ими корней какъ слабительныя. Быть можетъ, мы обязаны нашимъ знаніемъ относительно употребленія почти всѣхъ растеній тому, что человѣкъ первоначально существовалъ въ состояніи варварства, причемъ суровая нужда вынуждала его испытать, какъ пищу, почти все, что онъ могъ разжевать и проглотить.

Судя по тому, что намъ извѣстно о привычкахъ дикарей во многихъ странахъ, нѣтъ основанія предположить, чтобы наши хлѣбныя растенія первоначально существовали въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, настолько цѣнномъ для человѣка. Присмотримся лишь къ одному материку, именно Африкѣ. Бартъ утверждаетъ, что рабы на значительномъ пространствѣ центральной Африки регулярно собираютъ зерна одной дикой травы *Pennisetum distichum*. Въ другой области онъ видѣлъ женщинъ, собиравшихъ сѣмена одного вида мятлика (Poa) размахивая родомъ корзины на роскошномъ лугу. Подлѣ

Тете, Ливингстонъ видѣлъ туземцевъ, собиравшихъ сѣмена одной дикой травы, а далѣе къ югу, какъ сообщаетъ мнѣ Андерсонъ, туземцы въ широкой степени пользуются сѣменами одной травы, величиною съ канареечное сѣмя, варя ихъ въ водѣ. Они ѣдятъ также корни нѣкоторыхъ тростниковъ, и каждый читалъ о томъ, какъ бушмены прокрадываются и выкапываютъ разные корни обожженными странъ кольями. Подобные же факты, относящіеся къ собиранію сѣмянъ дикихъ травъ можно было бы привести и для другихъ на огнѣ. При нашей привычкѣ къ превосходнымъ растительнымъ продуктамъ и сладкимъ до приторности плодамъ, мы едва способны убѣдить себя, что вяжущіе на вкусъ корни дикой моркови и пастернака или маленькіе побѣги дикой спаржи, или кислицы (дикія яблоки), терновыя ягоды и т. п. могли когда-либо цѣниться; но судя по тому, что намъ извѣстно о нравахъ австралійскихъ и южно-африканскихъ дикарей, въ этомъ никакъ нельзя сомнѣваться. Жители Швейцаріи въ теченіе каменнаго вѣка собирали въ большомъ количествѣ дикія яблоки, тернъ, дикій черносливъ (Prunus insititia), шиповникъ, бузину, буковые желуди и др. дикія ягоды и плоды. Джемми Пуговица, огнеземелецъ, бывшій на бортѣ *Бигля,* замѣтилъ мнѣ, что жалкія, кислыя ягоды одного вида черной смородины, растущаго на Огненной Землѣ, „слишкомъ сладки“ на его вкусъ.

Дикіе обитатели каждой страны, найдя путемъ многихъ тяжкихъ испытаній, какія растенія пригодны или же становятся годными въ пищу при посредствѣ разныхъ способовъ стряпни, по истеченіи нѣкотораго времени, вѣроятно, совершали первый шагъ къ воздѣлыванію, сажая эти растенія подлѣ своего обычнаго жилья. Ливингстонъ утверждаетъ, что дикари батока порою оберегали дикія плодовыя деревья, растущія въ ихъ садахъ, а иногда даже и сажали новыя, „чего нельзя встрѣтить у какихъ-либо другихъ туземцевъ“. Но Дю Шалью видѣлъ какъ сажали пальму и нѣкоторыя другія дикія фруктовыя деревья, и такія деревья признавались частною собственностью. Ближайшій шагъ къ воздѣлыванію, требовавшій лишь ничтожной предусмотрительности, состоялъ въ томъ, что сѣяли сѣмена полезныхъ растеній, и такъ какъ почва подлѣ шалашей туземцевъ часто до извѣстной степени удобряется,

то рано или поздно возникнутъ улучшенныя разновидности. Но дикая и необычайно хорошая разновидность туземнаго растенія могла бы привлечь вниманіе какого-либо мудраго стараго дикаря; онъ могъ бы ее пересадить или посѣять ея сѣмена. Несомнѣнно, что порою встрѣчаются высшіе сорта дикихъ плодовыхъ деревьевъ; такъ, проф. Аса Грей указываетъ подобные случаи для американскихъ видовъ боярышника, сливы, вишни, винограда и волошскаго орѣха (Juglans). Даунингъ также указываетъ на извѣстныя дикія разновидности волошскаго орѣха, говоря, что онѣ „гораздо крупнѣе и вкуснѣе, чѣмъ обыкновенный видъ". Я указалъ на американскія плодовыя деревья, потому что мы въ этомъ случаѣ не смущаемся сомнѣніями, слѣдуетъ-ли считать эти разновидности одичавшими самосѣянками или же нѣтъ. Пересадка любого высшаго сорта или посѣвъ его сѣмянъ едва-ли требуетъ болѣе значительной предусмотрительности, чѣмъ можно было бы ожидать въ раннюю эпоху грубой цивилизаціи. Даже у австралійскихъ варваровъ существуетъ „законъ, что ни одно растеніе, приносящее сѣмена, не должно быть выкапываемо послѣ цвѣтенія", и сэръ Грей никогда не видѣлъ, чтобы этотъ законъ, очевидно направленный къ сохраненію растенія, былъ нарушаемъ. Тотъ же духъ проявляется въ суевѣрномъ убѣжденіи огнеземельцевъ, что если убивать водяныхъ птицъ, пока онѣ очень молоды, за этимъ послѣдуетъ „много дождя, снѣга, дуть много" (слова огнеземельца, см. „Путеш. на кор. Бигль"). Могу добавить, въ видѣ свидѣтельства въ пользу предусмотрительности самыхъ низшихъ дикарей, что когда огнеземельцы находятъ выброшеннаго моремъ кита, они зарываютъ большіе куски въ песокъ и во время часто возобновляющихся голодовокъ путешествуютъ съ дальнихъ разстояній, чтобы забрать остатки полусгнившей массы.

Часто замѣчали, что мы не обязаны ни однимъ полезнымъ растеніемъ Австраліи или же мысу Доброй Надежды—странамъ, до необычайной степени изобилующимъ туземными видами; не дала такихъ растеній и Новая Зеландія, и Америка къ югу отъ Ла-Платы; то же утверждаютъ нѣкоторые авторы и о туземныхъ растеніяхъ Америки къ с. отъ Мексики. Не думаю, что бы какое-либо съѣдобное или цѣнное растеніе, исключая канареечной травы, произошло съ океаническаго

или необитаемаго острова. Если бы почти всѣ наши полезныя растенія,—родомъ изъ Европы, Азіи и Ю. Америки,—первоначально существовали въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, то полное отсутствіе подобныхъ же полезныхъ растеній въ вышеперечисленныхъ обширныхъ областяхъ было бы поистинѣ изумительнымъ. Но если эти растенія такъ значительно измѣнились и улучшились воздѣлываніемъ, что болѣе не походятъ близко ни на какой дикій видъ, то становится понятнымъ, почему вышеупомянутыя области не дали намъ полезныхъ растеній. Дѣйствительно, въ нихъ жили или племена, вовсе не обработывающія землю, какъ, напр., въ Австраліи и на мысѣ Доброй Надежды, или обработывающія ее весьма несовершеннымъ образомъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки. Эти области доставляютъ, однако, растенія, полезныя для дикарей; Гукеръ перечисляетъ не менѣе 107 такихъ видовъ въ одной Австраліи: но эти растенія не были усовершенствованы, а поэтому они не могутъ соперничать съ тѣми, которыя были воздѣлываемы и улучшаемы въ теченіе тысячелѣтій въ цивилизованномъ мірѣ. Примѣръ Новой Зеландіи, прекраснаго острова, не давшаго пока ни одного еще воздѣлываемаго въ обширныхъ размѣрахъ растенія, можетъ показаться противорѣчащимъ приведенному взгляду. Однако, при первомъ открытіи этого острова, туземцы обработывали различныя растенія; но всѣ изслѣдователи убѣждены, согласно съ преданіями туземцевъ, что старинные полинезійскіе поселенцы привезли съ собою сѣмена и корни, какъ и собаку, которую они мудро сохранили во время своего продожительнаго путешествія. Полинезійцы такъ часто сбиваются съ пути среди океана, что эта степень благоразумія, вѣроятно, свойственна любой странствующей партіи этихъ дикарей; поэтому старинные колонисты Новой Зеландіи, подобно позднѣйшимъ европейскимъ колонистамъ, едва-ли могли питать сколько-нибудь сильную склонность съ воздѣлыванью туземныхъ растеній. По Декандолю, мы обязаны 33 полезными растеніями Мексикѣ, Перу и Чили; да это и не изумительно, если вспомнимъ о цивилизованномъ состояніи туземцевъ, очевидномъ изъ того факта, что они примѣняли искусственное орошеніе и рыли туннели сквозь твердыя скалы, не имѣя ни желѣза, ни пороха; слѣдуетъ еще замѣтить, что они вполнѣ признавали, насколько

дѣло касается животныхъ,—а поэтому, вѣроятно, и относительно растеній,—важный принципъ подбора. Мы обязаны нѣсколькими растеніями Бразиліи; но старинные путешественники, а именно Веспуччи и Кабраль описываютъ эту страну, какъ густо населенную и обработанную. Въ С. Америкѣ туземцы воздѣлывали маисъ, мелкія и крупныя породы тыквы, бобы и горохъ „все это породы, отличавшіяся отъ нашихъ", и табакъ, и мы едва-ли будемъ правы, если скажемъ, что ни одно изъ нашихъ нынѣшнихъ растеній не произошло отъ этихъ с. американскихъ формъ. Если бы С. Америка была цивилизована въ теченіе долгаго времени и такъ же густо населена, какъ Азія или Европа, то, вѣроятно, мѣстныя породы виноградной лозы, волошскихъ орѣховъ, тутовыхъ деревьевъ, дикихъ яблоней и сливъ дали бы начало, послѣ продолжительнаго воздѣлыванія, множеству разновидностей, въ томъ числѣ нѣкоторымъ, необычайно отличающимся отъ родительскихъ породъ; а одичавшія самосѣянки причинили бы въ Новомъ Свѣтѣ, какъ это мы видимъ въ Старомъ Свѣтѣ, большую путаницу по отношенію къ ихъ видовой особенности и родству.

Хлѣбные злаки. Всѣ авторы признаютъ существованіе многочисленныхъ разновидностей пшеницы; но различія здѣсь ничтожны, если только не причислить къ разновидностямъ нѣкоторые изъ такъ называемыхъ видовъ. Лица, полагающія, что отъ 4 до 7 дикихъ видовъ пшеницы первоначально существовали почти въ томъ же состояніи, какъ и въ настоящее время, основываютъ свое убѣжденіе главнымъ образомъ на глубокой древности нѣкоторыхъ формъ. Важный фактъ сталъ намъ извѣстенъ изъ превосходныхъ изслѣдованій Геера. Оказывается, что жители Швейцаріи даже въ такую отдаленную эпоху, каковъ новокаменный вѣкъ, воздѣлывали не менѣе десяти хлѣбныхъ растеній, а именно пять сортовъ пшеницы, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ четыре обыкновенно разсматриваются какъ особые виды, три сорта ячменя, одинъ сортъ настоящаго проса (Panicum) и одинъ щетинника (Setaria P. B.). Если бы можно было показать, что въ самую раннюю пору земледѣлія воздѣлывалось уже пять сортовъ пшеницы и три сорта ячменя, то мы, безъ сомнѣнія, были бы вынуждены разсматривать эти формы, какъ особые виды. Но, какъ было

замѣчено Гееромъ, земледѣліе, даже въ новокаменномъ вѣкѣ, уже сдѣлало значительные успѣхи; такъ какъ, кромѣ хлѣбныхъ злаковъ, воздѣлывались другія растенія—горохъ, макъ, ленъ и, повидимому, яблони. Можно также заключить, судя по тому, что одна изъ разновидностей пшеницы оказывается такъ наз. египетскою, а также по тому, что извѣстно о родинѣ проса и щетинника, и, наконецъ, по природѣ сорныхъ травъ, росшихъ въ то время на нивѣ, въ смѣси съ хлѣбами, что озерные жители, т. е. обитатели свайныхъ построекъ, или все еще поддерживали торговыя сношенія съ какимъ либо, болѣе южнымъ народомъ, или первоначально явились, какъ поселенцы съ юга.

Луазелеръ-Делоншанъ утверждалъ, что если наши хлѣбныя растенія значительно были видоизмѣнены воздѣлываніемъ, то сорныя травы, обыкновенно растущія въ смѣси съ ними, также, вѣроятно, должны были бы измѣниться. Но этотъ доводъ показываетъ, до какой степени принципъ подбора совершенно упускался изъ виду.

Сорныя травы не измѣнились или, по крайней мѣрѣ, теперь не измѣняются въ сколько-нибудь значительной степени. Таково мнѣніе Уатсона и проф. Асы Грея, какъ они мнѣ сообщаютъ; но кто рѣшится сказать, что сорныя травы не измѣняются на столько же, какъ индивидуальныя растенія какой-либо подразновидности пшеницы? Чистыя разновидности пшеницы, воздѣлываемыя на одномъ и томъ же полѣ, представляютъ много мелкихъ уклоненій; эти измѣненія могутъ быть подобраны и порознь переданы потомству; порою же являются болѣе рѣзко выраженныя уклоненія, которыя, какъ доказано Ширреффомъ [1]), стоютъ того, чтобы подвергнуться экстензивному воздѣлыванію. Лишь когда одинаковое вниманіе будетъ обращено на измѣнчивость и подборъ сорныхъ травъ и хлѣбовъ, доводъ въ пользу постоянства первыхъ изъ нихъ подъ вліяніемъ ненамѣреннаго воздѣлыванія будетъ имѣть какое-либо значеніе. Согласно съ принципами подбора, можно понять, почему у разныхъ воздѣлываемыхъ разновидностей пшеницы органы проростанія (вегетативные органы, въ отличіе отъ органовъ размноженія) предста-

---

[1]) У Дарвина Mr. Shirreff.

вляютъ такія малыя различія. Дѣйствительно, если бы появилось растеніе съ своеобразными листьями, оно осталось бы въ пренебреженіи, если только въ то же время его зерно не было бы превосходнымъ по качеству или по величинѣ. Подборъ хлѣбныхъ сѣмянъ сильно рекомендовался въ древнія времена Колумеллой и Цельзомъ, и, по словамъ Виргилія:

Самое крупное сѣмя, и даже при всякихъ заботахъ,
Станетъ мельчать, если только не будешь прилежной рукою
Изъ году въ годъ собирать на посѣвъ сѣмена покрупнѣе.

Однако, можно сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы въ древнія времена подборъ примѣнялся методически. Стоитъ вспомнить, какъ трудно это дѣло, судя по отзывамъ Ле-Кутера и Галлетта. Хотя принципъ подбора такъ важенъ, однако, немногое, достигнутое человѣкомъ безпрестанными усиліями, длившимися тысячи лѣтъ, повидимому, сильно свидѣтельствуетъ противъ дѣйствительности подбора въ дѣлѣ полученія болѣе производительныхъ растеній или болѣе питательныхъ зеренъ, по сравненію съ эпохою древнихъ египтянъ. Но не слѣдуетъ забывать, что въ каждую послѣдовательную эпоху, состояніе земледѣлія и количество удобренія, доставленнаго землѣ, опредѣляло максимальную степень производительности; дѣйствительно, было бы невозможно воздѣлывать высоко-производительную разновидность, если только почва не содержала достаточнаго запаса необходимыхъ химическихъ веществъ. Мы теперь знаемъ, что человѣкъ былъ достаточно цивилизованъ для того, чтобы обработывать землю въ чудовищно отдаленную эпоху; такъ что пшеница могла давно быть доведена до того уровня совершенства, который былъ возможенъ при тогдашнемъ состояніи земледѣлія. Одинъ небольшой разрядъ фактовъ подкрѣпляетъ этотъ взглядъ на медленное и постепенное улучшеніе нашихъ хлѣбовъ. Въ самыхъ древнихъ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, когда люди употребляли лишь кремневыя орудія, наиболѣе экстензивно воздѣлываемая пшеница была особаго сорта, съ замѣчательно малымъ колосомъ и мелкими зернами. „Тогда какъ зерна новѣйшихъ формъ имѣютъ въ разрѣзѣ отъ семи до восьми миллиметровъ длины,—наиболѣе крупныя зерна изъ свайныхъ построекъ имѣютъ 6—7 мм. въ длину, а болѣе мелкія лишь 4. Колосъ такимъ образомъ гораздо болѣе узокъ, а составляющіе его

колоски были разставлены болѣе горизонтально, чѣмъ у нашихъ нынѣшнихъ формъ". То же относится къ ячменю; наиболѣе древняя и всего болѣе экстензивно воздѣлывавшаяся порода имѣла мелкій колосъ, а зерна были „мельче, короче и болѣе сближены, чѣмъ у нынѣшнихъ сортовъ; безъ шелухи они были $2^1/_2$ линіи длины и едва $1^1/_2$ лин. ширины, тогда какъ теперь растущіе имѣютъ въ длину $3^1/_2$ лин. и почти столько же въ ширину и обхватѣ". Мелкозернистыя разновидности пшеницы и ячменя, по мнѣнію Геера, представляютъ родительскія формы извѣстныхъ существующихъ еще родственныхъ разновидностей, вытѣснившихъ своихъ древнихъ предковъ.

Гееръ приводитъ любопытный разсказъ о первомъ появленіи и окончательномъ исчезновеніи нѣкоторыхъ растеній, воздѣлывавшихся въ большемъ или меньшемъ обиліи въ Швейцаріи въ продолженіе прежнихъ послѣдовательныхъ періодовъ и, вообще говоря, болѣе или менѣе отличавшихся отъ нашихъ нынѣшнихъ разновидностей. Своеобразная мелкоколосая и мелкозернистая пшеница, уже упомянутая, была обыкновеннѣйшей породой въ теченіе каменнаго вѣка. Она просуществовала даже до гельветическо-римской эпохи и затѣмъ вымерла. Другая порода была сначала рѣдкою, но впослѣдствіи стала болѣе обыкновенною. Третья, такъ называемая египетская пшеница (въ Россіи ее называютъ англійскою. *Пер.*) *Triticum turgidum*, не согласуется въ точности съ какою-либо существующею разновидностью, и была рѣдка въ теченіе каменнаго вѣка. Четвертый сортъ *T. dicoccum* (въ Россіи называется настоящею полбою или эммеръ. *Пер.*), отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ теперь разновидностей этой формы. Пятая порода *T. monococcum* (полуполба, однодерникъ, оркишъ) извѣстна для каменнаго вѣка лишь по присутствію одного единственнаго колоса. Шестая порода, обыкновенная *T. spelta* (нѣмецкая полба) не была ввезена въ Швейцарію до бронзоваго вѣка. Изъ сортовъ ячменя, кромѣ коротколосаго и малозернистаго, воздѣлывалось еще два; одинъ изъ нихъ былъ оченъ рѣдокъ и походилъ на нашъ нынѣшній обыкновенный ячмень двурядный *(Hordeum distichum)*. Въ теченіе бронзоваго вѣка были ввезены рожь и овесъ: зерна овса были нѣсколько меньше тѣхъ, которыя производятся нашими нынѣшними разно-

видностями. Макъ воздѣлывался въ обширныхъ размѣрахъ въ каменномъ вѣкѣ, вѣроятно ради масла; но разновидность, тогда существовавшая, теперь неизвѣстна. Своеобразный мелкозернистый горохъ существовалъ отъ каменнаго до бронзоваго вѣка и затѣмъ вымеръ; тогда какъ особый сортъ бобовъ, также съ мелкими зернами, явился въ бронзовомъ вѣкѣ и просуществовалъ до римской эпохи. Эти подробности звучатъ подобно палеонтологическимъ описаніямъ перваго появленія, увеличивающейся рѣдкости и окончательнаго вымиранія или измѣненія ископаемыхъ видовъ, включенныхъ въ послѣдовательные ярусы какой-либо геологической формаціи (системы).

Въ концѣ концовъ, пусть каждый судитъ по своему разумѣнію, какое предположеніе болѣе вѣроятно. Слѣдуетъ-ли признать, что разныя формы пшеницы, ячменя, ржи и овса произошли отъ 10 — 15 видовъ, изъ которыхъ большинство теперь неизвѣстны или вымерли, или же отъ 4 — 8 видовъ; быть можетъ, близко сходныхъ съ воздѣлываемыми теперь породами или настолько отличающихся, что отожествленіе невозможно. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ придется заключить, что человѣкъ воздѣлывалъ хлѣбные злаки въ чудовищно-отдаленную этоху; и что въ прежнія времена онъ примѣнялъ уже нѣкоторый родъ подбора, что само по себѣ не невѣроятно. Быть можетъ, мы также убѣдимся въ томъ, что когда пшеница впервые сталъ воздѣлываться, колосья и зерна быстро увеличились; совершенно подобно тому, какъ корни дикой моркови и пастернака, какъ извѣстно, быстро увеличиваются въ объемѣ, подъ вліяніемъ воздѣлыванья.

Маисъ (*Zea mays*, на югѣ Россіи называется кукурузой), Въ высшей степени замѣчательно вліяніе европейскаго климата на американскія разновидности маиса. Мецгеръ добылъ сѣмена изъ разныхъ частей Америки и посѣялъ нѣсколько породъ въ Германіи. Приведу извлеченіе изъ его наблюденій надъ ихъ измѣненіями, происшедшими въ одномъ случаѣ, а именно для рослой породы (широкозернистый или высокій маисъ *Zea altissima*), привезенной изъ болѣе теплыхъ областей Америки. Въ теченіе перваго года растенія были 12 футовъ вышины и немногія сѣмена дозрѣли; нижнія сѣмена въ колосѣ сохранили неизмѣнно свою надлежащую форму, но верхнія нѣсколько измѣнились. Во второмъ поколѣніи расте-

нія были лишь отъ 9 до 10 ф. высоты, но сѣмена ихъ лучше вызрѣвали; вдавленіе на внѣшней сторонѣ зерна почти исчезло и первоначальный превосходный бѣлый цвѣтъ потемнѣлъ.

Нѣкоторыя изъ сѣмянъ стали даже желтыми и теперь, ставъ круглыми, приблизились по виду къ обыкновенному европейскому маису. Въ третьемъ поколѣніи почти всякое сходство съ первоначальной, весьма различающейся американской родительской формой было утрачено. Въ шестомъ поколѣніи этотъ маисъ совершенно походилъ на одну европейскую разновидность, описанную Мецгеромъ подъ именемъ „второй подразновидности пятой породы". Когда Мецгеръ издалъ свою книгу, эта разновидность все еще воздѣлывалась подлѣ Гейдельберга и была отличима отъ обыкновенной породы лишь по нѣсколько болѣе сильному росту. Аналогичные результаты были добыты посредствомъ воздѣлыванія другой американской породы такъ называемой „бѣлозубки", у которой зубчики исчезли еще во второмъ поколѣніи. Третья порода, такъ наз. „цыплячье зерно", не подверглась такой же значительной перемѣнѣ, но сѣмена стали менѣе гладкими и полупрозрачными. Въ указанныхъ случаяхъ сѣмена перевозились изъ теплаго климата въ болѣе холодный; но Ф. Мюллеръ сообщаетъ мнѣ, что одна карличная разновидность съ мелкими круглыми сѣменами (такъ наз. попугайное зерно), ввезенная изъ Германіи въ Ю. Бразилію, производитъ растенія такія же высокія и съ такими же плоскими зернами, какъ и породы, обыкновенно воздѣлываемыя въ Бразиліи.

Эти факты доставляютъ самый замѣчательный изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ прямого и притомъ быстраго дѣйствія климата на растеніе. Слѣдовало ожидать, что высота стебля, время проростанія, а также созрѣваніе зерна подвергнутся такому вліянію; гораздо болѣе изумителенъ тотъ фактъ, что сѣмена могли подвергнуться такой быстрой и значительной перемѣнѣ. Но такъ какъ цвѣты, съ ихъ продуктами—сѣменами, образуются путемъ превращенія (метаморфозы) стебля и листьевъ, то любое видоизмѣненіе этихъ послѣднихъ органовъ будетъ въ состояніи распространиться, въ силу соотношенія, на органы размноженія.

Горохъ (*Pisum sativum*). Большая часть ботаниковъ при-

знаютъ огородный горохъ видомъ, отличающимся отъ полевого гороха (*P. arvense*). Послѣдній встрѣчается въ дикомъ состояніи на югѣ Европы; но первоначальный предокъ садоваго гороха былъ найденъ лишь однимъ собирателемъ гербаріевъ, по его утвержденію, въ Крыму.

Стручья (бобовые плоды) и зерна гороха. I. Королева карликовъ. II. Обыкновенный карличный. III. Thurston's Reliance. IV. Pois géant sans parchemin (сахарный горохъ). a. Dan O' Rourke. b. Королева карликовъ. c. Knight's Tall White Marrow. d. Lewis's Negro.

Стручья (или, по ботанической терминологіи, бобы) и сѣмена, представляющія у дикихъ видовъ такіе постоянные признаки, у воздѣлываемыхъ разновидностей чрезвычайно различаются; а именно эти части цѣнны и слѣдовательно подвергаются подбору. Сахарный горошекъ или такъ наз. Pois sans

parchemin, замѣчателенъ тонкостью плода, который, пока молодъ, варятъ и ѣдятъ цѣликомъ; и въ этой группѣ, включающей, по Годрону, 11 подразновидностей, бобъ всего болѣе различается. Такъ, горохъ, называемый Lewis's Negropodded pea имѣетъ прямой, широкій, гладкій, темнопурпурный бобъ, съ шелухою, не настолько тонкою, какъ у другихъ породъ. Бобъ другой разновидности чрезвычайно изогнутъ; бобъ у Pois géant чрезвычайно заостренъ на оконечности, а у разновидности *à grands cosses* горошины до того ясно видны сквозь шелуху, что „стручокъ", особенно сухой, едва-ли съ перваго взгляда можетъ быть приписанъ гороху. У обыкновенныхъ разновидностей, „стручья" (бобы) также значительно разнятся по величинѣ; затѣмъ, по цвѣту, такъ какъ, напримѣръ, „стручокъ" Woodford's Green Marrow высушенный оказывается свѣтлозеленымъ, вмѣсто блѣднокоричневаго, а цвѣтъ плода пурпурнаго гороха обозначенъ его названіемъ. Тоже можно сказать о гладкости, плодъ Banecroft замѣчательно гладокъ, тогда какъ у Nec plus ultra шероховатъ; по формѣ бобъ или почти цилиндриченъ, или широкій и плоскій; иногда онъ заостренъ же на концѣ, какъ у породы Thurston's Reliance, или же сильно усѣченъ какъ у American Dwarf (американскаго карличнаго). У оверньскаго гороха цѣлый конецъ стручка изогнутъ вверхъ. У „Королевы карликовъ" и у „Сцимитара" стручокъ почти эллиптической формы. Привожу здѣсь рисунки четырехъ наиболѣе различающихся между собою стручьевъ (бобовъ), произведенныхъ растеніями, которыя мною самимъ были воздѣланы.

ГЛАВА X.

Виноградная лоза *(Vitis vinifera).*

Лучшіе авторитеты разсматриваютъ всѣ наши виды лозы, какъ потомковъ одного вида, растущаго теперь въ дикомъ состояніи въ Западной Азіи, встрѣчавшагося въ дикомъ состояніи въ бронзовомъ вѣкѣ въ Италіи и недавно найденнаго ископаемымъ въ одномъ туфовомъ отложеніи на югѣ Франціи. Нѣкоторые авторы, однако, сильно сомнѣваются въ томъ, чтобы наши культурныя разновидности были всѣ одного общаго происхожденія, такъ какъ много полудикихъ видовъ находятся въ Ю. Европѣ, особенно же, судя по описанію Клементе, въ одномъ испанскомъ лѣсу; но такъ какъ виноградъ легко растетъ самосѣянкой въ Ю. Европѣ и нѣкоторые изъ главныхъ его сортовъ передаютъ свои признаки при посредствѣ сѣмянъ, тогда какъ другіе сорта необычайно измѣнчивы, то существованіе многихъ одичавшихъ формъ почти несомнѣнно въ странахъ, гдѣ это растеніе было воздѣлываемо съ глубочайшей древности. О значительной измѣнчивости лозы, при размноженіи ея сѣменами, можно судить по тому, что съ древнѣйшихъ историческихъ временъ число ея разновидностей значительно умножилось. Новыя тепличныя разновидности производятся почти ежегодно: такъ, напр., одна золотистая разновидность недавно была получена въ Англіи отъ чернаго винограда безъ содѣйствія скрещиванья. Фанъ Монсъ вывелъ множество разновидностей изъ сѣмянъ одной лозы, совершенно обособленной отъ всѣхъ другихъ, такъ что, по крайней мѣрѣ въ этомъ поколѣніи, не могло быть никакого скрещиванія; молодыя растеньица представляли „аналогію со всѣми возможными сортами“ и всѣ различались между со-

бою почти во всѣхъ признакахъ, какъ относительно плодовъ, такъ и относительно листвы.

Число воздѣлываемыхъ разновидностей крайне велико. Графъ Одаръ утверждаетъ, что готовъ признать на всемъ земномъ шарѣ 700, 800 или даже 1,000 разновидностей, но изъ нихъ менѣе трети имѣютъ какое-либо значеніе. Въ каталогѣ плодовъ, воздѣлываемыхъ въ лондонскихъ садоводствахъ, для 1842 г. перечислено 99 разновидностей. Вездѣ, гдѣ растетъ виноградъ, встрѣчаются многочисленныя разновидности: такъ, Палласъ описываетъ 24 разновидности для Крыма, а Бернсъ упоминаетъ о 10 для Кабула. Классификація разновидностей чрезвычайно смущала многихъ писателей, и графъ Одаръ вынужденъ былъ обратиться къ географической системѣ: но я не стану распространяться объ этомъ предметѣ и не укажу на многія существенныя различія между разновидностями. Укажу лишь немногія любопытныя мелкія особенности: всѣ онѣ взяты изъ весьма почтеннаго труда Одара съ цѣлью показать чрезвычайно разнообразную измѣнчивость этого растенія. Симонъ сгруппировалъ сорта виноградной лозы на двѣ главныя группы, одну съ пушистыми, другую съ гладкими листьями; однако, онъ допускаетъ, что у одной разновидности, а именно называемой Ребазо, листья то гладки, то пушисты; а Одаръ утверждаетъ, что у нѣкоторыхъ разновидностей пушисты только жилки, у другихъ молодые листья, тогда какъ старые гладки. Виноградъ Педро-Хименесъ представляетъ особенность, по которой узнается сразу среди множества другихъ разновидностей, а именно, когда его плодъ почти созрѣетъ, то жилки на листьяхъ или даже вся поверхность листа желтѣетъ. Сортъ Барбера д'Асти рѣзко характеризуется разными признаками, между прочимъ тѣмъ, что „нѣкоторые листья, и всегда самые нижніе на вѣтвяхъ, внезапно становятся темнокрасными". Нѣкоторые авторы, классифицируя сорта винограда, приняли въ основаніе своихъ главныхъ подраздѣленій круглую или продолговатую форму ягодъ; Одаръ признаетъ значеніе этого признака: однако, есть одна разновидность, называемая Маккабео, которая часто производитъ маленькія круглыя ягоды, а также крупныя продолговатыя въ одной и той же грозди. Виноградъ, называемый Неббіоло, представляетъ постоянный при-

знакъ, достаточный для его распознаванія, а именно, у него та часть мякоти, которая окружаетъ сѣмена, слабо пристаетъ къ остальной части ягоды, при разрѣзѣ ея въ поперечномъ направленіи. Упоминаютъ объ одной рейнской разновидности, любящей сухую почву; плодъ хорошо вызрѣваетъ, но въ моментъ зрѣлости, если идетъ много дождя, ягоды оказываются способными гнить; съ другой стороны, плодъ одной швейцарской разновидности цѣнится за то, что хорошо выдерживаетъ продолжительную влажность. Эта послѣдняя разновидность развивается поздно весною, но плодъ ея созрѣваетъ рано; другія разновидности отличаются тѣмъ недостаткомъ, что ихъ слишкомъ возбуждаетъ апрѣльское солнце и затѣмъ онѣ страдаютъ отъ морозовъ. Одна штирійская разновидность имѣетъ ломкія ножки, такъ что кисти ягодъ часто обрываются вѣтромъ: эта разновидность, говорятъ, особенно привлекательна для осъ и пчелъ. Другіе сорта имѣютъ крѣпкія ножки, не боящіяся вѣтра. Можно было бы привести другіе измѣнчивые признаки, но предшествующихъ фактовъ достаточно для того, чтобы показать, какъ велико число мелкихъ подробностей въ строеніи и въ сложеніи организма, оказывающихся измѣнчивыми у винограда. Во время одной виноградной эпидеміи во Франціи, извѣстныя старинныя разновидности гораздо болѣе пострадали отъ мильдъю, чѣмъ другія. Такъ, напр., „группа сортовъ Шассла, крайне богатая разновидностями, не дала ни одного счастливаго исключенія“. Извѣстныя другія группы пострадали гораздо менѣе: напр., настоящая старинная бургундская лоза была сравнительно свободна отъ болѣзни, и Кармина также устояла. Американскія лозы, принадлежащія къ другому виду, совершенно остались невредимыми во Франціи; мы видимъ такимъ образомъ, что тѣ европейскія разновидности, которыя всего лучше противятся болѣзни, должны были пріобрѣсть въ малой степени тѣ же самыя особенности организаціи, какъ и американскій видъ.

Персики и нектарины (Amygdalus persica). Лучшіе авторитеты почти единодушно утверждаютъ, что персиковъ никогда не находили въ дикомъ состояніи. Персики были ввезены изъ Персіи въ Европу незадолго до Р. Х., и въ это время существовали немногія разновидности. Альф. Декандоль, основываясь на томъ, что персикъ не распространился изъ Персіи

раньше этого времени, а также и на томъ, что этотъ плодъ не имѣетъ чистаго санскритскаго и еврейскаго названія, выводитъ, что родиною его была не З. Азія, но нѣкоторая часть Китая. Факты эти, однако, быть можетъ, объясняются предположеніемъ, состоящимъ въ томъ, что персикъ представляетъ ничто иное, какъ видоизмѣненный миндаль, пріобрѣвшій свои нынѣшніе признаки въ сравнительно позднюю эпоху;

Персиковыя косточки и миндалины, въ естеств. вел., видъ съ ребра 1. Обыкновенный англійскій персикъ. 2. Махровый, краснощвѣтущій, китайскій. 3. Китайскій медовый. 4. Англійскій миндаль. 5. Барселонскій миндаль. 6. Миндаль Малага. 7. Мягко-скорлуповый французскій миндаль. 8. Смирнскій миндаль.

подобно тому какъ нектарины, возникшія изъ персиковъ, рѣдко гдѣ имѣютъ туземныя названія и стали извѣстны въ Европѣ въ еще болѣе недавнее время. Эндрью Найтъ нашелъ,

что деревцо, выросшее изъ сладкаго миндаля, оплодотвореннаго пыльцою персика, дало плоды, совершенно сходные съ персиками. Это привело его къ предположенію, что персиковое дерево есть видоизмѣненное миндальное, и взглядъ Найта былъ усвоенъ многими авторами. Первоклассный персикъ, почти шаровидный, образованный изъ мягкой и сладкой мякоти, окружающей твердую, сильно изборожденную и слегка сплюснутую косточку, конечно, значительно отличается отъ миндаля — съ его мягкой, слегка изборожденной, сильно сплюснутой и удлиненной косточкой или „орѣхомъ", защищеннымъ лишь твердымъ зеленоватымъ слоемъ горькаго мяса (кожицы). Бентамъ обратилъ особое вниманіе на значительную сплюснутость миндаля по сравненію съ персиковой косточкой. Но у различныхъ сортовъ миндаля косточка (орѣхъ) представляетъ значительныя различія въ степени сжатія въ величинѣ, формѣ, крѣпости, глубинѣ бороздъ, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ (№№ 4—8), тѣхъ сортовъ, которые мнѣ удалось собрать.

Точно также и у персиковыхъ косточекъ (№№ 1—3) степень сжатія и удлиненія измѣнчива, такъ что косточка китайскаго медоваго персика (№ 3) гораздо болѣе удлинена и сжата, нежели у смирнскаго миндаля (№ 8). Райверсъ изъ Саубриджуэрта, любезно приславшій мнѣ нѣкоторые изъ изображенныхъ здѣсь экземпляровъ и обладающій такою значительною опытностью по вопросамъ садоводства, обратилъ мое вниманіе на нѣкоторыя разновидности, служащія переходными формами отъ миндаля къ персику. Во Франціи есть одна разновидность, называемая персиковымъ миндалемъ; Райверсъ въ прежнее время разводилъ ее. Въ одномъ французскомъ каталогѣ она точно описана, какъ имѣющая овальные вздутые плоды, съ виду похожіе на персики, и включающіе твердую косточку или орѣхъ, окруженный мясистымъ, порою съѣдобнымъ покровомъ. Замѣчательное утвержденіе Люизе появилось въ Revue Horticole, а именно, что одинъ персиковый миндаль, привитый къ персиковому дереву, далъ въ 1863 и 1864 г. одни миндали; но съ 1865 г. далъ 6 персиковъ и ни одной миндалины. Карьеръ, комментируя этотъ фактъ, приводитъ примѣръ одного махроваго миндальнаго дерева, которое, послѣ того какъ нѣсколько лѣтъ давало миндаль,

внезапно въ теченіе двухъ лѣтъ сряду стало давать шаровидные мясистые персикоподобные плоды, но въ 1865 г. возвратилось къ прежнему состоянію и дало крупный миндаль.

Далѣе, какъ мнѣ сообщаетъ м-ръ Райверсъ, махровые китайскіе персики похожи на миндальныя деревья по способу произростанія и по цвѣтамъ. Плоды ихъ сильно удлинены и сплюснуты, мясо горьковато-сладкое, но съѣдобное, и, говорятъ, въ самомъ Китаѣ лучшаго качества. Отъ этого состоянія лишь незначительный шагъ приводитъ насъ къ такимъ худшимъ персикамъ, которые порою выростаютъ изъ сѣмянъ. Такъ, напримѣръ, Райверсъ посѣялъ много персиковыхъ косточекъ, ввезенныхъ изъ Соед. Штатовъ, гдѣ ихъ собираютъ для разведенія породъ, и нѣкоторыя воспитанныя имъ деревья произвели персики, очень похожіе съ виду на миндаль, маленькіе и твердые, съ мясомъ, размягчившимся лишь глубокою осенью. Фанъ Монсъ также утверждаетъ, что однажды воспиталъ отъ персиковой косточки персикъ, имѣвшій видъ дикаго дерева, съ плодомъ вродѣ миндаля. Отъ худшихъ персиковъ вродѣ только что описанныхъ мы можемъ перейти незамѣтно, чрезъ посредство плохихъ персиковъ, у которыхъ мясо съ трудомъ отдаляется отъ косточки, къ лучшимъ, тающимъ во рту сортамъ. Эта постепенность, а также указанные примѣры внезапнаго измѣненія, въ связи съ тѣмъ фактомъ, что персики не найдены въ дикомъ состояніи,—все это дѣлаетъ для меня наиболѣе вѣроятнымъ тотъ взглядъ, что персикъ представляетъ потомка отъ миндаля, улучшеннаго и видоизмѣненнаго чудеснымъ образомъ. Есть, однако, одинъ фактъ, противорѣчащій этому выводу. Найтъ произвелъ одну гибридную форму отъ сладкаго миндаля, оплодотвореннаго пыльцею персика; у этого гибрида явились цвѣты съ малымъ количествомъ или почти совсѣмъ безъ пыльцы, принесшіе, однако, плодъ; повидимому, они были оплодотворены сосѣдней нектариной.

Другой гибридъ отъ сладкаго миндаля, посредствомъ пыльцы нектарины, далъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ несовершенные цвѣты, но позднѣе—совершенные, съ обильною пыльцей. Если эта малая степень безплодія не можетъ быть объяснена юностью деревьевъ (что часто причиняетъ убыль плодовидости) или же уродливымъ состояніемъ цвѣтовъ, или, наконецъ, условіями, которымъ были подвержены деревья, то

приведенные два примѣра доставили бы хорошій доводъ противъ мнѣнія, что персикъ представляетъ потомка отъ миндаля.

Произошелъ-ли персикъ отъ миндаля или не произошелъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что самъ онъ произвелъ нектарины или „гладкіе персики", какъ ихъ называютъ французы. Большая часть разновидностей, какъ персика, такъ и нектарины, вопроизводятся, безъ измѣненія, сѣмянами. Галлезіо утверждаетъ, что провѣрилъ это по отношенію къ восьми сортамъ персиковъ. Райверсъ привелъ нѣкоторые поразительные примѣры изъ своего собственнаго опыта, и общеизвѣстно, что хорошіе персики постоянно получаются въ С. Америкѣ изъ сѣмянъ. Многія изъ американскихъ подразновидностей размножаются безъ измѣненія или почти не измѣняясь, какъ, напр., персикъ съ бѣлыми цвѣтами, разные желтые плоды съ свободными косточками, кровавокрасный персикъ съ приставшей косточкой, вересковый (heath) и лимонный съ приставшей косточкой. Съ другой стороны, извѣстно, что одинъ персикъ съ приставшей косточкой произвелъ породу съ свободными косточками. Въ Англіи было замѣчено, что сѣянки наслѣдуютъ отъ родителей цвѣты такой же величины и окраски. Нѣкоторые признаки, однако, вопреки ожиданію, не наслѣдуются: такъ, напр., присутствіе и форма железокъ на листьяхъ. Что касается нектаринъ, то въ С. Америкѣ воспроизводятся посѣвомъ породы и съ приставшими, и съ свободными косточками. Въ Англіи новая бѣлая нектарина была сѣянкой старинной бѣлой; Райверсъ собралъ и другіе подобные примѣры. Эта сильная наслѣдственность, обнаруживаемая какъ персиковымъ деревомъ, такъ и нектариновымъ, затѣмъ нѣкоторыя незначительныя различія въ ихъ организаціи, и большое различіе наружнаго вида и вкуса ихъ плодовъ—вотъ причины, не позволяющія болѣе удивляться тому, что хотя эти деревья не различаются въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ и даже, какъ сообщаетъ мнѣ Райверсъ, не различимы, пока молоды, были однако, причисляемы нѣкоторыми авторами къ разнымъ видамъ. Галлезіо не сомнѣвается въ ихъ различіи; даже Альф. Декандоль, повидимому, не вполнѣ увѣренъ въ ихъ видовомъ тожествѣ; и одинъ знаменитый ботаникъ не такъ давно доказывалъ, что нектарина „вѣроятно, составляетъ особый видъ".

Поэтому не мѣшаетъ привести факты, относящіеся къ происхожденію нектаринъ. Факты эти сами по себѣ любопытны, и на нихъ придется ссылаться, когда будетъ идти рѣчь о важномъ вопросѣ, а именно такъ наз. „почечныхъ измѣненіяхъ". Утверждаютъ, что бостонская нектарина произошла отъ персиковой косточки и воспроизводилась посѣвомъ. Райверсъ говоритъ, что отъ косточекъ трехъ разныхъ сортовъ персика онъ получилъ три разновидности нектаринъ; и въ одномъ изъ этихъ случаевъ подлѣ родительскаго персиковаго дерева не росло ни одной нектарины. Въ другомъ случаѣ Райверсъ получилъ нектарину отъ персика, а въ слѣдующемъ поколѣніи другую нектарину отъ первой. Другіе подобные же случаи, здѣсь не приведенные, были мнѣ сообщены. Относительно обратнаго примѣра, а именно, что косточки нектаринъ давали персиковыя деревья (какъ съ свободными, такъ и приставшими косточками у персиковъ), имѣется шесть несомнѣнныхъ примѣровъ, указанныхъ Райверсомъ; въ двухъ изъ нихъ родительскія нектарины произошли отъ посѣва другихъ нектаринъ.

Относительно болѣе любопытнаго случая, а именно, когда взрослыя персиковыя деревья внезапно производили нектарины путемъ „измѣненія почекъ" (садовники называютъ это „игрою"), свидѣтельства чрезвычайно обильны: здѣсь имѣются также хорошія доказательства, что одно и то же дерево производило и персики, и нектарины, и полъ-на-полъ, т. е. плоды, у которыхъ одна половина представляетъ настоящій персикъ, другая—настоящую нектарину.

Петръ Коллинсонъ въ 1741 г. указалъ первый случай, когда персиковое дерево дало нектарину, а въ 1766 г. еще два случая. Это указано въ „Перепискѣ Линнея". Въ томъ же трудѣ издатель сэръ Дж. Смитъ описываетъ болѣе замѣчательный примѣръ одного дерева въ Норфолькѣ, обыкновенно дававшаго и цѣльныя нектарины, и цѣльные персики, но въ теченіе двухъ сборовъ нѣкоторые плоды оказались полъ-на-полъ персиками и нектаринами.

Въ общемъ, мы имѣемъ превосходныя доказательства того, что персиковыя косточки производятъ нектариновыя деревья и обратно—нектариновыя косточки производятъ персиковыя деревья; одно и то же дерево даетъ персики и

нектарины; персиковыя деревья внезапно производятъ, посредствомъ почечнаго измѣненія нектарины (такія нектарины воспроизводятъ посѣвомъ себѣ подобныя); но также производятъ плоды, частью нектарины, частью персики; наконецъ, одно нектариновое дерево сначала принесло плоды полъ-на-полъ—персики и нектарины, затѣмъ настоящіе персики.

Такъ какъ персики явились раньше нектаринъ, то можно было бы ожидать, основываясь на законѣ возврата, что нектарины, посредствомъ измѣненія почекъ или помощью посѣва, чаще станутъ производить персики, чѣмъ обратно; но это далеко не справедливо.

Два объясненія были придуманы для того, чтобы дать себѣ отчетъ объ этихъ превращеніяхъ. Первое состоитъ въ томъ, что родительскія деревья были во всѣхъ случаяхъ гибридами между персикомъ и нектариной, и путемъ почечнаго измѣненія или же посредствомъ посѣва возвратились къ одной изъ своихъ чистыхъ родительскихъ формъ. Этотъ взглядъ самъ по себѣ не слишкомъ неправдоподобенъ, потому что такъ наз. горный персикъ, полученный Найтомъ отъ краснаго мускатнаго персика помощью пыльцы фіолетовой скороспѣлой нектарины, производитъ персики, но эти послѣдніе, говорятъ, *иногда* обнаруживаютъ гладкость и вкусъ нектарины. Но замѣтимъ, что не менѣе шести отлично извѣстныхъ разновидностей и нѣкоторыя другія, безъименныя разновидности внезапно производили настоящія нектарины путемъ почечнаго измѣненія; а было бы необычайно легкомысленно допустить, что всѣ эти разновидности персика, подвергавшіяся культурѣ въ теченіе многихъ лѣтъ во многихъ областяхъ и не обнаруживающія ни слѣда смѣшаннаго родства, тѣмъ не менѣе представляютъ гибридныя формы. Другое объясненіе состоитъ въ томъ, что плоды персиковъ прямо подверглись віянію пыльцы нектаринъ; хотя, конечно, это возможно, но здѣсь не примѣнимо, такъ какъ у насъ нѣтъ и тѣни доказательства, что вѣтвь, давшая плоды, подвергшаяся непосредственному вліянію чужой пыльцы, способна видоизмѣниться такъ сильно, чтобы впослѣдствіи произвесть почки, продолжающія давать плоды новой, видоизмѣненной формы. Извѣстно, однако, что когда одна почка на перси-

ковомъ деревѣ однажды дала нектарину, то несущая ее вѣтвь, во многихъ случаяхъ, производитъ нектарины въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ Карклю нектарина, съ другой стороны, произвела сначала полъ-на-полъ—персики съ нектаринами, а затѣмъ чистые персики. Поэтому можно спокойно принять обыденный взглядъ, по которому нектарина есть разновидность персика, могущая произойти либо почкованіемъ, либо посредствомъ посѣва.

Черносливы (Prunus insititia) и *сливы*. Въ прежнее время теренъ (P. spinosa) признавался родоначальникомъ всѣхъ

Сливовыя косточки, въ естеств. вел., сбоку. 1. Буллесъ. 2. Шропширъ. 3. Синяя слива Blue Gage. 4. Орлеанъ. 5. Эльвасъ. 6. Denyer's Victoria. 7. Брильянтовая (Diamond).

нашихъ сливъ, но теперь эта честь обыкновенно приписывается P. insititia (тернослива или черносливъ)—виду, встрѣчающемуся въ дикомъ состояніи на Кавказѣ и въ сѣверозападной Индіи и натурализованному въ Англіи. Судя по нѣкоторымъ наблюденіямъ Райверса, возможно, что обѣ эти формы, разсматриваемыя нѣкоторыми ботаниками какъ одинъ единственный видъ, могутъ оказаться предками нашихъ домашнихъ сливъ. Другая предполагаемая родительская форма, домашняя слива (P. domestica), говорятъ, встрѣчается въ дикомъ состояніи на Кавказѣ.

Приводимые рисунки указываютъ на значительную измѣнчивость формы сливныхъ косточекъ.

Тыквенныя растенія (Cucurbitaceae), — Растенія эти, въ теченіе долгаго времени, были настоящимъ позоромъ для ботаниковъ. Многія разновидности признавались видами, и, что рѣже случается, формы, которыя теперь приходится считать видами, признавались разновидностями. Благодаря чудеснымъ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ одного выдающагося ботаника, именно Нодена, потоки свѣта были пролиты на эту группу. Ноденъ, въ теченіе многихъ лѣтъ производилъ наблюденія и опыты надъ свыше чѣмъ 1,200 живыми экземплярами, собранными со всѣхъ концовъ свѣта. Шесть видовъ теперь признаются въ родѣ Cucurbita; но только три воздѣлывались и касаются насъ, а именно *C. maxima и pepo*, виды, включающіе всевозможныя тыквы, и наконецъ видъ *C. moschata* (мускусная тыква). Эти три вида не извѣстны въ дикомъ состояніи, но Аса Грей приводитъ основательные доводы въ пользу мнѣнія, что нѣкоторыя тыквы въ С. Америкѣ туземнаго происхожденія.

Эти три вида близко родственны и обладаютъ сходнымъ общимъ видомъ, но, по Нодену, ихъ безчисленныя разновидности всегда различимы между собою извѣстными, почти устойчивыми признаками; а что еще важнѣе, при скрещиваніи они не даютъ сѣмянъ или даютъ безплодныя сѣмена; тогда какъ разновидности самопроизвольно скрещиваются между собою съ величайшею легкостью. Ноденъ сильно настаиваетъ на томъ, что хотя эти три вида сильно измѣнялись во многихъ признакахъ, однако, это произошло до того аналогичнымъ путемъ, что разновидности могутъ быть расположены въ почти параллельные ряды, какъ и извѣстныя породы пшеницы, какъ двѣ главныя породы персиковъ и т. п. Хотя нѣкоторыя разновидности неустойчивы, зато другія, если растутъ отдѣльно другъ отъ друга при однообразныхъ жизненныхъ условіяхъ, обладаютъ, какъ часто повторяетъ Ноденъ, „устойчивостью, почти сравнимою съ тою, какая свойственна наиболѣе типичнымъ видамъ“. Одна разновидность, называемая l'Orangin, настолько одолѣваетъ другія при передачѣ своихъ признаковъ, что, при скрещиваніи съ другими разновидностями, огромное большинство потомковъ выходятъ вполнѣ сходными съ l'Orangin. Ноденъ, указывая на *C. pepo* говоритъ, что породы „отличаются отъ настоящихъ видовъ толь-

ко способностью соединяться между собою и давать помѣси безъ того, чтобы потомство утратило способность размножаться". Если бы мы положились только на одни внѣшнія различія и отказались отъ мѣрила, доставляемаго безплодіемъ, то изъ разновидностей этихъ трехъ видовъ Cucurbita пришлось бы создать множество видовъ. Многіе естествоиспытатели въ настоящее время, по моему мнѣнію, слишкомъ мало придаютъ значенія безплодію; однако, возможно, что различные виды растеній, послѣ долгаго воздѣлыванія и измѣненія, утрачиваютъ свойство взаимнаго безплодія, подобно тому, какъ мы съ основаніемъ можемъ предположить это для домашнихъ животныхъ. Въ случаѣ растеній, подвергавшихся воздѣлыванію, мы не вправѣ также допустить, что разновидности никогда не пріобрѣтаютъ нѣкотораго взаимнаго безплодія; факты этого рода были указаны такими авторитетами, какъ Гертнеръ и Кельрейтеръ.

Различныя формы *C. pepo* распредѣлены Ноденомъ на семь отдѣловъ изъ которыхъ каждый включаетъ подразновидности. Онъ разсматриваетъ это растеніе какъ, быть можетъ, самое измѣнчивое на земномъ шарѣ. Плодъ отъ одной разновидности, по цѣнности, превышаетъ плодъ другой болѣе, чѣмъ въ 2,000 разъ.

Когда плодъ очень крупный, то производится въ маломъ числѣ; когда мелкій, то въ большомъ. Не менѣе изумительнія измѣнчивость формы плода: типичная форма, повидимому, яйцевидна, но становится то цилиндрическою, то сплюснутою дискообразно. Существуетъ почти безконечное разнообразіе въ окраскѣ и состояніи поверхности плода, твердости корки и плода и вкусѣ мяса, то необычайно сладкаго, то мучнистаго, или горьковатаго.

Сѣмена также слегка различаются по формѣ и въ необычайной степени но длинѣ, а именно достигаютъ отъ 6 или 7 то болѣе чѣмъ 25 мм. длины.

У разновидностей, ростущихъ прямо или не ползучихъ и не лазящихъ, усики хотя безполезны, все таки имѣются: иногда ихъ замѣняютъ полу-уродливые органы, порою же ихъ и вовсе не бываетъ. Усики отсутствуютъ даже у нѣкоторыхъ ползучихъ разновидностей, у которыхъ стебли очень удлинены. Страненъ тотъ фактъ, что у всѣхъ разновидностей съ кар-

личными стеблями листья близко сходны между собою по формѣ.

Тѣ естествоиспытатели, которые убѣждены въ неизмѣнности видовъ, часто утверждаютъ, что даже у наиболѣе измѣнчивыхъ формъ признаки, которымъ придаютъ значеніе видовыхъ, неизмѣнны. Достаточно привести примѣръ одного добросовѣстнаго писателя (Годрона), который, ссылаясь на труды Нодена и указывая на видъ Cucurbita, говоритъ: „При всѣхъ измѣненіяхъ плода стебли, листья, чашечки, вѣнчики, тычинки“ остаются у каждой изъ нихъ неизмѣнными. Однако, Ноденъ, описывая Cucurbita pepo, говоритъ: „Здѣсь, однако, не только плоды измѣняются, но и листва и вся наружность растенія. Думаю, однако, что этотъ видъ всегда легко съумѣютъ отличить отъ двухъ другихъ, если не упустятъ изъ виду различій, которыя я стараюсь выставить на видъ. Эти признаки порою очень незамѣтны. Случается даже, что многіе изъ нихъ почти сглаживаются, но всегда остаются нѣкоторые, указывающіе наблюдателю истинный путь“. Замѣтьте, какъ отличается смыслъ этой цитаты, по отношенію къ неизмѣнности такъ наз. видовыхъ признаковъ, отъ того, что утверждается Годрономъ.

Прибавлю еще одно замѣчаніе. Натуралисты постоянно утверждаютъ, что ни одинъ важный органъ не измѣняется; но утверждая это, они безсознательно вращаются въ ложномъ кругу. Дѣйствительно, если какой бы то ни было органъ въ высшей степени измѣнчивъ, то его признаютъ маловажнымъ, и, съ точки зрѣнія систематики, это совершенно правильно. Но пока постоянство признается мѣриломъ значенія органа, пройдетъ долгое время, прежде чѣмъ можно будетъ доказать, что важный органъ бываетъ измѣнчивымъ. Расширенная форма рыльца (stigma) и его сидячее положеніе на верхушкѣ завязи (ovarium) должны признаваться важными признаками: Гаспарини воспользовался ими для выдѣленія нѣкоторыхъ тыквъ въ *особый родъ*. Но Ноденъ говоритъ, что эти части не представляютъ постоянства, и что у цвѣтовъ „тюрбанныхъ“ разновидностей *C. maxima*, онѣ порою вновь принимаютъ свое обычное строеніе. Далѣе, у *C. maxima*, плодолистики (carpella) образующіе тюрбанъ, выдаются даже на $^2/_3$ своей длины изъ воспріемника (receptaculum), и эта послѣд-

няя часть сократилась до рода пластинки; но это замѣчательное строеніе встрѣчается только у нѣкоторыхъ разновидностей и постепенно переходитъ въ обыкновенную форму, у которой плодолистики почти совсѣмъ замкнуты въ воспріемникъ. У мускусной тыквы *(C. moschata)* завязь значительно измѣнчива по формѣ, бывая то овальною, то почти сферическою или цилиндрическою, болѣе или менѣе вздутою на верхней части или сдавленною какъ бы поясомъ по серединѣ, и то прямою, то искривленною. Когда завязь коротка и овальна, внутреннее строеніе немного отличается отъ свойственнаго *C. maxima* или *C. pepo*, но когда она удлинена, то плодолистики занимаютъ лишь концевую, вздутую часть. Могу добавить, что у одной разновидности огурца (Cucumis sativus) плодъ регулярно содержитъ 5 плодолистиковъ, вмѣсто трехъ. Полагаю, не станутъ спорить, что здѣсь мы имѣемъ примѣры значительной измѣнчивости органовъ, представляющихъ высочайшее физіологическое значеніе и играющихъ у большинства растеній весьма важную роль для систематическихъ подраздѣленій. Въ двухъ послѣднихъ главахъ были указаны примѣры предѣловъ измѣнчивости и приведена исторія (насколько она извѣстна) нѣкоторыхъ воздѣлываемыхъ растеній. Однако, мы пропустили нѣкоторыя изъ наиболѣе измѣнчивыхъ растеній, вродѣ турецкихъ бобовъ, стручковаго перца, проса, сорго и т. п., такъ какъ ботаники не сговорились, какія породы считать видами, какія—разновидностями, дикіе же родительскіе виды неизвѣстны. Многія растенія, издавна воздѣлываемыя въ тропическихъ странахъ, вродѣ банановъ, произвели многочисленныя разновидности; но такъ какъ эти растенія никогда не были описаны хотя бы съ нѣкоторою тщательностью, мы ихъ здѣсь оставимъ въ сторонѣ. Тѣмъ не менѣе было указано достаточное число фактовъ, такъ что читатель самъ можетъ судить о характерѣ и широкихъ предѣлахъ измѣненій, которымъ подвергались воздѣлываемыя растенія.

ГЛАВА XI.

О почечныхъ измѣненіяхъ (bud variation) и о нѣкоторыхъ аномаліяхъ воспроизведенія и измѣнчивости. О вліяніи предыдущаго оплодотворенія самки на послѣдующее потомство (телегонія). Заключеніе и общіе выводы.

Глава эта будетъ, главнымъ образомъ, посвящена вопросу, важному во многихъ отношеніяхъ, а именно вопросу о почечныхъ измѣненіяхъ. Подъ этимъ терминомъ я подразумѣваю всѣ тѣ внезапныя перемѣны въ строеніи и наружномъ видѣ, которыя порою встрѣчаются у взрослыхъ растеній, въ ихъ цвѣточныхъ или листовыхъ почкахъ. Садовники часто называютъ такія измѣненія „игрою"; но это плохое и неопредѣленное выраженіе, такъ какъ оно часто примѣнялось къ рѣзко выраженнымъ измѣненіямъ, прокидывающимся у сѣянокъ. Различіе между сѣмяннымъ и почечнымъ воспроизведеніемъ не такъ велико, какъ кажется на первый взглядъ. Дѣйствительно, каждая почка представляетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, новую особь; но такія особи производятся образованіемъ разныхъ сортовъ почекъ безъ помощи какого-либо спеціальнаго аппарата, тогда какъ плодовитыя сѣмена получаются совмѣстнымъ дѣйствіемъ двухъ половыхъ элементовъ. Видоизмѣненія, возникающія посредствомъ почечныхъ измѣненій, могутъ, вообще говоря, размножаться до любой степени прививкою—посредствомъ прищепленія, глазкомъ, черенками, луковицами и т. д., а иногда даже посѣвомъ. Немногія изъ нашихъ прекраснѣйшихъ и полезнѣйшихъ породъ возникли путемъ почечнаго измѣненія.

Почечныя измѣненія до сихъ поръ наблюдались только въ растительномъ царствѣ; но возможно, что если бы сложныя животныя, вродѣ коралловъ и т. п., подвергались продолжи-

тельному одомашненію, они дали бы почечныя измѣненія, такъ какъ они вообще во многихъ отношеніяхъ сходны съ растеніями. Такъ, напр., любой новый или своеобразный признакъ, представляемый сложнымъ животнымъ, воспроизводится посредствомъ почкованія, что случается у разнообразно окрашенныхъ гидръ, и, какъ показалъ Госсе, у особой разновидности настоящаго коралла. Разновидности гидры были также прививаемы къ другимъ разновидностямъ и удерживали свои особенности.

Приведу факты относительно почечнаго измѣненія и затѣмъ покажу ихъ важное значеніе. Факты эти доказываютъ, что ошибаются тѣ авторы, которые, подобно Палласу, приписываютъ всякую измѣнчивость скрещиванію, либо между различными расами, либо между особями, принадлежащими къ одной и той же расѣ, но нѣсколько различными между собою. Ошибаются и авторы, приписывающіе всякую измѣнчивость простому акту сочетанія половъ. Нѣтъ возможности также объяснить, во всѣхъ случаяхъ, появленіе, путемъ почечнаго измѣненія, новыхъ признаковъ на основаніи принципа возврата къ давно-утраченнымъ признакамъ. Кто желаетъ судить о томъ, насколько жизненныя условія причиняютъ непосредственно любое измѣненіе, долженъ былъ бы основательно обсудить приведенные здѣсь факты.

Персикъ (*Amygdalus persica*).—Извѣстны примѣры „персиковаго миндаля“ и махроваго миндальнаго дерева, которые внезапно произвели плоды, близко сходные съ настоящими персиками. Во многихъ случаяхъ персиковыя деревья производятъ почки, которыя, развившись въ вѣтви, даютъ нектарины. Не менѣе шести извѣстныхъ и многія безъименныя породы персиковъ дали такимъ образомъ разныя породы нектаринъ. Я уже указалъ на крайнюю невѣроятность предположенія, чтобы всѣ эти персиковыя деревья, изъ которыхъ многія представляютъ очень древнія разновидности, разводившіяся милліонами, представляли гибридныя формы отъ персика и нектарины; противорѣчитъ также всякой аналогіи—приписывать случайное произведеніе нектаринъ на персиковыхъ деревьяхъ прямому дѣйствію пыльцы съ нѣкотораго сосѣдняго нектариноваго дерева. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ въ высшей степени замѣчательны, потому что, во-первыхъ, плодъ, такимъ

образомъ произведенный, порою былъ отчасти нектариной, а частью персикомъ; во-вторыхъ, потому, что нектарины, такимъ образомъ внезапно произведенныя, воспроизводились сѣменами; въ-третьихъ, потому, что нектарины производятся персиковыми деревьями, какъ изъ сѣмянъ, такъ и изъ почекъ. Сѣмя или косточка нектарины, обратно, порою производитъ персики: такъ, въ одномъ случаѣ, нектариновое дерево дало персики посредствомъ почечнаго измѣненія. Такъ какъ персикъ навѣрное представляетъ болѣе древнюю и первичную разновидность по сравненію съ нектариной, то производство персиковъ отъ нектаринъ, сѣменами или же почками, быть можетъ, представляетъ примѣръ возврата. Описывали также деревья, безразлично дающія персики или нектарины: это можно разсматривать, какъ почечное измѣненіе, доведенное до необычайной степени.

Въ Монтрейлѣ одно персиковое дерево сорта *grosse mignonne* произвело отъ одной вѣтви сортъ позднюю *grosse mignonne* „превосходнѣйшую разновидность", у которой плоды созрѣваютъ на двѣ недѣли позднѣе, чѣмъ у родительской породы, отличаясь такими же хорошими качествами. То же дерево, посредствомъ почечнаго измѣненія, дало раннюю *grosse mignonne*. Крупная краснобурая нектарина Гонта произошла „отъ мелкой краснобурой Гонтовой нектарины, но не путемъ сѣмянного воспроизведенія".

Цвѣты.

Пеларгоніи.—Эти высоко-культивированныя растенія, повидимому, въ высшей степени подвержены почечной измѣнчивости. Я приведу лишь немногіе рѣзкіе примѣры. Гертнеръ видѣлъ одинъ экземпляръ *P. zonale*, у котораго одна вѣтвь имѣла бѣлыя ребра. Она оставалась постоянно такою много лѣтъ, и приносила цвѣты болѣе темно-красные, чѣмъ обыкновенно. Вообще говоря, такія вѣтви несутъ цвѣты мало различные или вовсе не отличающіеся между собою: такъ, одинъ писатель оборвалъ главный побѣгъ выросшей изъ сѣмянъ P. zonale и растеніе дало три вѣтви, различавшіяся по величинѣ и окраскѣ листьевъ и стеблей; но всѣ три вѣтви дали „тожественные цвѣты", исключая того, что они были

всего крупнѣе у разновидности съ зеленымъ стеблемъ и всего меньше у той, которая имѣла пеструю листву: эти три разновидности затѣмъ разводились и были раздѣлены. Многія вѣтви, а порою и цѣлыя растенія разновидности, называемой *P. compactum* и дающей оранжево-красные цвѣты, производили порою гвоздично-красные цвѣты. Разновидность Hill's Hector, съ блѣдно-красными цвѣтами, дала одну вѣтвь съ лиловыми цвѣтами и нѣсколько пучковъ съ цвѣтами, красными и лиловыми. Это, повидимому, есть примѣръ возврата, потому что „Гекторъ Гилля" произошелъ какъ сѣянка отъ лиловой разновидности. Но вотъ лучшій примѣръ возврата: одна разновидность, полученная отъ сложнаго скрещиванія, послѣ размноженія, въ теченіе пяти поколѣній, посредствомъ сѣмянъ, дала путемъ почечнаго измѣненія три весьма различныя разновидности, не отличимыя отъ растеній, „какъ извѣстно, бывшихъ когда-то предками того растенія, о которомъ идетъ рѣчь". Изъ всѣхъ пеларгоній, наиболѣе „играющей" разновидностью, кажется, слѣдуетъ признать Роллисонову Единственную (Rollisson's Unique); ея происхожденіе не извѣстно положительно, но, какъ полагаютъ, она представляетъ продуктъ скрещиванія. Солтеръ, изъ Гаммерсмита, утверждаетъ, что самъ видѣлъ, какъ эта пурпурная разновидность давала лиловую, розово-красную или *conspicuum* и красную или *coccineum*. Эта послѣдняя произвела также *rose d' amour;* такъ что въ общемъ, путемъ почечнаго измѣненія, отъ Роллиссоновой Единственной произошло, въ общемъ, четыре разновидности. М-ръ Солтеръ замѣчаетъ, что эти четыре разновидности „могутъ теперь считаться упроченными, хотя онѣ порою производятъ цвѣты первоначальной окраски. Въ этомъ году *coccineum* дала цвѣты трехъ различныхъ сортовъ, красные, розовые и лиловые, на одномъ и томъ же кустѣ, а на другихъ кустахъ цвѣты на половину красные и на половину лиловые". Помимо этихъ четырехъ разновидностей, извѣстно существованіе еще двухъ другихъ пунцовыхъ „Единственныхъ", причемъ обѣ порою производятъ лиловые цвѣты, такіе самые, какъ у Роллиссоновой Единственной; но по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ цвѣтковъ не произошелъ путемъ почечнаго измѣненія, а, какъ полагаютъ, представляетъ сѣянку отъ Роллиссоновой Единственной. Въ

торговлѣ существуютъ еще двѣ другія слегка различныя разновидности, неизвѣстнаго происхожденія, отъ Роллиссоновой Единственной. Такимъ образомъ, въ общемъ, мы видимъ любопытный по сложности примѣръ измѣненія и почками, и въ то же время сѣменами. Вотъ еще болѣе сложный случай: Рафаренъ утверждаетъ, что одна блѣдно-розовая разновидность произвела вѣтвь съ темно-красными цвѣтами. „Отводки были отрѣзаны отъ этого новаго сорта и отъ нихъ воспитали 20 растеній, которыя цвѣли въ 1867 г., причемъ оказалось, что между ними едва-ли было два похожихъ". Нѣкоторыя походили на родительскую форму, другія на новую, нѣкоторыя имѣли оба сорта цвѣтовъ, и даже нѣкоторыя изъ лепестковъ того же цвѣтка были розовые, другіе—красные. Одно англійское дикое растеніе, *Geranium pratense* (луговой журавленникъ, герань), порою производило, при воздѣлываніи въ саду, на одномъ и томъ же экземплярѣ голубые и бѣлые, а также полосатые, голубые съ бѣлымъ, цвѣты.

Гибридныя формы, происшедшія отъ прививки. Прежде чѣмъ подвести общій итогъ вопросу о почечныхъ измѣненіяхъ, я обсужу нѣкоторые странные и ненормальные случаи, болѣе или менѣе близко относящіеся къ тому же вопросу. Начну съ знаменитаго примѣра ракитника Адана (Cytisus Adami)—родъ гибрида, промежуточнаго между двумя весьма различными видами, а именно *C. laburnum* и *C. purpureus*, обыкновеннымъ и пурпурнымъ ракитникомъ; но такъ какъ это дерево часто описывалось, то я буду, по возможности, краткъ.

Во всей Европѣ, въ разной почвѣ и въ разныхъ климатахъ, вѣтви этого дерева часто и внезапно представляли случаи возврата къ двумъ родительскимъ видамъ по цвѣтамъ и по листьямъ. Видѣть на одномъ и томъ же деревѣ смѣшеніе пучковъ грязновато-красныхъ, ярко-желтыхъ и пурпурныхъ цвѣтковъ, на вѣтвяхъ, обладающихъ весьма различными листьями и разнымъ способомъ роста, право, удивительное зрѣлище. Одна и та же цвѣточная кисть иногда имѣетъ два рода цвѣтовъ; я видѣлъ одинъ единственный цвѣтокъ, точно раздѣленный пополамъ, при чемъ одна сторона была ярко желтая, а другая пурпурная, такъ что одна половина паруса этого мотыльковаго цвѣтка была желтая и крупнѣе, другая полупурпурная и поменьше. У другого цвѣтка одно изъ гряз-

новато-красныхъ крыльевъ было съ узкой ярко-желтой полосой; наконецъ, еще у одного цвѣтка одна изъ тычинокъ, ставшая слегка листовидной, была до половины желтая, до половины пурпурная, такъ что стремленіе къ раздѣленію признаковъ или же къ возврату касается даже отдѣльныхъ частей и органовъ. Наиболѣе замѣчательный фактъ, относящійся къ этому дереву, — тотъ, что въ своемъ промежуточномъ состояніи, даже когда оно растетъ подлѣ обоихъ родительскихъ видовъ, это дерево совершенно безплодно; но когда цвѣты становятся чисто желтыми или чисто пурпурными, они даютъ сѣмена.

Нѣсколько теорій было предложено для объясненія происхожденія *C. Adami* и испытываемыхъ этимъ растеніемъ превращеній. Нѣкоторые авторы приписывали эти явленія цѣликомъ почечному измѣненію; однако, если принять во вниманіе крупное различіе между *C. laburnum* и *C. purpureus*, двумя особыми дикими видами и вспомнить о безплодіи промежуточной формы, то этотъ взглядъ придется отвергнуть. У гибридныхъ растеній два различныхъ зародыша могутъ развиться въ одномъ и томъ же сѣмени и сростись; полагали что таково происхожденіе *C. Adami*. Многіе ботаники утверждаютъ, что *C. Adami* есть гибридная форма, произведенная обычнымъ способомъ, посредствомъ посѣва, и что она, путемъ почкованія, возвратилась къ обѣимъ родительскимъ формамъ. Отрицательные результаты не имѣютъ большой цѣнности: но Рейсенъ, Каспари и я напрасно старались достичь скрещиванья между *C. laburnum* и *C. purpureus*. Когда я оплодотворялъ первый видъ пыльцею второго, то почти достигъ успѣха, потому что получилъ уже бобы; но, по истеченіи 16 дней послѣ увяданія цвѣтковъ, они опали. Тѣмъ не менѣе, убѣжденіе, что *C. Adami* есть самопроизвольно возникшая гибридная форма между этими двумя видами, поддерживается тѣмъ фактомъ, что такіе гибриды возникали въ родѣ *Cytisus*. Такъ появился гибридъ въ одной клумбѣ, гдѣ росли сѣянки отъ *C. elongatus*, росшаго подлѣ *C. purpureus* и, быть можетъ, оплодотвореннаго отъ послѣдняго помощью насѣкомыхъ (играющихъ, какъ я узналъ по опыту, важную роль въ оплодотвореніи ракитника). Гибридъ этотъ былъ безплоденъ. Точно также ракитникъ Уотерера или *C. alpino-*

laburnum появился самопроизвольно, какъ гибридная форма, на одной клумбѣ. Съ другой стороны, имѣется ясное и опредѣленное показаніе, составленное для Пуато г. Аданъ, получившимъ впервые названную форму ракитника и показавшимъ, что *C. Adami* не есть обыкновенный гибридъ, но то, что можно бы назвать прививочнымъ гибридомъ, т. е. произведеннымъ соединенной клѣточной тканью двухъ различныхъ видовъ. Аданъ всунулъ обычнымъ способомъ щитокъ изъ коры пурпурнаго ракитника въ стволъ обыкновеннаго ракитника; почка, какъ часто бываетъ, оставалась въ недѣятельномъ состояніи цѣлый годъ. Затѣмъ щитокъ произвелъ много почекъ и отпрысковъ, изъ которыхъ одинъ выросъ болѣе прямо и сильно, съ листьями болѣе крупными, чѣмъ у побѣговъ пурпурнаго ракитника, и поэтому сталъ разводиться. Заслуживаетъ особаго замѣчанія, что г. Аданъ продавалъ эти растенія, до ихъ цвѣтенія, какъ разновидность пурпурнаго ракитника; затѣмъ Пуато напечаталъ отчетъ послѣ цвѣтенія, но прежде появленія замѣчательной склонности возвращаться къ обѣимъ родительскимъ формамъ. Такимъ образомъ, здѣсь не было никакого побужденія для подлога, и трудно понять, какъ могла бы здѣсь произойти какая-либо ошибка. Если мы допустимъ правдивость разсказа г. Адама, то будемъ вынуждены допустить и тотъ необычайный фактъ, что два различныхъ вида могутъ соединяться своею клѣточною тканью и затѣмъ произвесть растеніе, имѣющее листья и безплодные цвѣты промежуточнаго характера между привитымъ отрѣзкомъ и стволомъ, и производящее почки, подверженныя явленіямъ возврата; словомъ, во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ получается сходство съ гибридомъ, образованнымъ обычнымъ способомъ сѣмянного воспроизведенія. Приведу, поэтому, факты, относящіеся къ образованію гибридовъ между разными видами и разновидностями, безъ содѣйствія половыхъ органовъ. Дѣйствительно, если такой результатъ возможенъ (въ чемъ я теперь увѣренъ), то это въ высшей степени важный фактъ, который рано или поздно измѣнитъ взгляды, господствующіе у физіологовъ по вопросу о половомъ воспроизведеніи. Обособленіе или раздѣленіе признаковъ двухъ родительскихъ формъ, путемъ почечнаго измѣненія, что мы видимъ въ примѣрѣ ракитника Адана, явленіе не необычайное, хотя поразительное.

Иногда цѣлая почка представляетъ такой возвратъ, иногда лишь половина или нѣкоторый малый отрѣзокъ.

Приведемъ факты, относящіеся къ картофелю. Р. Трэйль сообщилъ въ 1867 г. Эдинбургскому Ботаническому Обществу (а позднѣе сообщилъ мнѣ болѣе полныя свѣдѣнія), что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ разрѣзалъ около 60 штукъ синяго и бѣлаго картофеля на половинки чрезъ глазокъ или почку и затѣмъ тщательно соединилъ разнородныя части, уничтоживъ прочіе глазки. Нѣкоторые изъ этихъ соединенныхъ клубней дали бѣлый картофель, другіе синій; но были и такіе, которые дали клубни частью бѣлые и частью синіе, а клубни отъ 4 или 5 штукъ были правильно испещрены бѣлымъ и синимъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы можемъ вывесть, что стебель образовался отъ соединенія разрѣзанныхъ почекъ, т. е. отъ прививочной гибридизаціи.

Этотъ и другіе опыты, произведенные многими изслѣдователями въ разныхъ странахъ, я думаю, достаточно убѣждаютъ въ томъ, что взаимною прививкою двухъ разновидностей картофеля другъ къ другу, можно разными способами получить гибридныя растенія. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ экспериментаторовъ—научно-образованные садоводы, а другіе—занимаются разведеніемъ картофеля въ крупныхъ размѣрахъ; замѣтно также, что сначала они относились къ вопросу скептически, но затѣмъ вполнѣ убѣдились въ возможности и даже легкости полученія почечныхъ гибридныхъ формъ. Единственнымъ способомъ избѣжать такого вывода было бы приписать всѣ подобные случаи простому почечному измѣненію. Безъ сомнѣнія, картофель порою, хотя и не часто, измѣняется посредствомъ почекъ; однако, слѣдуетъ особенно подчеркнуть, что какъ разъ опытные крупные производители картофеля, занимающіеся выискиваніемъ новыхъ разновидностей, выражали безграничное изумленіе при видѣ множества новыхъ формъ, произведенныхъ почечной гибридизаціей. Можно было бы сказать, что только операція прививки, а не соединеніе обѣихъ породъ, причиняетъ такое необычайное количество почечныхъ измѣненій; но на это возраженіе мы сразу находимъ отвѣтъ, а именно тотъ фактъ, что картофель обыкновенно размножается помощью разрѣзыванія клубней на куски, и что единственное различіе, въ случаѣ

прививочныхъ гибридовъ, это то, что половина или меньшій отрѣзокъ, или цилиндрическій кусокъ тѣсно сближаетъ съ тканью другой разновидности.

Сверхъ того, въ обоихъ случаяхъ молодые стебли были прищеплены другъ къ другу, и растенія, соединенныя такимъ образомъ, дали тѣ же результаты, какъ и при соединеніи клубней. Огромное значеніе представляетъ тотъ выводъ, что когда разновидности производятся простымъ почечнымъ измѣненіемъ, онѣ часто представляютъ совершенно новые признаки; тогда какъ во всѣхъ вышеприведенныхъ многочисленныхъ случаяхъ, по утвержденію того же Магнуса, прививочные гибриды представляютъ типъ промежуточный между обѣими взятыми формами. Допустить возможность такого результата, если бы одна порода не повліяла на другую, вполнѣ невѣроятно. Признаки всякаго рода подвергаются вліянію прививочной гибридизаціи, все равно, какимъ бы способомъ ни была произведена прививка. Растенія, воспитанныя такимъ образомъ, даютъ клубни, у которыхъ проявляется весьма различная окраска, форма, состояніе поверхности, положеніе и видъ глазка ихъ родителей; а по словамъ двухъ тщательныхъ наблюдателей, они представляютъ также промежуточную форму по отношенію къ извѣстнымъ конституціональнымъ особенностямъ. Но мы должны помнить, что у всѣхъ разновидностей картофеля клубни различаются гораздо болѣе, чѣмъ любая иная часть.

Картофель доставляетъ наилучшее доказательство возможности образованія прививочныхъ гибридныхъ формъ; не слѣдуетъ, однако, забывать о сообщеніи г. Адана, не имѣвшаго никакихъ побудительныхъ причинъ для обмана, относительно происхожденія знаменитаго Cytisus Adami; совершенно подобное сообщеніе существуетъ также относительно происхожденія апельсина, называемаго *bizzaria,* а именно путемъ прививочной гибридизаціи. Не слѣдуетъ также цѣнить слишкомъ низко тѣ случаи, въ которыхъ различныя разновидности или виды виноградной лозы, гіацинтовъ и розъ были прививаемы другъ къ другу и давали промежуточныя формы. Очевидно, что прививочные гибриды гораздо легче могутъ быть получены у нѣкоторыхъ растеній, напр., у картофеля, чѣмъ у другихъ, какъ, напр., у нашихъ обыкновен-

ныхъ плодовыхъ деревьевъ; такъ какъ эти послѣднія прививались милліонами въ теченіе многихъ вѣковъ, и хотя привитый черенокъ часто испытываетъ нѣкоторое вліяніе, однако, является сомнѣніе, нельзя-ли это объяснить просто болѣе или менѣе обильнымъ доставленіемъ пищи. Тѣмъ не менѣе, вышеприведенные случаи, мнѣ кажется, доказываютъ, что при нѣкоторыхъ въ точности неизвѣстныхъ условіяхъ прививочныя гибридныя формы могутъ быть получены.

Магнусъ утверждаетъ вполнѣ справедливо, что прививочныя гибридныя формы во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ гибридами, происшедшими отъ сѣмянъ, включая значительное разнообразіе характера. Есть, однако, одно частное исключеніе, а именно, въ томъ отношеніи, что признаки двухъ родительскихъ формъ не часто сливаются однороднымъ образомъ у прививочныхъ гибридовъ. Они гораздо чаще проявляются по частямъ, т. е. въ отрѣзкахъ, или сразу, или впослѣдствіи путемъ возврата. Повидимому, воспроизводительные элементы не такъ тѣсно сливаются при прививкѣ, какъ при половомъ воспроизведеніи. Но раздѣленіе (сегрегація) этого рода встрѣчается вовсе не рѣдко, какъ сейчасъ будетъ показано, у гибридовъ, происшедшихъ изъ сѣмянъ. Наконецъ, я думаю, слѣдуетъ допустить, что мы имѣемъ передъ собою важный физіологическій фактъ, а именно, что элементы, производящіе новое существо, не необходимо образуются мужскими и женскими половыми органами. Они присутствуютъ въ клѣточной ткани въ такомъ состояніи, что могутъ соединяться безъ содѣйствія половыхъ органовъ и такимъ образомъ могутъ дать начало новой почкѣ, раздѣляющей признаки обѣихъ родительскихъ формъ.

О раздѣленіи (сегрегаціи) родительскихъ признаковъ у сѣмянныхъ гибридовъ, посредствомъ почечныхъ измѣненій.

Многочисленные примѣры показываютъ, что сегрегація этого рода, а именно при посредствѣ почекъ, можетъ встрѣчаться у обыкновенныхъ гибридовъ, полученныхъ изъ сѣмянъ.

Такъ Гертнеромъ были получены гибридныя формы между Tropaeolum minus и T. majus, сначала производившія цвѣты, промежуточные по величинѣ, окраскѣ и строенію между обоими родителями; но въ болѣе позднее время года

нѣкоторыя изъ этихъ растеній производили цвѣты, во всѣхъ отношеніяхъ похожія на материнскую форму, въ смѣси съ цвѣтами, все еще удерживающими обычное промежуточное состояніе. Гибридная форма между Cereus speciosissimus и C. phyllanthus—растеніями, чрезвычайно равличающимися по наружному виду, производила, въ первые три года, угловатые, пяти-ребристые стебли, а затѣмъ нѣсколько плоскихъ стеблей, вродѣ тѣхъ, какіе мы видимъ у *C. phyllanthus*.

Кельрейтеръ также приводитъ примѣръ гибридныхъ формъ лобеліи и коровяка (Verbascum), сначала производившихъ цвѣты одной окраски, а въ болѣе позднее время года—другой. Ноденъ получилъ 40 гибридовъ отъ вида дурмана *Datura laevis*, оплодотвореннаго обыкновеннымъ дурманомъ (D. stramonium); трое изъ этихъ гибридовъ произвели много коробочекъ, у которыхъ половина или четверть или меньшій отрѣзокъ былъ гладкимъ и малой величины, вродѣ коробочки чистаго вида D. laevis, тогда какъ остальная часть была покрыта шипами и была крупнѣе, вродѣ коробочки чистаго вида D. stramonium. Отъ одной изъ этихъ коробочекъ были получены растенія, совершенно сходныя съ обѣими родительскими формами.

Въ большинствѣ случаевъ, когда скрещиваются разновидности, а иногда и при скрещиваніи видовъ, окраска, свойственная обоимъ родителямъ, проявляется у сѣянокъ, тотчасъ послѣ перваго ихъ цвѣтенія, въ видѣ полосъ или крупныхъ отрѣзковъ, или такимъ образомъ, что на одномъ и томъ же растеніи появляются цѣлые цвѣты или плоды разныхъ сортовъ; и въ этомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы появленіе обѣихъ окрасокъ въ строгомъ смыслѣ слова зависѣло отъ возврата; оно обусловлено нѣкоторою неспособностью къ сліянію. Если, однако, болѣе поздніе цвѣты или плоды, произведенные въ томъ же году или въ слѣдующемъ году или же поколѣніи, становятся полосатыми или же полъ-на-полъ того и другого рода и т. п., то въ этихъ случаяхъ раздѣленіе (сегрегація) обѣихъ окрасокъ представляетъ въ строгомъ смыслѣ слова, примѣръ возврата посредствомъ почечнаго измѣненія. Зависятъ-ли всѣ многочисленные случаи полосатости цвѣтовъ и плодовъ отъ предшествующей гибридизаціи и возврата, это нисколько не ясно, напр., для персиковъ

и нектаринъ, для мшистыхъ розъ и т. п. Для животныхъ смѣшаннаго происхожденія извѣстны случаи, что одна и та же особь измѣняла свой типъ во время роста и обнаруживала явленія возврата къ одному изъ родителей, на котораго сначала не походила. Наконецъ, изъ различныхъ приведенныхъ здѣсь фактовъ вытекаетъ, что, безъ сомнѣнія, одна и та же растительная особь, идетъ-ли рѣчь о гибридѣ (ублюдкѣ отъ двухъ видовъ) или о помѣси (отъ двухъ разновидностей) порою возвращается, по листьямъ, цвѣтамъ и плодамъ, цѣликомъ или въ нѣкоторыхъ отрѣзкахъ, къ обѣимъ родительскимъ формамъ.

Прямое или непосредственное вліяніе мужского элемента на материнскую форму [1]).

Другой замѣчательный разрядъ фактовъ долженъ быть здѣсь разсмотрѣнъ, прежде всего, потому, что эти факты представляютъ важное физіологическое значеніе, а затѣмъ и потому, что предполагали этимъ путемъ объяснить нѣкоторые случаи почечнаго измѣненія. Я говорю о прямомъ дѣйствіи мужского элемента, не обычнымъ способомъ на сѣмяпочки (иначе яички, ovula), но на извѣстныя части женскаго растенія, или, если рѣчь идетъ о животныхъ, на послѣдующее потомство самки, рожденное ею отъ другого самца (этотъ послѣдній случай и называется телегоніей. *Издат.*). Я допускаю, что у растеній завязь и оболочки сѣмяпочекъ очевидно являются частями женскаго организма, и нельзя было бы заранѣе предвидѣть, что эти части могутъ подвергнуться вліянію со стороны пыльцы чужой разновидности или вида, хотя развитіе зародыша, въ зародышевомъ мѣшкѣ, внутри сѣмяпочки и завязи, конечно, зависитъ отъ мужского элемента.

Еще въ 1729 году было произведено наблюденіе, что бѣлая и синяя разновидности гороха, если ихъ посадить рядомъ, скрещиваются, безъ сомнѣнія, при содѣйствіи пчелъ, и осенью въ однихъ и тѣхъ же бобахъ (стручьяхъ) находятъ синія и бѣлыя горошины. Вигманнъ сдѣлалъ точно такое же наблюденіе въ настоящемъ столѣтіи. Тотъ же резуль-

[1]) Въ этомъ параграфѣ разсмотрѣны, между прочимъ, явленія, получившія въ новѣйшее время названіе *телегоніи* и возбудившіе споръ, еще не оконченный. *Издат.*

татъ послѣдовалъ много разъ, когда разновидность съ горошинами одного цвѣта искусственно была скрещиваема съ иначе окрашенною разновидностью. Эти показанія побудили Гертнера, относившагося къ нимъ крайне скептически, предпринять длинный рядъ тщательныхъ опытовъ. Онъ подобралъ наиболѣе устойчивыя разновидности, и результатъ былъ рѣшительно въ пользу того, что цвѣтъ кожицы горошинъ видоизмѣняется, если взять пыльцу отъ иначе окрашенной разновидности. Выводъ этотъ съ тѣхъ поръ былъ подтвержденъ опытомъ, произведеннымъ Дж. Беркли.

Лэкстонъ изъ Стамфорда, производя опыты надъ горохомъ съ нарочной цѣлью удостовѣрить вліяніе чужой пыльцы на материнское растеніе, въ 1866 году наблюдалъ важное добавочное явленіе. Онъ оплодотворилъ рослый сахарный горохъ (tall sugar pea), обладающій весьма тонкими зелеными стручьями (бобами), становящимися въ засушенномъ состояніи буровато-бѣлыми, пыльцею пурпурно-стручковаго горошка, имѣющаго, какъ показываетъ его названіе, темно-пурпурные бобы съ очень толстой шелухой, становящейся блѣднаго красновато-пурпурнаго цвѣта при высушиваніи. Лэкстонъ воздѣлывалъ сахарный горохъ въ теченіе 20 лѣтъ и никогда не видѣлъ и не слышалъ, чтобы онъ произвелъ хотя одинъ пурпурный бобъ; тѣмъ не менѣе, цвѣтокъ, оплодотворенный пыльцею отъ пурпурно-стручковаго гороха, далъ одинъ стручекъ съ красновато-пурпурной дымчатостью—и Лэкстонъ былъ такъ любезенъ, что доставилъ мнѣ этотъ экземпляръ.

Подобные же примѣры извѣстны, для многихъ другихъ растеній, принадлежащихъ къ чрезвычайно различнымъ семействамъ, и удостовѣрены многими превосходными наблюдателями. Оказывается, что если пыльца одного вида или разновидности примѣняется къ женскому организму другой формы, то порою оболочки сѣмянъ, завязь, плодъ, включая даже чашечку и верхнюю часть цвѣточной почки у яблони и осеваго стержня у маиса, при этомъ видоилмѣняется. Порою такому вліянію подвергается цѣлая завязь или всѣ сѣмена, порою же только извѣстное число сѣмянъ, какъ напр., у гороха или часть завязи, какъ у полосатаго апельсина, пятнистаго винограда и маиса. Не слѣдуетъ предполагать, что какое-либо прямое или непосредственное вліяніе неизмѣнно

слѣдуетъ за употребленіемъ чужой пыльцы. Это далеко не такъ; неизвѣстны также условія, отъ которыхъ зависитъ результатъ. Найтъ рѣшительно утверждаетъ, что онъ ни разу не видѣлъ подобнаго вліянія на плодъ, хотя онъ скрещивалъ тысячи яблоней и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ пользу мнѣнія, что вѣтвь, которая несла сѣмена или плоды, непосредственно видоизмѣненные чужою пыльцей, сама подверглась вліянію такимъ образомъ, что впослѣдствіи стала производить видоизмѣненныя почки; такой результатъ, вслѣдствіе лишь временной связи между цвѣткомъ и стеблемъ, едва ли былъ бы возможенъ. Поэтому лишь весьма немногіе случаи почечнаго измѣненія для древесныхъ плодовъ, указанные въ началѣ этой главы, моглибы быть объяснены дѣйствіемъ чужой пыльцы; возможно даже, что такихъ случаевъ и вовсе указать нельзя, такъ какъ подобнаго рода плоды обыкновенно размножались почкованіемъ или же прищепленіемъ. Очевидно также, что измѣненія окраски у цвѣтовъ, необходимо наступающія задолго до того, какъ они готовы къ оплодотворенію, а также измѣненія формы или окраски листьевъ, зависящія отъ появленія видоизмѣненныхъ почекъ, не могутъ находиться въ какой-либо зависимости отъ дѣйствія чужой пыльцы.

Доказательство дѣйствія чужой пыльцы на материнское растеніе представляетъ высочайшее теоретическое значеніе и, сверхъ того, само по себѣ, это дѣйствіе представляетъ замѣчательный и, повидимому, аномальный фактъ. Важное значеніе его съ физіологической точки зрѣнія очевидно, потому что мужской элементъ не только вліяетъ, сообразно съ его собственной функціей, на зародышъ, но въ то же время и на разныя части материнскаго растенія, такимъ самымъ образомъ, какъ онъ вліяетъ на тѣ же самыя части потомства, полученнаго изъ сѣмянъ, произведенныхъ тѣми же обоими родителями. Мы такимъ образомъ узнаемъ, что сѣмяпочка (яичко) не необходимо для того, чтобы воспринять вліяніе мужского элемента. Но это прямое вліяніе мужского элемента вовсе не представляетъ такой аномаліи, какъ кажется на первый взглядъ, потому что оно играетъ роль при обыкновенномъ оплодотвореніи многихъ цвѣтовъ.

Гертнеръ постепенно увеличивалъ число зеренъ пыльцы,

пока ему не удалось оплодотворить одинъ видъ мальвы, и доказалъ, что многія зерна сначала затрачиваются на развитіе или, по его выраженію, на насыщеніе пестика и завязи. Далѣе, если одно растеніе оплодотворяется другимъ, далеко не сходнымъ видомъ, то часто случается, что завязь вполнѣ и быстро развивается, образованія какихъ-либо сѣмянъ; или же оболочки сѣмянъ образуются безъ того, чтобы внутри образовался зародышъ. Проф. Гильдебрандъ также показалъ (въ 60-хъ годахъ), что при нормальномъ оплодотвореніи разныхъ орхидныхъ, дѣйствіе собственной пыльцы растенія необходимо для развитія завязи, и что это развитіе наступаетъ не только задолго до проникновенія цвѣтневыхъ трубочекъ къ сѣмяпочкамъ, но даже до образованія зародышевыхъ плацентъ и сѣмяпочекъ, такъ что у этихъ орхидей пыльца дѣйствуетъ прямо на завязь. Съ другой стороны, не слѣдуетъ цѣнить слишкомъ высоко дѣйствительность пыльцы въ случаѣ гибридизаціи, потому что возможно, что зародышъ образовался и что его вліяніе раздражило окружающія его ткани материнскаго растенія, но въ случаѣ погибели зародыша въ очень раннемъ возрастѣ его легко можно было проглядѣть. Далѣе, прекрасно извѣстно, что у многихъ растеній завязь можетъ быть вполнѣ развита, хотя пыльца была совершенно исключена. Наконецъ, Смитъ, бывшій кураторъ въ Кью, какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Гукеръ, наблюдалъ у одного орхиднаго растенія, Bonatea speciosa, тотъ странный фактъ, что развитіе завязи можетъ быть достигнуто механическимъ раздраженіемъ рыльца. Тѣмъ не менѣе, судя по количеству зеренъ пыльцы, затраченной на „насыщеніе завязи и пестика“, затѣмъ, по частотѣ образованія завязи и сѣмянныхъ оболочекъ при гибридизаціи, не дающей сѣмянъ и, наконецъ, по наблюденіямъ Гильдебранда надъ орхидеями, мы вправѣ допустить, что въ большинствѣ случаевъ набуханіе завязи и образованіе сѣмянныхъ оболочекъ, по крайней мѣрѣ, облегчается, если не цѣликомъ причиняется прямымъ дѣйствіемъ цвѣтени, независимо отъ дѣйствія оплодотвореннаго зародыша. Поэтому въ вышеприведенныхъ случаяхъ намъ приходится только допустить, что пыльца обладаетъ еще дальнѣйшею способностью, при примѣненіи къ другому виду или разновидности, вліять на форму, величину, окраску, сло-

женіе тканей и т. п. извѣстныхъ частей материнскаго растенія.

Обратимся теперь къ царству животныхъ.

Обратимся теперь къ животному царству. Если бы мы могли себѣ представить, что одинъ и тотъ же цвѣтокъ даетъ сѣмена въ теченіе послѣдовательныхъ лѣтъ, то насъ вовсе не могло бы очень изумить, что цвѣтокъ, у котораго завязь была видоизмѣнена чужой пыльцей, на слѣдующій годъ, при самооплодотвореніи, произведетъ потомство, видоизмѣненное предшествующимъ вліяніемъ мужского элемента. Близко сходные случаи, дѣйствительно, встрѣчались у животныхъ. Въ часто цитируемомъ случаѣ, сообщенномъ лордомъ Мортономъ, почти чистокровная арабская кобыла каштановаго цвѣта родила гибриднаго потомка отъ квагги. Затѣмъ ее послали къ сэру Гору Оузели и она дала двухъ жеребятъ отъ чернаго арабскаго жеребца. Жеребята эти были частью соловаго цвѣта и съ полосами на ногахъ, болѣе явственными, чѣмъ у настоящаго гибриднаго потомка и даже чѣмъ у квагги. У одного изъ двухъ жеребятъ шея и нѣкоторыя другія части тѣла были явственно покрыты волосами. Полосы на туловищѣ, не говоря уже о ногахъ, чрезвычайно рѣдки, — говорю это послѣ долгаго изслѣдованія предмета,—у лошадей всѣхъ породъ въ Европѣ, и почти неизвѣстны у арабовъ. Но что̀ дѣлаетъ этотъ случай еще болѣе рѣзкимъ, это то обстоятельство, что у этихъ жеребятъ волосы гривы походили на тѣ, которые мы видимъ у квагги, т. е. были коротки, жестки и прямостоячи. Поэтому не можетъ быть никакого сомнѣнія, что квагга повліяла на характеръ потомства, впослѣдствіи рожденнаго отъ чернаго арабскаго жеребца. Дженнеръ Уэйръ сообщаетъ мнѣ о точно такомъ же случаѣ: его сосѣдъ, м-ръ Летбриджъ изъ Блекхета, имѣетъ лошадь изъ завода лорда Мостина, отъ матки, раньше родившей жеребенка отъ квагги. Лошадь эта соловаго цвѣта съ темной полосой, идущей внизъ спины, слабыми полосами на лбу между глазами, явственными полосами на внутренней сторонѣ переднихъ ногъ, и нѣсколько болѣе свѣтлыми полосами на заднихъ ногахъ и безъ плечевой полосы. Грива ростетъ гораздо ниже на лбу, чѣмъ обыкновенно у лошади, но не такъ низко, какъ у квагги или зебры. Копыта пропорціонально болѣе длинны, чѣмъ

у лошади, до того, что кузнецъ, впервые подковывавшій это животное и не знавшій ничего о его происхожденіи, сказалъ: „Если бы я не видѣлъ, что подковываю лошадь, то подумалъ бы, что это оселъ“.

Относительно разновидностей нашихъ домашнихъ животныхъ, многіе подобные, точно удостовѣренные факты были опубликованы, а другіе сообщены мнѣ; факты эти ясно доказываютъ вліяніе перваго самца на потомство, впослѣдствіи рожденное матерью отъ другихъ самцовъ. Достаточно привести одинъ примѣръ, сообщенный въ Трудахъ Лондонскаго Королевскаго Общества (Philos. Transactions) въ статьѣ, слѣдующей за сообщеніемъ лорда Мортона. М-ръ Джайльсъ случилъ свинью чернобѣлой эссекской породы изъ завода лорда Уэстерна съ дикимъ кабаномъ густого каштановаго цвѣта. „Происшедшія свиньи по наружности походили и на дикаго кабана и на свинью, но у нѣкоторыхъ каштановобурый цвѣтъ кабана сильно преобладалъ“. Черезъ долгое время послѣ смерти дикаго кабана, свинью случили съ кабаномъ ея же собственной чернобѣлой породы, какъ извѣстно, весьма устойчивой и никогда не обнаруживающей никакого каштановаго цвѣта; однако, отъ этого союза, свинья произвела нѣсколькихъ поросятъ съ тѣмъ же явственнымъ каштановымъ оттѣнкомъ, какой наблюдался въ первомъ пометѣ. Подобные случаи встрѣчались такъ часто, что предусмотрительные заводчики избѣгаютъ спариванья отборной самки любого животнаго съ самцомъ худшей породы, опасаясь ущерба, который можетъ быть нанесенъ ея послѣдующему потомству. Нѣкоторые физіологи пытались объяснить эти замѣчательные результаты, зависящіе отъ предыдущаго оплодотворенія, предполагая, что оно сильно повліяло на воображеніе матери, но въ пользу подобнаго мнѣнія мы располагаемъ лишь весьма слабыми основаніями. Другіе физіологи приписываютъ результатъ тѣсному прикрѣпленію и свободному сообщенію кровеносныхъ сосудовъ между видоизмѣненнымъ зародышемъ и матерью. Но аналогія съ дѣйствіемъ чужой пыльцы на сѣмяпочки, на сѣмянныя оболочки и другія части материнскаго растенія, сильно свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія, что у животныхъ мужской элементъ дѣйствуетъ прямо на самку, а не чрезъ посредство зародыша. У птицъ нѣтъ

тѣсной связи между зародышемъ и матерью; однако, одинъ тщательный наблюдатель, д-ръ Шапюи, утверждаетъ, что у голубей вліяніе перваго самца порою замѣчается на слѣдующихъ выводкахъ; но это показаніе требуетъ подтвержденія.

Заключеніе и общіе выводы изъ этой главы.—Факты, приведенные въ настоящей главѣ, во второй ея половинѣ, вполнѣ заслуживаютъ вниманія, такъ какъ они намъ показываютъ, какими многочисленными и необычайными способами соединеніе одной формы съ другою можетъ привести къ видоизмѣненію потомства происшедшаго отъ сѣмянъ, или же почекъ, возникшихъ впослѣдствіи.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что потомство какого-либо вида или разновидностей, скрещиваемыхъ обычными способами, оказывается видоизмѣненнымъ. Но появленіе двойниковъ у растеній, изъ одного и того же сѣмени, скрѣпленныхъ между собою и однако различающихся, представляетъ любопытный фактъ. Изумительнымъ слѣдуетъ признать тотъ случай, когда почка образуется послѣ соединенія клѣточной ткани двухъ видовъ или разновидностей, при чемъ она раздѣляетъ признаки обоихъ родителей. Мнѣ, однако, нѣтъ надобности повторять того, что было сказано объ этомъ предметѣ такъ недавно. Мы видѣли также, что у растеній, мужской элементъ можетъ повліять непосредственно на ткани матери, а у животныхъ это вліяніе можетъ повести за собою видоизмѣненіе будущаго потомства отъ той же самки. Въ растительномъ царствѣ потомство отъ скрещиванья между двумя видами или разновидностями, произошло-ли оно отъ сѣмянъ или отъ прививки, часто возвращается, въ большей или меньшей степени, въ первомъ или въ послѣдующемъ поколѣніи, къ двумъ родительскимъ формамъ, и этотъ возвратъ можетъ повліять на цѣлый цвѣтокъ, плодъ или листовую почку или только на половину или на меньшій отрѣзокъ одного какого-либо органа. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, подобное разъединеніе признаковъ видимо зависитъ скорѣе отъ неспособности къ соединенію, чѣмъ отъ возврата (реверсіи), потому что цвѣты или плоды, производимые сначала, обнаруживаютъ въ тѣхъ или другихъ отрѣзкахъ признаки обоихъ родителей.

Различные факты, здѣсь приведенные, должны быть осно-

вательно взвѣшены каждымъ, кто желаетъ разсмотрѣть съ одной общей точки зрѣнія различные способы воспроизведенія путемъ почкованія, дѣленія и полового соединенія, далѣе—возстановленіе утраченныхъ частей, измѣнчивость, наслѣдственность, возвратъ и другія подобныя явленія. Я попытаюсь въ другомъ мѣстѣ связать эти факты при посредствѣ гипотезы пангенезиса.

Въ первой половинѣ настоящей главы я указалъ на многія растенія, у которыхъ, путемъ почечнаго измѣненія, т. е. независимо отъ воспроизведенія посредствомъ сѣмянъ, плодъ внезапно видоизмѣнялся по величинѣ, окраскѣ, вкусу, пушистости, формѣ и времени созрѣванія; цвѣты подобнымъ же образомъ измѣняются по формѣ, окраскѣ, махровости и въ значительной степени измѣняютъ характеръ чашечки; молодыя вѣтви или побѣги измѣняются по окраскѣ, по присутствію шиповъ и способу роста, напр., относительно того, что становятся лазящими или поникшими; листья измѣняются, становясь пестрыми, пріобрѣтая новую форму, распускаясь въ другую пору и иначе располагаясь по оси. Почки всякаго рода, произведены-ли онѣ на подземныхъ стебляхъ, и притомъ какъ простыя почки, такъ и сильно видоизмѣненныя и снабженныя запасомъ пищи, какъ напр., у клубней и луковицъ,—всѣ онѣ подвержены внезапнымъ измѣнаніямъ одного и того же общаго характера. Въ нашемъ спискѣ многіе изъ случаевъ несомнѣнно зависятъ отъ возврата къ признакамъ, не пріобрѣтеннымъ скрещиваньемъ, но существовавшимъ раньше и съ тѣхъ поръ утраченнымъ на болѣе или менѣе долгое время. Такъ, напр., бываетъ, что почка на пестролистномъ растеніи производитъ ровно окрашенныя листья, или же разнообразно-окрашенные цвѣтки у Chrysanthemum возвращаются къ первичной желтой окаскѣ; многіе другіе случаи, вѣроятно, обусловлены тѣмъ, что растенія происходятъ отъ скрещиванья различныхъ разновидностей, или отъ того, что почки возвращаются цѣликомъ или отчасти къ одной изъ двухъ родительскихъ формъ.

Можно предположить, что сильное стремленіе у Chrysanthemum произвести путемъ измѣненія почекъ различно-окрашенные цвѣты, зависитъ отъ того, что разновидности были нѣкогда нарочно или же случайно скрещиваемы; это на-

вѣрное справедливо для нѣкоторыхъ породъ пеларгоніи. Быть можетъ это справедливо въ значительной степени также для почечныхъ разновидностей георгины (Dahlia) и для „неровной окраски“ тюльпановъ. Если, однако, какое-либо растеніе, путемъ почечнаго измѣненія, возвращается къ обѣимъ родительскимъ формамъ или къ одной изъ нихъ, то оно порою не обнаруживаетъ полнаго возврата, но принимаетъ отчасти новый характеръ; извѣстны многіе примѣры этого рода, и Каррьеръ приводитъ такой примѣръ для вишни.

Многіе случаи почечныхъ измѣненій, однако, не могутъ быть приписаны возврату, но зависятъ отъ такъ называемой самопроизвольной измѣнчивости, часто встрѣчающейся у воздѣлываемыхъ растеній, полученныхъ изъ сѣмянъ. Одна единственная разновидность Chrysanthemum произвела, напр., посредствомъ почекъ шесть другихъ разновидностей; точно также одна разновидность крыжовника дала одновременно четыре различныхъ сорта плодовъ. Едва-ли поэтому возможно повѣрить, чтобы всѣ эти разновидности зависѣли отъ возврата. Мы едва-ли допустимъ, чтобы всѣ многочисленныя персиковыя деревья, произведшія нектариновыя почки, были смѣшаннаго происхожденія. Наконецъ, въ такихъ случаяхъ, какъ, напр., когда дѣло идетъ о мшистой розѣ, съ ея своеобразною чашечкою, о розѣ, обладающей супротивными листьями, объ Imantophyllum и др. растеніяхъ, то намъ неизвѣстны такіе дикіе виды или разновидности, отъ которыхъ разсматриваемые признаки могли бы произойти путемъ скрещиванья. Всѣ подобные случаи должны быть приписаны появленію въ почкахъ абсолютно новыхъ признаковъ. Разновидности, возникшія такимъ образомъ, неразличимы никакими внѣшними признаками отъ сѣянокъ; это общеизвѣстно для разновидностей розы, азаліи и многихъ другихъ растеній. Заслуживаетъ замѣчанія, что всѣ растенія, доставлявшія почечныя измѣненія, значительно измѣнялись также при разведеніи изъ сѣмянъ. Растенія, измѣнявшіяся посредствомъ почекъ, принадлежатъ къ различнѣйшимъ отрядамъ, и отсюда можно вывесть, что почти всякое растеніе было бы подвержено измѣнчивости, если бы попало въ надлежащія раздражающія условія. Эти условія, насколько мы способны судить, главнымъ образомъ зависятъ отъ продолжительнаго высокаго воздѣлыванья, такъ какъ почти всѣ растенія, обна-

руживающія эти явленія, многолѣтни и въ обширныхъ размѣрахъ размножались на разныхъ почвахъ, въ разныхъ климатическихъ условіяхъ—черенками, отводками, луковицами, клубнями и особенно разнаго рода прививкою. Для однолѣтнихъ растеній, примѣры измѣненія посредствомъ почекъ или произведенія на томъ же растеніи различно окрашенныхъ цвѣтовъ, сравнительно рѣдки. Гопкирхъ видѣлъ это у Convolvulus tricolor; фактъ этого рода нерѣдокъ у бальзамина и у однолѣтняго Delphinium. По словамъ Р. Шомбургка, растенія изъ болѣе теплыхъ, но умѣренныхъ областей, при воздѣлываніи подъ вліяніемъ знойнаго климата Санъ-Доминго, необычайно подвержены почечнымъ измѣненіямъ. Сиджуикъ сообщаетъ мнѣ, что мшистыя розы, часто привозимыя въ Калькутту, всегда утрачиваютъ тамъ свою мшистость; но перемѣна климата ни мало не необходима, какъ мы видимъ у крыжовника, смородины и во многихъ другихъ случаяхъ. Растенія, живущія при естественныхъ условіяхъ, весьма рѣдко подвержены почечнымъ измѣненіямъ. Пестрыя листья, однако, наблюдались при этихъ обстоятельствахъ; мнѣ извѣстенъ также примѣръ измѣненія, при посредствѣ почекъ, у одного ясеневаго дерева, посаженнаго въ клумбѣ, но сомнительно, можно-ли признать такое дерево ростущимъ въ строгомъ смыслѣ слова при естественныхъ условіяхъ. Гертнеръ видѣлъ бѣлые и темнокрасные цвѣты, произведенные отъ одного же корня дикаго тысячелистника (Achillea millefolium); а проф. Каспари видѣлъ совершенно дикую Viola lutea съ цвѣтами двухъ различныхъ окрасокъ и разной величины.

Дикія растенія очень рѣдко подвержены почечной измѣнчивости, тогда какъ высоко культивированыя растенія, издавна разводимыя искусственными способами, дали много разновидностей этимъ способомъ воспроизведенія. Не трудно составить слѣдующій рядъ: мы видимъ, что всѣ глазки въ одномъ и томъ же клубнѣ картофеля измѣняются одинаковымъ образомъ; всѣ плоды пурпурной сливы вдругъ становятся желтыми; всѣ плоды махроваго миндальнаго дерева внезапно становятся персикообразными; всѣ почки на прививаемыхъ деревьяхъ въ весьма малой степени подвергаются вліянію дерева, къ которому они привиты; всѣ цвѣты пересаженныхъ анютиныхъ глазокъ на время измѣняютъ окраску,

величину и форму. Весь этотъ рядъ фактовъ приводитъ насъ къ допущенію, что въ каждомъ данномъ случаѣ почечное измѣненіе является прямымъ послѣдствіемъ жизненныхъ условій, которымъ подвергалось растеніе. Съ другой стороны, растенія одной и той же разновидности могутъ быть воздѣлываемы въ двухъ смежныхъ клумбахъ, повидимому, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ,—и въ одной клумбѣ, какъ утверждаетъ Карьеръ, произойдутъ многія почечныя измѣненія, а въ другой ни одного. Далѣе, присмотримся къ такимъ примѣрамъ, каково персиковое дерево, которое культивировали десятками тысячъ въ теченіе многихъ лѣтъ и во многихъ странахъ, причемъ оно ежегодно производило милліоны почекъ, повидимому, подвергнутыхъ точно одинаковымъ условіямъ; внезапно оно, однако, производитъ, наконецъ, одну единственную почку, у которой весь типъ ея значительно превращенъ. Такіе примѣры приводятъ насъ обратно къ выводу, а именно, что превращеніе не находится ни въ какомъ *прямомъ* отношеніи къ условіямъ жизни.

Мы видѣли, что разновидности, произведенныя изъ сѣмянъ и изъ почекъ, сходны между собою въ такой близкой степени по общему виду, что ихъ нельзя различить. Точно такъ же, какъ извѣстные виды и группы видовъ, при размноженіи посредствомъ сѣмянъ, оказываются болѣе измѣнчивыми, чѣмъ другіе виды или роды, то же оправдывается и для нѣкоторыхъ почечныхъ разновидностей. Такъ, Chrysanthemum, называемый „Королева Англіи", произвелъ этимъ послѣднимъ способомъ не менѣе шести, а Роллиссонова Единственная Пелагорнія дала четыре различныя разновидности; мшистыя розы также произвели нѣсколько другихъ сортовъ и мшистыхъ же розъ. Розоцвѣтныя растенія измѣнялись посредствомъ почекъ въ гораздо большей степени, нежели любая иная группа растеній; но это въ значительной степени можетъ зависѣть и отъ того, что большое количество экземпляровъ этихъ растеній издавна воздѣлывалось; однако, въ предѣлахъ этой самой группы персиковое дерево часто измѣняется посредствомъ почекъ, тогда какъ яблоня и груша—деревья въ обширныхъ размѣрахъ воздѣлываемыя помощью прививки, сколько мнѣ извѣстно, доставили необычайно мало примѣровъ почечныхъ измѣненій.

Законъ аналогичной измѣнчивости оправдывается, какъ для разновидностей, происшедшихъ изъ почекъ, такъ и для полученныхъ изъ сѣмянъ; болѣе одного сорта розы давало внезапныя уклоненія съ характеромъ мшистой розы; многіе сорта камеліи приняли шестиугольную форму, и по крайней мѣрѣ семь или восемь разновидностей зеренъ произвели нектарины.

Законы наслѣдственности, повидимому, почти одинаковы для разновидностей, происшедшихъ, какъ изъ сѣмянъ, такъ и изъ почекъ. Извѣстно, какъ часто въ обоихъ случаяхъ играетъ роль возвратъ (реверсія); онъ можетъ повліять на цѣлый листъ, цвѣтокъ или плодъ или же только на его отрѣзки. Когда стремленіе къ возврату вліяетъ на многія почки одного и того же дерева, это послѣднее покрывается разными сортами листьевъ, цвѣтовъ или плодовъ; но есть основаніе думать, что такія колеблющіяся разновидности обыкновенно возникали изъ сѣмянъ. Общеизвѣстно, что изъ извѣстнаго числа выращенныхъ изъ сѣмянъ разновидностей, нѣкоторыя передаютъ свой типъ, посредствомъ сѣмянъ, болѣе устойчиво, чѣмъ другія; точно также, изъ почечныхъ разновидностей, нѣкоторыя удерживаютъ свой типъ посредствомъ послѣдовательныхъ почекъ болѣе стойко, чѣмъ другія; примѣры этого рода извѣстны для двухъ сортовъ пестраго бересклета (Evonymus) и для извѣстныхъ сортовъ тюльпановъ и пеларгоній. Несмотря на внезапное полученіе почечныхъ разновидностей, признаки, пріобрѣтенные такимъ образомъ, порою способны къ передачѣ путемъ сѣмянного воспроизведенія. Райверсъ нашелъ, что мшистыя розы обыкновенно воспроизводятся сѣмянами; мшистость эта передавалась путемъ скрещиванія отъ одного вида розы другому. Бостонская нектарина, появившаяся какъ почечная разновидность, произвела посредствомъ сѣмянъ близко родственную нектарину. Съ другой стороны, сѣянки отъ нѣкоторыхъ почечныхъ разновидностей оказались въ высшей степени измѣнчивыми. По показаніямъ м-ра Солтера, сѣмена, взятыя съ вѣтви, пріобрѣвшей, путемъ почечнаго измѣненія, пестрыя листья, передаютъ этотъ признакъ въ очень слабой степени; тогда какъ многія растенія, бывшія пестролистными при посѣвѣ, передаютъ этотъ признакъ въ значительной степени своему по-

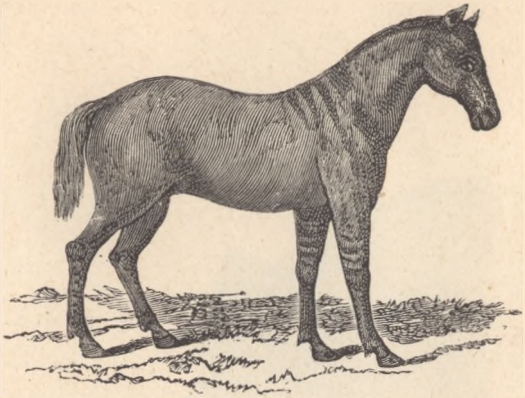
томству. Хотя мнѣ удалось собрать довольно много фактовъ, относящихся къ почечнымъ измѣненіямъ, и хотя, вѣроятно, было бы не трудно извлечь изъ иностранныхъ сочиненій по садоводству гораздо большее число случаевъ, однако, ихъ общая сумма совершенное ничто по сравненію съ числомъ разновидностей, происшедшихъ изъ сѣмянъ. Среди сѣянокъ, полученныхъ отъ наиболѣе измѣнчивыхъ воздѣланныхъ растеній, измѣненія почти безчисленны, но различія между разновидностями вообще малы: лишь чрезъ долгіе промежутки времени появляется рѣзкое видоизмѣненіе. Съ другой стороны, страненъ и необъяснимъ тотъ фактъ, что, когда растенія видоизмѣняются посредствомъ почекъ, эти измѣненія, хотя случаются сравнительно рѣдко, однако, часто или даже вообще рѣзко выражены. Меня поразила мысль, что, быть можетъ, это иллюзія, и что малыя измѣненія часто встрѣчаются въ почкахъ, но пропускаются незамѣченными и не записываются, какъ не представляющія никакой цѣнности. Поэтому я обратился къ двумъ крупнымъ авторитетамъ по этому вопросу, къ м-ру Райверсу, относительно плодовыхъ деревьевъ, и къ м-ру Солтеру, относительно цвѣтовъ. Райверсъ колеблется, но не помнитъ, чтобы замѣчалъ весьма малыя уклоненія въ плодовыхъ почкахъ. Солтеръ сообщаетъ мнѣ, что у цвѣтовъ такія уклоненія бываютъ, но, при размноженіи, новый признакъ обыкновенно утрачивается ими въ слѣдующемъ году. Однако, онъ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, что почечныя измѣненія обыкновенно сразу принимаютъ рѣшительный и постоянный характеръ. Едва-ли мы можемъ сомнѣваться въ томъ, что это общее правило, если вспомнимъ, напримѣръ, случаи вродѣ персиковаго дерева, подвергавшагося такому тщательному наблюденію. Самыя пустячныя разновидности отъ его сѣмянъ часто разводились; однако, это дерево много разъ производило путемъ почечнаго измѣненія нектарины, и лишь въ двухъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ произвели какія-либо другія разновидности, а именно персики, называемые ранняя и поздняя Grosse Mignonne: да и эти сорта едва-ли отличаются отъ родительскаго дерева какимъ-либо признакомъ, исключая періода созрѣванія.

Къ моему изумленію, я узналъ отъ м-ра Солтера, что ему удалось примѣнить принципъ подбора къ пестролист-

нымъ растеніямъ, размножаемыхъ почками, и что такимъ способомъ онъ значительно улучшилъ и укрѣпилъ нѣкоторыя разновидности. Онъ сообщаетъ мнѣ, что сначала вѣтвь часто производитъ пестрыя листья лишь съ одной стороны, и что эти листья отмѣчены только неправильною каймою или нѣсколькими бѣлыми или желтыми черточками. Чтобы улучшить и укрѣпить такія разновидности, оказалось, по словамъ Солтера, необходимымъ, „поощрять" почки, находящіяся у основанія наиболѣе явственно отмѣченныхъ листьевъ, и разводить сорта только отъ нихъ. Упорно слѣдуя этому въ теченіе трехъ или четырехъ послѣдовательныхъ лѣтъ, обыкновенно удается получить опредѣленную и прочную разновидность.

Наконецъ, факты, приведенные въ этой главѣ, доказываютъ, до чего близко и замѣчательно сходство между зародышемъ оплодотвореннаго сѣмени и маленькой клѣточной массой, образующей почку, во всѣхъ ихъ функціяхъ, въ ихъ способности наслѣдственной передачи иногда съ возвратомъ къ прежнему типу и въ ихъ способности къ измѣненію въ одинаковомъ направленіи и по одинаковымъ законамъ. Это сходство, или скорѣе тожество, обнаруживается самымъ поразительнымъ образомъ при посредствѣ того факта, что клѣточная ткань одного вида или разновидности, при прививкѣ глазкомъ или при прищепленіи къ другой разновидности или виду, можетъ произвести почку, обладающую промежуточнымъ характеромъ. Мы видѣли, что измѣнчивость не зависитъ отъ полового размноженія, хотя гораздо чаще сопровождаетъ это размноженіе, нежели почечное воспроизведеніе. Мы видѣли, что почечная измѣнчивость не только зависитъ отъ возврата къ давно утраченнымъ признакамъ или къ такимъ, которые раньше были пріобрѣтены вслѣдствіе скрещиванія, но, повидимому, часто является самопроизвольно. Но если мы задаемся вопросомъ: въ чемъ причина какого-либо почечнаго измѣненія, то теряемся въ догадкахъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы вынуждены признать достаточнымъ прямое дѣйствіе внѣшнихъ условій жизни, тогда какъ въ другихъ мы чувствуемъ глубокое убѣжденіе, что эти условія играли совершенно подчиненную роль или имѣли не большее значеніе, нежели природа искры, воспламеняющей массу горючаго вещества.

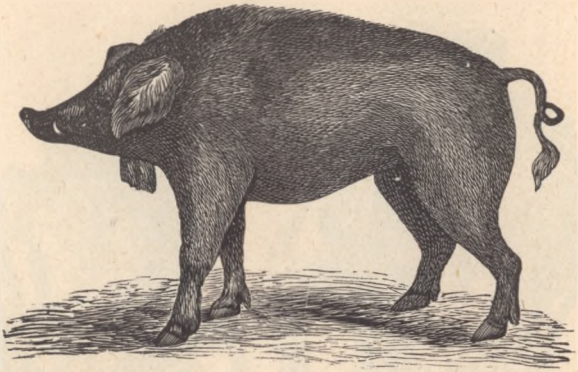
СОДЕРЖАНІЕ.



1. Соловый или чалый девонширскій пони. съ плечевыми, спинными и ножными полосами.

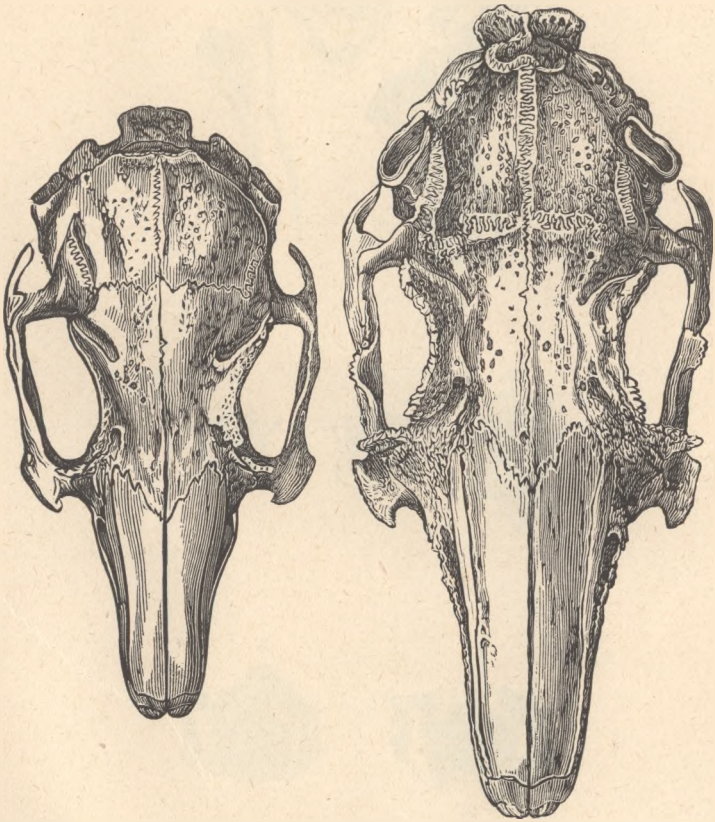
2. Голова замаскированной свиньи.

3. Голова дикаго кабана (вверху) и іокширской свиньи (внизу).



4. Голова ирландской свиньи, съ челюстными привѣсками.

5. Полу-вислоухій кроликъ.



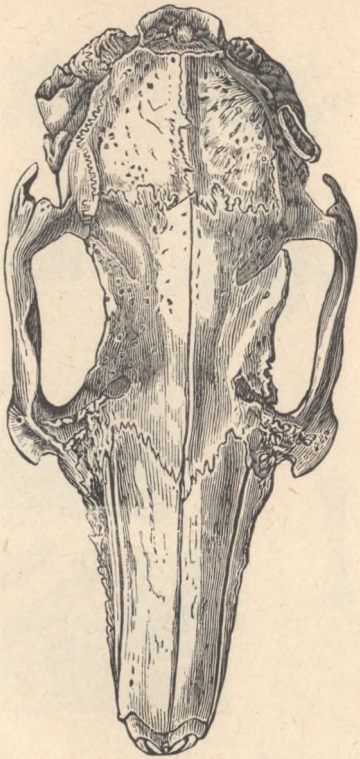
6. Черепъ дикаго кролика.

7. Черепъ крупнаго вислоухаго кролика.

8. Часть скуловой дуги дикаго кролика (вверху) и вислоухаго (внизу).

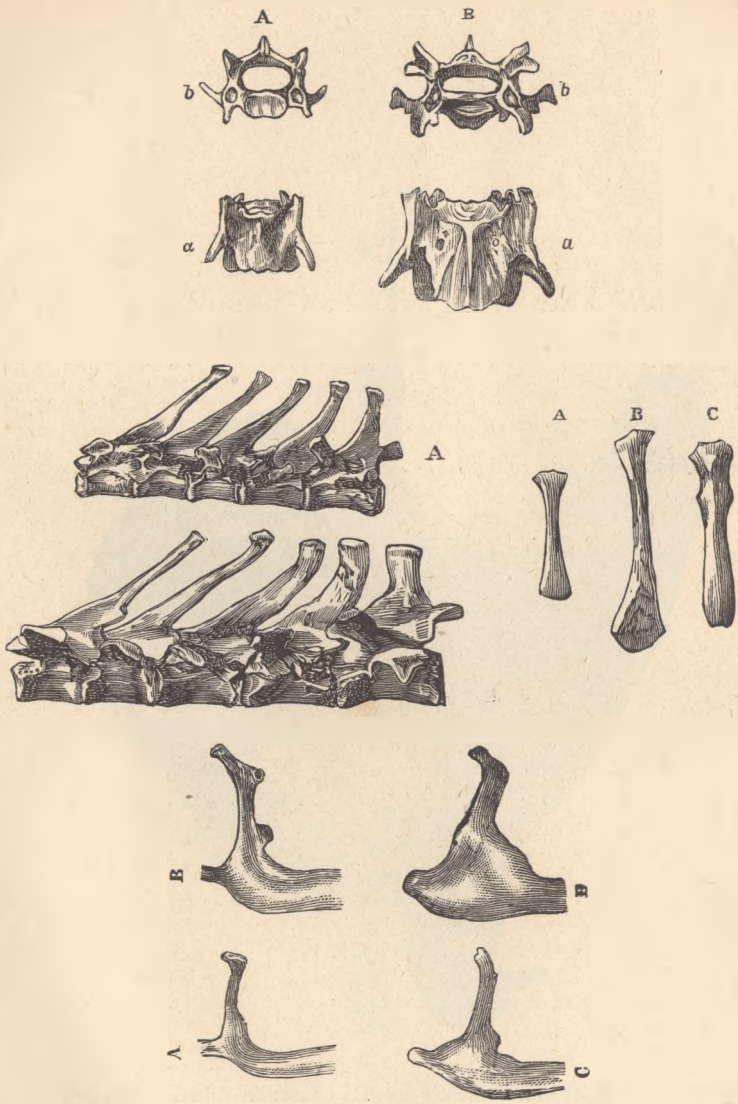
9. Задняя оконечность черепа: A) дикаго кролика. B) одичалаго съ Порто Санто. C) крупнаго вислоухаго.

10. Затылочная дыра: A) дикаго кролика; B) крупнаго вислоухаго.



11. Черепъ полувислоухаго кролика.

12. Атласъ (первый шейный позвонокъ) кролика: вверху—дикаго, внизу—вислоухаго, *a*) антлантоидный верхне-срединный отростокъ; *b*) нижне-срединный.



13. Третій шейный позвонокъ: A) дикаго кролика. B) вислоухаго. *aa*) нижняя сочленовная поверхность; *bb*) передняя сочленовная поверхность.

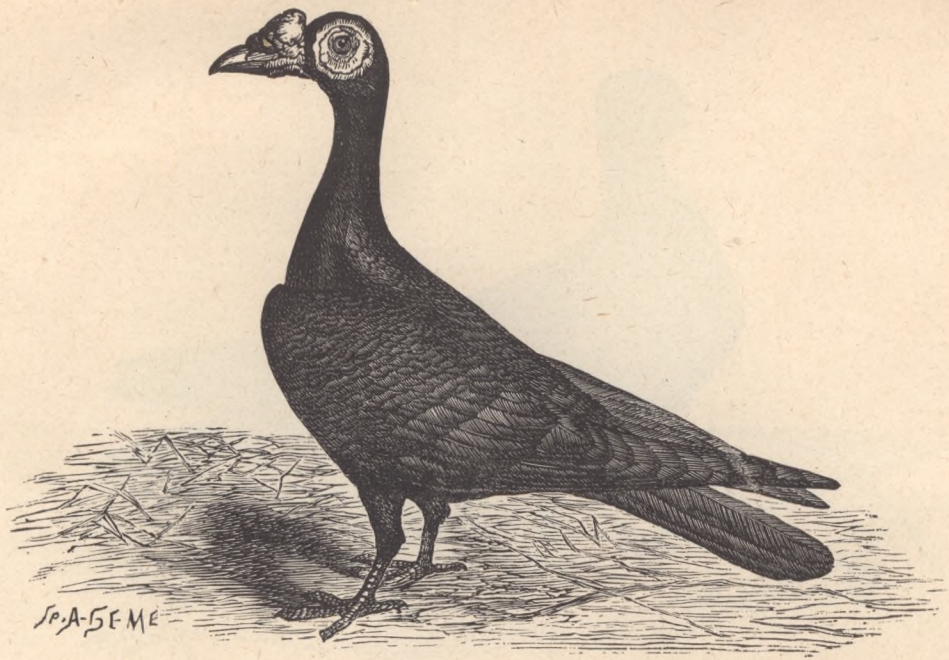
14. Спинные позвонки съ 6 по 10 включительно: A) дикаго кролика. B) крупнаго испанскаго.

15. Оконечность грудной кости: A) дикаго кролика, B) заячьяго вислоухаго. C) испанскаго.

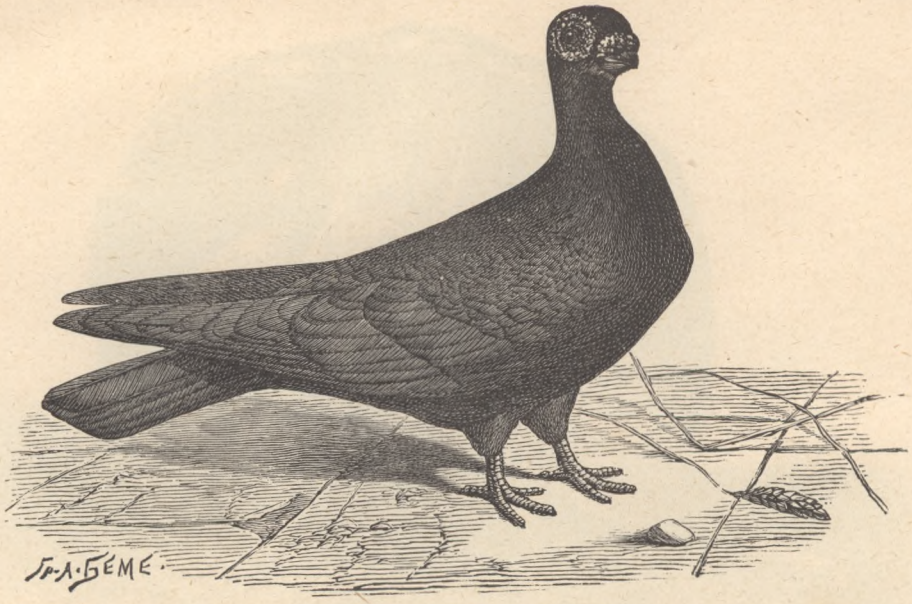
16. Acromion въ лопаткѣ: A) дикаго кролика. B,C,D, крупнаго вислоухаго.

17. Горный голубь (Columba livia). Родоначальникъ всѣхъ домашнихъ голубей.

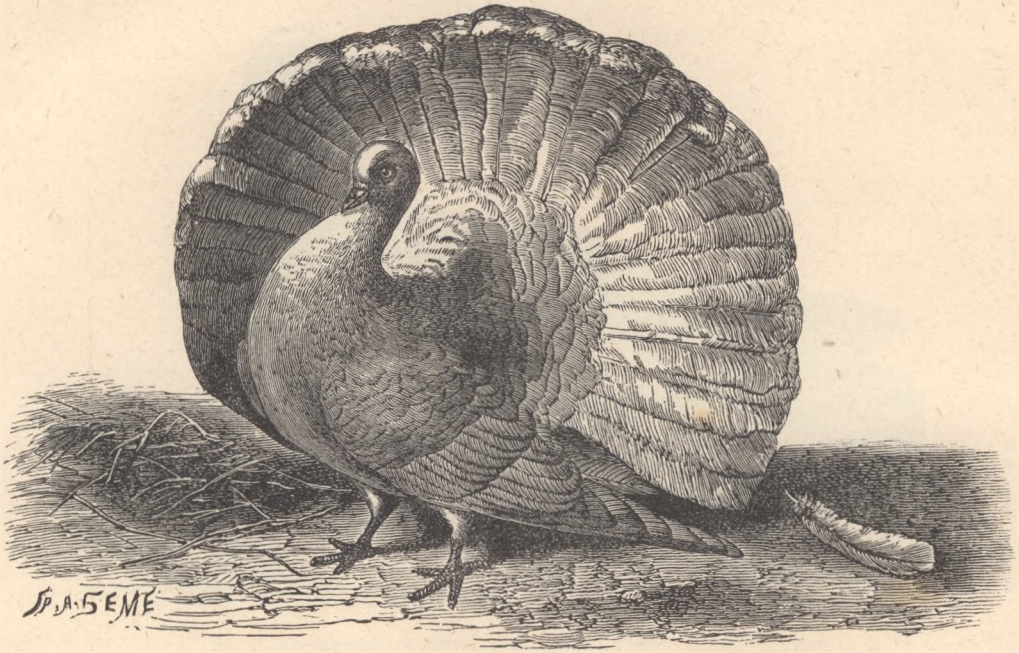
18. Англійскій дутышъ.



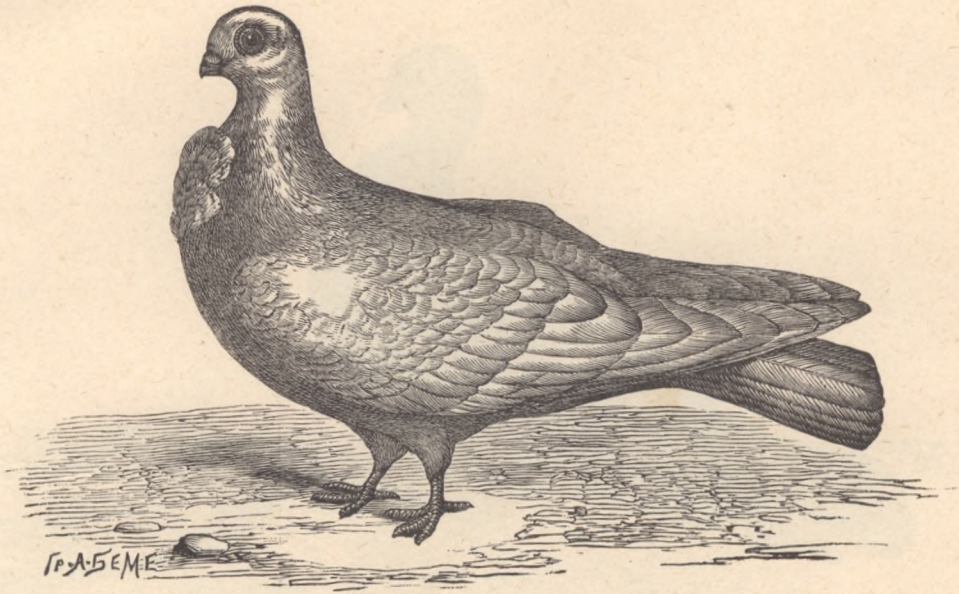
19. Англійскій гонецъ (карьеръ). На клювѣ и вокругъ глаза видны характерные наросты.



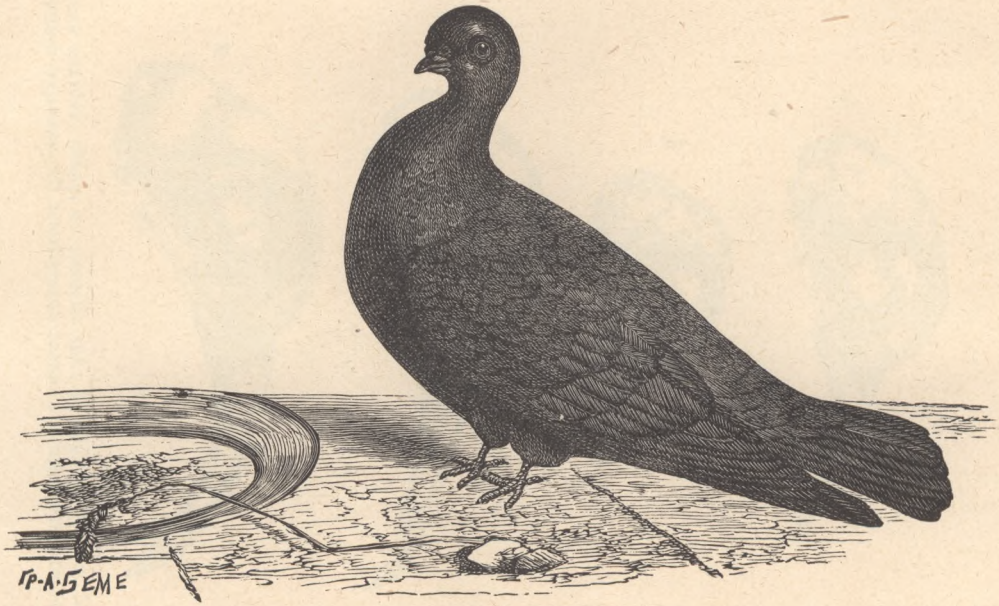
20. Англійскій барбъ (подпорода берберскаго, иначе польскаго голубя).



21. Англійскій фантэйль (трубастый или павлиній голубь).



22.* Африканскій совиный голубь (подпорода голубя - чайки.).

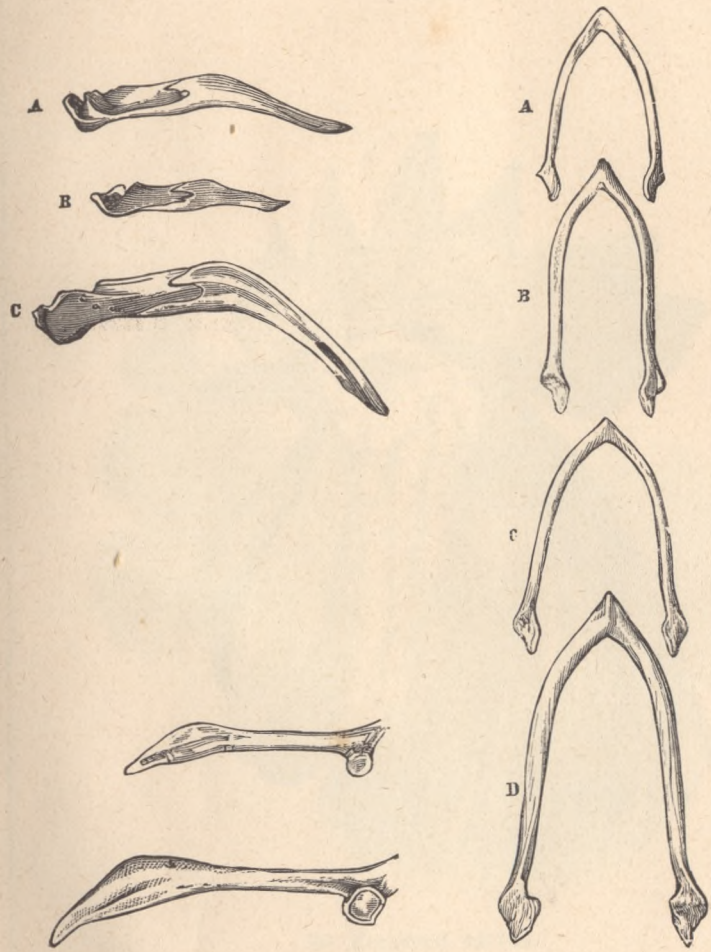


23. Коротколицый англійскій турманъ.

24. Черепа голубей, сбоку, въ естеств. вел.: A) горнаго голубя. B) коротколицаго турмана. C) англійскаго гонца. D) бадаготтскаго гонца.

25. Нижнія челюсти, сверху (естеств. вел.): A) горнаго голубя. B) чистаго голубя. C) польскаго голубя.

26. Черепъ чистаго голубя сверху (естеств. вел.). На рисункѣ виденъ изогнутый край дистальной части нижней челюсти.



27. Видъ челюстей сбоку, въ естеств. чел.: A) горнаго голубя. B) коротколицаго турмана. C) бадаготтскаго гонца.

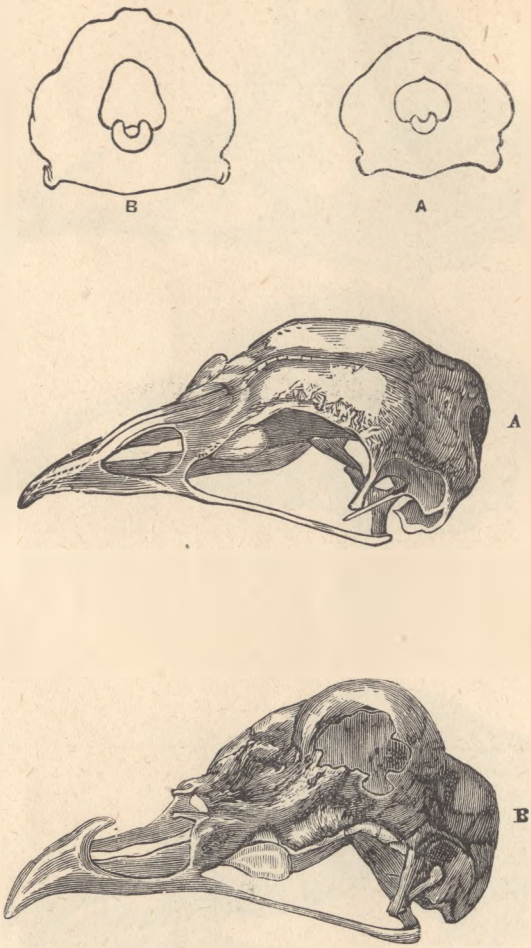
28. Лопатка (естеств. вел.): A) горнаго голубя. B) коротколицаго турмана.

29) Дужка (furculum) въ естеств. вел.: A) коротколицаго турмана. B) и C) трубастыхъ голубей. D) дутыша.

30. Испанскій пѣтухъ.

31. Гамбургскій пѣтухъ.

32. Польскій пѣтухъ.

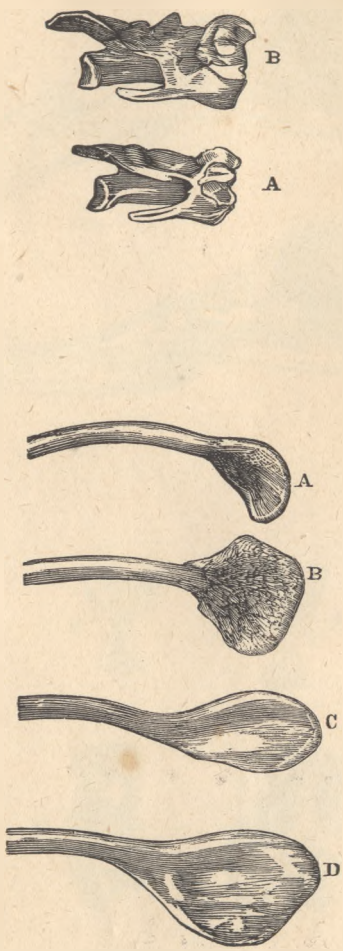


33. Затылочная дыра въ естеств. вел.: A) дикаго пѣтуха (Gallus bankiva). B) кохинскаго или кокинхинскаго.

34. Черепъ въ естеств. вел. сбоку и слегка наклонно: A) дикаго пѣтуха. B) бѣлаго хохлатаго польскаго.

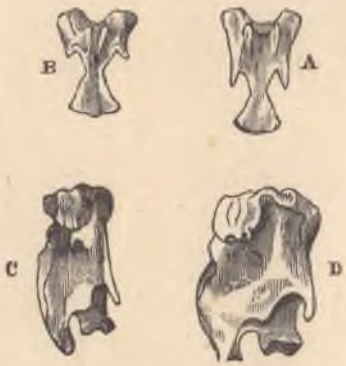
35. Продольные разрѣзы череповъ, въ ест[illegible] А) польскаго пѣтуха. В) кохинхинскаго, почти той же в[illegible]ны.

36. Черепъ „рогатаго“ пѣтуха, въ естеств. вел.. сверху и нѣсколько наклонно.



37. Шестой шейный позвонокъ, въ естеств. вел., сбоку: A) дикаго пѣтуха. B) кохинхинскаго.

38. Оконечность дужки (furculi) въ естеств. вел. сбоку: A) дикаго пѣтуха. B) польскаго.



39. Черепъ, сбоку, въ $^2/_3$ естеств. вел.: A) дикой утки. B) крючковато-клювой утки.

40. Шейные позвонки, въ естеств. вел.: A) восьмой шейный позвонокъ дикой утки, разсматриваемый съ гемальной поверхности. B) то же для „болтливой утки“. C) двѣнадцатый шейный позвонокъ дикой утки, сбоку D) то же для эйльсберійской утки.

100-00

2018